БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ, НО СЛАВУ ДЕРЖАВШИ!

КОМАНДОС

ДИВЕРСАНТЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые в отечественной военно-исторической литературе рассказывается о сложной системе диверсионных подразделений вермахта и СС в годы Второй мировой войны, о наиболее известных диверсантах и их многочисленных операциях, об использовании немцами советских предателей в разведывательно-диверсионных целях. Вы также узнаете, кем на самом деле был "диверсант № 1" Отто Скорцени, о попытке захвата маршала Тито парашютистами СС, о попытке покушения на И.В.Сталина агентами "Предприятия «Цеппелин» и о многих других интересных фактах и событиях.

- Виталий Чернявский ДИВЕРСАНТЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА
  - СТАЛИН И СКОРЦЕНИ БЕЗ «ДЛИННОГО ПРЫЖКА»
  - КОРЕННОЙ СВИДЕТЕЛЬ
  - ХИТРЫЙ ХОД
  - ЧТО РЕАЛЬНО УГРОЖАЛО «БОЛЬШОЙ ТРОЙКЕ»?
  - МНИМЫЕ ПОДВИГИ «ГЕРОЯ РЕЙХА»
  - ЛИКВИДАЦИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ
  - ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА НА ПРЕЗИДЕНТА
- Юлиус Мадер
  - Объявляется розыск преступника!
  - ЧЕРНЫЙ ЦИКЛОП СОВЕРШАЕТ ПОБЕГ
  - «ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА» ОБЪЯВЛЕНА — ЧАС СКОРЦЕНИ ПРОБИЛ
  - «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
  - НАЧАЛО КАРЬЕРЫ ТЕРРОРИСТА
  - ДИРЕКТИВЫ ИЗ ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ВЫПОЛНЕНЫ
  - СКОРЦЕНИ ДЕБЮТИРУЕТ
  - ОПЕРАЦИЯ «КРАСНЫЙ ПЕТУХ»
  - ПОД ЭМБЛЕМОЙ «МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ»
  - СКОРЦЕНИ СПАСАЕТ СВОЮ ШКУРУ
  - ШКОЛА ДИВЕРСАНТОВ И УБИЙЦ
  - УБИЙСТВО КАК УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ
  - ПОТОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ФАЛЬШИВЫХ ДЕНЕГ
  - МУССОЛИНИ СВЕРГНУТ
  - «MAM IN ALTO!»[17]
  - БОЛЬШАЯ ШУМИХА
  - ОХОТНИКИ НА ЛЮДЕЙ
  - БОЛЬШАЯ АМБИЦИЯ И ЖАЛКИЙ КОНЕЦ
  - ЭСЭСОВЦЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЗА «ЧУДО-ОРУЖИЕ»

- НОВОЕ «ЧУДО» — «ЛЕТАЮЩИЕ ГРОБЫ»
- СКОРЦЕНИ РАСПРАВЛЯЕТСЯ С ЗАГОВОРЩИКАМИ
- ОБЕР-БАНДИТ ДЕЙСТВУЕТ В БУДАПЕШТЕ
- «НЕ ВОЗИТЬСЯ!»
- «УДЕРЖАТЬ ПОЗИЦИИ НЕВОЗМОЖНО!»
- «ОТТО-ВЕШАТЕЛЬ» ЗВЕРСТВУЕТ В ШВЕДТЕ
- КОНЕЦ ОДНОГО ДЕВИЗА
- ОТСТУПЛЕНИЕ В АЛЬПЫ
- В «АЛЬПИЙСКОЙ КРЕПОСТИ»
- ПОДЛОЖНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ БОЛЬШИМ СПРОСОМ
- ЗАЩИТА БЕЗ ОБВИНЕНИЯ
- СКОРЦЕНИ СОВЕРШАЕТ ПОБЕГ
- ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ НЕ НУЖНО ВИЗ
- «АЗБУКА ТЕРРОРИСТОВ» В БОЛЬШОЙ ЦЕНЕ
- ПРЕФЕКТ ПОЛИЦИИ ЛЖЕТ
- В АТМОСФЕРЕ ЛАДАНА
- ЭСЭСОВЦАМ ПРОТЯГИВАЮТ РУКУ ПОМОЩИ
- БАНКИР ВСТУПАЕТ В ЗАГОВОР
- ШАНТАЖИСТ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО
- «ТУРИСТ» ШЕЛЛЕНБЕРГ
- ПИСЬМА С ВЗРЫВАТЕЛЕМ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ
- ЧЕРЧИЛЛЬ ПОСТАВЛЕН НА КОЛЕНИ
- ГИММЛЕРОВСКИЙ ШТАБ ПОКИДАЕТ ТЮРЬМУ
- УБИЙЦА СТАНОВИТСЯ КОММИВОЯЖЕРОМ
- ДОСАДНЫЙ НЕДОСМОТР
- ВЕНСКИЙ СКАНДАЛ СО СТАЛЬЮ
- ПРЫЖОК НА ОСТРОВА
- СКОРЦЕНИ СТАНОВИТСЯ «ПОМЕЩИКОМ»
- КРУГ ЧЕРНЫХ ДРУЗЕЙ
- ДОГОВОР О МОЛЧАНИИ
- ПРОКУРОР ВЫДАЕТ ОХРАННУЮ ГРАМОТУ
- СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ ВО ДВОРЦАХ И МИНИСТЕРСТВАХ
- ЛЕГИОН ТЕРРОРИСТОВ
- ПУТЧ В ОРАНЕ И АЛЖИРЕ
- УБИЙЦЫ СПАСАЮТСЯ БЕГСТВОМ

- Дмитрий Прохоров
- Сергей Чуев
  - Вступление
  - ДИВЕРСАНТЫ АБВЕРА
  - Соединение «Бранденбург-800».
  - «Бранденбург» в Чечне
  - ДИВЕРСАНТЫ «ПРЕДПРИЯТИЯ ЦЕППЕЛИН»

- ИСТРЕБИТЕЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ ВОЙСК СС («ВАФФЕН СС ЯГДВЕРБАНД»)
- ВОЙНА НА КАВКАЗЕ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

    - 85
    - 86
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12

Виталий Чернявский ДИВЕРСАНТЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

СТАЛИН И СКОРЦЕНИ БЕЗ «ДЛИННОГО ПРЫЖКА»

Об оберштурмбаннфюрере (подполковнике) СС Отто Скорцени исписаны горы бумаги. Почти двухметровый эсэсовский верзила, спаситель итальянского дуче Бенито Муссолини, арестованного после государственного переворота 1943 года в Италии своими противниками и заключенного в специальную тюрьму в отрогах Альп, стал в мгновение ока «героем великогерманского рейха». В течение года он был дважды удостоен высших военных наград гитлеровской Германии — Рыцарским крестом Железного креста за освобождение пленного «вождя итальянского народа» (сентябрь 1943 года) и Рыцарским крестом Железного креста с дубовыми листьями за похищение венгерского диктатора адмирала Миклоша Херти, вступившего в тайные переговоры с западными союзниками о возможном переходе на их сторону (октябрь 1944 года).

Я не собираюсь что-то поправлять у моего друга и коллеги Юлиуса Мадера, написавшего прекрасную документальную повесть об Отто Скорцени. Меня заинтересовало другое. Почему в фундированной книге Ю. Мадера «Человек со шрамами на лице» автор ни единым словом не обмолвился об участии О. Скорцени в спланированной германскими спецслужбами операции «Длинный прыжок» — покушении на Иосифа Сталина, Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля во время Тегеранской конференции лидеров антигитлеровской коалиции (28.11. - 01.12.1943 года)? Непонятно, что заставило бригадефюрера СС и генерала полиции Вальтера Шелленберга, руководившего в 1942–1945 годах внешней разведкой службы безопасности «великогерманской империи», весьма разговорчивого мемуариста, обойти молчанием эту акцию и участие в ней «спасителя Муссолини» в своем объемистом томе воспоминаний, вышедшем в 1954 году? Отчего «любимец фюрера» в своей книге «Секретный отряд Скорцени», появившейся в 1951 году, ничего не написал об операции «Длинный прыжок» и о том, было ли ему поручено руководить ею? Неужели «герой великогерманской империи» из скромности решил промолчать об этом? Нет, это не похоже на падкого на рекламу «диверсанта номер один» нацистской Германии.

Тогда что же? Был ли вообще у гитлеровских спецслужб план ликвидации лидеров «Большой тройки» во время Тегеранской конференции? И имел ли отношение к этому Отто Скорцени?

Такие вопросы встали передо мной, когда я занялся

исследованием деятельности разведывательных и контрразведывательных структур «великогерманского рейха». Немало ушло времени, прежде чем мне удалось докопаться до истины или же до ее части.

Сейчас, уважаемые читатели, я постараюсь максимально объективно изложить результаты моих раскопок. Но для этого нам нужно прежде всего вернуться к давнему времени встречи лидеров Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании, состоявшейся шестьдесят лет назад.

КОРЕННОЙ СВИДЕТЕЛЬ

«— Каков он, папа? Или ты еще его не видел?

— Дядю Джо? {1}. Как же, я видел его. В субботу я хотел пригласить его на обед, но он ответил, что очень устал. Вчера под вечер, когда я приехал сюда, он зашел ко мне.

— Прямо сюда?

Отец рассмеялся:

— Маршал сидел вот здесь, на этой кушетке, Эллиот, как раз на том месте, где сидишь ты…»

Это отрывок из книги воспоминаний «Его глазами» Эллиота Рузвельта, сына президента США, написанной через год после кончины главы американского государства, который месяц не дожил до победы над гитлеровской Германией. Разговор состоялся 29 ноября 1943 года, на второй день Тегеранской конференции. Здесь впервые встретились вместе три лидера главных держав антигитлеровской коалиции — Сталин, Рузвельт и Черчилль. Эллиот только что прибыл в иранскую столицу и зашел к отцу. Естественно, сына интересовало, какое впечатление на Рузвельта-старшего произвел Сталин, которого на Западе считали загадочной, непредсказуемой и одновременно одной из самых мрачных личностей в истории. Поэтому Эллиот нетерпеливо спросил:

«— О чем вы говорили? Или это государственная тайна?

— Вовсе нет, — возразил отец. — Разговор большей частью проходил в таком духе: «Как вам понравилось ваше помещение?» — «Я вам очень благодарен за то, что вы предоставили мне этот дом». — «Что нового на Восточном фронте?..» Кстати, оттуда поступают прекрасные новости. Сталин очень доволен: он надеется, что еще до того, как мы отсюда разъедемся, Красная Армия перейдет границу Польши. В общем, вот такой разговор. У меня и не было особенного желания сразу же приступить к делу.

— Прощупывали друг друга, так что ли?

Отец нахмурился.

— Я бы выразился не так.

— Прости, пожалуйста, — поправился я.

— Мы знакомились друг с другом, выясняли, что мы за люди.

— Что же он за человек?

— Как тебе сказать… У него густой низкий голос, он говорит не спеша, кажется очень уверенным в себе, нетороплив — в общем, производит сильное впечатление.

— Он тебе понравился?

Отец решительно кивнул головой».

Затем Рузвельт-младший поинтересовался результатами первого пленарного заседания конференции.

«— Сталину показали наш план операции «Оверлорд» {2}, - сказал отец с улыбкой. — Он взглянул, задал один-два вопроса и затем прямо спросил: «Когда?»

Далее Рузвельт-старший сделал весьма примечательное заявление.

— Я уверен, — сказал он, — что мы со Сталиным поладим. В ближайшие дни будет ликвидировано немало недоразумений и подозрений прошлого, надеюсь, раз и навсегда. Что касается Уинстона…

Тут хозяин Белого дома замолк, раздумывая.

— Не так гладко, что ли? — спросил Эллиот.

— Здесь мне придется основательно потрудиться, — продолжил президент. — Они так не похожи друг на друга. Такая разница во взглядах, темпераментах…»

Затем, пишет Эллиот, президент рассказал об обеде, который он дал накануне в честь Сталина, Черчилля и высших дипломатических сановников, и о том, что они засиделись до одиннадцати часов вечера, осторожно и неторопливо беседуя о политике. При этом необходимость в переводе оказалась незначительной помехой. Зато очень серьезно мешала диаметральная противоположность взглядов Сталина и Черчилля.

Рузвельт-младший полюбопытствовал, какие именно политические вопросы обсуждались.

«— Мы говорили обо всем, что приходило нам на ум, — ответил президент.

Он перечислил темы беседы: послевоенная организация мира; организация трех государств, которые должны будут поддерживать мир; точная договоренность насчет того, что мир до такой степени зависит от единства действий этих государств, что в важных вопросах отрицательная позиция хотя бы одного из них должна будет налагать вето на спорное предложение в целом. Отец сказал, что вопрос о праве вето подлежит еще тщательному обсуждению, но что, вообще говоря, он поддерживает этот принцип, учитывая бесспорную необходимость единства «тройки» в будущем…»

Разговор отца с сыном был прерван. Президент направился на торжественную церемонию: Черчилль вручал Сталину от имени английского короля и народа Великобритании большой двуручный меч — дань уважения героям Сталинграда. Затем состоялось очередное пленарное заседание. После него отец и сын Рузвельты встретились снова.

Президент сказал, что сегодня они будут в гостях у Сталина.

Он добавил, что обед будет в русском стиле и, если эксперты из госдепартамента опять не напутали, за обедом будет множество тостов.

Далее, пишет Эллиот Рузвельт, состоялся следующий разговор:

> «— И этот человек умеет действовать, у него всегда цель перед глазами, — медленно и задумчиво сказал президент, имея в виду Сталина. — Работать с ним одно удовольствие. Никаких околичностей. Он излагает вопрос, который хочет обсудить, и никуда не отклоняется…»

Из архивной справки. Тегеранская конференция глав правительств Великобритании, СССР и США состоялась 28.11. - 01.12.1943 года.

Рассматривались важнейшие вопросы войны и послевоенного сотрудничества и обеспечения прочного мира. В центре работы находилось обсуждение и координация дальнейших военных действий против гитлеровской Германии. По настоянию советской делегации было принято решение об открытии второго фронта в Северной Франции в мае 1944 года.

Обсуждался вопрос о вовлечении Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции.

В Декларации трех держав о совместных действиях в войне против гитлеровской Германии {3} говорилось: «Мы пришли к полному согласию относительно масштабов и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга. Взаимопонимание, достигнутое здесь, гарантирует нам победу».

Советская сторона, идя навстречу союзникам, заявила о готовности по завершении военных действий в Европе вступить в войну против Японии.

США поставили вопрос о расчленении Германии после войны на пять автономных государств. Предложение было поддержано Черчиллем, который настаивал также на создании Дунайской конфедерации с включением в нее Австрии, Венгрии и некоторых южных районов Германии. Советский Союз выступил против этих планов, и они были переданы на доработку в Европейскую комиссию.

Принята Декларация об Иране, в которой подчеркивалось желание трех держав сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана.

Обсуждался вопрос о Польше. В предварительном порядке достигнуто соглашение о том, что восточная граница Польши

будет проходить по «линии Керзона» {4}, а западная — в районе Одера.

Обсуждались также вопросы послевоенной организации мира. «Мы уверены, — заявили руководители трех держав, — что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью сознаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения».

Первая встреча трех лидеров показала несостоятельность гитлеровской дипломатии на раскол в лагере союзников. Она сыграла большую роль в укреплении англо-американо-советской коалиции во время войны.

Сейчас совершенно ясно: положительные результаты конференции были обеспечены явным сближением позиций американской и советской сторон, особенно в вопросах открытия второго фронта в Европе и дальнейшего ведения войны. Черчилль, который возражал почти против всех предложений Сталина, вынужден был либо отступать, либо уступать, поскольку Рузвельт, взявший на себя роль третейского судьи, в большинстве случаев становился на сторону кремлевского властителя.

Этому может быть одно объяснение: похоже, хозяин Белого дома попал под влияние Сталина. Именно к такому выводу неизбежно придет любой объективный исследователь, когда внимательно проанализирует не только итоги Тегеранской конференции, но и беседы между президентом Рузвельтом и его сыном, отрывки из которых были приведены в начале моего эссе.

ХИТРЫЙ ХОД

Сталин, надо отдать ему должное, тонко разыграл роль послушного союзника, с глубоким уважением относящегося к главе величайшей державы мира. Он сумел ненавязчиво убедить американского президента в своих лучших чувствах и благих намерениях. Понимая, что слова в данном случае не самое веское доказательство, советский лидер искал эффектный ход, который мог бы оказать сильное впечатление на хозяина Белого дома. И, судя по всему, нашел.

Как свидетельствует переписка между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем — она была давно опубликована и выдержала несколько изданий, — вопрос о первой встрече в верхах обсуждался длительное время. Главы правительств в конце лета 1943 года пришли к выводу о необходимости рандеву между 15 ноября и 15 декабря. Но вот относительно места встречи возникли серьезные разногласия. Сталин с самого начала, 15 сентября, предложил Тегеран. Он ссылался на то, что активные военные операции на советско-германском фронте не позволят ему, как Верховному главнокомандующему, удаляться от Москвы на расстояние больше, чем то, какое можно преодолеть самолетом в течение суток. Тегеран как раз отвечал такому требованию. Кроме того, с иранской столицей имелась надежная проволочная телеграфная и телефонная связь из Москвы.

Рузвельт возражал против Тегерана, считая, что этот пункт расположен слишком далеко от Соединенных Штатов. Он предложил Северную Африку. Черчилль отдал предпочтение Каиру или Хартуму. Кремлевский властитель вновь предложил Тегеран, и английский премьер-министр сдался.

Президент же продолжал настаивать на пунктах, расположенных в районе Персидского залива, куда можно было бы доставлять без особого риска документы из Вашингтона. Он назвал Бастру и предложил протянуть туда телефонную линию из Тегерана.

Сталин, однако, стоял как скала: только иранская столица! Дальнейший отказ хозяина Белого дома приехать в Тегеран мог привести к тому, что советский лидер вообще не принял бы участия в намеченной встрече. И Рузвельт 8 ноября, наконец, согласился.

Для советской стороны Тегеран был удобным местом не только потому, что он был ближе к Москве, чем другие предлагавшиеся пункты, и надежнее связан с ней. Здесь находились части Красной Армии, введенные в августе 1941 года

в соответствии с советско-иранским договором, заключенным в 1921 году, в целях пресечения подрывной шпионско-диверсионной деятельности немецкой агентуры в Иране. Южную половину страны одновременно заняли английские войска для обеспечения англо-американских поставок, шедших через Персидский залив в СССР. Использование Тегерана в качестве места встречи «Большой тройки» давало возможность организовать надежную охрану участников конференции, главным образом силами Советской армии и органов безопасности. А это делало Сталина хозяином положения и создавало условия для успешного проведения задуманной им акции по оказанию влияния на президента Соединенных Штатов.

Что же произошло? Перед прибытием Рузвельта в Тегеран Сталин через своего министра иностранных дел Вячеслава Молотова передал хозяину Белого дома приглашение остановиться в советском посольстве, где можно было бы проводить пленарные заседания и встречи лидеров между собой, а также организовать работу секретариата. Предложение мотивировалось не только соображением, что советское представительство располагает большим помещением, чем английское и американское. Самое важное состояло в том, что в союзнических кругах усиленно муссировалось сообщение советской секретной службы: немцы, мол, готовят покушение на лидеров союзных держав. Совпосольство же несравненно лучше отвечало требованиям безопасности, чем английское и американское. Его здания были обнесены высокой каменной стеной, которая усиленно охранялась. К тому же представительство США находилось на городской окраине, и, поскольку заседания наметили проводить в советском, американскому президенту, если бы остановился у себя, каждый день пришлось бы пересекать весь город, кишевший шпионами, диверсантами и террористами.

Как реагировал на это Рузвельт? Сошлюсь снова на коронного свидетеля, его сына Эллиота. Сначала президент отклонил приглашение Сталина. Но все же соображения удобства и, что еще важнее, безопасности в конечном счете побудили хозяина Белого дома согласиться.

На пресс-конференции в Вашингтоне 17 декабря 1943 года по возвращении из Тегерана президент заявил, что остановился в советском посольстве, поскольку Сталину стало известно о германском заговоре. «Маршал Сталин, — сказал Рузвельт, — сообщил, что, возможно, будет организован заговор с целью покушения на жизнь участников конференции. Он просил меня остановиться в советском посольстве с тем, чтобы избежать

необходимости поездок по городу».

Президент добавил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. «Для немцев было бы довольно выгодным делом, — добавил он, — если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, когда мы проезжали бы по улицам Тегерана, поскольку советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием в полторы мили».

И еще одно свидетельство Эллиота Рузвельта:

«Разумеется, русские приложили все усилия, чтоб сделать отцу приятным пребывание в своем посольстве. Сталин сам поселился в одном из домов поменьше {5}».

Рузвельт не случайно выступил на пресс-конференции со специальным заявлением, в котором объяснил американской общественности, почему он принял решение найти кров в советском посольстве. Он вынужден был ответить на довольно резкую критику в печати Соединенных Штатов, где можно было встретить и такие утверждения: русская секретная служба, мол, похитила президента, никакого нацистского заговора, имевшего целью убить или похитить в Тегеране хозяина Белого дома, вообще в природе не существовало и все это было специально придумано Сталиным.

ЧТО РЕАЛЬНО УГРОЖАЛО «БОЛЬШОЙ ТРОЙКЕ»?

Так планировали ли нацистские спецслужбы операцию по устранению лидеров антигитлеровской коалиции или же все это досужий вымысел?

В нашей послевоенной литературе прочно укоренилось мнение: такой нацистский заговор реально существовал. Сошлюсь на один из наиболее солидных источников — книгу воспоминаний «Страницы дипломатической истории», принадлежащую перу известного дипломата и литератора Валентина Бережкова, ныне покойного. Он принимал участие в Тегеранской конференции в качестве личного переводчика И. Сталина. Автор излагает официальную версию Кремля: гитлеровская разведка готовила покушение на участников встречи; разработку этой операции, получившей кодовое название «Длинный прыжок», Гитлер поручил начальнику абвера {6} адмиралу Вильгельму Канарису и шефу Главного управления имперской безопасности обергруппенфюреру СС и генералу полиции Эрнсту Кальтенбруннеру.

В качестве доказательства В. Бережков ссылается на сведения, которые поступили в Наркомат государственной безопасности СССР «из лесов под Ровно», где за линией фронта действовал специальный разведывательно-диверсионный отряд под командованием Д. Медведева и А. Лукина. Там находился знаменитый разведчик-диверсант Николай Кузнецов.

От Д. Медведева в октябре 1943 года поступило следующее донесение. Н. Кузнецов, выступивший в немецком тылу под видом немецкого фронтового офицера, обер-лейтенанта Пауля Зиберта, установил дружеские отношения с приехавшим из Берлина в Ровно штурмбаннфюрером (майором) СС Ульрихом фон Ортелем и выведал у него великую тайну. Однажды эсэсовец предложил полюбившемуся ему фронтовику перейти в службу безопасности и пообещал познакомить его с одним из ответственных сотрудников того учреждения, «героем рейха и спасителем Муссолини» штурмбаннфюрером СС Отто Скорцени. С ним фон Ортелю якобы придется выполнять какую-то важную операцию.

Кузнецову-Зиберту не пришлось долго допытываться, о чем идет речь. Размякший, как пишет автор, от коньячных паров фон Ортель все выболтал.

— Скоро я отправлюсь в Иран, друг мой, — доверительно

шепнул он. — В конце ноября там соберется «Большая тройка». Мы повторим прыжок в Абруцци [7]. Только это будет длинный прыжок! Мы ликвидируем «Большую тройку» и повернем ход войны. Мы попытаемся похитить Рузвельта, чтобы фюреру легче было договориться с Америкой…»

А вот как красочно описывал сам Д. Медведев, командир Н. Кузнецова, этот эпизод в своих, вышедших после войны воспоминаниях «Сильные духом».

> «Зиберт и фон Ортель встретились в казино… И тогда фон Ортель сказал ему наконец, куда он собрался направить свои стопы: на самый решающий участок фронта.
>
> — Где же тогда этот решающий участок?
>
> — В Тегеране, — с улыбкой сказал фон Ортель.
>
> — В Тегеране? Но ведь это Иран, нейтральное государство?
>
> — Так вот именно здесь и соберется в ноябре «Большая тройка». Сталин, Рузвельт, Черчилль.
>
> И фон Ортель рассказал, что он ездил недавно в Берлин, был принят генералом Мюллером и получил весьма заманчивое предложение, о смысле которого Зиберт, вероятно, догадывается. Впрочем, он, фон Ортель, может сказать ему прямо: предполагается ликвидация «Большой тройки». Готовятся специальные люди. Если Зиберт изъявит желание, то он, фон Ортель, походатайствует за него. Школа — в Копенгагене. Специально готовятся террористы для Тегерана. Разумеется, об этом не стоит болтать».

И далее: «В тот же день на политинформации партизанам прочитали сообщение о провале гитлеровского заговора в Тегеране. Разумеется, фамилия Кузнецова не было при этом упомянута… Не могло быть сомнения, что гитлеровские агенты, о которых шла речь в телеграмме, в том числе, конечно, и фон Ортель, занимавший среди них не последнее место, вовремя были найдены и обезврежены.

— Поздравляю вас, Николай Иванович!

— Ну я-то, может, здесь и ни при чем, — ответил Кузнецов. — Тут ведь, надо думать, десятки людей потрудились…»

А вот бывший начальник Четвертого управления НКВД-НКГБ генерал-лейтенант Павел Судоплатов, который руководил и Медведевым, и Кузнецовым, в своих мемуарах «Специальные операции. Записки нежелательного свидетеля», появившиеся в 1994 году на английском языке в Соединенных Штатах и лишь

через два года на русском под названием «Разведка и Кремль» в Российской Федерации, излагает этот эпизод кратко, сухо, без лишних эмоций и прикрас:

> «Медведев и Кузнецов установили, что Скорцени готовит группы нападения на американское и советское посольства в Тегеране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция «Большой тройки».

Далее П. Судоплатов поясняет, что Кузнецов-Зиберт подружился с офицером немецкой спецслужбы фон Ортелем, занятым поиском людей, которые имеют опыт борьбы с русскими партизанами. Такие «специалисты» нужны ему для операций против высшего советского командования.

> «Задолжав Кузнецову, — продолжает высокопоставленный мемуарист, — фон Ортель предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло нам предотвратить акции в Тегеране против «Большой тройки».

Вот так — не больше и не меньше!

Странно, но никто до сих пор не заметил грубых разночтений в изложении одного и того же эпизода у двух вроде бы самых компетентных в спецвопросах мемуаристов. Если фон Ортель у Дмитрия Медведева уже готов отправить Кузнецова-Зиберта в копенгагенскую школу, готовящую диверсантов и террористов для использования в операции «Длинный прыжок», которую поручено проводить Отто Скорцени, то у Павла Судоплатова речь идет только о поездке фон Ортеля в Тегеран для участия в ликвидации «Большой тройки» — и только. Начальник разведывательного диверсионного управления НКВД не упомянул о названии немецкой операции — «Длинный прыжок», ни об участии в этом деле Отто Скорцени. Есть и другие разночтения, и они сразу заставляют насторожиться внимательного читателя — здесь что-то не то!

К сожалению, свидетельства Д. Медведева и П. Судоплатова, как показывает пример с В. Бережковым, были приняты нашими исследователями и литераторами целиком и полностью на веру. И никто, насколько мне известно, до сих пор не задумывался, мягко выражаясь, над странностью и нелогичностью эпизода, который лег в основу «сообщения из ровенских лесов» в Центр.

Если же немного пошевелить мозгами, то сразу бросится в глаза сверхъестественное везение, сопутствовавшее Кузнецову-Зиберту. Далеко от Берлина, где планируются крупные операции немецких спецслужб, в прифронтовой полосе, он встречает ответственного сотрудника внешней разведки Главного управления имперской безопасности штурмбаннфюрера СС фон Ортеля, носителя сверхсекретных сведений гитлеровского рейха, который быстренько выбалтывает их малоизвестному армейскому обер-лейтенанту, хотя тот и был весьма приятным и щедрым собутыльником. Эта история словно списана со страниц незатейливого шпионского романа. Смею уверить, такой в жизни вряд ли встретишь.

Нужно также обладать немалой фантазией, чтобы вообразить, как фон Ортель, беседуя в Ровно с Кузнецовым-Зибертом в ноябре или пусть даже в октябре 1943 года, смог бы принять участие в операции «Длинный прыжок», намеченной на конец ноября. Ведь нужно было вернуться из украинской глухомани в Берлин, пройти там или в Копенгагене боевую и специальную подготовку, десантироваться на юге Ирана с промежуточной остановкой в Крыму {8}.

Самое удивительное в истории с фон Ортелем было то, что она, как выяснилось в наши дни, не нашла должного отражения в личном деле Кузнецова-Зиберта. Не веря себе, я обратился, пожалуй, к самому лучшему знатоку биографии выдающегося советского разведчика, писателю Теодору Гладкову, автору великолепной документальной повести о нем «С места покушения скрылся», которая была издана в 1998 году.

— Да, там, в личном деле, я ничего не нашел, — подтвердил Теодор Кириллович.

— Фон Ортель ни словом не обмолвился с Кузнецовым-Зибертом об Иране и предстоящей в Тегеране конференции «Большой тройки».

Что же заставило тогда отправить в Центр радиошифровку о готовящейся немецкой разведкой террористической акции против Сталина, Рузвельта и Черчилля? Лишь весьма расплывчатые данные от одной из помощниц Кузнецова, жительницы Ровно Марины Мякоты, которая была агентом фон Ортеля. В ее деле Гладков обнаружил документ, который, лишь имея большую фантазию, можно истолковать как косвенное подтверждение возможной операции гитлеровской разведки в Иране. Мякота сообщила, что ее шеф, штурмбаннфюрер СС фон Ортель, собирается уехать, но куда точно — не сказал. Кузнецов настойчиво попросил Марину постараться вспомнить все, самые мельчайшие подробности разговора с фон Ортелем, любые

детали, намеки — все это очень важно.

— Да ничего он мне больше не говорил, — после раздумья ответила девушка. — Вот только упомянул, что, когда вернется, привезет мне в подарок персидский ковер.

Вот отсюда и пошло. Персидский ковер — это Иран {9}. А столица Ирана — Тегеран, там собирается провести конференцию «Большая тройка». Зачем ехать туда немецким диверсантам и террористам? Ясно, чтобы воспользоваться редким случаем, когда лидеры антигитлеровской коалиции соберутся вместе, и ликвидировать их. И закрутилось…

Удивительно, но никто из руководителей советских спецслужб и аналитиков почему-то не подумал: персидские ковры не обязательно было тащить за тридевять земель из Ирана. Фон Ортель мог бы купить или конфисковать их в любой европейской стране, оккупированной гитлеровцами. Например, в той части Советского Союза, которая попала под пяту вермахта, немцы отобрали у населения и вывезли из музеев немало великолепных изделий восточных мастеров.

А Николай Кузнецов, он же Пауль Вильгельм Зиберт, так и не смог выяснить, почему фон Ортель завел разговор о персидских коврах. Когда недели через три он вернулся в Ровно, Марина Мякота сообщила ему, что штурмбаннфюрер СС застрелился в своем рабочем кабинете. Когда и где прошли его похороны — неизвестно.

«Кузнецов не сомневался, — пишет Т. Гладков, — что никаких похорон не было, потому как не было никакого самоубийства. Его интересовало другое: почему фон Ортель так неожиданно покинул город и для чего устроил такую инсценировку? Об этом можно было только гадать…»

МНИМЫЕ ПОДВИГИ «ГЕРОЯ РЕЙХА»

Есть и другие соображения. Во время войны и в первые послевоенные годы мне довелось служить в политической {10} разведке НКГБ — МГБ СССР. И состоял я в отделе, руководившем операциями в Германии и Австрии. Но ни разу мне не пришлось встретиться с материалами, в которых хоть как-нибудь упоминалось об акции немецкой разведки «Длинный прыжок». Нет о ней сведений и в архивах германских спецслужб, попавших к нам или западным союзникам. Не обнаружились ее следы в документах разведок Вашингтона и Лондона, рассекреченных и ставших достоянием историков и журналистов.

Не упоминают о «Длинном прыжке» в своих мемуарах крупные разведчики нацистской Германии, которые по долгу службы должны были заниматься этой операцией, такие, например, как начальник внешней разведки Главного управления имперской безопасности бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, начальник отдела в ведомстве Шелленберга штурмбаннфюрер СС Вильгельм Хёттль (он же — Вальтер Хаген), бывший резидент абвера в Тавризе {11} и в Стамбуле майор Пауль Леверкюн; другой тавризский резидент военной разведки и контрразведки — майор Бертольд Шульце-Хольтус, перешедший на нелегальное положение и руководивший операциями абвера на юге Ирана в 1942–1944 годах, помощник начальника абвера подполковник Оскар Райле… Даже в записках главного фигуранта «спецсообщения из ровенских лесов» СС Отто Скорцени, которые вышли в свет в 1951 году под названием «Секретный отряд Скорцени», никак не упоминается о тегеранской акции.

Кстати, легенда о том, что именно удачливому исполнителю операции «Алларих» {12} было поручено организовать ликвидацию «Большой тройки», возникла после войны. И похоже, что придумал ее сам «спаситель дуче». Забыв о том, что в своем недавнем бестселлере он ничего не упоминал об операции «Длинный прыжок», Скорцени в 1954 году выдал корреспонденту французской газеты «Экспресс» такую небылицу:

«— Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные — это те, что написаны самими служителями исторической науки. Они утверждают, что я со своей командой должен был похитить Рузвельта во время Крымской конференции. Это глупость, никогда мне Гитлер не приказывал такого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории. В действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции — той, которая проходила в Тегеране. Но бац!

(Смеется.) Из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом…»

Для чего эта выдумка была нужна Отто Скорцени, получившему в сентябре 1943 года за «спасение Муссолини» одну из высших наград нацистской империи Рыцарский крест Железного креста из рук самого Гитлера и досрочное звание штурмбаннфюрера СС? Да, просто для собственной рекламы. Попав в Испанию, гитлеровский «диверсант номер один» укрепил свое положение, вышел из подполья, стал уважаемой персоной в кругах, близких к диктатору Франко, и успешно занялся предпринимательской деятельностью. Понятно, что ему не помешал бы новый яркий штрих к своему «боевому» прошлому. Вот и приписал себе гориллообразный эсэсовец участие в подготовке несостоявшейся операции «Длинный прыжок», которой, впрочем, как мы убедимся сами, вовсе и не было.

В своей книге Юлиус Мадер подробно и со знанием дела рассказывает о жизненном пути «любимца фюрера» и «гордости третьего рейха». Но что можно сказать, внимательно разобравшись в послужном списке Скорцени? Да то, что он, этот список, выглядит довольно скромным и не дает основания награждать эсэсовца такими громкими эпитетами. Судите сами. До 1943 года он долго тянул лямку рядового, а потом младшего офицера СС, правда, в элитных частях, но не более. И все же ему чертовски повезло: его переводят во внешнюю разведку службы безопасности. А через несколько месяцев, в сентябре, — звездная удача: Скорцени со своей командой головорезов-парашютистов освобождает Бенито Муссолини, заключенного противниками дуче под стражу в труднодоступных горах, и помогает ему захватить власть в Северной Италии. Правда, ненадолго. В начале 1945 года его поймали итальянские партизаны. По приговору трибунала Комитета национального освобождения, действовавшего на этой территории, дуче был казнен.

Факт остается фактом: дерзкая до сумасбродства операция «Алларих» сделала долговязого австрийца героем гитлеровской Германии, вмиг получившего всемирную известность. Обласканный фюрером Скорцени, к удивлению многих — не иначе, как происки врагов, — не получил в Главке имперской безопасности значительной должности. Он стал начальником небольшого подразделения, которое было сформировано в 1944 году из остатков ликвидированного абвера и спецназовских команд.

Здесь «спаситель дуче» пробыл до 1945 года и ничего выдающегося не совершил. Более того, у него был ряд крупных промахов и ошибок. Отмечу самый большой провал. Службе «Д»,

так называлось подразделение, во главе которого поставили Скорцени, поручили развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу советских войск, используя крупное немецкое подразделение под командованием подполковника Хайнриха Шерхорнда, оставшегося в «белорусском котле» летом 1944 года. В ведомстве имперской безопасности операция получила кодовое название «Волшебный стрелок».

Отто Скорцени рьяно взялся за дело. Но откуда ему было знать, что подполковник Шерхорнд, командир 36-го охранного полка 286-й охранной дивизии, входившей в состав группы армий «Центр», в июле 1944 года попал в советский плен, а Четвертое управление НКГБ, которое возглавлял генерал-лейтенант Павел Судоплатов, задолго до этого через свои возможности легендировало перед германским верховным командованием якобы скрывавшуюся в дремучих белорусских лесах немецкую воинскую часть численностью до двух тысяч солдат и офицеров. Подполковник Шерхорнд будто бы возглавил это виртуальное воинство, а его роль мастерски сыграл один из ответственных сотрудников Четвертого управления — полковник Михаил Маклярский. Самую крупную дезинформационную операцию времен Второй мировой войны на Лубянке окрестили кодовым названием «Бородино».

Оперативная группа, возглавляемая заместителем П. Судоплатова генерал-майором Наумом Эйтингоном, почти до падения Берлина вела успешную радиоигру с немецкой разведкой. Кстати, в ней участвовал и майор Вильям Фишер, который после своего провала в 1961 году стал широко известен как советский суперразведчик полковник Рудольф Абель, нелегальный резидент внешней разведки КГБ в Соединенных Штатах.

За более чем полгода Скорцени забросил по воздуху в подразделение «волшебных стрелков», якобы бродившее в тылу советских войск и ведущее там партизанскую войну, сотни тонн оружия, боеприпасов, средств связи, медикаментов и провианта, а также множество агентов-диверсантов, радистов и медицинского персонала. И все это попало в руки команды Эйтингона.

Короче говоря, госпожа Удача лишь один раз широко улыбнулась оберштурмбаннфюреру СС, когда он счастливо выполнил сложнейшую — что правда, то правда — операцию «Алларих». А в остальном гитлеровский «диверсант номер один» не совершил ничего выдающегося — занимался в основном рутинными спецоперациями, с которыми не всегда успешно справлялся. Не буду голословным и приведу следующий пример. Во время наступления немцев в Арденнах в декабре 1944 года

«герой нацистского рейха» был назначен командиром диверсионных отрядов численностью около двух тысяч человек, которые должны были в форме американской армии совершить диверсии в тылу войск союзников. Однако операция провалилась, а две трети диверсантов были уничтожены.

Как ни странно, но после войны фигуру Скорцени до невероятных размеров раздули средства массовой информации советского блока. У него взял интервью мэтр нашего шпионского детектива Юлиан Семенов. Беседу с «любимцем фюрера» опубликовал также ведущий кремлевский публицист Генрих Боровик, возглавивший в 1987 году Советский комитет защиты мира. В других странах Варшавского Договора о Скорцени вышло несколько книг и написаны сотни очерков, статей, фельетонов, комментариев и заметок.

Советской пропаганде надо было скомпрометировать послевоенное неонацистское движение. Одиозная фигура «любимца фюрера» как нельзя лучше подходила для этой цели. К тому же кремлевские пропагандисты постарались как можно выгоднее для себя использовать ставший известным факт сотрудничества Скорцени с американской и западногерманской спецслужбами: видите, мол, каких крупных нацистских военных преступников взяли под свое крыло Вашингтон и Бонн.

Вот где надо искать корни легенды о «диверсанте номер один третьего рейха».

Что же касается операции «Длинный прыжок», то Скорцени, судя по всему, не имел к ней никакого отношения, потому что ее в природе просто не существовало. Объективные исследователи, изучив появившиеся на сей счет в последнее время документы, считают, что гитлеровские спецслужбы, по здравому размышлению, воздержались от ее проведения. Во-первых, они слишком поздно узнали, что встреча «Большой тройки» состоится именно в Тегеране. Решение об этом, как теперь документально известно, было принято только 8 ноября 1943 года. И тогда же названа точная дата проведения — 28 ноября — 1 декабря. Немцы имели в своем распоряжении максимум дней двадцать, а этого времени, учитывая, по тогдашним меркам, колоссальную отдаленность места встречи от основных баз в Германии и оккупированной Европе, совершенно не хватало. Во-вторых, благодаря энергичным контрразведывательным мерам, предпринятым советскими и британскими спецслужбами на территории Ирана, и в особенности в его столице и в прилегающем к ней районе, была разгромлена многочисленная сеть гитлеровских разведывательных структур, их опорные пункты и пронацистские организации местных националистов. У

абвера и немецкой службы безопасности просто не осталось в нужный момент и в нужном месте террористов и диверсантов, способных выполнить сверхсложное задание — ликвидировать Сталина, Рузвельта и Черчилля…

Правда, и сейчас некоторые историки и журналисты слепо следуют утверждениям, будто Отто Скорцени участвовал в разработке плана операции «Длинный прыжок» и с этой целью якобы побывал в Иране, и не единожды, а даже дважды. Так говорится, например, в вышедшей весной 2002 года книге Николая Долгополова «С ними можно идти в разведку», журналиста, давно пишущего о спецслужбах. Последний раз «любимца фюрера» будто бы сбросили на парашюте во главе группы диверсантов у озера Кум. Ни в одном из имеющихся в нашем распоряжении источников не упоминается об этом эпизоде из жизни Скорцени. В книге же Н. Долгополова специально подчеркивается, что рекогносцировка гитлеровского «диверсанта номер один» была нацелена на подготовку террористического акта против «Большой тройки». Неужели автор не мог понять простейшей истины: руководители берлинских спецслужб были не в состоянии дать ему задание провести акцию по ликвидации лидеров антигитлеровской коалиции, не зная ни точного места, ни точного времени встречи? Ведь это было окончательно согласовано, как нам теперь определенно известно, только 8 ноября 1943 года.

Кстати, весной и летом этого года — ныне гадать не нужно, это точно известно — главное внимание руководства гитлеровской разведки, политической и военной, было направлено не на виртуальную операцию «Длинный прыжок», а на вполне реальную акцию, проводившуюся на юге Ирана, где собрались остатки резидентур абвера и службы безопасности. Их подкрепили несколькими сброшенными на парашютах группами диверсантов и радистов. Используя мятежные племена, это нацистское шпионско-диверсионное воинство в нескольких местах перерезало трансиранские железнодорожную и шоссейную магистрали, по которым западные союзники направляли в СССР военную технику, вооружение и продовольствие. Английским и советским войскам пришлось приложить немало усилий, чтобы к осени ликвидировать угрозу этим коммуникациям и обеспечить безопасную доставку грузов. Почему-то сейчас никто не пишет об этой славной истории советских и союзнических спецслужб, а все средства массовой информации, писатели и мемуаристы перетряхивают потрепанные версии мифической операции «Длинный прыжок», начало которым положила странная радиограмма «из ровенских лесов».

ЛИКВИДАЦИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

До сих пор идут споры по главному вопросу: соответствовала ли реальной действительности переданная советской стороной западным союзникам разведывательная информация о готовящемся в ноябре 1943 года гитлеровскими спецслужбами покушении на «Большую тройку» в Тегеране? Чтобы ответить на него, надо в первую очередь четко представить себе, какая оперативная обстановка складывалась к тому времени в Иране и его столице. Сейчас ее, эту обстановку, можно реконструировать с достаточной точностью.

Перед Второй мировой войной и в первые два военных года немецкие спецслужбы, пользуясь благожелательным отношением старого шаха Реза Пехлеви и шахской камарильи к гитлеровской Германии, создали в Иране разветвленную шпионскую сеть, действующую в первую очередь против СССР. Кроме того, гитлеровцы сколотили многочисленную «пятую колонну» из местных националистических организаций. По данным советской разведки, в то время их было свыше двадцати. Задачу создать мощное прогерманское националистическое движение в Иране Берлин возложил на резидента внешней разведки Главного управления имперской безопасности штурмбаннфюрера СС Франца Майера. Его коллеге из ведомства военной разведки и контрразведки майору Бертольду Шульце-Хольтусу поручалось тем временем поднять против союзников по антигитлеровской коалиции, а затем и центрального правительства в Тегеране мятежные племена на юге страны.

Ввод на территорию нашего южного соседа советских и английских войск в августе 1941 года привел к существенному ослаблению немецкой агентуры. Часть шпионов бежала из страны, некоторых союзники интернировали, но немало их осталось. Они сменили паспорта и прикрытия, перешли на нелегальное положение. Например, Бертольд Шульце-Хольтус скрылся и действовал подпольно. Он отрастил бороду, выкрасил ее хной и, облачившись в одежду муллы, свободно передвигался по стране и активно занимался шпионажем и диверсиями. Летом 1943 года абверовский резидент обосновался у мятежных кашкайских племен на юге, в районе города Исфагань. К нему были сброшены на парашютах несколько агентов с радиопередатчиком, что позволило установить двустороннюю связь с Берлином.

Шульце-Хольтус поддерживал также контакт с резидентом внешней разведки службы безопасности Францем Майером. До середины 1943 года тот активно действовал, особенно в иранских военных кругах. Уйдя в подполье вместе с абверовским резидентом, Майер в течение трех месяцев скрывался на армянском кладбище в Тегеране, став могильщиком. Незадолго до Тегеранской конференции к нему в район иранской столицы были сброшены шесть парашютистов-диверсантов. Вскоре все они были обезврежены советскими и английскими контрразведчиками. Это проверенные факты. Не следует думать, что сведения о шпионско-диверсионной деятельности немецких спецслужб в Иране были голой выдумкой. Нет, нацистская агентура действовала здесь активно и представляла до поры до времени определенную опасность, что нельзя было сбрасывать со счетов.

Другой вопрос: действительно ли эти агенты представляли опасность для «Большой тройки»? Тут не найдешь объективных оснований для положительного ответа. Скорее наоборот. Сейчас в распоряжении исследователей имеются рассекреченные архивные материалы английской и советской разведок, из которых следует, что в 1943 году спецслужбы Великобритании и СССР контролировали деятельность значительной части немецкой агентуры в Иране. И в частности, резидентур Шульце-Хольтуса и Майера. Англичанам было известно, что последний получил подкрепление из Берлина. После этого им удалось перевербовать одного из шести засланных к Майеру диверсантов. Поэтому отсюда опасность для участников тегеранской встречи не исходила. Короче говоря, секретная служба его величества держала тут ситуацию под контролем. А все остальное относилось к области выдумок или целенаправленных мистификаций, что стало понятным лишь сегодня.

Ликвидация гитлеровских агентов и пронацистского подполья в Иране значительно ускорилась после разгрома, который потерпела немецкая армия под Сталинградом, и к сентябрю 1943 года достигла своего пика.

Резидента штурмбаннфюрера СС Франца Майера арестовали англичане. Это случилось в ночь на 15 августа. Его помощник Отто Энгельке был схвачен нашими контрразведчиками. Радисты Майера Рокстрол и Холльцапфель, заброшенные в марте из Берлина, тоже попали в руки англичан. Советские разведчики и контрразведчики и их британские коллеги обезвредили десятки других гитлеровских шпионов и диверсантов. Агентурная сеть германской службы безопасности и абвера в Иране была не только дезорганизована, но и выведена из строя. На свободе

остался лишь абверовский резидент майор Бертольд Шульце-Хольтус. Ему, как уже отмечалось, удалось бежать на юг, в зону мятежных племен.

В Тегеране и других крупных городах остались, конечно, отдельные немецкие агенты, но они не смогли предпринять ничего серьезного, ибо затаились, легли на дно, потеряли радиосвязь с Берлином. В таких условиях оказалось невозможным использовать их для приема парашютистов-диверсантов. Что уж тут говорить об организации и проведении сложных террористических актов?

Судя по всему, в Берлине еще до начала встречи лидеров антигитлеровской коалиции в Тегеране поняли — обстановка в иранской столице, да и во всей стране, резко изменилась в худшую для немецких спецслужб сторону — и отказались от проведения такой сложной, многоходовой операции, как «Длинный прыжок».

Вот факт, который подтверждает этот вывод. Среди радиограмм из Берлина, направленных Шульце-Хольтусу в зону кашкайских племен в октябре — ноябре 1943 года, ни разу не указывалось, чтобы уцелевшие агенты посылались с юга в Тегеран для подготовки террористического акта. Перед ними такой задачи не ставилось. Похоже на то, что уже несколькими месяцами раньше шпионские центры в Берлине интересовали совсем иные дела, чем террористическая операция в иранской столице. Так, 17 июня 1943 года в район, где действовали отряды мятежного кашкайского Назыр-хана, немецкая служба безопасности десантировала нескольких парашютистов. Группой командовал оберштурмфюрер СС Мартин Курмис. Он вручил главарю повстанцев золотой револьвер, личное послание Гитлера и саквояж, битком набитый золотыми монетами. При этом эсэсовец заявил:

— Мне поручили вывести из строя нефтепроводы и насосные станции…

Короче говоря, сейчас в распоряжении исследователей имеется достаточно фактов и документов, чтобы сделать вывод: у германских спецслужб к осени 1943 года не существовало реальных планов проведения операции «Длинный прыжок». Заговор против лидеров антигитлеровской коалиции был сорван не в результате, скажем так, весьма неточной информации, полученной Четвертым управлением НКГБ якобы из «ровенских лесов», а благодаря энергичной, целенаправленной и высокопрофессиональной деятельности советских разведчиков в Иране. Их возглавляли главный резидент П. М. Журавлев, резидент в Тегеране А. И. Агаянц и резидент в Мешхеде В. И.

Вертипорох.

Вот так обстояли в действительности дела в Тегеране шестьдесят лет назад.

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА НА ПРЕЗИДЕНТА

Возникает вопрос, да не один. Для чего тогда советской стороне потребовалось нагнетать обстановку вокруг первой встречи лидеров антигитлеровской коалиции? Что крылось за предложением президенту Рузвельту остановиться в советском посольстве, если оперативная обстановка в Тегеране к моменту встречи не вызывала реальных опасений? Для чего пришлось использовать в этой мистификации громкое имя «диверсанта номер один третьего рейха»? Попробуем в этом разобраться, хотя для этого придется несколько отклониться от главной темы нашего эссе.

Ныне мы располагаем убедительными фактами, которые свидетельствуют, что хозяин Кремля в октябре 1943 года прекрасно понимал, что в Иране у немцев уже не было достаточно сил, средств и необходимого числа подготовленных террористов. И тем не менее он решил воздействовать на главу США и приближенных к нему лиц, чтобы они поселились на время конференции в советском посольстве. Для чего ему это понадобилось?

Конечно, не для того, как думают многие, чтобы подслушивать разговоры Рузвельта и его помощников. Сталин, безусловно, не преминул воспользоваться такой возможностью. Но это было не главным. Серго Берия, сын всесильного шефа Лубянки, по специальности радиоинженер, в своей книге воспоминаний «Мой отец — Лаврентий Берия» пишет, что его командировали в Тегеран для установки аппаратуры подслушивания в советском посольстве и расшифровки магнитофонных записей на английском языке. С такими слухачами Сталин лично побеседовал по прибытии в Тегеран, с каждым отдельно. И вот что сказал советский лидер сыну своего ближайшего подручного:

> «— Я специально отобрал тебя и еще ряд людей, которые официально не встречаются с иностранцами, потому что то, что я поручаю делать вам, это неэтичное дело…
>
> Затем выдержал паузу и подчеркнул:
>
> — Да, Серго, это неэтичное дело…
>
> Немного подумав, добавил:
>
> — Но я вынужден… Фактически сейчас решается главный вопрос: будут ли они нам помогать или не будут. Я должен знать все, все нюансы…»

Пустившись в рассуждения о том, этично или неэтично подслушивать своих союзников, Сталин кривил душой. Смешно, не правда ли? Диктатора, на совести которого несчитанные загубленные жизни, в том числе родственников и соратников, могут волновать проблемы этики. Просто Сталин хотел замаскировать перед слепо преданным ему молодым человеком главное, ради чего затевалась мистификация в Тегеране.

В чем не откажешь кремлевскому правителю, так это в том, что он был превосходным психологом. Сталин решил воспользоваться несколькими днями тесного, не только политического, делового, но и, так сказать, бытового общения с американским президентом для того, чтобы изменить отношение к себе. На Западе давно сложилось прочное мнение о хозяине Кремля как о мрачном, угрюмом, необщительном и подозрительном человеке, которому чужды забота о ближнем, проявление сочувствия, сопереживания. Он, Сталин, хотел на деле доказать, что ему знаком дух товарищества, что он человек слова, что с ним можно иметь дело.

Не зря при открытии конференции Сталин заявил, что эта братская встреча, несомненно, сулит великие перспективы и что присутствующие здесь должны разумно пользоваться полномочиями, предоставленными им их народами. Эти слова сразу произвели сильное впечатление на Рузвельта и заставили его по-иному взглянуть на советского лидера.

Догадывался ли президент, что его разговоры в отведенных ему помещениях будут прослушиваться? Наверняка догадывался. И он со своими советниками, разумеется, принял ряд эффективных мер, чтобы максимально свести на нет эту выгоду для советской стороны. Знание о том, что они «на прослушке», давало им возможность прямым путем доводить до кремлевских слухачей выгодную для американцев дезинформацию.

Чем кончилась эта игра? Сталин в конце концов сумел убедить Рузвельта, что он, лидер Советской России, предложивший американскому коллеге кров в опасном для жизни Тегеране, не только радушный хозяин, но и доступный человек, несмотря на его кремлевскую манеру рубить сплеча. Рузвельт, судя по всему, пришел к выводу: когда Советский Союз убедится, что его законные претензии, например, право доступа к незамерзающим портам, будут полностью признаны, он станет более сговорчивым и с ним можно будет сотрудничать в послевоенном мире. России можно и нужно пойти навстречу, и Сталин оценит это, так считал американский президент.

И эту позицию подтверждают результаты Тегеранской конференции. Политические противники Рузвельта на Западе

упрекали президента в том, что он сделал Советам ряд существенных уступок. Назвали, в частности, следующее:

1) обещал высадить англо-американские войска в Северной Франции (операция «Оверлорд») не позднее мая 1944 года;

2) согласился установить западные границы Польши по Одеру, а восточные — по «линии Керзона»;

3) признал советские претензии на Кенигсберг, который никогда в истории не принадлежал России;

4) признал аннексию Литвы, Латвии и Эстонии как акт, совершенный «согласно воле их населения».

Конечно, советская сторона в Тегеране тоже пошла на немалые уступки: согласилась объявить войну Японии не позднее чем через три месяца после окончания военных действий в Европе. Но Рузвельт, пожалуй, действительно уступил больше.

Крымская конференция глав правительств союзных держав, проходившая через 15 месяцев после Тегеранской, с 4 по 11 февраля 1945 года, принесла новые козыри хозяину Кремля.

Из архивной справки. Крымская конференция состоялась в период, когда в результате мощных наступательных ударов Красной Армии, перенесшей военные действия на германскую территорию и уже приближающейся к Берлину, война против гитлеровской Германии вступила в завершающую фазу.

Крымская конференция явилась одним из важнейших совещаний периода Второй мировой войны, на котором решили вопросы по окончательному разгрому вооруженных сил нацистской Германии, определили отношение к Германии после ее безоговорочной капитуляции и наметили основные принципы общей политики в отношении послевоенной организации мира.

Участники конференции договорились по следующим вопросам: разгром фашистской Германии, оккупация Германии и союзный контроль над ней; репарации с Германии; конференция Объединенных Наций; декларация об освобожденной Европе; о Польше и Югославии; совещание министров иностранных дел; единство в организации мира, как и в ведении войны.

Результаты Крымской конференции свидетельствовали о новых уступках Сталину со стороны Рузвельта. Западные исследователи не очень преувеличивали, когда сделали вывод: хозяин Кремля после встречи «Большой тройки» в Ялте не только укрепил свои позиции в Польше, но и получил контроль над Румынией, Венгрией, Болгарией, Югославией, Албанией, Чехословакией и значительной частью Германии. Сталин вновь выиграл партию в политические шахматы. И не столько потому,

что пользовался подсказками таких гроссмейстеров разведывательных дел, как Гарольд (Ким) Филби, укрепивший свои позиции в разведке Великобритании, Дональд Маклин, служивший в английском посольстве в Соединенных Штатах и имевший возможность сообщать об англо-американских консультациях во время конференции, и Гай Берджесс из управления информации британского ведомства иностранных дел. Также использовал такие источники, как Олджер Хисс, заместитель директора отдела специальных политических операций государственного департамента США, входивший в состав американской делегации на Крымской конференции; и Гарри Декстер Уайт, высокопоставленный чиновник министерства финансов США, правая рука главы этого ведомства. Я специально называю здесь О. Хисса и Г. Д. Уайта «источниками», поскольку представители Службы внешней разведки Российской Федерации официально утверждают, что и тот и другой не числились агентами НКВД — КГБ. Однако многочисленные документы, введенные в научный оборот американской стороной, позволяют сделать вывод: от обоих высокопоставленных вашингтонских чиновников советские секретные службы получали важную информацию.

Мне кажется, что в данном случае значение получения политических сведений от спецслужб было преувеличено. Тут главным был настрой хозяина Белого дома. А он остался без изменения: надо уступать Сталину, тогда он уступит нам; так подлинная демократия придет в Советский Союз.

Главный советник Рузвельта в Тегеране и Ялте Гарри Гопкинс, оказывавший сильное влияние на президента, вспоминает, что в последний день Тегеранской конференции после обеда, вечером, хозяин Белого дома попрощался со Сталиным. В душе Рузвельт верил словам тегеранской декларации: «Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительно друзьями по духу и целям». И считал, что это не только слова.

С таким же настроем президент уезжал и из Крыма.

Это испугало противников Рузвельта в руководящих кругах Вашингтона. Смерть главы американской администрации наступила в апреле 1945 года, когда антигитлеровская коалиция готовилась отпраздновать не только победу над гитлеровской Германией, но и провести послевоенную встречу «Большой тройки» о переустройстве мира. Вполне возможно, что враги Рузвельта сделали все, чтобы президент в ней не участвовал.

В Соединенных Штатах все возможно. Вспомните судьбу трех других хозяев Белого дома: Авраама Линкольна, 16-го

президента, павшего от руки наемного убийцы в 1865 году, Уильяма Мак-Кинли, 25-го президента, ставшего жертвой террориста в 1901 году, и Джона Фицджеральда Кеннеди, 35-го президента, убитого в 1963 году. Они тоже помешали кому-то.

Кому? Это — предмет другого расследования.

Юлиус Мадер

ОТТО СКОРЦЕНИ И ДИВЕРСАНТЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Объявляется розыск преступника!

Аресту подлежит:

Отто СКОРЦЕНИ, скрывающийся под фамилиями:

Мюллер (1938 г., Вена),

Доктор Вольф (сентябрь — октябрь 1944 г., Германия и Венгрия),

Золяр (ноябрь — декабрь 1944 г., Германия и Бельгия),

Мистер Эйбл (1947 г., Исторический отдел американской секретной службы, город Нейштадт-на-Лане),

Рольф Штайнер (1950 г., Гамбург),

Пабло Лерно (1951 г., Швейцария, Италия, Франция),

Антонио Скорба (1954–1955 гг., Австрия),

Роберт Штайнбауэр (с 1951 г., Испания) — член нацистской партии с 1932 года (членский билет 1083671), член СС с 1934 года (эсэсовский номер 29579), сотрудник службы безопасности (СД), бывший военнопленный американской армии, военный преступник, разыскиваемый для предания суду согласно спискам военных преступников, представленным Чехословацкой Республикой, а также Комиссией Объединенных Наций по расследованию военных преступлений.

26 июля 1948 года совершил побег из лагеря для интернированных крупных нацистских преступников в городе Дармштадте.

Приметы:

Возраст: 55 лет (родился 12 июня 1908 г. в Вене).

Рост: 196 см.

Телосложение: крупное, атлетическое; выправка спортивная, походка непринужденная.

Плечи: очень широкие, покатые.

Особенности лица: прямоугольное, лоб высокий, с тремя глубокими горизонтальными морщинами; на левой щеке и подбородке шрамы.

Цвет лица: сильный загар.

Волосы: темно-русые, подстрижены ежиком, надо лбом выдаются вперед, на висках торчат щеткообразно.

Усы: временами носит мушкой.

Глаза: серо-зеленые.

Нос: средней ширины; ноздри прямые, с горизонтальным основанием.

Уши: овальные, мочки висячие.

Подбородок: выдвинут вперед.

Зубы: передние вполне сохранились.

Рот: узкий, отчетливо виден шрам, идущий от левого угла к подбородку.

Речь: отрывистая; говорит по-немецки отлично, по-английски и по-испански с немецким акцентом.

Подлежит аресту за:

— соучастие в подделке и распространении фальшивых денежных знаков;

— изготовление подложных документов, свидетельств и паспортов, разбой и грабежи, вымогательство;

— членство в преступных организациях;

— государственную измену (1938 г., Австрия);

— организацию тайных союзов, военные преступления и преступления против человечности (истязание и убийство гражданских лиц, а также ограбления).

ПРИ АРЕСТЕ СОБЛЮДАТЬ ОСОБУЮ ОСТОРОЖНОСТЬ!

ПРЕСТУПНИК ВООРУЖЕН!

Так выглядел бы приказ об аресте Отто Скорцени — бывшего начальника военного отдела секретной службы СС, с 1943 года специального агента Гитлера. В 1948 году Скорцени при таинственных обстоятельствах скрылся из Западной Германии, избежав наказания за свои преступления и взяв затем в свои руки нити подпольной армии фашистских убийц и диверсантов, орудующей в государствах нескольких континентов.

Юлиус Мадер — автор книг «Серая рука» и «Убийцы в засаде» — шел по следам Скорцени и в этом документальном рассказе раскрывает одно за другим его преступления.

ЧЕРНЫЙ ЦИКЛОП СОВЕРШАЕТ ПОБЕГ

Ограждавшая лагерь колючая проволока осталась цела, не завыла сирена. И тем не менее Отто Скорцени, агент Гитлера по особым поручениям, тот самый, которого обергруппенфюрер[1] СС Эрнст Кальтенбруннер под занавес, когда уже рушился нацистский рейх, назначил начальником секретной военной службы СС, сбежал из Дармштадтского лагеря для интернированных нацистов. Сначала лагерная администрация не замечала или, вернее, замалчивала его побег, хотя соседи по лагерному бараку передали охране пожитки сбежавшего вместе с запиской, в которой он писал, что не намерен ждать приговора суда. Начальник лагерной администрации недоуменно разводил руками: ведь 26 июля 1948 года за этим верзилой Скорцени приехали трое солдат американской военной полиции и куда-то увезли его на машине!

Как ни старались скрыть побег гитлеровского Черного циклопа, слухи об этом проникли за лагерную ограду. Вскоре газета «Дармштадтер эхо» сообщила: «До сих пор не удалось установить лиц, причастных к этому побегу».[2]

Германская общественность забила тревогу. Побег оберштурмбаннфюрера СС Скорцени, исполосованная шрамами физиономия которого была слишком хорошо известна немцам, скрыть не удалось. Репортеры и корреспонденты атаковали официальные органы земли Гессен. Стараясь замять политический скандал, привлекший внимание всей мировой общественности, представитель гессенских властей, в ведении которых находился этот лагерь для крупных нацистов, подтвердил факт бегства Скорцени. Он заявил, что обвинительный акт денацификационного суда причисляет Скорцени к группе наиболее виновных нацистов. Дело будет рассмотрено и в отсутствие Скорцени, розыск которого уже объявлен.[3]

Таким образом, у беглеца оказалось в запасе двое суток. Несмотря на столь благоприятный фактор, шансы скрыться в то время были все же очень невелики, а для Скорцени — просто ничтожны: не так-то легко двухметровому верзиле стать незаметным, да к тому же с его неизгладимой приметой: рассеченной в студенческой стычке левой щекой. В довершение ко всему он покинул лагерь, не имея средств к существованию: всего за месяц до побега в Западной Германии была проведена сепаратная денежная реформа, и обзавестись сколько-нибудь значительной суммой при весьма небольшой квоте обмена

наличных денег на одного человека почти не представлялось возможным.

Кроме того, любое передвижение немцев тогда строго контролировалось западными оккупационными властями, не говоря уже о проверке документов на дорогах и в поездах при следовании через зональные границы.

Итак, для человека, разыскиваемого западными оккупационными властями и филиалами их контрразведок совместно с немецкими полицейскими органами, возможность незаметно выбраться из Западной Германии была прямо-таки маловероятной.

И все же шефа эсэсовской армии диверсантов так и не удалось схватить. А впрочем, пытались ли действительно это сделать?

Посмотрим, однако, что представляет собой этот высокопоставленный «фюрер СС» с фамилией, звучащей не на немецкий манер.

«ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА» ОБЪЯВЛЕНА — ЧАС СКОРЦЕНИ ПРОБИЛ

Человек со шрамами получает задание «Совершенно секретно» Берлин, февраль 1943 года. «Вы хотите тотальной войны?» — театрально потрясая вытянутой вперед правой рукой, выкрикнул колченогий Геббельс, и специально подобранная толпа исступленно завопила: «Да! Да!»

«Тотальная война»? Что это, собственно, значит? Вряд ли кто-либо из рядовых немцев имел ясное представление о ней. Может, она означает усиление фашистского террора в самой Германии и за ее пределами? Но ведь он и без того доведен до предела.

В то время положение на фронтах уже в корне изменилось. Исход войны предрешила битва у берегов Волги. Гитлеровский вермахт потерял сразу две армии — 300 тысяч пленными и убитыми. Совсем незадолго до того, как Геббельс провозгласил тотальную войну, в волжском «котле» капитулировали последние из уцелевших гитлеровских солдат. Советские войска перешли в мощное контрнаступление на фронте протяжением в полторы тысячи километров. К марту 1943 года на Восточном фронте уже нашли свою гибель 112 фашистских дивизий.

Воспользовавшись наступлением Советской армии, англо-американские войска высадились в Северной Африке и начали теснить германо-итальянский Африканский корпус Роммеля.

Пора «молниеносных побед» миновала навсегда. Для партнеров по «оси» наступил период военных поражений.

«Тотальная война» принесла немецкому народу новые мобилизации, принудительные повинности, бессмысленные потери. В военной промышленности рабочий день был удлинен до 12 часов и более. Поражения на полях сражений стали остро ощущаться и в самой Германии — они потрясли весь «тыловой фронт», как высокопарно называли тыл гитлеровцы.

В те дни Гитлер решил сделать основную ставку на эсэсовцев.

В руки возглавлявшего эту гитлеровскую лейб-гвардию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера перешло теперь и министерство внутренних дел. Он заверил Гитлера, что истребит в зародыше малейшее антифашистское движение. Гиммлер не жалел энергии. К началу войны в Германии было 28 концентрационных лагерей. В 1944 году их стало уже 85. Но эсэсовцы хотели играть в фашистском государстве еще большую роль.

Они безудержно стремились стать мощной военной силой и

располагать как можно большей властью. К моменту нападения гитлеровской Германии на Польшу СС располагали всего лишь одной дивизией. Оттеснив других приближенных Гитлера и став всесильным человеком, Гиммлер задался целью довести численность эсэсовских войск до миллиона. Правда, даже он понимал, что и эти меры вряд ли окажут решающее воздействие на исход войны. Гораздо больше надежд Гиммлер возлагал на новые или усовершенствованные методы тотальной подрывной деятельности, которые должны были, по его уверениям, дать «чудодейственный эффект».

Вот почему Гиммлер решил назначить на пост начальника полиции безопасности и службы безопасности (СД) «свежего человека». На ком же он остановил свой выбор? То был славившийся своей жестокостью командующий СС района Верхнего Дуная Эрнст Кальтенбруннер. Вскоре этот эсэсовский вельможа, один из самых оголтелых приспешников фашистского варварства, водворился в Берлине, в Главном управлении имперской безопасности.

Наряду с гестапо Кальтенбруннеру подчинялась теперь и служба безопасности — широко разветвленная агентурная сеть нацистов как в самой Германии, так и за границей. Она не только теснейшим образом сотрудничала с отделом шпионажа и диверсий верховного командования вермахта, но и соперничала с ним, стремясь добиться у Гитлера монопольного положения.

Агентурный аппарат вермахта, его военная разведка (абвер), возглавлявшаяся адмиралом Вильгельмом Канарисом, к тому времени уже потерпела полный провал в борьбе против СССР. При разработке и осуществлении агрессивного плана «Барбаросса» Канарис смог предоставить лишь весьма незначительную и неточную шпионскую информацию, ибо его агентура неизменно обезвреживалась в Советском Союзе. Если в других странах Канарису и его абверу удавалось создать до нападения на них «пятую колонну», то в Советском Союзе все подобные попытки провалились.

Неудивительно, что адмирал медленно, но верно терял доверие Гитлера, чем и воспользовался Гиммлер, домогавшийся неограниченной власти и подчинения эсэсовцам всей разведывательно-диверсионной деятельности. При помощи диверсионного аппарата службы безопасности он намеревался изменить ход событий на фронтах и оказывать свое воздействие на внешнюю политику «тысячелетнего рейха».

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

На тридцатый день после провозглашения «тотальной войны» в Главном управлении имперской безопасности появился долговязый человек со шрамами на лице: тридцатичетырехлетний гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени приступил к своей новой, совершенно секретной деятельности шефа эсэсовских диверсантов. Перед ним раскрылись поистине неограниченные возможности. Кабинет его помещался в специально охранявшемся крыле здания, а все, чем он занимался, было покрыто тайной. Направляемые ему «секретные дела имперского значения» имели гриф: «Управление VI S». Лишь круг самых доверенных лиц из эсэсовской элиты знал, что скрывалось за этим шифром. Он означал: управление зарубежной разведки СД, отдел диверсий.

Кальтенбруннер лично инструктировал Скорцени; беседы их длились долгие часы. Задание, которое получил Скорцени, если свести его к краткой формуле, гласило: как можно быстрее создать «тотально» и «глобально» действующую секретную службу. «Тотально» — значило взрывы, поджоги, похищения людей, убийства, отравления, все без исключения виды диверсий. «Глобально» — значило организовать подрывную деятельность, охватывающую весь земной шар: вооружить против англичан горные племена в Иране и Индии; парализовать с помощью команд пловцов-диверсантов и водолазов («людей-лягушек») судоходство по Суэцкому каналу и нанести тем самым чувствительный удар по снабжению войск западных противников Германии; забросить шпионов в армии югославских и французских партизан, взорвать ряд военных предприятий в США; создать в Англии сеть тайных радиостанций для передачи важных шпионских данных; организовать боеспособную «пятую колонну» в Рио-де-Жанейро; собрать и тщательно зафиксировать в специальной картотеке сведения о слабостях и уязвимых местах видных политических и государственных деятелей всего мира, чтобы использовать эти данные в качестве основы для целой системы шантажа.

Главным направлением удара организаторы подрывной деятельности избрали Советский Союз. В Управлении имперской безопасности лихорадочно разрабатывались планы нападений на штабы советских армий, убийства видных партизанских командиров. Особое внимание там уделялось советской военной промышленности, сосредоточенной за Уральским хребтом. Недосягаемая для фашистской авиации, она должна была служить главным объектом для эсэсовских диверсантов…

Короче говоря, неотвратимо следовавшие одно за другим военные поражения вермахта руководители Третьего рейха мыслили компенсировать широко организованной диверсионной войной, поистине безграничной в прямом и переносном смысле слова. Гитлеровцы надеялись доведенной до совершенства системой всеобъемлющего террора, шпионажа и диверсий задержать закономерный ход мировой истории.

Скорцени обещали все, что ему потребуется. Начальник VI управления Главного управления имперской безопасности бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, которому Кальтенбруннер представил своего протеже Скорцени, впоследствии писал в своих мемуарах: «Если мой предшественник не имел права расходовать свыше 100 тысяч марок, то мне после восьмимесячной деятельности в VI управлении удалось добиться того, что сумма ассигнований возросла до нескольких миллионов, и даже получить полномочия в особых, санкционированных Гиммлером и Гитлером, случаях действовать вне всякого лимита. Таким образом, я сумел наконец, к нашему удовлетворению, устранить одно из наиболее узких мест секретной службы».[4]

Итак, деньги полились на Скорцени дождем. Руководителю сектора диверсий предоставили полную свободу действий. От него требовали лишь одного — успехов.

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ ТЕРРОРИСТА

Не случайно выполнение важных политических и разведывательно-диверсионных заданий Кальтенбруннер поручил именно Скорцени. Кальтенбруннеру не понадобилось долго раздумывать: ведь своего австрийского земляка и собутыльника он знал больше пятнадцати лет. Позади было немало совместных попоек и кутежей в пивнушках Вены. У обоих остались на физиономиях красноречивые следы пьяных драк и студенческих дуэлей: рубцы и шрамы — гордость каждого порядочного «бурша». Оба были членами «Академического легиона», куда допускались только избранные. Расистский бред и великогерманская амбиция — вот чем гордились члены этого реакционного студенческого «Добровольческого корпуса».

Еще тогда Кальтенбруннер познакомил молодого Скорцени с фюрером австрийских нацистов Артуром Зейсс-Инквартом. А летом 1932 года Скорцени слушал в Вене Йозефа Геббельса, который разглагольствовал о программе нацистской партии. Вербуя новых членов, колченогий во всеуслышание заявил, что цель нацистов — во что бы то ни стало добиться аншлюса — присоединения Австрии к Германии.

Скорцени откликнулся на призыв шефа гитлеровской пропаганды и официально стал кандидатом в члены нацистской партии. Это было нетрудно, поскольку за него поручился Кальтенбруннер. Двадцатичетырехлетний Скорцени проводил теперь вечера в узком кругу своих единомышленников. Скоро ему дали довольно ответственное поручение: вести подрывную пропаганду против австрийского государства в органе нацистской группы округа Веринг — газете «Национал-социалистише нахрихтен».

Нацисты в Австрии наглели. Самые фанатичные, «абсолютно надежные», готовые на все образовали в стране вооруженное ядро — нацистскую «пятую колонну». Все они дали тайную эсэсовскую клятву. В феврале 1934 года Отто Скорцени приобщился к этому черному ордену, вступив в 89-й штандарт[5] СС.

С приходом Гитлера к власти австрийские нацисты воспрянули духом.

Фюрер делал теперь в Австрии ставку на свои черные и коричневые колонны. Его «троянский конь» стоял под самыми стенами всемирно известного венского собора Св. Стефана. Из Мюнхена в Вену перебрасывали огнестрельное оружие новейшего образца и прятали в тайники эсэсовских арсеналов.

В середине 1934 года Зейсс-Инкварт и его самые

приближенные эсэсовские сообщники в дунайской столице Эрнст Кальтенбруннер и Одило Глобочник решили, что их час настал. Был отдан приказ, вскрыты тайники, где хранилось оружие, на рукавах появились повязки со свастикой. 89-й эсэсовский штандарт начал путч; участвовал в нем и Отто Скорцени.

В центре бурных событий оказалась резиденция федерального канцлера на площади Ам Бальхаузплац. И вот здесь-то Скорцени показал, что на него можно положиться, что он надежный участник эсэсовской акции.

Отряд заранее отобранных эсэсовцев, смяв охрану, ворвался в канцлерский дворец. Сраженный несколькими пулями, рухнул у своего письменного стола канцлер Энгельберт Дольфус. Пока убийцы действовали, Скорцени охранял их, стоя у ворот дворца.

Однако нацисты не достигли тогда своей цели: им не удалось присоединить Австрию к гитлеровской Германии. Гитлер так и не дождался в тот раз условленного обращения с призывом об аншлюсе. Австрийцы сумели восстановить порядок и обеспечить безопасность в своей стране. Нацистская партия была запрещена в Австрии. Эсэсовцы предпочли уйти в подполье. Те путчисты, которым грозила наибольшая кара, получили указание бежать к своим берлинским вдохновителям.

А что стало со Скорцени? Из заговорщика-путчиста он в мгновение ока перевоплотился в счастливого молодожена и с виду вполне благопристойного управляющего делами венской строительной фирмы. На его визитной карточке теперь значилось: дипломированный инженер.

Вряд ли можно подобрать более солидное занятие!

В последующие годы венские эсэсовцы в целях конспирации выдавали свои регулярные сборища то за собрание членов какого-нибудь частного кружка, то за союз с безобидным названием, например «Германский гимнастический союз». Однако занимались там не столько спортом, сколько учебными стрельбами. А потом этот «союз» начал устраивать и учебные военные походы. Во время одного из них в стрельбе из пистолета отличился известный нам «фюрер СС» Скорцени.

Итак, готовилось вооруженное выступление. Во имя какой же цели и против кого? Ответ последовал весной 1938 года.

ДИРЕКТИВЫ ИЗ ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ВЫПОЛНЕНЫ

Провокации в Австрии, направляемые и финансируемые из Берлина, не прекращались, хотя через два года после нацистского путча в Вене, 11 июля 1936 года, гитлеровское правительство заключило с австрийским правительством соглашение, статья 2-я которого гласила: «Каждое из обоих правительств рассматривает внутриполитическое устройство другого государства, включая вопрос об австрийском национал-социализме, как собственное внутреннее дело этого государства, на которое оно не будет оказывать влияние ни прямо, ни косвенно». Гитлеровцы считали, что бумага все терпит.

Преемник Дольфуса на посту федерального канцлера христианский социалист Курт фон Шушниг под давлением масс был вынужден отдать под суд и наказать нескольких наиболее явных нацистских провокаторов. Однако ни один из них не выдал своих действительных вдохновителей.

К началу 1938 года аншлюс Австрии считался в Берлине делом вполне решенным. Гитлер стремился приобрести побольше «жизненного пространства». Стоявшие за его спиной монополистические группы жаждали завладеть австрийскими источниками сырья и промышленными предприятиями. Германский «Рейхсбанк», возглавляемый Ялмаром Шахтом, рассчитывал захваченными австрийскими фондами валюты усилить финансирование программы вооружений. А германский генеральный штаб уже грезил наяву, как он пополняет вермахт новыми, хорошо обученными и вооруженными австрийскими дивизиями и окружает своими войсками Чехословакию.

Австрия должна была служить пробным камнем всей захватнической стратегии Гитлера. «Если я приму решение начать войну, — говорил он в узком кругу своих сообщников, — то, не объявляя войны, прикажу своим войскам вступить, к примеру, в Париж. Во французской военной форме они средь бела дня пройдут маршем по улицам. Никто им не помешает. Все предусмотрено до мелочей. Вот они уже у здания генерального штаба, занимают министерства, парламент. Не пройдет и нескольких минут, как Франция, Польша, Австрия, Чехословацкая Республика лишатся своих руководящих деятелей. Армии останутся без генерального штаба. Со всеми политическими лидерами будет покончено. Начнется невообразимая паника. Но я уже давно установил контакт с людьми, которые создадут новое

правительство — такое, какое нужно мне. Мы найдем таких в каждой стране… Честолюбие и заблуждение, партийные распри и тщеславие погонят их к нам. Мы добьемся заключения мира до того, как начнем войну… Я гарантирую успех, ибо всегда удается то, что считается невероятным. Самое невозможное — самое надежное. Сегодня, господа, вы не верите этому, но я осуществлю это, шаг за шагом! «[6]

Итак, Гитлер готовился сделать первый шаг на этом пути, и роль первой жертвы предназначалась Австрии.

В середине февраля 1938 года Гитлер вызвал австрийского канцлера фон Шушнига в Берхтесгаден, в свою резиденцию «Бергхоф», и там подверг его «психологическому массажу». Гитлер выложил на стол свои карты, потребовав амнистии всем осужденным в Австрии нацистским террористам и назначения их лидера Зейсс-Инкварта австрийским министром внутренних дел и общественной безопасности с прямым подчинением ему всей полиции.

В случае отказа от принятия этой программы-минимум Гитлер грозил немедленной оккупацией Австрии. Шушниг уступил лишь частично. Возвратившись в Вену, он объявил, что сам австрийский народ путем плебисцита решит вопрос о независимости и будущем своей страны. Народное голосование было назначено на 13 марта 1938 года.

Нацисты в Берлине и Вене не сомневались в своем провале. Вот почему они решили, не дожидаясь результатов плебисцита, осуществить давно задуманную аннексию Австрии.

11 марта 1938 года заплывший жиром генерал-фельдмаршал Герман Геринг приказал немедленно соединить его по телефону с германским посольством в Вене. В 17 часов в Вене раздался звонок. К аппарату подошел нацистский дипломат Домбровски и, как и подобает исполнительному чиновнику, стал усердно записывать директивы путчистам.

Геринг диктует:

> «Кабинет должен быть вполне национал-социалистским… Кепплер привезет вам список лиц, которые должны войти в него…»

Все ясно: штандартенфюрер СС Вильгельм Кепплер под видом секретаря германского посольства везет в не подлежащем проверке дипломатическом багаже составленный в Берлине список членов австрийского правительства и прибудет в Вену с минуты на минуту. Но Герингу не терпится, и он считает нужным дать директивы устно:

— Да, вот что, чуть не забыл: Фишбеку, значит, отдайте

торговлю и экономику. Ведомство безопасности — Кальтенбруннеру, а вооруженные силы (*австрийские. — Авт.)* — Бейру. Командование армией пусть сначала возьмет на себя сам Зейсс-Инкварт. Ну а юстицию — сами знаете кому.

— Да, — откликается из Вены Домбровски.

Геринг. Назовите фамилию!

Домбровски. Вашему родственнику?[7]

Геринг. Да.

Но тщательно разработанный Главным управлением имперской безопасности и верховным командованием вермахта план не учел одной детали: президент Австрии Вильгельм Миклас отказался утвердить нациста Зейсс-Инкварта федеральным канцлером. В 17 часов 30 минут Зейсс-Инкварт по телефону запросил у Геринга помощи.

Зейсс-Инкварт. Я предложил федеральному президенту передать мне пост канцлера, но дело это тянется вот уже часа три-четыре. Что касается партии (нацистской. — Авт.), то у нас еще нет возможности восстановить ее, но мы дали указание (австрийским. — Авт.) формированиям СА[8] и СС взять на себя поддержание порядка.

Геринг. Теперь дело уже пошло, а потому прошу сейчас же потребовать от федерального президента немедленно передать вам власть и назначить вас федеральным канцлером и министром, как было сказано, т. е. вы должны быть и федеральным канцлером и командующим войсками… Срочно доложите о позиции Микласа. Скажите ему, что теперь нам не до шуток… И дайте национал-социалистам развернуться по всей стране. Пусть выйдут на улицы всюду… Если этот Миклас не одумался за четыре часа, придется ему образумиться за четыре минуты.

Зейсс-Инкварт (подобострастно). Вот это здорово!

Но ему так и не удалось на «законных основаниях» занять желанный пост федерального канцлера. Президент Миклас твердо стоял на своем.

СКОРЦЕНИ ДЕБЮТИРУЕТ

В 20.00 в трубке телефонного аппарата Геринга снова раздался хриплый голос Зейсс-Инкварта.

Геринг. Итак, они не назначили вас?..

Зейсс-Инкварт. Нет… Отказ, как и прежде.

Геринг (*брызжа слюной*). Ну что ж, хорошо, даю приказ начать вступление войск, и тут уж не зевайте — берите власть! Втолкуйте руководящим (австрийским. — Авт.) лицам то, что я вам сейчас скажу: каждый, кто попытается организовать сопротивление, немедленно будет предан нашему военно-полевому суду вступающих войск. Ясно?

Зейсс-Инкварт. Да!

Геринг. Включая всех руководящих лиц, какой бы пост они ни занимали… Все равно, хоть бы и самого федерального президента; ведь он не дал вам полномочий, а это тоже сопротивление!

Зейсс-Инкварт. А как же!

Геринг (бесцеремонно обрывая разговор). Хорошо, ну так вот, вы имеете на то официальное поручение. Всего доброго. Хайль Гитлер![9]

Рецепт государственного переворота был дан. Ожидавший приказаний Кальтенбруннер немедленно получил от Зейсс-Инкварта приказ к выступлению.

Специально подобранные молодчики из мобильных команд СС щелкнули затворами. Бруно Вайс, официально именовавшийся руководителем венского «Гимнастического

союза», а в действительности являвшийся унтерштурмфюрером 89-го штандарта СС, назначил Отто Скорцени командиром одной из таких команд. Ему было приказано схватить и изолировать от внешнего мира президента Микласа, а действовать он мог по своему усмотрению. Спустя несколько лет Скорцени записал в дневнике: «Я охотно предоставил себя в полное распоряжение…»[10]

Двадцать эсэсовцев под командой Скорцени вскочили на грузовик и с бешеной скоростью помчались вслед за его лимузином по узким улицам венского Старого города. Машины неслись к дворцу президента Австрии. Эсэсовский отряд, вооруженный револьверами и кастетами, набросился на охранявших дворец часовых гвардейского батальона и быстро смял их.

Скорцени устремился в вестибюль — к лестнице, покрытой

заглушающими шаги толстыми коврами. Он уже хотел взбежать наверх, как раздался окрик: «Стой! «Путь ему преградила дворцовая стража во главе с молодым лейтенантом. Щелкнули затворы. Скорцени оглянулся и убедился, что бежавшие вслед за ним эсэсовцы вытащили оружие.

«Я послан новым правительством, — солгал Скорцени. — Немедленно проведите меня к президенту!» Лейтенант поверил и разрешил Скорцени с двумя эсэсовцами следовать за ним. Как только они вошли в приемную Микласа, Скорцени и его подручные разоружили офицера. Услышав шум, из кабинета вышел президент. Три политических гангстера заставили его подчиниться силе. Пока эсэсовцы держали схваченных под дулами пистолетов, Скорцени связался по телефону с Зейсс-Инквартом, доложил, что федеральный президент смещен, и просил прислать подкрепление.

Спустя каких-нибудь полчаса президентский дворец был окружен эсэсовцами.

Это была первая, но далеко не последняя операция Скорцени. В этот же день он со своими подручными прибыл к резиденции австрийского канцлера на площади Ам Бальхаузплац. Находившийся в здании Зейсс-Инкварт открыл боковые входы. В них, подобно черной волне, хлынули эсэсовцы. Федерального канцлера Шушнига постигла та же участь, что и президента: он был арестован и увезен. Президент Миклас исчез бесследно. Шушниг после многолетнего одиночного заключения был отправлен сначала в концентрационный лагерь Заксенхаузен, а затем, к концу войны, — в лагерь Флоссенбург.

В течение последующих часов все правительственные учреждения и важнейшие стратегические объекты перешли в руки эсэсовцев. На следующее утро в страну вторглись войска вермахта. Так было покончено с независимостью Австрии. Гитлеровский Третий рейх поглотил ее.

С первыми же частями вермахта в Вену прибыл Гиммлер. Гитлеровский террор впервые воцарился в столице иностранного государства. Штаб Кальтенбруннера руководил начавшимися арестами, которые осуществлялись по «черным спискам», предусмотрительно составленным заранее. Тюремные камеры были переполнены коммунистами, социал-демократами, монархистами, священниками, евреями… В гестаповских застенках начали истязать людей.

Один из главных участников ликвидации независимости Австрии — Скорцени был удостоен особой похвалы Кальтенбруннера. Так член «пятой колонны» гитлеровцев в Австрии превратился в крупного государственного изменника.

ОПЕРАЦИЯ «КРАСНЫЙ ПЕТУХ»

В Главном управлении имперской безопасности в Берлине непрерывно работали телеграфные аппараты. Оттуда по всем направлениям посылались директивы. Дежурному офицеру гестапо в Вене было не до сна. Буква за буквой аппарат выбивал на ленте слова:

«**СЕКРЕТНО.**

Всем органам и руководящим инстанциям государственной полиции. срочно вручить настоящую телеграмму начальникам или их заместителям.

1. в ближайшие часы по всей германии состоятся выступления против евреев, особенно в отношении синагог. не препятствовать.

2. при наличии в синагогах важного архивного материала обеспечить его сохранность принятием немедленных мер.

3. подготовить по всей империи арест примерно 20–30 тысяч евреев. отобрать в первую очередь зажиточных. дальнейшие указания поступят в течение ночи.

4. к проведению операции могут быть привлечены как части СС особого назначения, так и общие СС.

Начальник II отдела гестапо МЮЛЛЕР».

Дежурный гестаповец в Вене с телеграммой в руках исчез за обитой войлоком дверью, на которой висела табличка: «Отдел II».

Два часа спустя в Вене, в бывшем дворце бежавшего за границу банкира Ротшильда, где теперь разместилась штаб-квартира службы безопасности, состоялось совещание. Восемь человек в черной форме склонились над планом города. Кальтенбруннер пригласил сюда самых надежных своих подчиненных.

«Гауптшарфюреру Скорцени, — приказал Кальтенбруннер, — взять на себя третий район. Как решено, начнем завтра. Об исполнении доложить отделу II государственной тайной полиции. Прежде чем разойдемся, еще раз подчеркиваю: поработать как следует!».

Последним из салона вышел оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман — начальник специально созданного в Вене в августе 1938 года центрального бюро по осуществлению эмиграции евреев. Да, теперь, после этой «Хрустальной ночи»,[11]

организуемой во всем рейхе по приказу свыше, очереди перед зданием его бюро станут еще длиннее.

В следующую ночь во всех городах Германии и Австрии вспыхнули костры, запылали разгромленные синагоги, полетели камни в витрины магазинов, принадлежавших евреям. Тысячи семей лишились кормильцев. Гитлеровцы ради потехи заставляли евреев чистить мостовые зубными щетками.

В третьем районе Вены, закрепленном за Скорцени, имелось пять синагог. Он приказал поджечь их. Эсэсовцы ворвались в синагоги. Драгоценные светильники исчезали в мешках, предусмотрительно захваченных погромщиками. Священные книги были облиты бензином. Пламя охватило стены разграбленных синагог. Жителям близлежащих кварталов было запрещено тушить пожары. Вот это и означало на эсэсовском жаргоне «Поработать как следует!».

Не успев стряхнуть пепел с волос, Скорцени отправил письменное донесение об исполнении приказа: ведь германская аккуратность требует, чтобы документация была в идеальном порядке!

Скорцени чувствовал себя героем. Верный «долгу» эсэсовца, он немало посодействовал успеху этой антисемитской операции, об итогах которой двумя днями позже докладывал Герингу начальник полиции безопасности и службы безопасности бригадефюрер СС Рейнхард Гейдрих: «Подожжена 191 синагога, 76 полностью разрушены. Кроме того, подожжены 11 общинных домов, кладбищенских молелен и тому подобных заведений. Схвачено 20 000 евреев».

Гитлеровские приспешники позаботились и о своем личном обогащении. Вскоре они получили сребреники за совершенные гнусные дела. Разумеется, в числе тех избранных, кто нажился на них, оказался и Скорцени. Его сделали национал-социалистским руководителем венской строительной гильдии. В результате ему удалось без труда «ариезировать» предприятия, принадлежавшие евреям, и присоединить их к фирме своего тестя. Поскольку Скорцени пожелал зажить как подобает важной персоне, он присвоил себе роскошную виллу в 19-м районе Вены на Петер-Иорданштрассе, 37, а ее законный владелец-еврей исчез без следа.

В ярко освещенной вилле справляли оргии эсэсовские бонзы Вены и Зальцбурга, Мюнхена и Берлина.

Вскоре в один из весенних дней 1940 года Кальтенбруннер и Скорцени распрощались. Пути их временно разошлись.

Письмо бывшего Федерального канцлера Австрии Курта Шушнига автору книги:

12 июля 1961 года

Глубокоуважаемый господин Мадер!

Отвечаю на Ваши вопросы.

Аресты, произведенные после 11 марта 1938 года в Вене, осуществлялись исключительно эсэсовцами.

По второму вопросу. О том, что моим арестом руководил инженер Скорцени, я впервые узнал только после войны. Во всяком случае, я не припоминаю, чтобы когда-нибудь встречался с ним. Очевидно, он был одним из влиятельных руководителей путча в Австрии. Обычно функционеры СС действовали анонимно либо называли себя «Мюллерами».

Официального ордера на мой арест не было предъявлено, условия жизни были хуже тюремных, обращение — недостойное, а любая жалоба — безнадежна. Отношение ко мне некоторых молодых эсэсовских офицеров нельзя охарактеризовать иначе как безобразное.

Численность отряда, который вечером 11 марта занял резиденцию федерального канцлера, точно указать не могу. В отряде насчитывалось приблизительно человек 200 в штатском; все они имели нарукавные повязки; оружие было спрятано под одеждой. Впустил их в здание Зейсс-Инкварт.

С исключительным уважением — Шушниг.

ПОД ЭМБЛЕМОЙ «МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ»

Танковые клинья рассекают Европу

Кальтенбруннер остался в Вене на посту верховного фюрера СС и полиции. Скорцени же решил отправиться на фронт.

К этому времени Германия захватила Польшу. Следующий удар Гитлер готовился нанести по соседним государствам на Западе. На этой стадии войны фронтовые соединения СС насчитывали около 20 тысяч человек. Опекаемая Геббельсом газета «Фёлькишер беобахтер» называла эти привилегированные эсэсовские войска «отборным человеческим материалом для выполнения особых заданий». Инспектором, а затем командиром дивизии СС «Дас Рейх» был назначен бригадефюрер СС Пауль Хауссер.

На полигоне эсэсовской казармы в Берлин-Лихтерфельде Скорцени обучили всему, чего ему еще не хватало для полного овладения ремеслом убийцы. А требовалось не так уж много. Уже через месяц Скорцени был произведен в унтершарфюреры этой отборной гитлеровской части и, полный радужных надежд, принял участие в походе на Францию.

10 мая 1940 года эсэсовцы на штыках гитлеровской армии перенесли свой хорошо отработанный внутри Германии террор в страны Западной Европы.

Где бы ни появлялись эти палачи в черной форме со зловещей эмблемой черепа, они несли с собой уничтожение людей, оккупационный произвол, приговоры военно-полевых судов, голод и нищету. Путь Скорцени по Бельгии и Франции был отмечен расстрелами и пытками.

Особенно свирепствовал человек со шрамами в Голландии. Его беспредельная жестокость вполне соответствовала характеристике, которую дал ему Кальтенбруннер в своем письме эсэсовскому генералу Хауссеру. Спустя каких-нибудь одиннадцать месяцев Скорцени получил погоны унтерштурмфюрера.

В апреле 1941 года гитлеровские танки ворвались в Югославию. Часть особого назначения, в которой служил Скорцени, бросили туда, где мужественные югославы оказывали упорное сопротивление количественно превосходившим силам агрессоров. Расправы над мирными жителями этой страны доставляли ему чертовское удовольствие! Садист по призванию получил новое повышение. Он стал оберштурмфюрером войск СС. Однако в Югославии Скорцени пробыл недолго. Вскоре его часть перебросили к границе СССР. Гитлер готовился осуществить план «Барбаросса».

«Через несколько недель мы устроим в Москве парад победы!». - этими словами бригадефюрер Хауссер закончил в полночь 21 июня 1941 года напыщенную речь к своим головорезам. Сначала он долго разглагольствовал об «исконном враге Германии — России», о «неполноценности» славян, а затем огласил приказ фюрера о нападении на Советский Союз. Сборище закончилось выкриками «Хайль Гитлер!».

Гитлеровская военная машина заработала на полную мощь. 190 дивизий — 70 процентов всех немцев, одетых в серо-зеленую и черную военную форму, двинулись на Восток. Ворваться в Москву раньше всех других войск, вторгнувшихся в Советскую страну, было для эсэсовцев «делом чести».

Гитлеровская лейб-гвардия стремилась опередить остальные войска. Скорцени не знал ни сна, ни отдыха: ведь в перерывах между боями карательные команды эсэсовской дивизии «Дас Рейх» «очищали» тыл от коммунистов и евреев. Вряд ли забыл Скорцени небольшой русский городок, где были зверски убиты 922 советских гражданина: военнопленные, старики, женщины, дети. А там, где прошла дивизия «Дас Рейх», таких преступлений было совершено немало. Всюду, где ступала нога эсэсовца, война была тотальной еще задолго до того, как Геббельс дал ей это зловещее название.

СКОРЦЕНИ СПАСАЕТ СВОЮ ШКУРУ

В начале 1943 года Кальтенбруннер приказал отделу личного состава СС разыскать своего собутыльника студенческих лет. Он думал, что Скорцени все еще на фронте, так как несколько недель назад получил от него письмо по полевой почте.

Однако Кальтенбруннер ошибся. В это время гауптштурмфюрер прохлаждался в одном из санаториев Южной Германии. У громилы вдруг оказалось что-то с желчным пузырем. Правда, врачи никак не могли обнаружить у «фронтового офицера» с устрашающими шрамами на лице и Железным крестом II степени на груди хотя бы малейшие признаки болезни. Но все-таки решили, что курс лечения ему не помешает.

Еще совсем недавно Скорцени рвался в Москву, а теперь он был рад, что с ним, как с ребенком, нянчатся медицинские сестры. Для радости у него были веские причины.

Напав на Советский Союз, Гитлер и верховное командование вермахта обломали зубы. Правда, на стороне агрессоров было преимущество внезапного нападения, но против них поднялся 200-миллионный народ огромной страны с территорией в 22 миллиона квадратных километров. Гитлеровские планы «блицкрига» против СССР оказались блефом.

Скорцени поневоле пришлось стать очевидцем краха мифа о непобедимости вермахта.

В декабре 1941 года немецко-фашистские войска, не считаясь с огромными потерями, подошли к советской столице. Дивизия СС «Дас Рейх» находилась всего в нескольких километрах от северо-западной окраины Москвы. Еще в августе эта дивизия потеряла в боях под Ельней почти половину личного состава. Теперь рвавшиеся вперед захватчики были остановлены железной рукой. Самые боеспособные, самые оснащенные и лучшие танковые корпуса гитлеровцев были разгромлены на снежных полях Подмосковья.

У Скорцени, хвалившегося, что он не знает страха, теперь тряслись поджилки. В своем дневнике, относящемся к тому времени, он писал: «…10.12.41. Скоро станет ясно и войскам: продвижение вперед закончено. Здесь наша наступательная сила иссякла. У соседней 10-й танковой дивизии осталась всего дюжина боеспособных танков».[12] Ни один эсэсовец, ни один немецкий солдат не вошли в Москву. Тысячи гитлеровцев полегли под советской столицей, сложив свои головы за интересы германских монополий и бредовые планы фюрера.

Когда звезда фашистских побед закатилась под Москвой,

Скорцени вдруг охватил ужас. Об этом свидетельствует его дневник: «Поскольку похоронить своих убитых в насквозь промерзшей земле было невозможно, мы сложили трупы у церкви. Просто страшно было смотреть. Мороз сковал их руки и ноги, принявшие в агонии самые невероятные положения. Чтобы придать мертвецам столь часто описываемое выражение умиротворенности и покоя, якобы присущее им, пришлось выламывать суставы. Глаза мертвецов остекленело уставились в серое небо. Взорвав заряд тола, мы положили в образовавшуюся большую яму трупы погибших за последние день-два».[13] Нет, Скорцени не прельщал такой конец: ему была слишком дорога собственная жизнь. А потому при первой же возможности человек со шрамами притворился больным, жалуясь на свой желчный пузырь: ведь такое заболевание слишком трудно проверить во фронтовых условиях. Затем с санитарным эшелоном он отправился в глубокий тыл и очутился неподалеку от своего родного города Шламассель, куда так мечтал возвратиться.

Здесь его и разыскал Кальтенбруннер. Он предложил Скорцени более спокойную «работу» — стать шефом агентуры СС.

ШКОЛА ДИВЕРСАНТОВ И УБИЙЦ

Охотничий замок Фриденталь был когда-то окружен парком в английском стиле: высокая трава и густые заросли под сенью вековых деревьев. В последние недели войны англо-американские бомбардировщики мало что оставили и от парка, и от самого замка, как и от дома, когда-то предназначавшегося для прислуги. Глубокие, уже поросшие папоротником воронки, развалины кирпичных стен, остатки выкрашенных в серый цвет бараков. В цементированных подвалах бараков беспорядочно навалены ржавые трансмиссионные маховики. Густая паутина дополняет картину запустения. Вот и все, что осталось от нацистского гнезда, где вынашивались, пожалуй, самые гнусные замыслы гитлеровцев.

Ни один местный житель не знал, что, начиная с 1943 года, творилось в этом овеянном тайной замке, расположенном всего в пяти минутах ходьбы от Заксенхаузена. Старожилы еще припоминают: однажды из расположенного поблизости концлагеря сюда пригнали сотни узников. Днем и ночью, кладя камень за камнем, они воздвигали стену высотой в три метра. Эсэсовцам казалось, что заключенные работают недостаточно быстро. Сыпались удары бичом. Истощенных до предела работой заменяли более сильными. Колючая проволока с пропущенным по ней током довершила полную изоляцию обширной территории замка от внешнего мира.

Затем появились первые эсэсовские охранники со своими волкодавами, приученными бросаться на людей. По всей округе установили щиты с предостерегающими надписями. Наглухо закрытые грузовики и черные лимузины один за другим исчезали за массивными воротами. Здесь ничто не менялось, за исключением стражи.

Гауптштурмфюрер СС Скорцени не случайно избрал именно это место для своей базы. Расположенное в часе автомобильной езды от Главного управления имперской безопасности, оно благодаря своей уединенности и разнообразному рельефу местности было идеальным для обучения того специального подразделения, которое скрывалось под наименованием «Специальные курсы особого назначения Ораниенбург». «Слушатели», носившие преимущественно штатскую одежду, покидали изолированную территорию только ночью и следовали строжайшему приказу не задерживаться в пути.

УБИЙСТВО КАК УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ

В замке Фриденталь обосновались диверсанты из разных стран. Интенсивные усилия обитателей замка были направлены на разработку методов уничтожения людей. Здесь были не только немцы. Царский аристократ, эмигрировавший из России после Октябрьской революции, тщательно изучал военную форму и знаки различия Советской армии. Выделенные в особую группу американцы немецкого происхождения осваивали последнюю модель взрывателей с часовым механизмом. «Фольксдойче»[14] из Румынии часами упражнялись в овладении приемами удушения людей. Украинские националисты изучали шифровальное дело и различные коды.

Каждый из обучавшихся был обязан уметь с закрытыми глазами разобрать и собрать английский или советский автомат. Специально готовившиеся диверсанты-подводники (их здесь называли «человек-лягушка») ныряли с моторной лодки в протекавший поблизости канал Одер — Хафель.

Здесь обучали различным приемам бесшумного «устранения» людей: душить, отравлять, владеть ножом. В число обязательных дисциплин входили такие, как тренировка в прыжках с парашютом, применение подводных мин для потопления судов и обращение с пластической взрывчаткой.

Скорцени заботился и о дрессировке своих питомцев в духе нацистской идеологии. Ведь они предназначались для нанесения удара в спину народам, которые вели борьбу против фашизма.

Положение на фронтах день ото дня становилось для гитлеровской Германии и ее вассалов все бесперспективнее. Но для людей из Фриденталя не существовало понятия «слишком поздно». Диверсанты, которых муштровал Скорцени, должны были продлить агонию Германии Гитлера. Покидая замок, они получали задания взрывать и убивать, сеять повсюду панику, подкупать путчистов, создавать подрывные организации. Подводные лодки и самолеты дальнего радиуса действия (из специально находившейся в боевой готовности 200-й эскадрильи бомбардировщиков) доставляли обитателей замка Фриденталь в самые различные уголки земного шара.

Скорцени делал все, чтобы обезопасить своих агентов. Им присваивали новые имена и фамилии — обычные для той страны, где им предстояло действовать. Их снабжали безупречно изготовленными фальшивыми документами. Они должны были знать назубок свою вымышленную биографию.

Патроны, которыми наделяли этих шпионов и диверсантов,

хранились в металлических ящиках с изображением черепа на черном фоне. Скорцени получал их из оружейно-технического экспериментального отдела СС, размещавшегося неподалеку от концлагеря Заксенхаузен. Они были отравлены. Начальник службы боевого снабжения агентов Скорцени испытал на заключенных Заксенхаузена их действие. В качестве «объектов для эксперимента» эсэсовский медик Гейнц Баумкёттер[15] (с 1943 по 1945 год он был главным врачом этого концлагеря) отобрал четырех узников — советских и польских граждан. На эсэсовском стрельбище заключенных заставили лечь на землю, а потом нанесли им несколько ранений отравленными пулями. Через несколько минут зрачки жертв неестественно расширились, наступили страшные конвульсии, и вскоре Баумкёттер небрежно констатировал: «Exitus».[16] Трупы были переданы эсэсовским эскулапам для анатомирования.

После этого чудовищного эксперимента в строгой тайне началось серийное производство созданных по требованию Скорцени отравленных боеприпасов.

Скорцени не считал даже нужным скрывать от агентов, что их ждет, если при осуществлении своих злодейских планов они будут схвачены войсками или населением стран антигитлеровской коалиции. На сей случай он рекомендовал им собственноручно выправить себе визу в потусторонний мир. Директива Гиммлера была предельно ясна: «Ни один человек из службы безопасности не имеет права попасть живым в руки противника! «Эсэсовские агенты были обязаны унести с собой в могилу тайны Гиммлера, Кальтенбруннера и Скорцени, а потому каждому из них вручалась смертельная доза цианистого калия. Капсулу с ядом можно было спрятать в зажигалке, печатке на кольце, зашить в обшлаг рукава или в подкладку шапки. Безотказность действия яда гарантировал Баумкёттер, испробовавший его на узниках Заксенхаузена, прежде чем отправить в вотчину Скорцени — Фриденталь.

ПОТОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ФАЛЬШИВЫХ ДЕНЕГ

Агенты Скорцени отправлялись в путь не с пустыми руками. Поскольку согласно директивам Гиммлера им предстояло завербовать, обучить и возглавить целые подпольные армии, их обеспечивали и деньгами.

Золото и банкноты были той приманкой, на которую нацисты рассчитывали больше всего, когда период побед гитлеровской армии уже миновал. Нацисты решили, что презренный металл окажется привлекательнее их демагогии, — это вполне отвечало мышлению фашистских варваров, находившихся на содержании у магнатов германской индустрии. Почему же не приобрести за деньги шпионов, вредителей, диверсантов и путчистов?

Но финансовые возможности фашистской Германии, блокированной государствами антигитлеровской коалиции, были подорваны. Основная масса германского экспорта в результате войны сократилась, внешнеторговые связи замерли, валютные фонды оказались почти исчерпаны, а марка за пределами Германии уже почти не котировалась. Фашистская Германия лишилась иностранных кредитов. Строго ограниченные остатки валюты использовались главным образом для ввоза стратегического сырья через некоторые нейтральные государства.

Гитлеровская секретная служба нашла выход. Она совместно с верхушкой «Рейхсбанка» и ведущих монополистических групп разработала преступный план массовой подделки иностранных банкнот. При помощи этого плана она рассчитывала достигнуть сразу нескольких подрывных целей.

Во-первых, изготовленная в Германии фальшивая иностранная валюта позволяла производить за рубежом закупки сырья и материалов, необходимых для ведения войны. Кстати, «ценным опытом» в этом отношении располагал Ялмар Шахт — президент гитлеровского «Рейхсбанка», а в то время имперский министр. Еще в период Первой мировой войны он, будучи банковским экспертом, скупил в Бельгии на фальшивые деньги крупные партии товаров.

Во-вторых, ловкое введение в оборот достаточно большого количества фальшивых банкнот того или иного государства расшатывало его экономику, подрывало международный авторитет, способствовало тому, что среди населения возникали антиправительственные настроения, — словом, этому государству наносился тяжелейший ущерб.

В-третьих, поставив на широкую ногу изготовление фальшивых денег других государств, Гитлер и Гиммлер намеревались усилить финансирование нацистских агентов и возглавлявшейся ими «пятой колонны» в различных странах. Идея эта была не нова: еще летом 1918 года контрреволюционные банды, действовавшие на территории Советской России, располагали миллионами рублей фальшивых денег, отпечатанных в одной из берлинских тайных типографий. Но фашизм не просто воспользовался прежними проектами и опытом, а захотел организовать это дело на более высоком уровне. Операция с фальшивыми деньгами тоже служила «шахматным ходом» в той тотальной войне, которую гитлеровцы провозгласили в 1943 году.

Как будущий оптовый потребитель фальшивых денег, Отто Скорцени вскоре же после перехода на службу в Главное управление имперской безопасности познакомился с начальником эсэсовского центра по их изготовлению. Это был оберштурмбаннфюрер СС Бернхард Крюгер. Этот человек с уголовным прошлым возглавлял в VI управлении группу «Технические вспомогательные средства».

С Крюгером Скорцени тесно сотрудничал и раньше, поскольку тот снабжал агентов СД подложными документами. В Берлине, в здании на Дельбрюкштрассе, где обосновалась группа Крюгера, грудами лежали образцы — документы из всех стран мира: паспорта убитых евреев, красноармейские книжки, удостоверения личности британских и американских солдат, итальянские отпускные удостоверения, южноафриканские выписки о рождении, свидетельства о благонадежности, выданные японской полицией, пропуска в вашингтонский Пентагон…

Даже Скорцени — доверенному лицу начальника VI управления бригадефюрера СС Шелленберга — было разрешено заглянуть в крюгеровское святая святых только после того, как с него взяли подписку о хранении тайны. Это была самая крупная в истории человечества акция по изготовлению фальшивых денег. Она началась еще в 1940 году под кодовым наименованием «Операция «Андреас». Первоначально СД сконцентрировала свои усилия на подделке фунтов стерлингов; их можно было сравнительно легко обменивать на подлинные в нейтральных странах и в британских колониях. Фунтом стерлингов можно было оперировать в Европе, Африке, Америке и Австралии.

Однако потребовалось больше двух с половиной лет, прежде чем эсэсовские фальшивомонетчики смогли печатать поразительно похожие на настоящие банкноты достоинством в

пять, десять, двадцать, пятьдесят, а потом даже в пятьсот и тысячу фунтов стерлингов. Но эсэсовцам приходилось шаг за шагом решать целый узел проблем. Бумага, на которой печатались фальшивые деньги, должна была точно соответствовать по фактуре оригиналу, надо было добиться, чтобы клише и печать не отличались от него ни рисунком, ни цветовыми оттенками, чтобы номера серий, хотя и заранее рассчитанные, более или менее совпадали с подлинными, а даты выпуска и подписи в максимальной мере соответствовали настоящим. И наконец, требовалось создать широко разветвленную, охватывающую добрую дюжину государств, законспирированную во всех своих звеньях организацию по распространению фальшивых банкнот.

Летом 1943 года, когда Скорцени близко познакомился с деятельностью центра фальшивомонетчиков, здесь уже каждый месяц упаковывали в пачки сотни тысяч поддельных фунтов стерлингов. Серийное производство осуществлялось под строго секретным кодовым наименованием «Операция «Бернхард» (по имени Крюгера).

К середине 1943 года в концентрационном лагере Заксенхаузен оборудовали ультрасовременными машинами два барака: № 18 и № 19. Обитателей этих бараков наглухо изолировали от всех внешних контактов оградой из колючей проволоки и многочисленной охраной. Здесь подневольно трудились сто тридцать заключенных. Они изготавливали бумагу для поддельных денег, печатали их, потом специально загрязняли свеженькие банкноты так, чтобы те походили на побывавшие в употреблении, и связывали в пачки, предварительно перемешав номера серий. И так изо дня в день. Стоило узнику из этой команды заболеть, его немедленно отправляли в крематорий. Бараки 18-й и 19-й в то время покидали только ящики с фальшивыми деньгами, лица с особыми удостоверениями или мертвецы.

Гауптштурмфюрер Скорцени проявлял особый интерес к производству Крюгера. Для засланных в США агентов ему были нужны доллары. Нельзя ли организовать и их подделку? Крюгер посвятил Скорцени в тайну: он уже занят сейчас и этим, но мешает многое, и не в последнюю очередь — усиливавшиеся налеты англо-американской авиации на Берлин. Тогда Скорцени предложил: пусть граверы, работающие над клише фальшивых денег, а также и все занятые изготовлением подложных документов переберутся вместе со своим сложным оборудованием к нему во Фриденталь. Босс фальшивомонетчиков одобрил это предложение: Фриденталь, по мнению Крюгера, был местом для этой цели идеальным. Скорцени гарантировал

изоляцию от внешнего мира, чего трудно было добиться в таком оживленном городе, как Берлин. Фриденталь пока еще не подвергался бомбежкам. Сюда можно было быстро добраться из Берлина на автомобиле, а деньги могли бы печатать в непосредственной близости — в концлагере Заксенхаузен. От взаимного обмена опытом между фальшивомонетчиками и агентами СД дело могло только выиграть.

Так Скорцени стал одним из главных действующих лиц «Операции Бернхард».

МУССОЛИНИ СВЕРГНУТ

Гитлеровский штаб все еще отчаянно искал новые методы и средства, дабы вновь захватить в свои руки утерянную инициативу на фронтах, а между тем в лагере итальянского партнера по «оси» произошли неожиданные события.

Итальянцы видели, что разгромленному под Москвой и на Волге германскому агрессору теперь оставалось только одно: спасаться бегством.

В середине мая 1943 года пришлось капитулировать остаткам итальянской армии в Африке. В города и деревни Италии беспрерывным потоком текли извещения о гибели солдат и офицеров на далеких от родины фронтах. Десятки тысяч семей оплакивали близких. Англо-американская авиация превратила в развалины центр Милана. Бомбы не пощадили и Вечный город — Рим. Война, развязанная Гитлером при активном участии Италии, теперь гигантскими шагами приближалась к ней самой.

В первой декаде июля 1943 года англичане и американцы высадились на острове Сицилия. Все свидетельствовало о том, что вскоре они предпримут наступление на континентальную Италию. Итальянский народ устал от войны, ему осточертел несущий разорение фашизм, более того, он был готов выступить против чернорубашечников.

Даже в «Большом совете» — руководящем центре чернорубашечников Муссолини — царили разногласия насчет дальнейшей политики. Правящая верхушка Италии непрерывно ощущала растущее недовольство народа фашистским режимом дуче. Она пришла к убеждению, что оградить Италию от дальнейших последствий войны можно только одним способом — сбросить Бенито Муссолини с кресла премьер-министра.

25 июля 1943 года, когда Муссолини прибыл в королевский дворец, офицеры королевской гвардии арестовали его. Было провозглашено новое правительство. Оно обещало итальянцам скорейшее окончание войны, к которому стремился народ. Маршал Пьетро Бадольо, которого король назначил новым премьер-министром, призвал соотечественников разоружить фашистов.

Не прошло и нескольких часов, как итальянцы разоружили фашистскую полицию. Лейб-гвардия Муссолини — целая дивизия — даже пальцем не шевельнула ради спасения своего дуче, — она тоже сложила оружие, причем это было германское оружие самого современного образца. Бадольо вступил в официальные переговоры с англичанами и американцами о заключении

перемирия с Италией.

Между тем Муссолини получил у охранявших его королевских карабинеров бумагу и ручку. Он попытался примазаться к маршалу Бадольо, которого в свое время назначил верховным комиссаром Восточной Африки и генерал-губернатором Ливии. 26 июля 1943 года он писал Бадольо: «Заверяю вас, маршал Бадольо, что, ценя совместно проделанную нами в былые времена работу, я со своей стороны не только не создам ни малейших трудностей, но и буду готов к любому возможному сотрудничеству».

Однако англо-американское командование в качестве предварительного условия для переговоров о перемирии настаивало на строгой изоляции Муссолини и последующей выдаче его странам антигитлеровской коалиции. Поэтому в целях предосторожности Бадольо неоднократно приказывал переводить Муссолини из одного места заключения в другое. Сначала дуче был помещен под охраной на корвет «Персефоне», который был превращен в плавучую тюрьму. Потом тайными местами его заключения стали Понтийские острова и Ла-Маддалена. Под конец Муссолини поместили в уединенном туристском отеле «Кампо императоре», расположенном в труднодоступном горном массиве Гран-Сассо (район Абруццо). Добраться туда можно было только по подвесной дороге. Фашистского дуче охраняли двести карабинеров. Ответственность за охрану Муссолини была возложена на бывшего инспектора тайной полиции Полито.

«MAM IN ALTO!»[17]

Смена правительства в Италии вызвала в гитлеровской ставке шок. Разваливался Южный фронт, считавшийся до этого вполне надежным. Сообщения из Рима следовали одно за другим. Они свидетельствовали о намерении Италии капитулировать.

Гитлеровцы наскребли несколько дивизий и стали спешно перебрасывать их на юг. Они рассчитывали с их помощью оккупировать промышленные районы Северной Италии с целью заставить своего бывшего союзника продолжать войну.

Гиммлер и на этот раз не сумел верно оценить ситуацию. Он отдал приказ осуществить секретную операцию «Аларих»: молниеносно арестовать в Риме королевскую семью, маршала Бадольо и кучку изменивших дуче высокопоставленных лиц, чтобы вернуть власть итальянским фашистам. Но нереальность этого плана стала ясна очень скоро.

26 июля 1943 года — на другой день после ареста Муссолини — гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени был срочно вызван в «Волчье логово»[18] к Гитлеру.

— У меня есть для вас важное задание, — обратился Гитлер к Скорцени. — Муссолини, мой друг и наш верный боевой союзник, вчера арестован королем. Его надо немедленно спасти, иначе его выдадут союзникам. Поручаю вам эту операцию, имеющую важное значение для дальнейшего ведения войны. Но самое главное — хранить это задание в полной тайне. Знать о нем могут только пять человек, включая вас. Итак, повторяю: вы лично отвечаете мне за строжайшее сохранение тайны!

Скорцени привычно вытянул руки по швам:

— Все ясно, мой фюрер, не пожалею сил!

Так было положено начало операции, которую эсэсовской секретной службе предстояло провести под кодовым наименованием «Дуб».

Вскоре гитлеровская служба безопасности напала на след оказавшегося не у дел итальянского диктатора. Сделать это было не так уж сложно. Сотрудники секретной службы Муссолини десяток лет дружески работали рука об руку с гестапо и германской службой безопасности. Хотя теперь они на время и исчезли с поверхности, однако по-прежнему располагали конспиративными агентурными источниками и перекрестными связями с новой военной полицией. К тому же фунты стерлингов, обещанные в вознаграждение, придали энергии итальянским шпикам. Чтобы получить сведения о местонахождении арестованного Муссолини, эсэсовской секретной службе

пришлось раскошелиться на 50 тысяч фунтов стерлингов — разумеется, фальшивых! Ввиду ожидавшейся англо-американской оккупации фунты стерлингов котировались тогда в Италии высоко: они считались надежной валютой.

Командующий парашютным корпусом генерал Штудент вместе с особым уполномоченным Гитлера Скорцени разработал в своем штабе детальный план похищения Муссолини.

С одного из германских аэродромов в Южной Франции специально вызвали 12 грузовых планеров типа «DFS-230».[19] Они предназначались для высадки десанта прямо в горах, так как иначе пришлось бы сначала захватить в долине станцию подвесной дороги, а сделать это быстро и незаметно было едва ли возможно. Каждый из этих легких по конструкции планеров мог поднять 9 человек в полном боевом снаряжении. Диверсионная команда состояла из 90 парашютистов; с ними летели 16 вышколенных во Фридентале эсэсовцев во главе с самим Скорцени. В операции принял участие итальянский генерал Солетти: он еще не успел перейти на службу к Бадольо. После высадки Солетти был обязан приказать командиру карабинеров немедленно сложить оружие. Скорцени дал генералу ясно понять, что тому не поздоровится, если с головы Муссолини упадет хоть один волос.

Операция началась вылетом с аэродрома Пратика де Маре. Уже на старте два тяжело нагруженных планера опрокинулись. Группа диверсантов под командованием Скорцени предусмотрительно стартовала по заранее составленному графику лишь пятой и шестой. Погода испортилась. В пути рухнули на землю еще два планера. Планер Скорцени первым вполне благополучно достиг вершины Абруццо.

Охрана Муссолини оказалась застигнутой врасплох. Из приземлявшихся один за другим планеров незнакомой конструкции и лишенных каких-либо опознавательных знаков выскакивали вооруженные до зубов люди. Определить, кто они, по их военной форме было невозможно. По круглым стальным каскам парашютистов карабинеры решили, что это англичане или американцы, прибывшие забрать Муссолини. Еще сильнее ввели охрану в заблуждение приказания — их, обливаясь холодным потом, выкрикивал генерал Солетти, — и поэтому она не сделала ни единого выстрела. А ведь чего было легче, засев в массивном здании, перестрелять десантников, пока те с трудом высаживались из большей частью неудачно севших планеров и приближались с большого расстояния. Но охрана Муссолини гостеприимно распахнула перед ними двери. Тем неуместнее ей показался тевтонский рык долговязого детины с лицом,

исполосованным шрамами: «Mani in alto! Mani in alto! «Команда «Руки вверх! «была единственной итальянской фразой, которую заучил Скорцени, прежде чем отправиться выкрасть Муссолини.

Ворвавшись в здание, Скорцени бросился к рации и разбил передатчик прикладом автомата. Обезоружить охрану он предоставил подоспевшим парашютистам. Подталкивая обалдевшего карабинера стволом автомата, Скорцени приказал провести себя к Муссолини. Тем временем остальная группа блокировала все входы и выходы из отеля. Встав перед Муссолини навытяжку, Скорцени отрывистыми, рублеными фразами доложил, что послан Гитлером освободить его. Двести карабинеров, как им было приказано, собрались на лугу перед отелем. А чуть поодаль громоздились центнеры пластической взрывчатки, станковые пулеметы и ящики с боеприпасами, выгруженные командой Скорцени, чтобы отбить Муссолини.

Скорцени позаботился о том, чтобы все выглядело как можно воинственнее. Ему хотелось не просто доставить Муссолини Гитлеру, а при помощи инсценированных боевых эпизодов произвести на фюрера впечатление настоящего героя. Поэтому он специально захватил с собой эсэсовского военного корреспондента, который, не жалея кинопленки, заснял головорезов в надлежащем виде.

Вскоре Скорцени получил радиограмму, что расположенная в долине станция фуникулера захвачена, а предназначенный для отправки Муссолини самолет «физелер шторьх» вскоре прибудет. Однако в связи с трудностями взлета с горного луга, покрытого крупными валунами, самолет мог взять на борт всего двух человек. Скорцени приказал пилоту лететь втроем. Перегруженная машина едва набрала высоту в разреженном горном воздухе и лишь с огромным усилием легла на курс.

Около полуночи германское радио несколько раз объявило о предстоящем важном сообщении. «Ставка фюрера, — прочитал затем диктор, — сообщает: германские парашютные войска, служба безопасности и войска СС под командованием одного венского командира СС осуществили сегодня операцию по освобождению дуче, захваченного в плен кликой изменников. Внезапный налет увенчался успехом. Операция стоила больших потерь. Дуче находится на свободе». Зазвучали фанфары.

Имя Скорцени пока еще не было названо. Секретная служба предпочитала хранить его в тайне. В сообщении говорилось о «больших потерях», однако умалчивалось о том, что операция «Дуб» стоила жизни тридцати одному парашютисту и пилоту, а 16 человек получили тяжелые увечья, хотя не раздалось ни одного автоматного выстрела!

А результат этой бессмысленной операции? Гитлеру был преподнесен политический труп дуче.

БОЛЬШАЯ ШУМИХА

Скорцени лично доставил Муссолини в растенбургскую штаб-квартиру фюрера. «Этой услуги я никогда не забуду! «- обещал ему Гитлер.

Геринг, Кейтель, Гиммлер и Геббельс тоже поспешили поздравить эсэсовца. А затем на Скорцени излился щедрый поток повышений, наград и подарков. Гитлер тут же произвел его в штурмбаннфюреры СС и лично повесил на шею Рыцарский крест. Не остался в долгу и Муссолини: он пожаловал своему спасителю фашистский орден «Ста мушкетеров»; правда, пока он смог только пообещать эту награду. Геринг снял со своего парадного белого мундира «Золотой почетный знак летчика» и приколол его на грудь героя. Из Северной Италии пришла телеграмма: бригадефюрер СС Хауссер почитал за честь преподнести своему бывшему подчиненному реквизированный у итальянцев спортивный автомобиль новейшей модели.

Гитлер и Геббельс просмотрели привезенный Скорцени фильм о похищении Муссолини. Колченогий давно искал средство хотя бы временно рассеять подавленное настроение немцев, вынужденных проводить дни и ночи в бомбоубежищах. «Подвиг» Скорцени дал ему возможность поднять вокруг героя пропагандистскую шумиху.

Статс-секретарь геббельсовского министерства Вернер Науман немедленно получил задание использовать все средства пропаганды, чтобы примером Скорцени вдохновить немцев повсюду: на фронтах, непрерывно приближавшихся к границам Германии, в цехах военных заводов или в рушащихся бомбоубежищах.

Толчок этой пропагандистской кампании дал официоз нацистской партии газета «Фёлькишер беобахтер». Один из ее ведущих журналистов, Роберт Крётц, 17 сентября 1943 года посвятил прославлению освободителя дуче почти целую полосу газеты.

Нет нужды подробно пересказывать эти басни, но остановиться на заключительной части писаний Крётца, где он дает характеристику Скорцени, все же стоит. «Всю свою жизнь, — захлебываясь от восторга, писал Крётц, — он был политиком и солдатом. Еще на школьной скамье он стал членом «Германского союза», который в 1922 году выступил под черно-бело-красным флагом.[20] Будучи студентом, он прошел подготовку в штирийском добровольческом корпусе и молодым буршем приобщился к национал-социалистскому мировоззрению… Из

добровольческого корпуса он в дальнейшем перешел в СС и в качестве, так сказать, своей дипломной работы, положившей начало его теперешнему мастерству, арестовал в 1938 году австрийского федерального президента, которого бдительно охраняла гвардейская рота».

Скорцени улыбался с киноэкранов, на собраниях «Гитлеровской молодежи» не смолкали рассказы о его карьере террориста, в «Союзе германских девушек» двухметрового атланта превозносили как идола германской расы. На эсэсовском небосклоне внезапно взошла новая звезда.

Что же принесло Италии спасение Муссолини? Новые ужасы и невероятные страдания — оккупацию значительной части страны. Гитлер создал в Северной Италии правительство во главе с дуче. Оно официально обратилось к нацистской Германии с просьбой о военной помощи.

Сам Муссолини являлся лишь марионеткой в твердой эсэсовской руке. Он сидел в отведенной ему резиденции в Рокка делле Каминате на берегу озера Гарда (район Гариньяно) и делал то, что приказывал ему обергруппенфюрер СС Карл Вольф — бывший адъютант Гиммлера, назначенный теперь высшим командующим СС и полиции в Италии. Муссолини принес итальянцам продолжение военных действий, кровопролитную гражданскую войну.

Вновь сформированные террористические органы чернорубашечников, действуя под гитлеровским покровительством, стали вымещать на итальянцах злобу за пережитое поражение. Они убивали демократов, истязали партизан-антифашистов, истребляли евреев. Не меньше 15 тысяч итальянских евреев были отправлены через горный перевал Бреннер на эйхмановские «фабрики смерти».

Но Гитлеру уже не мог помочь его итальянский подручный. Становилось очевидным, что сопротивление режиму невозможно сломить террором и насилием.

ОХОТНИКИ НА ЛЮДЕЙ

К весне 1944 года секретной службе СС удалось окончательно поглотить шпионско-подрывной аппарат верховного командования вермахта (ОКВ). Руководитель военной разведки адмирал Канарис был отстранен Гитлером. Ему было дано специальное задание по ведению экономической войны. Входивший в состав ОКВ отдел «Абвер (заграница)» Гиммлер подчинил теперь Главному управлению имперской безопасности в качестве «Военного управления» («Amt Mil»).

Скорцени, власть которого теперь возросла, унаследовал весь подрывной сектор вермахта, а вместе с ним и более трех тысяч осведомителей, шпионов и диверсантов. Он стал начальником всех зарубежных немецких шпионов и так называемых «фольксдойче», из которых формировались «пятые колонны» во многих странах. Обергруппенфюрер СС Эрнст Вильгельм Боле передал ему картотеку всех членов нацистской партии в сорока с лишним государствах земного шара. Эти люди должны были укрывать эсэсовских агентов и помогать им осуществлять преступления.

Замок Фриденталь теперь уже не был единственной агентурной школой Скорцени. Любимцу фюрера даже был подчинен старший по чину штандартенфюрер СД Фридрих Кнолле, занимавшийся в оккупированной немцами Голландии диверсионной подготовкой ирландцев, враждебно настроенных по отношению к Великобритании, а также агентов из числа англичан и французов.

Вокруг Скорцени объединились самые преданные нацисты, а также такие ландскнехты, как прибалтийский аристократ капитан Адриан фон Фёлькерсам, штурмбаннфюрер СД барон Клаус-Иоахим фон Лепель, гауптштурмфюреры СС Карл Радль, Хунке и Хельмер, оберштурмфюреры СС Швердт, Менцель и Варгер.

С помощью этих людей Скорцени быстро сформировал шесть истребительных батальонов. Их укомплектовали опытными диверсантами, которые не щадили никого, грубо попирая все законы и обычаи войны, зафиксированные международным правом. Они на деле демонстрировали, что такое провозглашенная фашистами «тотальная война». Убийства и карательные операции против партизан были для них привычным, повседневным делом.

БОЛЬШАЯ АМБИЦИЯ И ЖАЛКИЙ КОНЕЦ

Неудачи армии фашистских агентов были не меньшими, чем поражения вермахта на фронтах. «В связи с этим, — записывал в своем военном дневнике начальник Скорцени бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, — Гиммлер сказал мне, что фюрер недоволен результатами информационной деятельности секретной службы в отношении России. Мы явно не в состоянии активизировать секретную службу так, как этого требует военное положение».[21] Шелленберг и Скорцени приступили к осуществлению операции «Цеппелин». С помощью службы безопасности и гестапо они попытались особыми средствами вынудить советских военнопленных дать им сведения, необходимые для запланированных подрывных актов. Тех, кто отказывался, отправляли в лагерь уничтожения Освенцим и там, в соответствии со специальной пометкой в документах, заключали в особый барак № 11. Затем после зверских истязаний убивали выстрелом в затылок. Скорцени не раз принимал участие в этих расправах.

Гиммлер требовал успехов. Потому отборные агентурные отряды высоко взлетевшего венского террориста пытались усилить диверсионные действия и против Советского Союза.

Большого эффекта Скорцени ожидал от подрывных акций, предпринятых совместно с гитлеровским генеральным штабом сухопутных войск (ОКХ). «Твердо установлено, — диктовал он своей секретарше, — что в первую очередь следует нанести удары по русским коммуникациям, т. е. железным дорогам, мостам и шоссе… Поскольку такие операции планировались и отделом «Иностранные армии Востока» генерального штаба сухопутных сил, были проведены совместные совещания. На них я вновь встретился с генералом Кребсом, ставшим к тому времени начальником штаба генерал-полковника Гудериана. Он представил меня генералу Гелену, которому и была поручена практическая разработка этой операции».[22] Итак, штурмбаннфюрер СС Скорцени замышлял секретные диверсионные операции вместе с генералом Геленом.[23] Оба жаждали успеха, ибо нуждались в нем. Они засылали агентов в тыл непрерывно продвигавшейся вперед Советской армии.

Но Советский Союз имел опыт борьбы с врагами. Изобличенных гитлеровских агентов, пытавшихся сопротивляться, уничтожали на месте, остальных предавали суду военного трибунала.

Фронт тайной войны поглощал самых надежных подручных

Скорцени. Вальтер Шелленберг в своем докладе нацистской верхушке признавал, по существу, провал шпионской и диверсионной деятельности: «… Все крупные планы терпели неудачу, — писал он, — из-за плохой работы нашей авиации. Поэтому нам приходилось ограничиваться лишь небольшими частными операциями, которые осуществлялись мелкими командами и сводились к взрывам трансформаторных установок и мачт высоковольтных передач. Но все это было мелкими булавочными уколами, которые едва ли наносили ущерб русским фронтовым силам, тем более что в конце концов большинство агентов попадало в их руки».[24]

ЭСЭСОВЦЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЗА «ЧУДО-ОРУЖИЕ»

В 1944 году военное поражение гитлеровской Германии стало неизбежным. На Восточном фронте фашистские войска подвергались непрерывным мощным ударам Советской армии, вынуждавшей их к беспорядочному отступлению. В середине 1944 года медленно продвигавшиеся на север Италии англо-американские части достигли Флоренции. Войска западных союзников высадились наконец в Северной, а спустя два месяца в Южной Франции и перешли в наступление.

Основная часть фашистского вермахта была скована на советско-германском фронте. Около 8 миллионов немецких солдат и офицеров полегли на полях сражений или оказались в плену. 190 тысяч орудий были уничтожены Советской армией или брошены гитлеровцами во время панического бегства. 55 тысяч сожженных танков усеяли путь отступления агрессоров.

Хребет «люфтваффе»[25] Геринга был сломан. Остатки примерно 100 тысяч алюминиевых птиц валялись по всей Европе. Две трети из них, точнее 62 тысячи, не вернулись после вылетов на Восточный фронт.

Англичане и американцы, применив в морской войне радар, стали медленно, но верно одерживать верх над германскими подводными лодками. С осени 1943 года они топили в среднем по одной немецкой подводной лодке в день.

Многие военные заводы в Германии после бомбежек англо-американской авиации представляли собой сплошные развалины. И вот тогда Геббельс возвестил, что у Германии есть «чудо-оружие чудовищной силы», которое решит исход войны в ее пользу. Геббельс позаботился и о том, чтобы эти обнадеживающие слухи распространились повсюду, дошли до самого последнего «целленляйтера».[26] Надо сказать, что часть немецкого народа поверила в этот блеф.

Действительно, нацисты разрабатывали в то время новое оружие, с которым они связывали надежды на перелом в ходе войны. Само собой разумеется, его засекреченным производством и предполагавшимся применением занимались эсэсовцы. Уполномоченным Гитлера по производству ракет «фау» стал человек, который строил в концлагерях газовые камеры и крематории для механизированного массового убийства. Этот человек носил погоны группенфюрера СС. Звали его Ганс Каммлер. Возглавлявшаяся Каммлером «Особая команда Дора»

проектировала в военном управлении Главного управления имперской безопасности уничтожение людей в гигантском масштабе.

12 тысяч заключенных концентрационного лагеря «Дора», расположенного в Южном Гарце вблизи города Нордхаузен, загнали под землю, где в толще горного массива находились соединенные туннелями две главные шахты по полтора километра длиной каждая. Лишенные дневного света узники — немцы, советские граждане, чехи, поляки, голландцы и французы — работали по 18 часов в сутки. Они делали ракеты, которые разрабатывались под руководством технического директора проектного бюро в Пеенемюнде Вернера фон Брауна.[27] Ночью из штолен на поверхность земли вывозили снаряды типа «фау-1», ракеты «фау-2» и… трупы. Жертвами нечеловеческих условий труда стали 50 тысяч заключенных. Однако администрация концлагеря Бухенвальд своевременно заботилась о поставке требующегося «человеческого материала».

Производство снарядов «фау-1» именовалось «FZ 9-76», а предприятие по их выпуску считалось основной частью авиационных заводов «Физелер». Каждая из этих несущих смерть и разрушение многотонных, начиненных взрывчаткой сигар обходилась Германии в 61 тысячу марок. Ракета «фау-2» стоила еще дороже — около 306 тысяч марок.

К середине июня 1944 года Гитлер, Гиммлер, Геринг и Кейтель сочли, что нового оружия накоплено вполне достаточно, чтобы приступить к нанесению «решающего» удара. Около 23 тысяч снарядов «фау-1» и свыше 10 800 ракет «фау-2» с воем устремились через Ла-Манш на Лондон.

Нацисты избрали английскую столицу для обстрела по многим соображениям. Снаряды и ракеты «фау» попадали в цель крайне неточно. Потому конструкторы этого вида оружия рекомендовали вести обстрел по большим площадям. Лондон же вместе с пригородами занимает территорию в 300 квадратных километров. К тому же Гиммлер и его штаб намеревались при помощи сравнительно небольшого количества «фау» уничтожить возможно больше людей и зданий и тем самым оказать на англичан максимум морального давления. Население Большого Лондона составляло тогда свыше 8 миллионов человек. И наконец, согласно планам нацистов, новое оружие должно было заставить английское правительство пойти на заключение с гитлеровской Германией компромисса, переговоры о котором секретная служба СС и крупнейшие германские монополии вот уже несколько месяцев вели с контрагентами Англии и США. Эти круги стремились заключить с Англией и США сепаратный мир,

чтобы всеми имеющимися силами — а если удастся, и вместе с западными державами — продолжать войну против Советского Союза.

Однако и на этот раз нацисты просчитались. Правда, каждая обрушившаяся на Лондон ракета «фау» вызывала огромные опустошения, влекла за собой массу жертв среди гражданского населения. Но только одна из каждых трех выпущенных по Лондону ракет достигала предназначенной цели. Остальные взрывались на стартовых установках или с шипением погружались в волны Северного моря; их заставляли отклоняться от курса либо сбивали английские летчики-истребители.

Не считаясь с угрозой смерти, узники концлагерей, как только могли, вредили производству «чудо-оружия». Этим объясняется то, что большое количество ракет не срабатывало. К тому же сама конструкция «фау» была далеко не совершенна.

За несколько недель безрассудные игроки из гитлеровского окружения выбросили на ветер примерно 5 миллиардов марок. Именно в эту сумму обошлось Германии обанкротившееся «чудо-оружие». Вскоре Гитлер и его свора поняли, что ракеты «фау» не принесут «молниеносной победы». Смятение, вызванное этим выводом, охватило не только конструкторское бюро эсэсовского фаворита Вернера фон Брауна.

НОВОЕ «ЧУДО» — «ЛЕТАЮЩИЕ ГРОБЫ»

И снова на первый план выдвинулся штурмбаннфюрер СС Скорцени. С февраля 1944 года он, выполняя желание Гитлера, возглавил работу секретной службы СС по созданию «оружия особого назначения».

Скорцени сделал попытку хотя бы на время отсрочить поражение Германии. Он ввел на вооружение вермахта управляемые на расстоянии легкие танки «голиаф». Они предназначались для ликвидации становившегося все более явным превосходства советских танков. Это была жалкая попытка с ничтожным результатом!

Планы Скорцени по созданию «оружия особого назначения» можно охарактеризовать коротко — использовать для борьбы с противником самоубийц, одетых в военную форму.

Прежде всего любимец Гитлера установил контакт с оставшимся верным Муссолини князем Боргезе, который командовал так называемой «Х-флотилией». За этим наименованием скрывалось особое подразделение подводников-диверсантов и управляемых смертниками торпед и катеров-снарядов. Несмотря на то что Италия капитулировала и объявила войну гитлеровской Германии, Боргезе под командой немецких офицеров безоговорочно продолжал воевать против англичан и американцев.

Позаимствованный у Боргезе опыт применения для борьбы с противником управляемых человеком торпед Скорцени использовал совместно с гитлеровским вице-адмиралом Хейе, командовавшим «малыми боевыми соединениями военно-морского флота». Характерна запись, которую сделал в то время Скорцени в своем дневнике: «Опираясь на опыт итальянцев, адмирал Хейе и его сотрудники за несколько месяцев создали новое эффективное оружие особого назначения. Все следовало делать как можно быстрее, ибо все мы знали, что времени терять нельзя. Война близилась к концу».[28]

Идя навстречу пожеланиям Скорцени, Хейе обучал эсэсовцев применению нового вида морского оружия.

16 сентября 1944 года гитлеровский орган газета «Фёлькишер беобахтер» с ликованием писала:

> *«НОВЫЙ ВИД ОРУЖИЯ — КАТЕРА-СНАРЯДЫ*
>
> *В ряды тех, кому доверено это боевое оружие военно-морского флота, приняты также добровольцы из сухопутных войск и частей СС, имеющие предварительную*

морскую подготовку. Большинство их совсем молоды. Самостоятельно действуя в ближнем бою, они до конца отдают свою жизнь в морской войне. Многие из них перед выходом на боевое задание заявили, что направят оружие на особо важные цели, не рассчитывая возвратиться живыми».

И по сей день отцы, матери, невесты ждут подтверждения гибели своих близких — тех юношей, которых бессмысленно отправили на дно морское.

Но Скорцени было мало и этого. Он решил весьма простым способом повысить точность попадания ракет «фау», после старта становившихся неуправляемыми. Поскольку речь шла о чужих жизнях, а не о его собственной, Скорцени не церемонился. Он приступил к экспериментам с ракетами, пилотируемыми человеком. Это с его «легкой» руки в терминологию фашистских летчиков вошло новое понятие: «использование с самоуничтожением».

По образцу «человека-торпеды» Скорцени пытался даже создать так называемую планирующую бомбу — ее должен был направлять в цель находящийся в ней пилот. Через несколько недель эта идея уже приняла осязаемую форму.

Вернер фон Браун увидел в новом начинании Скорцени единственный шанс восстановить свою репутацию, сильно пошатнувшуюся в глазах Гитлера после неудач с «фау», и сразу же принял в нем участие. Не пожелал остаться в стороне от создания управляемой человеком «планирующей бомбы» и концерн «Физелер»: он организовал специальное конструкторское бюро. Имперское министерство авиации командировало в помощь Скорцени специалиста — некоего Теодора Беннеке.[29] На экспериментальном полигоне около Рехлина еще гибли при испытании «оружия особого назначения» первые пилоты, а человек со шрамами уже спешил доложить Гиммлеру о достигнутом «успехе».

Рейхсфюрер пришел в восторг от предложения Скорцени подвергнуть бомбежке пилотируемыми ракетами, доставленными подводными лодками, Нью-Йорк. По его мнению, такие удары по населению восьмимиллионного города поставили бы американцев на колени и сделали бы их более сговорчивыми для заключения сепаратного мира с Германией.

Мысли Скорцени довольно ясно выразил его шеф Вальтер Шелленберг, рассуждая насчет того, «…как можно наилучшим образом (! — Авт.) парализовать наиболее чувствительные центры русской промышленности и снабжения…». В своем дневнике он

сделал запись: «Мы могли бы с бомбардировщика дальнего радиуса действия запустить ракету «фау-1» вблизи намеченного пункта, чтобы затем пилот-смертник направил ее прямо в цель… Бомбежке должны подвергнуться в первую очередь индустриальные комбинаты Куйбышева,[30] Челябинска, Магнитогорска…»[31]

Как видим, у черно-коричневых специалистов по части проигранной войны было много амбиции, да мало амуниции.

Итак, Скорцени возглавлял тех, кто был готов превратить немцев в придаток к смертоносному грузу взрывчатки, лишь бы нанести удары по Лондону, Нью-Йорку, Куйбышеву… «Чудо-оружие» поглощало человеческие жизни и было не чем иным, как чудовищным обманом немецкого народа. Оно не смогло даже на время задержать победоносное наступление народов, мобилизовавших все силы на борьбу против коричневой чумы.

СКОРЦЕНИ РАСПРАВЛЯЕТСЯ С ЗАГОВОРЩИКАМИ

Где бы ни находился Скорцени, он всегда возил с собой фотографию Гитлера в рамке из серебра, на которой было выгравировано: «Моему штурмбаннфюреру Отто Скорцени в благодарность и на память о 12 сентября 1943 года. Адольф Гитлер». Человек со шрамами получил эту фотографию в подарок за похищение Муссолини. Вскоре Скорцени представилась новая возможность доказать, что он действительно верен своему фюреру.

20 июля 1944 года в «Волчьем логове» во время совещания, которое проводил Гитлер в своей ставке, взорвалась бомба с часовым механизмом.

Ее подложил офицер полковник граф Шенк фон Штауффенберг. Он и несколько его единомышленников хотели убрать Гитлера, чтобы открыть путь к немедленному заключению мира и тем самым избавить немецкий народ от дальнейших жертв.

Однако группа монополистов и военных, желавшая избавиться от Гитлера, руководствовалась совершенно другими мотивами. В 1944 году стало совершенно очевидно, что Гитлер не сумел дать им то, что обещал в те времена, когда они помогли ему сесть в седло. Теперь уж нечего было и думать о господстве над Европой и переделе мира. Через различные каналы заговорщики установили контакт с американской секретной службой.

Заговорщики рассчитывали на то, что, после того как будет убит Гитлер, им наконец удастся заключить с Англией и США компромиссный мир при условии, что начатая война против Советского Союза будет продолжена. Разделяя эту концепцию, ряд офицеров генерального штаба, разочаровавшихся в Гитлере, примкнул к путчистам.

Заговор готовился многие месяцы. Руководящий центр находился в Берлине на Бендлерштрассе, в здании верховного командования вермахта. Заговорщики решили после убийства Гитлера не пропускать из ставки никакой информации, чтобы изолировать его приспешников от внешнего мира. Одновременно должна была начаться операция «Валькирия». По приказу заговорщиков вермахту предстояло разоружить части СС, службу безопасности и гестапо.

Ахиллесовой пятой эсэсовцев была малочисленность их войск

в самом Берлине и вокруг него: лишь в Ланквице и Лихтерфельде находились юнкерские училища СС, а в Саарове дислоцировался танково-гренадерский батальон СС. Расположенные в Ораниенбурге эсэсовские части «Мертвая голова» были скованы. Они несли охрану переполненного узниками концентрационного лагеря Заксенхаузен. Заговорщики уже наметили части вермахта, которым вменялось в обязанность разоружить соединения СС. Однако из поля зрения заговорщиков выпал подчиненный Скорцени батальон «особого назначения» во Фридентале.

План заговора сорвался по многим причинам. Случай спас Гитлера, несмотря на то что в нескольких метрах от него разорвалась безосколочная бомба, которая должна была убить его взрывной волной. Хотя Гитлер остался жив, запрет на информацию из «Волчьего логова» вступил в силу. Штауффенберг, тут же вылетевший на самолете в Берлин и твердо убежденный в том, что Гитлер убит, дал сигнал к началу операции «Валькирия». Но заговорщикам не удалось захватить радиостанцию «Дейчландсендер». Тем временем Геббельс передал по радио сообщение, что Гитлер жив. Многие офицеры начали сомневаться, следует ли выполнять непонятный большинству из них приказ об операции «Валькирия».

В самом здании на Бендлерштрассе группа офицеров во главе с оставшимся верным Гитлеру подполковником выступила против заговорщиков. Исход путча все еще казался неопределенным.

Тогда Геринг вечером того же дня отдал из «Волчьего логова» приказ штурмбаннфюреру СС Отто Скорцени вместе с командиром охранного батальона «Великая Германия» майором Ремером любыми средствами сломить сопротивление заговорщиков. И снова Скорцени получил полную свободу рук. Начальник полиции безопасности и службы безопасности Кальтенбруннер обещал ему: «Я скоро приду на помощь! «. Скорцени приказал Ремеру оцепить своим батальоном здание верховного командования вермахта. Сам же он силами фридентальского батальона СС, которым командовал гауптштурмфюрер Адриан фон Фёлькерсам, решил занять здание, чтобы отсечь его от вооруженных частей заговорщиков.

Ворвавшись во двор, эсэсовцы увидели распростертые тела графа Штауффенберга и трех его ближайших соратников, расстрелянных сторонниками Гитлера. Но мертвецы никогда не интересовали человека со шрамами, и, минуя их, он бросился с отрядом автоматчиков в хорошо знакомые ему кабинеты и коридоры здания верховного командования вермахта. Нечего и говорить, что Скорцени с присущей ему жестокостью подавил любую, даже самую малейшую, оппозицию против «своего

фюрера».

Путч был заранее обречен на провал. У заговорщиков имелись глубокие расхождения по вопросу о политике, которую следует проводить после устранения Гитлера. Кроме того, среди путчистов имелись шпики Гиммлера.

Двойная роль советника консистории[32]

Однако при подавлении путча произошло нечто заслуживающее теперь исключительного внимания. Дело в том, что уцелел очевидец событий во дворе здания на Бендлерштрассе. Вот как он их описывает:

«Мы оказались отрезаны от оружия, лежавшего наготове в здании верховного командования, и в нашем распоряжении остались только пистолеты. Сразу же стало ясно, что дело проиграно. Генерал Ольбрихт и его штаб тут же направились к генерал-полковнику Беку, но по дороге подверглись нападению, были обезоружены и выведены во двор ОКВ ворвавшимися эсэсовцами. Снова раздались выстрелы; это застрелились Бек и Вагнер. В конце концов нас осталось всего человек восемь-десять, собравшихся в кабинете Штауффенберга и еще не сдавшихся. Среди них были мой друг граф Йорк фон Вартенбург, граф фон Шуленбург, граф Шверин-Шваненфельд, граф Бертольд Штауффенберг — брат Шенка Штауффенберга, а кроме того, подполковник генерального штаба Бернадис и несколько других лиц, мне почти незнакомых. Вместе со Шверином и Йорком мы сожгли важные документы, а затем попытались прорваться через оцепление в вестибюле.

Во время этой попытки я был схвачен, опознан как участник заговора и передан одним из офицеров-изменников карательной команде. Пока меня конвоировали, во дворе штаба верховного командования уже начались расстрелы. Но, прежде чем меня вывели во двор, команду задержали ворвавшиеся в здание эсэсовцы и гестаповцы. После недолгих пререканий они забрали меня с собой, поскольку я был в штатском, и отвели в кабинет Штауффенберга для короткого допроса. В результате я не был расстрелян, а вместе с Бернадисом и Штауффенбергом, Йорком, Шверином и Шуленбургом отправлен в кандалах в Главное управление имперской безопасности на Принц-Альбрехтштрассе». [33]

Эти показания дал Карл Альбрехт Эйген Герстенмайер, занимавший впоследствии пост председателя бундестага и согласно дипломатическому протоколу являвшийся вторым по значению человеком в ФРГ. Примечательно не то, что

Герстенмайер попал 20 июля 1944 года в руки Скорцени, а то, что человек со шрамами сделал все, чтобы сохранить ему жизнь. Разумеется, Герстенмайер остерегается признавать это. Ведь из числа тех, кто называл себя противниками Гитлера и в день покушения на него был схвачен эсэсовцами в Берлине в здании верховного командования вермахта, до конца войны дожили всего только двое.

Один из них — доктор Ганс Бернд Гизевиус. Доподлинно известно, что он был платным агентом абвера, возглавлявшегося адмиралом Канарисом, а позднее в качестве шпика служил Гиммлеру, одновременно работая и на американскую разведку.

Второй — это Эйген Герстенмайер, который следующим образом описывает то, что произошло с ним после ареста благодаря вмешательству Скорцени:

«Было объявлено, что я буду повешен утром 21 июля. Однако вместо казни меня вызвали на допрос, который происходил в присутствии большого количества чинов СС и гестапо… Несмотря на бесконечные допросы, длившиеся и днем и ночью, меня не включили в число тех заговорщиков, которых 8 августа повесили, и 27 сентября гестапо передало меня имперскому обер-прокурору народного трибунала.

8 января 1945 года в 7 часов вечера мне вручили обвинительный акт на 28 страницах и повестку о вызове в первый сенат народного трибунала. 9 января в 8 часов утра я вместе с восемью другими обвиняемыми должен был предстать перед народным трибуналом под председательством Фрайслера… Имперский обер-прокурор требовал смертной казни. Объявление приговора было отложено на 24 часа. Затем был оглашен приговор: семь лет каторжной тюрьмы с лишением гражданских прав на тот же срок. И все-таки, несмотря на все, приговор этот остается для меня необъяснимым. Многие мои друзья, гораздо менее виновные, были отправлены тем же самым Фрайслером на казнь. После осуждения я продолжал оставаться заключенным, находящимся под юрисдикцией имперского обер-прокурора, и в качестве такового меня содержали в тюрьме Тегель…»[34]

И дальше Герстенмайер буквально рассыпается в похвалах: «В гестапо, а также в тюрьме я нашел не только справедливых, но и готовых прийти мне на помощь тюремщиков».[35]

Об этом особом обращении с Герстенмайером позаботилась служба безопасности в лице Скорцени. В течение трех дней человек со шрамами располагал на Бендлерштрассе неограниченными полномочиями в отношении армии резерва и персонала ОКВ. Скорцени лихорадочно выискивал каждого, кто хотя бы только сочувствовал приказу «Валькирия», даже и не

выполняя его. Он пачками поставлял противников Гитлера под нож гестапо. Он считал, что лучше повесить одним предполагаемым (пусть и не вполне изобличенным) противником Гитлера больше, чем одним меньше. Но почему-то именно Герстенмайера он пощадил. Сделал он это по весьма веской причине: Герстенмайер принадлежал к его агентуре. Начиная с 1938 года он официально числился в качестве «доверенного лица» в картотеке отдела «абвер (заграница)» верховного командования вермахта. С 1939 года Герстенмайер перешел в подчинение сектора «абвер II», т. е. диверсионного сектора военной секретной службы гитлеровской Германии. Под маской советника консистории Герстенмайер выполнил не одно особое задание нацистов в странах Балканского полуострова, Скандинавии и в других районах земного шара.

Как известно, именно этот сектор абвера вместе с его армией агентов с марта 1944 года был подчинен возглавленному Скорцени диверсионному центру в Главном управлении имперской безопасности.

Итак, Скорцени взял под защиту одного из своих отборных агентов. А тот в послевоенные годы постарался отблагодарить своего благодетеля по принципу: «Рука руку моет».

ОБЕР-БАНДИТ ДЕЙСТВУЕТ В БУДАПЕШТЕ

К сентябрю 1944 года у гитлеровской Германии остался лишь один вассал — Венгрия.

После того как Советская армия разгромила в районе Кишинев — Яссы сражавшиеся на стороне Гитлера румынские дивизии, в конце августа объявила Германии войну и Румыния. В начале сентября Болгария также отпала от гитлеровского блока. Через несколько дней запросила перемирия Финляндия. Только правительство Хорти все еще продолжало выполнять свои обязанности союзника нацистской Германии.

Фронт приближался к границам Венгрии. Венгерская армия истекла кровью на Дону, сражаясь за чуждые ей цели. В стране ширилось движение Сопротивления.

Оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман уже шестой месяц вел здесь охоту на евреев, которые до тех пор еще не подвергались в Венгрии массовому уничтожению.

Эсэсовская секретная служба, а также уполномоченный Гитлера в Венгрии бригадефюрер СС Эдмунд Везенмайер[36] опасались, что под давлением событий Хорти может последовать румынскому примеру. Правда, для подобного предположения не было серьезных оснований: венгерский диктатор проводил антинародную политику и позаботился об участии Венгрии в планах гитлеровцев. Он стремился спасти наследственное регентство, которого добился для своей семьи.

С ведома Хорти некоторые венгерские круги и военщины стали пытаться установить через нейтральные государства контакты с американцами и англичанами. Но секретная служба СС, развернувшая в Венгрии гигантскую агентурную сеть, с помощью своих агентов знала об этих попытках и держала их под бдительным наблюдением.

Гитлер снова вызвал Скорцени в ставку. За обитыми войлоком дверями маляр из Браунау[37] провел секретное совещание с Гиммлером, Риббентропом, Кейтелем, Йодлем. Приглашен был и Скорцени.

Слово попросил Риббентроп. Полистав донесения, полученные из Венгрии от Везенмайера, он прочитал: «Основная причина пораженческой позиции влиятельных кругов Венгрии и саботаж совместных целей войны объясняется наличием в стране еврейского населения. В количественном отношении евреи составляют почти 10 процентов всего населения Венгрии, а в Будапеште — даже 35» ^e!"^!!^ Reichlissache Bericht uber Ungrn. Im Staatsarchiv Nurnberg, NG 2192.}.

Риббентроп взял в руки второй документ, также подписанный Везенмайером: «Евреи — враг номер 1. Эти 1, 1 миллиона евреев ведут подрывную деятельность против рейха. Такое же, если не вдвое большее, число венгров — приспешников евреев — помогают им. Для того чтобы парализовать саботажников, заставить их отступить, необходимо предъявить им наши жесткие требования с угрозой ввести в дело германские дивизии и бомбардировочные эскадрильи. По моему мнению, этого будет достаточно, чтобы противник капитулировал. Я твердо убежден в том, что регент Хорти без всякого промедления согласится с любой кандидатурой премьер-министра, которую пожелает предложить фюрер. Он это сделает хотя бы ради того, чтобы спасти себя и свою семью».[38] Докладывая фюреру, Риббентроп хорошо учел фанатический антисемитизм присутствовавших, который и ему служил средством оправдания внешнеполитических провалов, сопутствовавших военным поражениям.

Совещание в ставке длилось недолго: все были единодушны. Гитлер подвел итог: «Вы, Скорцени, на случай, если регент нарушит свои союзнические обязательства, подготовите захват городской крепости.[39] Чтобы облегчить выполнение задания, я дам вам письменный приказ с широкими полномочиями».

Присутствовавшие щелкнули каблуками и гаркнули: «Хайль мой фюрер!»

Так человек со шрамами был направлен в Венгрию, все еще считавшуюся союзницей гитлеровской Германии, для организации государственного переворота. Он вышел из ставки фюрера, снабженный специальным письмом, напоминавшим послание восточного владыки своим сатрапам: «Штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени действует во исполнение личного, строго секретного приказа чрезвычайной важности. Предписываю всем военным и государственным органам оказывать Скорцени всяческое содействие и идти навстречу его пожеланиям. Адольф Гитлер». Над этими строками, отпечатанными на бланке со штампом «Фюрер и рейхсканцлер», была изображена тисненная золотом свастика с орлом.

Приступая к выполнению нового диверсионного задания, Скорцени прежде всего сменил фамилию, приказав своему центру по изготовлению подложных документов сфабриковать для себя паспорт на имя доктора Вольфа. В Будапеште он появился в штатском.

Три батальона Скорцени уже стояли на окраине города в полной боевой готовности. Самые отпетые террористы разгуливали в штатских костюмах и пока наслаждались

красотами венгерской столицы.

Скорцени, он же доктор Вольф, действовал в контакте с начальником службы безопасности района Балкан и Италии штурмбаннфюрером СС Вильгельмом Хёттлем, который с начала года обосновался в Будапеште со своей штаб-квартирой. Главной задачей Хёттля было нащупать и разгромить движение Сопротивления, с каждым днем становившееся все активнее. Хёттль позаботился о том, чтобы венгерские тюрьмы и гестаповские застенки не пустовали, и все-таки сопротивление усиливалось, о чем свидетельствовали размах и интенсивность антифашистских действий. Теперь Хёттль вместе со Скорцени сконцентрировал все усилия для того, чтобы убрать правящую клику Венгрии, которую нацисты уже не считали вполне надежной. Оба они хорошо знали друг друга по совместной работе в органах службы безопасности в Вене, а также в Главном управлении имперской безопасности.

Будапешт, 10 октября 1944 года. От Дуная стелется густой туман. Перед отелем «Ритц», скрежеща тормозами, останавливается легковой автомобиль с флажком. Комендант Будапешта венгерский генерал Бакаи осторожно выходит из машины. Но дойти до расположенного всего в нескольких метрах отеля ему так и не удалось: у службы безопасности большой опыт в похищении людей.

Будапешт, 11 октября 1944 года, ночь. Квартира командующего венгерской Дунайской флотилией, флигель-адъютанта Хорти Коломана Харди. Чей-то голос за дверью произносит: «Господин генерал-лейтенант, прошу немедленно открыть: срочное сообщение от господина регента! «Харди попался на удочку. Служба безопасности упрятала его в концлагерь.

Теперь наступила очередь Хорти-младшего. Зная о жажде власти, обуревавшей семейство Хорти, секретная служба СС расставила новые сети. Необходимо было найти средство заставить 76-летнего венгерского диктатора и дальше следовать по тому пути, по которому тот шел вместе с Гитлером в течение десяти лет. Объектом шантажа был избран сын Хорти Николаус. Согласно завещанию он должен был стать диктатором Венгрии. Политические диверсанты начали действовать. Прежде всего штурмбаннфюрер СС Хёттль подослал к нему одного из своих агентов. Он договорился с Хорти-младшим о встрече, которая должна была состояться 15 октября в кабинете директора венгерской компании речного судоходства Феликса Борнемисца.

План службы безопасности был не сложен: тщательно проинструктированный комиссар гестапо Клагес (он уже

пробрался в здание вместе с тремя другими эсэсовцами) должен схватить и увезти попавшегося в ловушку сына Хорти. Таким образом, его рассчитывали использовать в качестве заложника для шантажа отца.

Скорцени и его сообщники были уверены в успехе операции. Однако неожиданно для них молодой Хорти прибыл с ротой лейб-гвардии и приказал ей оцепить набережную Дуная вокруг места назначенной встречи. И все же гестаповец Клагес перехитрил Хорти и его друга Борнемисцу и сумел схватить их. Он приказал надеть на пленников наручники, закатать их в большие ковры и вынести из здания. Охранявшие дом лейб-гвардейцы Хорти разгадали этот маневр и открыли огонь. Гестаповцы обратились в бегство.

Теперь настала очередь действовать Скорцени. Он подал агентам службы безопасности сигнал к атаке. Из-под штатских пиджаков были извлечены бесшумные пистолеты, а из карманов брюк — ручные гранаты. Такого оборота дела лейб-гвардейцы Хорти не ожидали.

Подручные Скорцени поспешно погрузили ковры с содержимым в стоявший наготове автомобиль. Хорти-младший разделил судьбу Харди. Он также был отправлен в концентрационный лагерь.

В штабе Скорцени продолжала расти гора донесений о действиях венгерских групп Сопротивления. Нарастала и неустойчивость венгерского правительства.

Теперь Скорцени уж было мало одного Хорти-младшего. На утро следующего дня он назначил штурм городской крепости в Буде — резиденции венгерского правительства. Там же размещались венгерское военное министерство и министерство внутренних дел, а также германское посольство. На этот раз Скорцени назвал свою преступную акцию операцией «Бронированный кулак».

Находившийся в подчинении Скорцени батальон эсэсовцев-парашютистов в назначенный час ворвался в район крепости. Она была окружена. Сам Скорцени вместе с посаженным на танки «тигр» пехотным десантом истребительного батальона «Центр» атаковал главный вход. Древние ворота крепости не устояли перед натиском танков. Раздались первые выстрелы. Банда убийц устремилась в коридоры крепости. Гитлеровский любимец под дулом винтовки заставил командира лейб-гвардии Хорти венгерского генерала Кароля Лазара дать по телефону приказ гвардейскому батальону гонведа (уже вступившему в бой с эсэсовцами) и дворцовой охране немедленно прекратить сопротивление. Затем Скорцени перерезал телефонный провод и,

захватив план здания, двинулся дальше. За его спиной прогремел выстрел: Лазар пустил себе пулю в лоб. Правительство Хорти лишилось охраны. По приказу нацистской клики оно было свергнуто любимцем Гитлера.

Семеро убитых и двадцать семь раненых остались на месте этой схватки.

Человек со шрамами расправился с приверженцами Хорти. При содействии Скорцени, ставшего комендантом крепости, венгерские фашисты из партии «Скрещенные стрелы» установили свою диктатуру. Венгрию охватил террор.

Скорцени направил в ставку фюрера победную реляцию. И снова любимец фюрера удостоился награды. Он получил еще один кубик в петлицу[40] и стал оберштурмбаннфюрером СС. Грудь диверсанта теперь украсил Золотой рыцарский крест, пожалованный ему Гитлером.

В Германию отправился специальный поезд: Скорцени и его отряд охотников на людей везли своему фюреру… низложенного Хорти. В те же дни оберштурмбаннфюрер СС Эйхман слал в лагеря уничтожения все новые и новые эшелоны с венгерскими евреями; 618 тысяч их уже были отданы в лапы смерти.

Новое правительство, состоявшее из «нилашистов»,[41] безоговорочно осталось на стороне гитлеровцев. Война со всеми ее последствиями пришла на венгерскую землю и принесла ее народу много бессмысленных жертв, пока Советская армия не положила конец господству фашистов в Венгрии.

«НЕ ВОЗИТЬСЯ!»

Всего лишь через неделю после возвращения из Будапешта Скорцени снова явился к Гитлеру. Присутствуя при докладе о положении на фронтах, он узнал о новых планах верховного командования вермахта: намечалось не только остановить быстро продвигавшиеся к Рейну американские и английские войска, но и нанести им решающий удар. Замысел гитлеровской ставки был таков: из района Аахен — Люксембург ударить танками в направлении Антверпена, чтобы отрезать 2-ю британскую группу армий от подошедших вплотную к Аахену американских дивизий. Осуществить это поручалось группе армий «Б» под командованием генерал-фельдмаршала Вальтера Моделя — любимца Гитлера. Из района Голландии его должна была поддержать группа армий «Х» генерал-полковника Штудента.

Гитлер приказал огласить список соединений и их командиров.

— 7-я армия — левый фланг, 5-я танковая армия генерала фон Мантейфеля — центр, 6-я танковая армия СС генерал-полковника СС Зеппа Дитриха — правый фланг.

Фюрер кивнул в знак согласия.

— Атаковать коммуникации союзников в устье Шельды средствами морского ближнего боя должен вице-адмирал Хейе.

Гитлер снова кивнул: да, для такой операции не сыскать более надежных командиров.

Дошло дело и до Скорцени, Гитлер приказал: «На вас и подчиненные вам подразделения возлагается одна из важнейших задач наступления. Действуя в тылу противника, вы обязаны захватить один или несколько мостов через Маас на участке между Льежем и Намюром. При выполнении этой задачи вы для маскировки переоденетесь в форму английских и американских солдат… Кроме того, необходимо выслать вперед небольшие команды также в английской и американской форме, которые должны распространять дезинформирующие приказы, нарушать связь и вносить в ряды войск противника замешательство и панику…»

До сих пор военная форма противника использовалась командованием вермахта и СС в диверсионных целях только на Восточном фронте.

Скорцени прекрасно понимал, что такое одеть немецких солдат в английскую и американскую военную форму и затем бросить их в бой. Для тех из них, кто попадет в руки противника, это будет равносильно верной смерти.

Времени на подготовку у Скорцени было немного. Прежде всего он вновь сменил фамилию и стал зваться Золяром. Подчиненная Скорцени 150-я танковая бригада была придана 6-й танковой дивизии СС. Пользуясь предоставленными ему чрезвычайными полномочиями, Скорцени отобрал военнослужащих вермахта, которые более или менее сносно говорили по-английски. Из лагерей для военнопленных привезли английских и американских унтер-офицеров: они должны были научить немецких диверсантов наиболее употребительным английским фразам, американскому жаргону и преподать им формы обращения и поведения солдат американских и английских войск. Потом Скорцени распорядился доставить ему английское и американское обмундирование, а также личные документы убитых или находящихся за колючей проволокой солдат и офицеров войск западных держав. На военный полигон Графенвёр стало поступать английское и американское трофейное оружие — от офицерских пистолетов до танков «шерман».

Сообщники человека со шрамами занялись обучением трех тысяч говорящих по-английски немецких солдат и офицеров «науке» диверсии. Жилые бараки, где разместился личный состав 150-й танковой бригады, охранялись эсэсовцами. У солдат и офицеров отобрали немецкие удостоверения личности, а их переписка подвергалась строгой цензуре службы безопасности. Перед диверсионными отрядами Скорцени, которые эсэсовцы называли гангстерским словечком «гэнгз», стояла задача в неразберихе, вызванной внезапным наступлением немецких войск, перейти линию фронта и проникнуть в тыл противника. Диверсантов снабдили фунтами стерлингов и долларами (фальшивыми, разумеется), а для подкрепления морального духа выдали каждому капсулу с цианистым калием — Скорцени сам распорядился об этом. Участники предстоявшей операции постепенно осознавали, что они, в сущности, потенциальные мертвецы.

14 декабря 1944 года Скорцени объявил командирам трех боевых групп задачи по осуществлению операции «Гриф» — так на языке эсэсовцев должны были именоваться действия диверсантов в тылу англо-американских войск. Штандартенфюрер СС Иоахим Пайпер получил от Скорцени задание переправиться со своим отрядом через Маас в районе Льежа и во что бы то ни стало занять и удержать все стратегически важные переправы.

На рассвете 16 декабря 1944 года на английские и американские войска внезапно обрушился удар, вызвавший их

беспорядочное отступление на фронте протяженностью в сотни километров. Низко нависшие тучи свели на нет превосходство англо-американской авиации. Командование гитлеровцев воспользовалось этим. Немецкие танки смяли передовые позиции союзников. В поток поспешно отступающих войск незаметно влились диверсионные отряды Скорцени. Они давали частям противника ложные приказы, нарушали телефонную связь, уничтожали и переставляли дорожные указатели, перекрывали дороги, минировали железнодорожные пути и шоссе, взрывали склады боеприпасов. Американцы и англичане расплачивались за свою беспечность. На коммуникации англо-американских войск обрушились ракеты «фау». Вскоре «томми» и «ами» были уже не в состоянии различить, где фронт, где тыл. Тысячи из них погибли либо попали в руки эсэсовцев в первые же часы наступления. На поле боя остались подбитыми и сгоревшими 700 танков союзников. Фронт был прорван.

Во многих местах войска СС действовали с присущей им жестокостью. Например, на второй день наступления подчиненный Скорцени штандартенфюрер Пайпер приказал расстрелять на развилке дорог юго-восточнее Мальмеди 71 безоружного американского военнопленного. Эсэсовцы опасались, что пленные могут впоследствии разоблачить одетых в форму противника диверсантов. Но вскоре агентам Скорцени пришлось поплатиться своими жизнями за операцию «Гриф».

Капитан американской Си-ай-си[42] Вэйнрайт во время проверки документов на одной из дорог в тылу англо-американских войск задержал джип с переодетыми людьми Скорцени и случайно обнаружил в этой автомашине рацию германского образца.

22 декабря 1944 года в бельгийском городке Анри Шапелль военно-полевой суд американской армии приговорил к смертной казни трех диверсантов из отрядов Скорцени. Их показания послужили исходной точкой для операции, которую американские военные историки громко назвали «самой крупной охотой на шпионов» во всей военной истории США. В течение нескольких последующих дней перед военными трибуналами предстали еще 128 террористов Скорцени, и им был вынесен смертный приговор.

Катастрофические последствия наступления гитлеровцев в Арденнах заставили английского премьер-министра Уинстона Черчилля спешно обратиться с призывом о помощи к правительству СССР. Он просил ускорить срок намеченного наступления советских войск на советско-германском фронте, чтобы тем самым ослабить натиск немцев на Западе. Советское

командование выполнило свой союзнический долг.

Арденнское наступление гитлеровцев постепенно выдыхалось. Подчиненная Скорцени диверсионная часть потеряла более двух третей личного состава. Операцию в Арденнах начали около трех тысяч диверсантов Скорцени, обратно же вернулась лишь жалкая кучка. А человек со шрамами вновь был удостоен благосклонности фюрера. Он получил Почетную планку к Рыцарскому кресту.

Те, кто служил Скорцени орудием осуществления диверсионных планов, остались лежать в бельгийской земле, под чужими именами, а зачастую неопознанные. Любимец же Гитлера со шрамами на физиономии отбыл в рождественский отпуск.

«УДЕРЖАТЬ ПОЗИЦИИ НЕВОЗМОЖНО!»

В те дни в замке Фриденталь царило лихорадочное возбуждение. Не успели прибыть из Арденн остатки разгромленных групп диверсантов, как во все направления уже выезжали новые диверсионные отряды. На полную мощность работали технические отделы, изготавливавшие новые подложные удостоверения, микрофильмы секретных документов и картотек агентов. В каминах замка, превращаясь в пепел, горели секретные бумаги. Штурмбаннфюрер СД барон фон Лепель получал приказы весьма деликатного свойства. В них все чаще звучало слово «Испания». Речь шла о будущей деятельности нацистского шпионского центра в Барселоне, который скрывался под вывеской «Немецкой школы языка и коммерции». Вскоре у руководителя агентурного центра военного управления (Amt Mil) в Мадриде подполковника генерального штаба Арно Клейенштубера оказалось по горло работы.

По приказу Вальтера Шелленберга сотрудники эсэсовской секретной службы упаковывали архивы и перебрасывали самолетами самые ценные материалы в свои испанские филиалы. Тайные курьеры непрерывно прибывали во Фриденталь и покидали его с набитыми доверху чемоданами.

Вести с фронта были неутешительны: подчиненные Скорцени истребительные части доносили только о потерях. Истребительный батальон «Ост» получил от Скорцени приказ оборонять от наступающей Советской армии город Иновроцлав, недалеко от Быдгоща. 18 января 1945 года человек со шрамами пожал на прощание руку командиру батальона фон Фёлькерсаму. А спустя одиннадцать дней истребительный батальон был полностью уничтожен наступающими советскими частями. «Из всего батальона во Фриденталь вернулись лишь два офицера и трое рядовых, да и те были уже не люди, а жалкие развалины», — записал в своем дневнике Скорцени. Но он умолчал о том, что поведали уцелевшие. «Когда нас окружили русские, — докладывал Скорцени подполковник Фридрих Вильгельм Гейнц, — гауптштурмфюрер фон Фёлькерсам решил прорваться. Нас осталось всего около полусотни. Боеприпасов было еще достаточно. 21 января мы послали вам, господин оберштурмбаннфюрер, радиограмму: «Удержать позиции невозможно! «Но ответа не получили. Тем временем мы искали слабое место в кольце. Гауптштурмфюрер Фёлькерсам погиб, наткнувшись на разведывательный дозор». Ему не помогли форма советского офицера и отличное знание русского языка. Вместе с

ним нашли свою смерть еще четыре диверсанта, также переодетые в форму советских солдат. На Скорцени гибель сообщников не произвела никакого впечатления. Ему были неведомы угрызения совести. Ведь он даже не ответил на призыв Фёлькерсама о помощи. Телеграмма со словами «Удержать позиции невозможно!» наверняка сгорела в камине, прочитанная лишь адъютантом Скорцени.

«ОТТО-ВЕШАТЕЛЬ» ЗВЕРСТВУЕТ В ШВЕДТЕ

В последний день января 1945 года Гиммлер срочно вызвал Скорцени к телеграфному аппарату. Оберштурмбаннфюрер следил, как на ленте отпечатывались буквы: «Приказ № 831. Истребительным батальонам со всеми имеющимися подразделениями сегодня же выступить к Шведту-на-Одере и создать плацдарм восточнее Одера, достаточно большой, чтобы в дальнейшем перейти оттуда в наступление и нанести удар противнику. Командующий группой армий «Висла» Гиммлер».

Человеку со шрамами стало не по себе: это означало, что линия фронта проходит уже в 60 километрах от Берлина! Скорцени поднял на ноги все, что еще было можно. Из Фриденталя он захватил с собой истребительный батальон «Центр». Батальон «Норд-Вест», равный по численности лишь одной роте, выступил в восточном направлении. В Нойштрелице готовился к своему последнему бою 600-й парашютно-десантный батальон, также находившийся в распоряжении Скорцени.

В последующий месяц любимец Гитлера показал, как он понимает «тотальную войну» — теперь она уже шла на немецкой земле. Эсэсовцы полностью хозяйничали в Шведте. Их штаб расположился в старом замке. Скорцени вызвал к себе местную нацистскую элиту: бургомистра города Шрадера-Роттмерса, являвшегося командиром фольксштурма, нацистского уполномоченного Ханко Крюгера и полицейского лейтенанта Думке и отдал распоряжения. Они были угодливо дополнены и приняты всеми присутствовавшими. Приказ Скорцени гласил: «Население Шведта подлежит принудительной эвакуации. Всех мужчин, способных носить оружие, бросить на усиление фольксштурма. Остальных жителей мужского пола мобилизовать для работ по созданию оборонительных сооружений на восточном берегу Одера. Никто не имеет права покинуть район плацдарма без письменного разрешения. Постам СС обеспечить проверку документов на улицах и вокзале. Взорвать лед на Одере. Затопить все низменности. Все мосты, особенно на плотинах через Одер, подготовить к взрыву. О любом невыполнении приказаний доносить немедленно».

Затем под команду Скорцени был передан дислоцировавшийся в Шведте 3-й танково-гренадерский батальон. Солдат выстроили, и Скорцени объявил приказ Гиммлера: «Семьи тех, кто сдастся в плен, не будучи ранен, подлежат уничтожению. Этого требуют долг перед народом и традиции германцев».

Тем временем разведка донесла, что войска 1-го Белорусского фронта неудержимо продвигаются к Шведту. Скорцени по радио запросил подкреплений. И Гиммлер поспешил направить ему немалые силы. Рейхсмаршал Геринг передал в распоряжение человека со шрамами даже свой личный охранный батальон «Герман Геринг». Теперь недолго оставалось ждать и назначения Скорцени командиром дивизии. На таком высоком командном посту даже в последние дни войны не так уж часто можно было встретить оберштурмбаннфюрера СС.

Боевой дух солдат, понадерганных из тыловых служб и госпиталей, не мог удовлетворить Скорцени. Им было ясно: война проиграна. Непрерывно следовавшие через Шведт колонны насильно эвакуированных жителей из районов, расположенных восточнее Одера, угнетающе действовали на психику солдат. Усиливались пораженческие настроения. Скорцени решил навести порядок.

4 февраля 1945 года — третий день пребывания Скорцени в Шведте. В 3 часа дня к ратуше, где заседает военный суд под председательством Скорцени, подъезжает пожарная машина; на ней человек в кандалах. Машина останавливается под деревом, из уст привезенного несутся проклятия. Осужденному надевают петлю на шею, перекидывают веревку через сук. Вокруг толпятся беженцы, глазеют зеваки. Лейтенант полиции Думке дает знак. Машина медленно двигается с места, затягивая петлю.

На грудь казненному вешают щит: «Я, Курт Флётер, повешен за то, что бросил свой город в беде». Так расправился Скорцени с бургомистром небольшого городка Кенигсберг в округе Неймарк. Целых пять дней висело тело Флётера у дороги, по которой проходили сотни людей, и, только когда труп стал разлагаться, Скорцени разрешил снять и похоронить его.

Специалист по диверсиям продолжал свирепствовать. День за днем выносились смертные приговоры. Публичные казни стали в Шведте обычным явлением. Эсэсовские подручные Скорцени вешали людей на перилах мостов через Одер, на мачтах судов, на кладбищенских оградах, на здании вокзала в Ангермюнде. Один солдат из Кёльна был повешен за то, что, встретив в колонне беженцев свою мать, проводил ее около километра. По приказу Скорцени на тело казненного повесили доску с надписью: «Я, Норберт Роберт, дезертировал из части. За это меня вздернули! «Через несколько дней был повешен обер-лейтенант Рихтер: «За бегство от врага».

В городе Ангермюнде, неподалеку от Шведта, по приказу Скорцени были казнены три солдата.

Это далеко не полный список казненных по приказу

Скорцени. Имена многих жертв еще не установлены: человек со шрамами предусмотрительно запретил регистрировать их смерть в актах гражданского состояния, а трупы солдат закапывали, сняв с них личные опознавательные знаки, или же просто бросали в общие могилы.

Солдаты-фронтовики и гражданское население, познавшие на себе звериную жестокость Скорцени, прозвали его «Отто-вешатель». К тому времени, когда Скорцени покинул Шведт, общие могилы были полны до краев, жители разбежались, город и его окрестности опустели, свыше 3 тысяч гектаров земли оказались затопленными, от мостов уцелели лишь одни сваи, шлюзы и насосные станции были разрушены, а из каждых десяти жилых зданий восемь превращены в развалины.

Любимцу фюрера так и не удалось удержать шведтский плацдарм. Однако Гитлер вновь удостоил человека со шрамами награды — Дубовым венком к Рыцарскому кресту. Это произошло в марте 1945 года, когда нацист № 1 в последний раз приказал доложить ему о Скорцени.

КОНЕЦ ОДНОГО ДЕВИЗА

«Не возиться!» — таков был девиз эсэсовских охотников на людей.

Истребительные батальоны «Центр» и «Норд-Вест», а также парашютисты-эсэсовцы являлись костяком тех войск, которые удалось собрать в районе Шведта из разрозненных частей. Эсэсовцы все еще возлагали большие надежды на диверсионные операции.

Однажды эсэсовец Иван Челибовский — он родился в Париже и был сыном гвардейского офицера царской армии — вместе с эсэсовским парашютистом Куртом Франце получил задание разведать расположение советских частей в районе Хоенкрениг. Оба тщательно подготовились к ночной вылазке: сняли с себя маскировочные халаты и надели шинели советских солдат. Челибовский был уверен в удаче, так как с детства говорил по-русски; лишь бы не выяснилось, что Франце — немец. Наметив маршрут, они зарядили автоматы. Было условлено, что при возвращении оба поднимут над головой стальные каски.

Не пройдя и четырех километров, эсэсовцы натолкнулись на дозор из двух советских солдат и, тихо подкравшись, решили действовать. Прыгнув сзади на советского солдата, Челибовский стал его душить. Оба покатились по земле. Франце поспешил на помощь Челибовскому, но в спину ему ударила автоматная очередь второго дозорного. На выстрелы из леса выскочили поднятые по тревоге советские солдаты. Челибовский спотыкался, падал и полз дальше. Харкая кровью и временами теряя сознание, он с трудом дотащился до немецких позиций. На рассвете 15 февраля унтерштурмфюрер Райнхольд Вагнер, проверяя посты, увидел на заснеженном предполье советского солдата, ползущего к его окопу. «Ну и задам я жару этому Ивану! «- буркнул он сквозь зубы и лег за пулемет. Через секунду комок перестал двигаться. Тогда лейтенант приказал одному из парашютистов притащить убитого в окоп и стал искать документы, чтобы установить, к какой части тот принадлежит. Но, кроме бесшумного пистолета в кармане брюк убитого, он ничего не обнаружил. Когда после звонка в штаб Скорцени русского доставили в Шведт, командир 2-й роты истребительного батальона «Центр» опознал его: это был диверсант Иван Челибовский, убитый своими же эсэсовцами. Спустя пять дней в общую могилу бросили и эсэсовского унтерштурмфюрера Райнхольда Вагнера.

Могилы поглощали эсэсовских головорезов одного за другим. Солдатам, работавшим день и ночь в похоронных командах, и без

девиза «Не возиться! «не хватало времени, чтобы хоть закрыть глаза тем, кто жаждал покорять, терроризировать и истреблять.

ОТСТУПЛЕНИЕ В АЛЬПЫ

В начале апреля 1945 года человек со шрамами обосновался в покоях замка Визовице. Владелец замка барон фон Вальдек был рад столь редкому гостю, посетившему его заброшенное в глуши поместье. Но Скорцени прибыл сюда вовсе не в гости к барону, а с иной целью. Начальник полиции безопасности и службы безопасности Кальтенбруннер дал директиву перебросить в «Альпийскую крепость» остатки разгромленных эсэсовских частей. «Альпийская крепость» была одной из последних ставок нацистов. Здесь, в труднодоступных альпийских районах Тироля и Штайера, гитлеровцы рассчитывали окопаться и продолжать борьбу до последнего человека.

Гиммлер передал Кальтенбруннеру все свои полномочия в этом районе как рейхсфюрера СС, имперского министра внутренних дел и главнокомандующего армией резерва. Кальтенбруннер приказал заложить динамит на всех перевалах и горных дорогах, чтобы подготовить их к взрыву. Он и на этот раз избрал Скорцени в качестве своей надежной опоры. По пути в этот нацистский заповедник человек со шрамами по приказу шефа посетил генерал-фельдмаршала Шёрнера. Тот поделился со Скорцени своими трудностями.

В тылу армейской группы Шёрнера в Моравии активно действовала 1-я чехословацкая партизанская бригада «Ян Жижка», проникшая сюда из Словакии. Партизаны были полны желания поскорее освободить родину от фашистов. Своими действиями они угрожали линиям снабжения гитлеровского вермахта по шоссе и железным дорогам в районе Злина. Эти коммуникации были необходимы Шёрнеру для переброски войск. Он знал, что остатки истребительного батальона «Зюд-Ост» с конца прошлого года располагаются в здании школы в Визовице — большой деревне в 12 километрах восточнее Злина. Но Шёрнер не мог распоряжаться этим батальоном, ибо он, как часть особого назначения, подчинялся лишь Скорцени.

Скорцени дал обещание Шёрнеру немедленно навести порядок в этом районе. Прибыв в Визовице, он сразу же установил контакт с гестапо Злина. За неделю до этого гестаповцам удалось заслать в небольшой партизанский отряд своего человека, который выдавал себя за партизана Ковача. В картотеке же гестаповских агентов он числился под именем Олдржих Батя. Возвратившись из отряда, Батя по совету оберштурмфюрера ГС Хайнеке[43] отправился в замок Визовице к человеку со шрамами. Скорцени интересовало прежде всего, где

партизаны, сколько их, как вооружены. Батя постарался дать исчерпывающие ответы. Всю ночь на покрытые снегом дорожки парка падал свет из прикрытых жалюзи окон кабинета Скорцени.

На рассвете 19 апреля 1945 года командир роты истребительного батальона «Зюд-Ост» оберштурмфюрер СС Хайнеке выслушал указания Скорцени.

Жирные синие стрелы на его карте нацелились на расположенный в стороне от дороги населенный пункт Плоштина. В этом районе, как сообщил Батя, скрывались чехословацкие партизаны. Совещание длилось недолго. Гестапо Злина и эсэсовская команда карателей могли приступить к операции.

Около полудня грузовики и вездеходы Скорцени с эсэсовцами начали прокладывать путь по занесенным снегом дорогам. Колонна разделилась. Несколько грузовиков направилось в Высоко Поле, другие — в Тихов, большинство же машин двинулось по проселку на Поздехов. Это были исходные пункты для намеченного окружения лесного района вокруг Плоштины.

В уезде последний грузовик остановился, с него спрыгнула группа эсэсовцев. Местные жители скрылись в домах. На улице остались только Ладислав Рангль и его жена Власта. Эсэсовцы схватили обоих и потребовали сказать, где скрываются партизаны. Рангли были не из здешних мест и ничего не знали. Не спасло их даже то, что документы оказались в полном порядке. Ведь своими вопросами эсэсовцы посвятили их в план Скорцени. Поэтому Ранглей прикончили на околице.

Кольцо вокруг крестьянских дворов Плоштины сжималось. Талый снег хрустел под сапогами бандитов, овчарки рвались с поводка, пистолеты и автоматы были сняты с предохранителей. Всех крестьян, работавших в поле и в лесу, заставили вернуться. Эсэсовцы ворвались в дома и вместе с гестаповцами быстро произвели обыски. Ни партизан, ни оружия обнаружить не удалось. Ведь партизаны, как только Ковач не вернулся с поста, ушли из плоштинского леса, предвидя предательство. Неудача привела эсэсовцев и гестаповцев в бешенство. Они выгоняли скот из хлевов, грабили дома, отнимали у жителей ценные вещи.

Все это происходило на глазах у двух десятков крестьян и батраков, которых согнали в кучу и зверски избили. Гестапо требовало сведений о партизанах, но ничего не могло добиться.

Над домами занялись первые языки пламени: это каратели, облив бензином здания, подожгли их. Бандиты и на сей раз не хотели ударить лицом в грязь перед своим шефом Скорцени.

Эсэсовцы схватили Яна Маху, избили его и приказали: «А ну, свинья, партизан, марш в огонь! «Маху в отчаянии побежал к

горящему дому. Под гогот эсэсовского отребья он бросился в пылающий дом; вслед раздались выстрелы. Теперь наступила очередь Франтишка Трчки. Он не мог решиться. Пуля из офицерского пистолета прикончила его. Два эсэсовца бросили труп в пламя.

Оставшиеся 22 крестьянина звали на помощь, умоляли о пощаде. Залпы один за другим разорвали тишину. Смолкли крики. Выросла гора трупов. Палачи бросили окровавленные тела в объятые пламенем дома. За это преступление эсэсовцам была обещана дополнительная порция шнапса. Скорцени остался доволен. Неважно, что в деревне не удалось обнаружить ни одного вооруженного партизана!

Загудели моторы. Колонна в полном составе двинулась обратно в Визовице и Злин.

В «АЛЬПИЙСКОЙ КРЕПОСТИ»

В последние дни войны человека со шрамами видели в «Альпийской крепости». Его штаб-квартира находилась в Радштадте. Он вернулся или, вернее сказать, был изгнан в ту страну, где родился, — в Австрию.

Из остатков своих истребительных батальонов Скорцени попытался сформировать охранный корпус «Альпенланд», но от шести батальонов осталось каких-нибудь 250 человек. С ними он и добрался до «Альпийской крепости». Это были отборные эсэсовцы из истребительных частей «Центр», «Зюд-Вест» и визовицской команды батальона «Зюд-Ост».

Земля Зальцбург кишмя кишела эсэсовцами. Здесь назначили последнюю встречу Кальтенбруннер, Скорцени, Эйхман, Хёттль и прочий сброд, принадлежавший к эсэсовской верхушке.

Когда 25 апреля 1945 года советские, американские и английские солдаты пожали друг другу руки на Эльбе у города Торгау, эсэсовской элите стало ясно, что оставшаяся еще не занятой войсками союзников часть Германии теперь окончательно рассечена на северную и южную половины. Расчеты эсэсовских главарей на конфликт при встрече англо-американских войск с Советской армией потерпели крах.

Эсэсовская элита, обосновавшаяся в Альпах, узнала по радио, что Гитлер покончил жизнь самоубийством в Берлине. И все-таки эти бандиты собирались продолжать войну. Кальтенбруннер взял на себя командование в последнем нацистском прибежище. Он снова послал штурмбаннфюрера СС Хёттля в Швейцарию, чтобы через начальника европейского отдела американской секретной службы Аллена Даллеса предложить англичанам и американцам сепаратное перемирие. Кальтенбруннер даже намеревался сформировать собственное австрийское правительство: в списке министров уже стояла фамилия штурмбаннфюрера СС Хёттля, выполнявшего роль связного с американской секретной службой.

Тем временем Скорцени лихорадочно готовил «Альпийскую крепость» к обороне. Крестьян, проживавших в этом горном районе, в том числе стариков и женщин, заставляли рыть окопы, минировать дороги, сооружать походные лазареты. Штабофицеры Скорцени Хунке и Радль рылись в старых архивах: надо было раздобыть сведения о заброшенных горных штольнях, чтобы использовать их в качестве бункеров, складов боеприпасов и тайных убежищ.

Кальтенбруннер собирался и впредь пользоваться фальшивыми деньгами, он даже установил контакты со

швейцарскими банками и торговыми кругами. Ведь за границей все еще не обнаружили, что через свою широко разветвленную сеть эсэсовцы пустили в оборот свыше 350 миллионов фальшивых фунтов стерлингов. Агенты СС сумели путем различных коммерческих операций переправить в Германию из Швейцарии, Испании, Португалии и Швеции 130 миллионов настоящей валюты. 50 миллионов фунтов стерлингов такой валюты притекло по тем же каналам из Франции, Голландии и Венгрии, где в последние дни нацистской оккупации спекулянты охотно приобретали фунты. Кальтенбруннер рассчитывал и на возврат 30 миллионов фунтов стерлингов, но уже не фальшивой валютой, из Турции и других стран Ближнего и Среднего Востока. Через своих подставных лиц эсэсовские главари перевели большие суммы на собственные счета в заграничных банках. Как раз в это время Кальтенбруннер переправил значительное количество фальшивых денег в Швейцарию и Испанию. Транспортировка их через каналы секретной службы была делом довольно несложным, особенно если принять во внимание, что в одном чемодане среднего размера без труда можно было провезти 500 тысяч фунтов стерлингов, что соответствовало 10 миллионам марок.

Кальтенбруннер еще раньше позаботился о том, чтобы эсэсовская операция «Бернхард» продолжалась и в неразберихе последних недель войны. Он приказал перенести производство фальшивых денег из концлагеря Заксенхаузен в одну из надежных горных шахт своей «Альпийской крепости», а потом в концлагерь Эбензее. В конце 1944 года были отпечатаны первые долларовые банкноты, которые почти не отличались от настоящих. Но американские войска продвигались с такой быстротой, что пришлось спешно свернуть производство фальшивых долларов. Печатные машины были взорваны, а фальшивые банкноты эсэсовцы уложили в специальные ящики. Клише и рецептуру бумаги тщательно упаковали в стальные футляры. Списки зарубежных складов эсэсовских фальшивых денег, агентов по их распространению и выписки из замаскированных счетов в банках различных государств запечатали в специальную сумку.

3 мая 1945 года, в тот самый день, когда по радио было передано сообщение о полной капитуляции Берлина, специально выделенный оберштурмфюрер СС, погрузив на автомашины ящики с деньгами и стальные футляры, отправился к Кальтенбруннеру в Бад-Аусзее. Но эсэсовец смог добраться только до Теплицзее — глубокого горного озера, вблизи которого располагалась экспериментальная подводная база германского военно-морского флота. Там у одного из грузовиков сломалась ось. Кроме того, автоколонна не могла преодолеть

труднопроходимые горные дороги. Часть огромных ящиков с фальшивыми деньгами на 14 лет погрузилась на дно озера Теплицзее. А остальные?

О том, чем закончилась в те майские дни, всего за 100 часов до капитуляции гитлеровской Германии, эсэсовская афера с фальшивыми деньгами, рассказал в своей книге Хёттль: «С остатками своей колонны он (упомянутый выше оберштурмфюрер СС. — Авт.) направился к Аусзее и встретил там Кальтенбруннера, который в это время возвратился (в свою штаб-квартиру. — Авт.). От него он получил приказ вручить оставшуюся часть своего груза лейтенанту СС (в действительности оберштурмбаннфюреру СС Отто Скорцени. — Авт.), руководителю группы в VI управлении службы безопасности — человеку, который стал известен в связи с освобождением Муссолини. Скорцени находился тогда в Радштадте (земля Зальцбург) и хотел организовать в горах сопротивление до последнего человека».[44] Таким образом, Скорцени получил в наследство гитлеровское «бумажное оружие» — фальшивые деньги для подрывной деятельности.

ПОДЛОЖНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ БОЛЬШИМ СПРОСОМ

В последние дни войны Гиммлер и начальник зарубежного шпионажа Вальтер Шелленберг решили сделать ставку на правительство преемника Гитлера адмирала Деница, находившееся в Фленсбурге. Оба они очутились в Северной Германии. А начальник Главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер, оставшийся в «Альпийской крепости», назначил двух своих самых верных приспешников на важные посты. Одним из них был оберштурмбаннфюрер службы безопасности Вильгельм Ванек. Ему было поручено руководить VI управлением Главного управления имперской безопасности. Другой — Отто Скорцени — получил назначение на пост начальника военного управления (Amt Mil) Главного управления имперской безопасности, т. е. стал руководителем всего военного аппарата секретной службы СС и службы безопасности. Отныне он уже официально принадлежал к самому высшему кругу эсэсовского черного ордена. Но фактически он получил вместе со своим титулом лишь несколько ящиков с бумагами, контейнеры, доверху набитые «совершенно секретными делами государственной важности», а также пару канистр, содержимое которых было упаковано в водонепроницаемую бумагу: то были микрофильмы секретных документов. Дни пребывания Скорцени на этом посту можно сосчитать по пальцам: 8 мая 1945 года представителям гитлеровской Германии пришлось подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Война в Европе закончилась. Немецкие солдаты бросали оружие и по условиям капитуляции отправлялись в плен. Госпитали и лазареты были переполнены. Из подвалов разрушенных домов стали выходить женщины и дети. Все и вся в Германии было дезорганизовано, ее экономика — парализована.

Но Скорцени и не помышлял о капитуляции. Вместе со своими штаб-офицерами Радлем и Хунке он укрылся в альпийской хижине и там разработал новые планы: скрыть и вывезти секретные материалы; создать тайные склады оружия и организовать активное сопротивление оккупационным войскам; спасти своих агентов и сохранить контакты со всеми попавшими в плен сотрудниками службы безопасности; обеспечить с помощью доверенных лиц службы безопасности надежные маршруты для бегства преследуемых видных гитлеровцев.

В руках Скорцени находились все материалы о созданной им

во Франции, Италии, Голландии, Бельгии, Румынии и Венгрии агентурной «сети вторжения». Такую сеть шпионов и диверсантов, со складами оружия и рациями, эсэсовцы оставили во всех странах, из которых им пришлось бежать под ударами войск антигитлеровской коалиции. В распоряжение тех, кому предстояло действовать в «Альпийской крепости», был оставлен склад оружия, запрятанный Скорцени в одной из штолен Зальцбурга. Здесь хранились многие тонны динамита и специальной взрывчатки, взрыватели, бомбы с часовым механизмом, мины различной конструкции, а также ручное огнестрельное оружие и ручные гранаты новейшего образца. Однако американцы случайно обнаружили этот склад и ликвидировали его.

Теперь уже и Гиммлер, и Кальтенбруннер пользовались подложными документами, сфабрикованными возглавлявшимся Скорцени центром по изготовлению фальшивых бумаг, который к тому времени переместился в «Альпийскую крепость». Еще в Берлине Скорцени по просьбе своего верховного шефа снабдил Гиммлера военным билетом на имя фельдфебеля Генриха Хитцингера и капсулой с синильной кислотой. Своему другу Кальтенбруннеру человек со шрамами выдал немецкий паспорт на имя Артура Шайдлера. На это имя в заграничных банках было открыто несколько счетов на общую сумму 2 277 625 марок в иностранной валюте. В конце концов и Кальтенбруннеру хотелось извлечь выгоду из операции «Бернхард», соответствующую его высокому рангу!

Военный билет на имя Адольфа Барта Скорцени вручил убийце миллионов евреев оберштурмбаннфюреру СС Адольфу Эйхману. Получили тщательно изготовленные подложные удостоверения, солдатские книжки, госпитальные справки и удостоверения узников концлагерей также и охотники на людей, возглавляемые Скорцени.

Сотрудники службы безопасности временно рассредоточились по хижинам и крестьянским дворам либо поселились в палатках на альпийских лугах, пока гауптштурмфюрер СС Хунке не подал им сигнала скрываться поодиночке. Предварительно он дал подробную инструкцию насчет методов поддержания взаимных контактов и назвал заранее намеченные сборные пункты.

Прятать же секретные материалы и приспособления для печатания фальшивых денег Скорцени пришлось вместе с Радлем и Хунке. Медлить было нельзя — со дня капитуляции гитлеровской Германии уже прошла целая неделя. Стремясь не упустить эсэсовских главарей и нацистских преступников,

австрийские антифашисты вместе с американскими солдатами километр за километром прочесывали хорошо знакомый им горный район.

Кальтенбруннера они уже нашли. Отличавшемуся огромным ростом и достаточно хорошо известному по публиковавшимся в печати снимкам шефу полиции безопасности и службы безопасности не помогли фальшивые документы. Гауптштурмфюрер СС Хунке сумел ускользнуть. Но Скорцени и Радлю скрыться не удалось. 15 мая 1945 года они были арестованы.

Казалось, теперь справедливость вступила в свои права. Личность Скорцени быстро установили, и его взяли под усиленную охрану.

Начальник секретной службы СС очутился в мышеловке. Ему так и не пришлось воспользоваться самолетом «физелер шторьх», уже стоявшим наготове в горах на высоте 1900 метров.

ЗАЩИТА БЕЗ ОБВИНЕНИЯ

Выходившие в Германии тощие послевоенные газеты и огромные плакаты возвестили о предстоящем наказании главных военных преступников. В середине ноября 1945 года в Международном военном трибунале в Нюрнберге начался процесс над главными военными преступниками. Перед судом народов на скамье подсудимых оказалась гитлеровская разбойничья гвардия: Геринг, Кальтенбруннер, Зейсс-Инкварт, Франк, фон Нейрат, Кейтель, Йодль, Дениц, Редер, Розенберг, Фрик, Штрейхер, Гесс, Заукель, фон Ширах, фон Риббентроп, фон Папен, Функ, Шпеер, Шахт и Фриче. Был объявлен розыск сбежавшего руководителя канцелярии нацистской партии и секретаря Гитлера Мартина Бормана. Обвинение было выдвинуто против СС, гестапо, руководящего состава нацистской партии, гитлеровского генерального штаба и стоявших за ними магнатов Рейна и Рура.

А в лагере Оберурзель за решеткой сидел военный преступник номер 31 G350 086 — Отто Скорцени. Пять дней его продержали в одной камере с Кальтенбруннером: достаточно времени, чтобы сговориться напоследок.

В Нюрнберге адвокат Роберт Серватиус[45] рьяно защищал подсудимого Заукеля. Одновременно он старался спасти от приговора народов руководящий состав нацистской партии, который обвинялся в качестве преступной организации. Серватиус построил свою защиту на утверждении, будто «золотые фазаны»[46] не виновны в совершенных нацистами зверствах, поскольку, мол, не участвовали в этих преступлениях и, более того, вообще не знали о них. Но найти подходящих свидетелей, вполне понятно, оказалось делом почти невозможным: никто из тех, кто был знаком с деятельностью нацистской партии, СС и службы безопасности, жертвами которых стали миллионы людей, не смог бы с чистой совестью подтвердить под присягой этот выдуманный Серватиусом вздор.

Заукель назвал защитнику дюжину своих единомышленников, на которых мог положиться и теперь. Но все они уклонились от лжесвидетельства, за исключением двух: штандартенфюрера СС графа Макса-Эрдмана Рёдерна и оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени. Эсэсовец-граф в своих показаниях ограничился лишь ссылкой на то, что в 1943 году концентрационный лагерь Заксенхаузен посетили группенлейтеры нацистских зарубежных организаций, у которых при этом сложилось впечатление, что «все слухи,

распространявшиеся за границей о концентрационных лагерях, лишены основания».[47] Но свидетельство это было весьма смехотворно.

Куда больше пользы надеялся получить Серватиус от заявления Скорцени. Данные под присягой показания этого влиятельного фюрера службы безопасности, руководящего сотрудника гиммлеровского штаба с многолетним стажем, должны были, по мнению Серватиуса, завоевать у трибунала особое доверие. Скорцени, разумеется, хорошо знал о том, что творилось в концлагерях (и не только потому, что часто посещал Заксенхаузен и Освенцим), однако его не смутила роль лжесвидетеля.

Скорцени не только лгал, но и умалчивал о том, что ему было очень хорошо известно. Фриц Заукель был одним из ближайших сообщников Гитлера, начиная с 1932 года нацистским гаулейтером, обергруппенфюрером СА и имперским наместником. Он согнал из оккупированных стран пятимиллионную армию рабов и продал их германским монополиям. Заукель принадлежал к руководящей верхушке СС: в списке главарей СС Фриц Заукель стоял по старшинству на 34-м месте, имея чин обергруппенфюрера СС (что соответствовало генералу войск СС). А Скорцени, не моргнув глазом, заявил под присягой, что обергруппенфюрер Заукель, будучи гаулейтером, не знал, для чего предназначались нацистские лагеря и что творилось на этих фабриках смерти. Между тем имперский наместник Фриц Заукель целый год лично добивался от Гиммлера, чтобы рядом со столицей его «гау» был создан один из крупнейших в Европе концентрационных лагерей.[48] «Золотой фазан» Заукель не раз бывал в Бухенвальде, этой обители ужаса, где нацисты подвергли зверским истязаниям 238 тысяч и уничтожили 56 тысяч узников. Адвокат Заукеля тщетно пытался опровергнуть это полностью доказанное преступление. Ни ему, ни Скорцени не удалось опутать суд народов паутиной лжи и обмана, сплетенной нацистской службой безопасности.

Находясь в тюремной камере, Скорцени делал все возможное, чтобы служба безопасности осталась цела, чтобы политическая секретная служба нацистов, действовавшая как внутри Германии, так и за рубежом, избежала ответственности. В этом стремлении Скорцени был единодушен с защищавшим службу безопасности на Нюрнбергском процессе адвокатом Гансом Гавликом, для которого он, как последний начальник военного управления Главного управления имперской безопасности, был идеальным коронным свидетелем. В другом заявлении под присягой Скорцени всячески затушевывал задачи VI управления РСХА,[49]

обеляя его деятельность. Однако и эта уловка Скорцени не удалась, а Заукель так и не избежал виселицы.

Международный военный трибунал признал руководящий состав национал-социалистской партии, ее охранные отряды (СС), гестапо и службу безопасности преступными группами и организациями. Народы с удовлетворением восприняли приговор Нюрнбергского суда, который гласил:

«Полиция безопасности и СД являлись добровольной организацией… Гестапо и СД использовались для целей, которые являлись согласно Уставу (Международного военного трибунала. — Пер.) преступными и включали преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы на оккупированных территориях, проведение программы рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и убийство их. Подсудимый Кальтенбруннер, являвшийся членом этой организации, относился к числу тех, кто использовал ее для этих целей… Рассматривая дело СД, Трибунал имеет в виду управления III, VI и VII Главного имперского управления безопасности (РСХА) и всех других членов СД, в том числе всех местных представителей и агентов, почетных или каких-либо других, независимо от того, являлись ли они формально членами СС или нет.

Трибунал признает преступной согласно Уставу группу, состоящую из тех членов гестапо и СД, занимавших посты, перечисленные в предыдущем параграфе, которые вступили в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или как члены организации лично принимали участие в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является то, участвовала ли организация в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной…»[50]

Окончательный приговор международного суда службе безопасности и ее офицерам вплоть до агентов звучал так, словно был вынесен специально Скорцени. У убийцы югославских, советских, британских, американских, чехословацких и немецких граждан, у охотника на венских евреев оставалось мало надежды избежать справедливого возмездия. Теперь оккупационные власти союзных держав в Германии должны были привести нюрнбергский приговор в исполнение.

Будущее приняло для Скорцени цвет его былой парадной формы. Его фюрер Гитлер отправился на тот свет. Его рейхсфюрер СС Гиммлер, он же Генрих Хитцингер, еще в конце

мая 1945 года отравился цианистым калием в английском лагере для военнопленных в Люнебурге. Шеф службы безопасности Кальтенбруннер, приговоренный в Нюрнберге к смертной казни, при помощи пеньковой веревки отбыл в восхвалявшуюся эсэсовцами Вальгаллу.[51] Бывший непосредственный начальник Скорцени группенфюрер СС Вальтер Шелленберг сидел в тюрьме и с ужасом ожидал начала процесса в IV Нюрнбергском военном трибунале, где он должен был предстать в качестве одного из главных подсудимых.

Однако для Скорцени близилось спасение. Он и сам еще не знал об этом, когда тюремная охрана препровождала его на допрос, который вела группа офицеров американского генштаба. Здесь Скорцени отвечал на все вопросы и был словоохотлив: он понимал, что на карту поставлена его голова. Он дал понять, что знает гораздо больше и готов рассказать, если…

Скорцени увели.

«This is a fine fellow! «- «Славный парень! «, - воскликнул, обращаясь к членам комиссии, генерал-майор американской армии начальник Управления стратегических служб (УСС) Уильям Джозеф Донован.[52]

Донован еще в 1944 году желал заполучить Скорцени к себе на службу и через американское посольство в Мадриде собирался сделать ему соответствующее предложение. В роли связного между Скорцени и американскими контрагентами выступал рейхсмедик СС группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС профессор Карл Гебхардт. Под видом врача он частенько посещал Испанию и Португалию в качестве курьера секретной службы СС. Но тогда Скорцени еще старался внести свой вклад в окончательную победу Гитлера. А в 1946 году он уже сидел напротив своего партнера по переговорам, хотя сначала и не опознал того. Ему повезло, чертовски повезло!

Адъютант Донована тут же взял Скорцени на заметку. С этого момента американская разведка приняла его под свою опеку, и выяснилось это весьма скоро.

Приближался процесс по «делу о Мальмеди», где Скорцени должен был занять заслуженное место на скамье подсудимых. С мая по июль 1946 года перед американскими судьями предстало около сотни сообщников Скорцени, вместе с ним совершивших военные преступления во время гитлеровского наступления в Арденнах в декабре 1944 года. Среди них — такие видные главари бандитов, как обергруппенфюрер СС, генерал-полковник войск СС Зепп (Йозеф) Дитрих, командир 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Герман Присс и один из непосредственно подчиненных Скорцени

командиров штандартенфюрер СС Иоахим Пайпер. Эти убийцы, носившие когда-то эмблему черепа, обвинялись в неопровержимо доказанных преступлениях: использовании американской и английской военной формы, убийстве безоружных пленных и различных зверствах.

Но на скамье подсудимых не было Скорцени, того самого Скорцени, который командовал пресловутой 150-й танковой бригадой и изобличенной в военных преступлениях ротой агентов, организатора операции фашистской секретной службы под кодовым наименованием «Гриф», того самого Скорцени, который под чужой фамилией Золяр рвался на Запад вместе с 6-й танковой армией СС Зеппа Дитриха.

А все дело в том, что американские офицеры из лагерной администрации вовремя, будто бы невзначай подсказали ему лечь на небольшую и совершенно безопасную хирургическую операцию. Там, в госпитальной тиши, Скорцени и узнал о справедливом приговоре этого пока еще антифашистски действовавшего трибунала: 33 эсэсовских бандита были приговорены к казни, 23 эсэсовских офицера — к пожизненному заключению, Зепп Дитрих получил 25, а Герман Присс — 18 лет тюрьмы.

Судебное следствие вновь вскрыло преступный характер СС как организации в целом и войск СС в частности, тем самым подтвердив приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Примечательно, что американская секретная служба, за спиной которой стояли наиболее реакционные круги США, вывела Скорцени из-под огня и помогла ему избежать справедливого возмездия.

В ту пору, когда еще слишком жива была память о злодеяниях нацистов, этот любимец Гитлера, террорист, совершивший столько преступлений против многих народов, в том числе и немецкого, не мог исчезнуть незаметно. Да и очень много было улик против этого военного преступника. Поэтому американская секретная служба инсценировала судебную комедию, весьма типичную для неразборчивых методов разведки США.

Прежде всего подлеченного человека со шрамами посетили американский подполковник Роберт Д. Дарст и некий Макклур — оба они получали жалованье из кассы секретной службы армии США. Дарст отрекомендовался юристом. На визитной карточке Макклура, который с 1942 года руководил военной секретной службой США на европейском театре военных действий, а позже отделом ведения психологической войны в Европе, в 1947 году

значилось: начальник «отдела контроля над информацией» американской военной администрации в Германии — словом, фигура влиятельная.

Американская секретная служба продумала все еще до начала процесса. Слушание дела преднамеренно оттягивалось и началось лишь 18 августа 1947 года.

Защищать Скорцени руководство американской секретной службы поручило прошедшему огонь и воду адвокату Дарсту. Макклур же должен был обеспечить соответствующие отклики прессы. Затем начался торг. От Скорцени добивались сотрудничества с американской секретной службой, а взамен предлагали оправдательный приговор. При этом необходимы были два условия. Во-первых, Скорцени должен дать обязательство, что после процесса он поделится с американской разведкой своим опытом в подрывной деятельности против Советского Союза. Этим опытом особенно интересовался «исторический отдел» армии США. Во-вторых, все защитники (три американских и семь немецких) должны безоговорочно подчиниться Дарсту. Процесс привлек внимание общественности, и поэтому нужно было всячески избегать любых осечек, а они могли бы легко возникнуть, если недостаточно осведомленные защитники выступали бы каждый сам по себе. Только при таких условиях американцы обещали оправдать Скорцени. Человек со шрамами, разумеется, охотно согласился и принужден был подтвердить это в письменной форме.

Да, поистине загадочные для непосвященных вещи происходили на этом процессе! Уже в самом начале защита под предлогом пристрастности судей дала отвод пяти членам трибунала из девяти, т. е. абсолютному большинству. Их заменили субъектами, связанными с секретной службой. Одновременно в местной прессе появилось интервью Скорцени под вызывающе наглым заголовком: «Скорцени считает процесс бессмыслицей!»

Прокурор обвинил представших перед судом главарей диверсантов в нарушении общепринятых законов ведения войны: использование военной формы противника, убийство американских и английских военнопленных, а также ограбление их. Впоследствии Скорцени писал в своем дневнике: «Дальнейшее чтение обвинительного акта я почти не слушал».[53] Да и чего, собственно, было ему беспокоиться! Свидетелем защиты, «по собственной инициативе», выступил офицер британской секретной службы Йоу-Томас. Он тоже неплохо сыграл свою роль. Под конец Дарст внес заранее подготовленное предложение об оправдательном приговоре. А американский генерал-майор

Макклур в расчете на пропагандистский эффект даже с пафосом воскликнул: «Господа, да имей я в своих войсках таких парней, как обвиняемые, я просто гордился бы этим!»

Американской секретной службе было важно не только сохранить купленную голову Скорцени. Преследовалась и другая цель — создать международно-правовой прецедент, который дал бы возможность «подправить» приговоры, вынесенные Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Разведка США стремилась к такому приговору, который юридически оправдал бы противоречащие международному праву человеконенавистнические методы нацистов.

О расстреле американских военнопленных эсэсовцами Скорцени (что было документально доказано американской стороной еще на процессе по «делу о Мальмеди») не говорилось ни слова. Американский обвинитель и судьи умышленно закрывали глаза и на принадлежность Скорцени к таким преступным организациям, как СС и служба безопасности.

Международное право было попрано. Суд вынес оправдательный приговор!

Он руководствовался не правом, а директивами американского генерала Донована. С точки зрения этого суда, действовавшего по заданию Си-ай-си, виновными являлись не эсэсовец Скорцени и его агенты, а те американские и британские военно-полевые суды, которые в декабре 1944 года вынесли 132 смертных приговора террористам Скорцени.

Несколько месяцев спустя западногерманский журнал «Квик», учитывая мнение большинства западногерманского населения, писал: «Процесс неожиданно закончился оправдательным приговором. Так и осталось неясным, был ли на нем представлен весь материал против Скорцени. Что касается мнения широких кругов о приговоре, то его можно кратко выразить словами: «Мелюзгу вешают, крупным дают сбежать».[54]

Но от американской секретной службы Скорцени не сбежал. Он получил псевдоним «Эйбл» и вместе со своим адъютантом Радлем перебрался в изолированный коттедж «Аляска» в Нейштадте-на-Лане. Американский полковник Поттер не мог пожаловаться на Скорцени: в течение полугода тот с раннего утра до позднего вечера диктовал секретарше свои мемуары. Тот самый Скорцени, по приказу которого в 1944 году был расстрелян немецкий солдат за то, что в письме упомянул о «служебной тайне», теперь в качестве платы за свою драгоценную голову раскрыл перед новыми хозяевами святая святых германской секретной службы, предоставив интересовавшие их сведения. Такова на поверку оказалась верность Скорцени «эсэсовскому

долгу».

Даже его бывший шеф бригадефюрер СС Шелленберг не имел столь ревностных покровителей в американской военной форме. По так называемому «делу Вильгельмштрассе» Шелленберга приговорили в Нюрнберге за преступления против человечности и принадлежность к преступным организациям к слишком мягкому, но все же наказанию — к шести годам тюрьмы.

СКОРЦЕНИ СОВЕРШАЕТ ПОБЕГ

В дармштадтском денацификационном лагере, куда поместили человека со шрамами, Скорцени продолжал твердо верить, что его не замедлят зачислить в категорию рядовых попутчиков нацизма, и тогда, получив отпущение грехов, он сможет приняться наконец за новые дела. Но на сей раз дело не клеилось, денацификация задерживалась.

Некоторое время Скорцени скрывался под присвоенным ему американской армией псевдонимом Эйбл, но антифашисты тех стран, где творил свои чудовищные преступления человек со шрамами, напали на его след.

В апреле 1948 года дружки Скорцени по Си-ай-си сообщили ему, что в Чехословакии отдан приказ о его аресте за зверства в Плоштине и правительство этой страны потребовало от Комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений его выдачи. И если Си-ай-си под предлогом «перегруженности работой» удалось на несколько недель оттянуть вручение администрации дармштадтского лагеря требование о выдаче Скорцени, то окончательно воспрепятствовать этому она, опасаясь общественного возмущения, не решилась. Но Скорцени понял недвусмысленный намек своих покровителей…

В то время эсэсовцы, которые сначала скрылись, а теперь вновь вынырнули на поверхность под видом добропорядочных бюргеров, прилагали все силы, чтобы сохранить свою преступную организацию.

Нацисты, и прежде всего бывшие сотрудники службы безопасности, уже успели создать нелегальные ячейки и восстановить связи, как это намечалось планом, разработанным Скорцени в альпийской хижине. Им не хватало только главаря, который мог бы использовать зарубежные каналы и привлечь к делу доверенных лиц — иностранцев.

Сообщники Скорцени готовили его освобождение из дармштадтского лагеря для интернированных нацистов. Они осторожно нащупывали почву. Связь между нацистами, находящимися в изоляции друг от друга в дармштадтском лагере, осуществлялась через человека с темным прошлым по кличке Бункер-Якоб. Когда он выходил из лагеря на свободу, Скорцени вручил ему адрес и записку. С нею Бункер-Якоб немедленно отправился в городок неподалеку от Ганновера. Там Якоб Грёшнер (таково было его настоящее имя) встретился с доверенным службы безопасности, и тот через три дня, предварительно расшифровав записку Скорцени, дал связному

подробные инструкции.

Грёшнеру было необходимо вновь увидеться со Скорцени. С этой целью он наплел американцам о Скорцени такую мешанину из правды, полуправды и лжи, что мелкий чиновник Си-ай-си, мнивший себя весьма проницательным, решил устроить им свидание, чтобы подслушать их разговор. Он оставил Скорцени и Грёшнера одних и включил вмонтированный в лампу миниатюрный микрофон. Эта хитрость была давно известна Скорцени: в былые времена он и сам не раз пользовался подобными уловками. Он знал, что Грёшнер принес важные известия. За несколько минут, пока они оба шумно шаркали ногами и стучали кулаками по столу, чтобы заглушить голоса, Скорцени успел узнать все о плане своего побега, подготовленного сообщниками по службе безопасности, и наметил дату.

Несмотря на то что ни один из заключенных не имел права получать почту без просмотра цензурой, возглавлявшая отдел цензуры почтовой корреспонденции некая фрау Шрётер не раз передавала Скорцени непросмотренные письма. Как было видно по штемпелям, все они отправлялись из Нижней Саксонии. Из этой корреспонденции Скорцени узнал детали предстоящего побега и был уверен в его успехе. 25 июля 1948 года его вызвала администрация лагеря, чтобы сообщить новую дату рассмотрения его дела денацификационным судом.

Тем временем из Гамбурга на юг уже мчалась автомашина с тремя немцами в штатском. Вот уже позади остался Вюрцбург. Но, странное дело, теперь на машине появился опознавательный знак американских оккупационных войск. Штатские же немцы вдруг превратились в чинов американской военной полиции. Вот и Дармштадт. Машина остановилась перед воротами лагеря для интернированных нацистов. Из нее вышли трое: внушительного вида капитан и два солдата в касках американской военной полиции. Капитан резким тоном потребовал от немецкой охраны выдать Скорцени для допроса. Часовой подчинился: ему даже в голову не пришло потребовать документы.

Так в июле 1948 года под «охраной» собственной «полиции» покинул дармштадтский лагерь человек со шрамами — Скорцени.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ НЕ НУЖНО ВИЗ

Шли недели, а Скорцени оставался недосягаемым для своих бессильных, или, лучше сказать, парализованных, преследователей. Западногерманская полиция спасовала перед гитлеровским главарем секретной службы.

И хотя власти земли Гессен, на территории которой находился дармштадтский лагерь, заявили, что отдали приказ об аресте Скорцени и дело будет рассматриваться в его отсутствие, все честные немцы были возмущены.

Через полтора года после побега Скорцени в полицей-президиум обратилась жительница Ганновера. Она заявила, что видела Скорцени. Бедно одетый, он позвонил в дверь ее квартиры и попросил милостыню. Полиция не приняла это заявление всерьез. Почему? «Полиция придерживалась того мнения, что Скорцени, если бы это действительно был он, не пришлось бы просить милостыню» — так комментировала этот эпизод западноберлинская газета «Курьер». И это предположение столь внезапно ослепшей полиции только что созданного западногерманского государства попало в самую точку.

Ведь об исчезновении Скорцени после побега позаботились его американские сообщники по секретной службе. На первых порах он укрылся в США, где служил американской разведке в качестве инструктора летного дела. Американское агентство Ассошиэйтед Пресс в сентябре 1948 года сообщало, что бывший гитлеровский агент по особым поручениям «находится в Соединенных Штатах, где занимается подготовкой летчиков».

На самом же деле Скорцени занимался совсем иным: в штате Джорджия он обучал американских коллег методам забрасывания и эвакуации агентов-парашютистов. Глава секретной службы США генерал-майор Донован приказал ему продемонстрировать метод, при помощи которого самолет может взять агента на борт без приземления. Разумеется, Скорцени охотно согласился помочь американской разведке. Ведь такие опыты были успешно завершены службой безопасности при его личном участии еще в 1943–1944 годах на экспериментальном аэродроме Айнринг. Чтобы поднять агента на борт самолета прямо с земли, без посадки, применялась трапециевидная конструкция из небольших штанг с канатом длиной в четыре метра. Низко пролетающий самолет захватывал ее специальным крюком. За этот старый трюк службы безопасности Скорцени отхватил чек в тысячу долларов, а затем возвратился в Европу.

Прежде всего Скорцени направился во Францию. По пути он

остановился в Андорре — карликовом государстве в Пиренеях, находящемся под покровительством Франции и Испании. Там Скорцени встретился с неким Лавалем,[55] который числился у него в списке лиц, связанных с эсэсовской акцией по распространению фальшивых денег. В 1944 году этот агент службы безопасности сумел в освобожденной Франции обменять через испанские банки миллион фунтов фальшивых стерлингов на полноценную валюту, но к этому времени его контакты с Главным управлением имперской безопасности были уже нарушены. Поскольку в кругах службы безопасности Лаваль слыл человеком надежным, Скорцени был уверен, что скоро получит этот припрятанный миллион. Все складывалось для Скорцени как нельзя лучше: пост министра финансов в первом послевоенном правительстве Франции занял закадычный друг агента Лаваля — Леперк.

Разумеется, обо всем этом не мог знать фоторепортер из газеты «Се суар»: однажды он встретил в ночном кафе Парижа человека с лицом, иссеченным шрамами. Было установлено, что человек, случайно сфотографированный репортером «Се суар», не кто иной, как Скорцени.

Парижане были возмущены. Скорцени целый день не решался выйти из снятой им виллы, а затем под покровом ночи сбежал из столицы на Сене с новым паспортом.

15 февраля 1950 года парижан, спешивших на работу, оглушили возгласы мальчишек-газетчиков: «Скорцени, эсэсовский убийца, сбежал! «,[56] «Скорцени, шеф гитлеровских агентов, исчез из Сен-Жермен-ан-Лай! «[57]

Итак, Скорцени дал тягу. В каком направлении? И что предпринял для его поимки префект парижской полиции?

Имя Скорцени вдруг всплыло в западногерманской прессе. Теперь о нем писали не иначе как о «человеке, которому не нужно виз».

«АЗБУКА ТЕРРОРИСТОВ» В БОЛЬШОЙ ЦЕНЕ

Человек со шрамами направил свои стопы в ту страну, где в каждом полицейском участке хранился приказ о его аресте. Он рвался в боннское государство. Скорцени считал, что настало время активно включиться в «холодную войну» и предложить своих неразоружившихся агентов для борьбы «против большевизма». Кроме того, своим появлением в Западной Германии он хотел обнадежить и подбодрить бывших эсэсовцев, которым пока еще приходилось держаться на задворках. Но чтобы не выглядеть предателем в глазах эсэсовцев, ему необходимо было возвеличить собственную персону. К тому же он намеревался превратить свои воспоминания агента в звонкую монету. За страницы мемуаров он рассчитывал получить хрустящие купюры, любые — западногерманские, французские, американские, итальянские. И он действительно нашел покупателей. Кто же они?

Сначала Скорцени (теперь его звали уже Рольф Штайнер) посетил редакции и издательства Гамбурга. В его портфеле из крокодиловой кожи лежала объемистая рукопись. Переговоры об издании этих мемуаров вел господин Генри Наннен, главный редактор иллюстрированного журнала «Штерн». Скорцени запросил ни много ни мало — 40 тысяч западногерманских марок, причем наличными. Наннен был не прочь напечатать мемуары: ни автор, ни содержание их его не смущали, только вот цена показалась слишком высокой. Скорцени хлопнул дверью.

И все же он не сомневался, что найдет покупателя.

Им оказался Гарольд Лехенперг из Мюнхена, который не пожалел 40 тысяч марок.

Одновременно Скорцени продал другой экземпляр рукописи гамбургскому издательству «Ганза», директор которого задумал преподнести ее немецкому народу массовым тиражом. Издателя этого зовут Йозеф Тот де Безеней, но по некоторым причинам он именует себя официально только первой частью своей фамилии. [58]

В апреле 1950 года о Скорцени вдруг заговорили сразу во многих странах. Реакционные газеты Франции, Америки и Италии начали печатать автобиографии гитлеровского агентурного аса: ведь пропаганда неофашизма отвечала их программе.

В Западной Германии пропагандистом неофашизма стал мюнхенский иллюстрированный журнал «Квик», действующий по специфически американскому рецепту: «секс и уголовщина».

Главный редактор этого журнала Лехенперг позаботился преподнести читателям мемуары Скорцени как можно эффектнее: «Самый опасный человек в мире! После оправдательного приговора, вынесенного ему американским судом в Дахау на процессе военных преступников, Скорцени оказался в Дармштадте, в немецком денацификационном лагере. Он сбежал оттуда самым невероятным способом, прошел сквозь огонь и воду, преследуемый тысячами ищеек, но, так и не найденный, вдруг очутился в Париже, совершенно спокойно прогуливаясь с молодой женщиной по Елисейским Полям; несколько дней спустя он появился в Гамбурге и Мюнхене, чтобы затем так же молниеносно вновь изчезнуть в водовороте крупных европейских городов».

Вскоре и издательство «Ганза» издало книгу под названием «Секретная команда Скорцени». Нет необходимости подробно останавливаться на этой писанине, преследующей вполне определенную цель. Скорцени делал бизнес, а вместе с ним — и западногерманские издатели. Издатели и редакторы заботились только о прибыли, а не о морали и праве.

Итак, весной 1950 года по крайней мере три гражданина Федеративной Республики Германии поддерживали связь со Скорцени и знали о его местопребывании: Генри Наннен, Йозеф Тот де Безеней и Гарольд Лехенперг.

Скорцени без помех, как и прибыл, покинул пределы боннского государства, причем с наилучшими рекомендациями западных союзников.

Контрольная комиссия США в Западной Германии даже «забыла» опровергнуть тот факт, что Скорцени уже давно находится на службе американской разведки. Немало неприятностей имел тогдашний министр иностранных дел Западной Германии, который, по-видимому, выдал Скорцени въездную визу. Им был федеральный канцлер Конрад Аденауэр, занимавший в то время сразу оба поста.

ПРЕФЕКТ ПОЛИЦИИ ЛЖЕТ

Французская газета «Фигаро» взяла на себя задачу, действуя по геббельсовскому образцу, создать гитлеровскому диверсанту, главарю агентов и палачу партизан популярность. Французы, в памяти которых еще слишком живы были воспоминания о преступлениях Скорцени в период оккупации Франции, дали должный отпор этой провокации.

Французская компартия заявила правительству протест. Тысячи возмущенных парижан заполнили Елисейские Поля. Редакция «Фигаро» буквально подверглась осаде. Редакторы газеты поспешили скрыться черным ходом. Долго и тщетно пытались полицейские разогнать демонстрантов.

1 апреля 1950 года «Юманите» вышла с заголовком на всю первую полосу: «Тысячи патриотов выразили протест газете, взявшей под защиту эсэсовца Скорцени! »

В муниципалитете Парижа состоялись бурные прения. Префекта парижской полиции засыпали вопросами. Он не знал, куда деться от справедливых упреков: «Что было предпринято в феврале, чтобы захватить оберштурмбаннфюрера СС в Париже?», «Как могло случиться, что гитлеровский агент по особым поручениям в течение нескольких месяцев проживал в Париже без прописки и даже имел собственную виллу?», «Что сделала полиция для ареста Скорцени на границе?».

Прижатый к стенке префект парижской полиции, хотел он того или нет, стал сообщником человека со шрамами. Он лгал, заявив, будто ничего не мог предпринять, поскольку фамилия Скорцени не числится в списке военных преступников.

Однако имя человека со шрамами значилось в списке военных преступников, и даже не в одном! С февраля 1948 года, т. е. уже более 700 дней, он был внесен в основные, известные всем странам списки Комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений. Эта международная комиссия завела на Скорцени специальное дело. В нем, в частности, говорилось:

«Скорцени, Отто, германский подданный, бывший командир команды специального назначения в Визовице.

Дата и место совершенных преступлений: апрель 1945 года, Плоштина.

Число и описание преступлений: убийство, грабеж, преднамеренное уничтожение собственности.

Краткое изложение фактов: обвиняемый Отто Скорцени в апреле 1945 года участвовал в карательной операции против

жителей деревни Плоштина. 27 человек было убито, все их имущество разграблено, дома сожжены».

Французская общественность возмутилась. Однако представители министерства иностранных дел наотрез отказались высказать свою точку зрения по поводу поступивших из-за рубежа запросов о выдаче убийцы Скорцени и вопреки здравому смыслу повторяли басню о якобы неполном списке военных преступников.

Многое так и осталось неясным в этом скандале, затронувшем высшие правительственные круги Франции, от которых нити снова вели в Андорру, к пресловутому агенту СД Лавалю. Но стало ясно, почему Скорцени «не нужно виз».

В АТМОСФЕРЕ ЛАДАНА

Прибыльная торговля мемуарами была для Скорцени отнюдь не главным делом в Западной Германии. Руководитель бывшей гитлеровской службы безопасности прибыл сюда для того, чтобы проинспектировать свои подпольные ячейки и создать условия для бегства видных нацистских преступников.

Кроме того, он имел задание и от американской разведки. Ему поручалось завербовать для новых авантюр как можно больше бандитских главарей, имеющих «фронтовой опыт».

В эсэсовских кругах тайную вербовку наемников окрестили «операцией Скорцени». Мюнхенский иллюстрированный журнал «Квик» счел своим кровным делом включиться в нее. Он снабдил мемуары военного преступника такими добавлениями, которые не могли не заметить бывшие сообщники человека со шрамами. «Бегство из жизни? — вопрошал эсэсовец. — Многие сделали для себя такой вывод. Но я чувствую, что мой долг и впредь быть во главе своих товарищей и вместе с ними продолжать жить. Мне нечего было скрывать от бывших врагов. Я служил своему отечеству и выполнял свой долг. Так пусть и для меня, и для моих товарищей начнется снова жизнь…» Это был плохо замаскированный призыв к активизации фашистских сил.

Вскоре Скорцени отправился в Италию — страну, где он некогда в интересах Гитлера помогал восстановлению фашизма. Там он встретил старых знакомых из итальянской секретной службы, в том числе небезызвестного князя Боргезе. Князь принадлежал к руководящей клике неофашистов, снова представляемых в парламенте партией «Итальянское социальное движение» (MSI), насчитывающей свыше четверти миллиона членов.

Но для осуществления задуманного плана нужно было обезопасить себя. Скорцени не хотел пережить в Риме второй Париж.

В солнечный осенний день, когда листва переливалась всеми красками, долговязая фигура незаметно проскользнула в здание католического учебного заведения «Колледжио Теутонико ди Санта Мария делль Анима». Разумеется, Скорцени и здесь не назвал себя настоящим именем. Да в этом и не было необходимости. Хозяин дома монсеньор Алоис Худаль не раз заявлял: «Будучи священником, я не являюсь ни полицейским, ни карабинером. Мой христианский долг — спасти того, кто может быть спасен». Под этим девизом немецкое отделение его семинарии было превращено в сборный пункт для многих видных

нацистов.

Здесь Скорцени встретился с еще одним своим единомышленником. Гостеприимством монсеньора Алоиса Худаля уже довольно долгое время пользовался бывший обергруппенфюрер СС при штабе Гиммлера, заместитель имперского руководителя молодежи и гаулейтер Вестфалии Гартман Лаутербахер. Он ввел Скорцени в курс дела, рассказав ему о тайных нитях и каналах, которыми располагали бывшие эсэсовцы. Правда, самому Лаутербахеру приходилось поневоле ограничиваться лишь нацистскими опорными пунктами в Мюнхене, Линце, Риме и Аргентине, поскольку ему недоступны были те счета в банках, которыми мог распоряжаться Скорцени.

Под сенью Ватикана, в монастырской тиши, овеянные запахом ладана, беседовали два «ветерана». Речь шла отнюдь не о самоотречении и покаянии. Здесь говорили о возрождении старых планов и пересчитывали миллионные суммы. У собеседников не было разногласий.

Так был учрежден зловещий синдикат эсэсовцев «Организация лиц, принадлежавших к СС».[59]

Хотя человек со шрамами сделал все для конспирации, пребывание его в Риме не долго оставалось тайной. Полмиллиона читателей газеты «Унита» — центрального органа итальянской компартии — вскоре узнали о преступной деятельности бывшего любимца Гитлера.

Вскоре правительство Чехословацкой Республики обратилось к правительству Италии с требованием выдать разыскиваемого палача Плоштины. Сначала министерство иностранных дел Италии пыталось отрицать факт пребывания Скорцени в Италии, но затем все же было вынуждено передать требование о его выдаче министерству внутренних дел. С тех пор имя человека со шрамами числится также в итальянских списках разыскиваемых преступников.

Покидая, не без содействия итальянской полиции, гостеприимные места, Скорцени был доволен. Ведь ему удалось проложить «римский маршрут». По нему, как по проторенной дорожке, в последующие недели, месяцы и годы, спасаясь от правосудия, проследовали десятки нацистских преступников. Идти по этому маршруту было почти безопасно. Фашистские подпольные группы заботились и о проводниках, и о снабжении. Они располагали крупными суммами в различной валюте и подложными документами.

Итак, для крупных фашистских преступников не существовало государственных границ в Западной и Южной Европе. О своей готовности приютить видных нацистов сообщила

нацистская агентура в странах Южной Америки. Адольф Эйхман, скрывавшийся под именем Рикардо Клемента, вместе с семьей тоже отправился по пути, проложенному Скорцени.

Основные ячейки агентурной нацистской сети, раскинутой еще гиммлеровской службой безопасности, были восстановлены. В октябре 1950 года одна из западногерманских газет предупреждала: «Скорцени руководит тайной организацией эсэсовцев, которая насчитывает уже тысячу членов».[60] Сообщение это было опубликовано в местной газете Дорума — небольшого городка, расположенного между Куксхафеном и Бремерхафеном. Жители Западной Германии, читая газету, сокрушенно качали головой. В боннских же министерских кабинетах этого сообщения не заметили.

Прошло всего лишь пять лет с того дня, когда государства, одержавшие победу над гитлеровской Германией, подписали документ, вошедший в историю под названием Потсдамского соглашения. В нем давалось торжественное обязательство осуществить денацификацию и демилитаризацию Германии.

Советский Союз выполнил взятые на себя обязательства. Его союзники по антигитлеровской коалиции поступили иначе.

ЭСЭСОВЦАМ ПРОТЯГИВАЮТ РУКУ ПОМОЩИ

Покинув своих гостеприимных друзей — итальянских фашистов, Скорцени отправился в Испанию, которая еще со времен Первой мировой войны рассматривалась германской военной разведкой как ее главная вотчина. В конце войны в районе британской морской крепости Гибралтар подвизался германский шпион Вильгельм Канарис, ставший впоследствии адмиралом и главой абвера. Он помогал наводить немецкие подводные лодки на суда противника. Уже тогда Канарис установил в Испанском Марокко связи с молодым колониальным офицером Франциско Франко Баамонте. В то время Канарис использовал подкупленного Франко для натравливания местных арабских князей на противников Германии — Францию и Англию. В период между двумя мировыми войнами Канарис приложил немало сил, чтобы помочь своему давнишнему агенту установить с помощью нацистов и итальянских фашистов кровавую диктатуру. Гражданская война в Испании и воцарившаяся с 1939 года жестокая диктатура каудильо стоили испанскому народу многих жертв.

Разумеется, германские друзья Франко не были бескорыстными. За спиной гитлеровцев стояли монополии Рейна и Рура. Испания была для них одним из самых важных источников сырья для военной промышленности. Кроме того, магнаты германской военной промышленности сразу же после окончания Первой мировой войны перебазировали в Испанию часть производства оружия, чтобы избавиться от международного контроля и ограничений Версальского договора.

В период Второй мировой войны Испания хотя формально и сохраняла нейтралитет, но он был весьма своеобразным. Франко отправил на советско-германский фронт «Голубую дивизию» — как бы в обмен за германскую эскадрилью «Легион кондор», в свое время направленную Гитлером в Испанию. Каудильо дал возможность Канарису и Гиммлеру превратить Испанию в цитадель фашистского шпионажа, в постоянно действующий зарубежный центр гитлеровских агентов. Аппарат фашистской секретной службы на Пиренейском полуострове функционировал до последнего дня войны и даже позже. Представители высшего руководства нацистской службы безопасности во время войны не раз инспектировали своих агентов в нейтральной Испании.

В 1943 году в Испанию направился Канарис вместе с

бригадефюрером СС Шелленбергом. Шелленберг писал впоследствии: «В то время сосредоточение (сети шпионажа. — Авт.) в Мадриде являлось объектом наших больших забот… Военный сектор включал кроме участников активного шпионажа и контршпионажа еще около сотни сотрудников, которые размещались в здании немецкого посольства и создали там одну из наших крупнейших зарубежных служб по радиоперехвату и дешифровке. К этой службе примыкала также метеорологическая станция с опорными пунктами в Португалии, на Канарских островах, а также в Северной и Южной Африке. Обеспечение нашей обороны на Иберийском полуострове важно было прежде всего потому, что Испания и Португалия являлись прикрытием для работы секретной службы в Южной Америке. Мы смогли наладить регулярно работающую курьерскую связь (с Южной Америкой. — Авт.). При помощи нескольких… торговых фирм нам удалось создать обширную агентурную сеть в испанских портовых городах… В Южной Америке в нашем распоряжении также находилось большое количество хорошо обученных сотрудников. Выполнению наших задач благоприятствовало то, что в течение нескольких десятилетий германская экономика оказывала здесь свое влияние; это позволило нам черпать силы из многочисленных источников…»[61]

Итак, Испания в целом, а Мадрид в частности были вотчиной нацистских шпионов! И чем безвыходнее становилось для гитлеровцев положение на фронтах, тем больше они укреплялись на Иберийском полуострове. Агенты из Северной и Южной Америки, Европы, Азии поставляли сюда шпионские сведения и взамен получали новые директивы.

Германские концерны всемерно помогали фашистской секретной службе, а она не оставалась в долгу. Ее агенты старались спасти испано-португальские источники сырья от захвата американцами и англичанами. Гитлер и Гиммлер отправились на тот свет, но нацистский Вавилон в Испании уцелел. Наиболее закоренелые гитлеровцы в последние месяцы войны бежали к диктатору Франко. Нацистская колония в Мадриде возросла с 11 до 16 тысяч человек.

Гостеприимством тюремщика испанского народа воспользовались 5 тысяч вчерашних высокопоставленных гитлеровцев. О каждом из них позаботились, но особенно хорошо приняли здесь Скорцени. Ведь еще в 1945 году в его руки окончательно перешло эсэсовское военное управление, ранее подчиненное возглавлявшемуся Канарисом шпионскому ведомству «Абвер (заграница)». Скорцени унаследовал картотеку руководителей и тайных агентов этого отдела в Капштадте, Нью-

Йорке, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айресе, Тунисе и Лиссабоне.

Подчиненный Скорцени подполковник Арно Клейенштюбер — руководитель шпионского центра в Мадриде — своевременно посвятил своего шефа в деятельность подрывных органов и позаботился о соответствующем дополнительном количестве тайных явок. Бывший нацистский дипломат Раушенбах, также бежавший в Испанию, оказался весьма ловким человеком в размещении прибывавших в Мадрид эсэсовцев.

Следовательно, вояж Скорцени в Испанию был тщательно подготовлен. Брат Франко Николас, в течение многих лет связанный с Гиммлером, лично знал Скорцени. Герцогиня Валенсийская приняла человека со шрамами с распростертыми объятиями. Дон Эдуардо Эскер, баснословно богатый помещик и платный агент Главного управления имперской безопасности, сразу уразумел, что к нему прибыли хозяева. Скорцени снова оказался среди своих. Вскоре он даже появился в картинной галерее Мадрида с Рыцарским крестом на шее.

Замаскированные фирмы секретной службы продолжали действовать, как и прежде. В сейфах мадридского банка «Уркихо» хранилась валюта, депонированная Лавалем и его сообщниками.

Вместе с Леоном Дегреллем[62] Скорцени сразу же принялся за дело. Дегрелль получил указание переправлять в Испанию по проложенному «римскому маршруту» агентов службы безопасности. Вместо навсегда потерянного замка Фриденталь в Испании создали две базы: одну — близ Севильи, в долине Гвадалквивира, а вторую — в уединенной вилле неподалеку от Константины.

БАНКИР ВСТУПАЕТ В ЗАГОВОР

Между Испанией и Федеративной Республикой Германии еще не было дипломатических отношений, а германские монополии, боннская секретная служба генерала Гелена и западногерманские нацистские группы уже установили с франкистской Испанией официозные контакты.

В Мюнхене, неподалеку от штаб-квартиры генерала от шпионажа Гелена, разместилось так называемое «Германо-испанское общество» во главе с кавалером испанского ордена «Сант-Яго» принцем Адальбертом Баварским.[63]

Рейнские и рурские промышленные магнаты сразу же взялись за дело, чтобы активизировать свои перебазированные в Испанию с 1944 года производственные мощности и валютные запасы. В качестве представителя своих интересов они снарядили в путь доктора Шахта, того самого Ялмара Шахта, который при Гитлере был президентом «Рейхсбанка».

На Нюрнбергском процессе Ялмар Шахт сидел на скамье подсудимых в числе главных военных преступников. Но его заокеанские друзья сделали все возможное, чтобы он избежал справедливого наказания. Джон Фостер Даллес, ставший позже государственным секретарем США, боялся, как бы на Нюрнбергском процессе из показаний Шахта не стало известно о финансовых связях Уолл-стрита с «советом богов» Рейна и Рура, об активном участии американских монополий в нацистском бизнесе по производству вооружения. Даллес предотвратил разоблачение. Вопреки протесту советского обвинителя Международный военный трибунал вынес Шахту оправдательный приговор.

Вскоре после этого западногерманская палата по денацификации в земле Баден-Вюртемберг квалифицировала Шахта как «нациста, несущего главную вину». Однако приговор ее оказался мягким: восемь лет заключения. Старый нацист и финансист до смерти добивался пересмотра дела. Оно пересматривалось дважды. Три года спустя, в середине октября 1950 года, главная палата по денацификации в Люнебурге причислила его к группе реабилитированных. Человек, нанесший крупнейший финансовый урон немецкому народу, был оправдан. Ему пришлось заплатить всего лишь 20 марок судебных издержек. Остальная же сумма — 23 тысячи марок — была внесена государственной казной земли Нижняя Саксония, т. е. западногерманскими налогоплательщиками. Такова была комедия денацификации!

Не прошло и восьми недель, как Шахт, этот респектабельного вида человек в старомодном крахмальном воротничке, при содействии «Германо-испанского общества» уже очутился в Мадриде. У него было множество поручений: от концерна «Клёкнер АГ», от треста Вольфа, от бумажного концерна в Фельдмюле. Он привез с собой проекты фирмы «Мессершмитт-Верке», крупных предприятий химической промышленности и, разумеется, представлял интересы Круппа.

Шахту нужен был человек, которого можно было бы сделать главным представителем западногерманских монополий в Испании. Этот человек должен был заботиться, конечно, не только об экономических интересах монополий ФРГ. Еще нелегально действовавший в то время западногерманский генеральный штаб рекомендовал использовать Испанию в качестве будущей тыловой базы для войны. У западногерманских военных сохранился давнишний план — с помощью Испании зажать в тиски Францию и использовать Испанию как трамплин для прыжка в Северную Африку.

Шахту не пришлось долго искать своего человека: он сразу направился к Отто Скорцени. Ведь Скорцени, как заявил Шахт представителям прессы, находясь проездом в Ницце, «давно является его другом, которого он очень высоко ценит».[64]

Сговор между Шахтом и Скорцени произошел в столице фашистской Испании в весьма привычной для них обстановке — в роскошном ресторане «Хорьхер». Сопровождаемый одним из своих телохранителей, человек со шрамами вышел из своей конспиративной квартиры на Калле де Алкала, 17, и направился в ресторан. Портье ресторана давно знал сеньора Скорцени как завсегдатая и проводил уважаемого гостя в отдельный голубой кабинет. Здесь его уже ожидал «сеньор доктор из Германии».

Владелец ресторана Отто Хорьхер не зря считал себя интимным другом крупных нацистов. Еще в то время, когда Гитлер «осчастливил» немцев жидкой похлебкой и хлебными карточками, Хорьхер в своем фешенебельном ресторане вблизи берлинской Курфюрстендамм устраивал попойки для Геринга, Гиммлера, Канариса, Кальтенбруннера, Шахта, Риббентропа и других нацистских бонз. Иностранные дипломаты, посещавшие эту обитель гурманов, не подозревали, что в стены залов были вмонтированы микрофоны и фотоаппараты. Хорьхер потчевал иностранцев изысканными блюдами и одновременно пополнял секретные досье Канариса и службы безопасности. Так действовал он не только в Берлине. Недаром Главное управление имперской безопасности передало в оккупированном Париже своему ловкому шпиону-гастроному известный ресторан «Максим».

Уже в 1946 году Хорьхер объявился в Испании. Сумев доказать верность своим старым покровителям, он получил от них большой кредит и открыл в Мадриде первоклассный ресторан, который вскоре стал удобным местом для встреч нацистской элиты. С тех пор «Хорьхер» регулярно посещают Шахт, Дегрелль, персонал боннского посольства и Скорцени. Это заведение секретной службы было явкой и надежным «почтовым ящиком» для всей международной фашистской сети.

ШАНТАЖИСТ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО

Человек со шрамами неутомимо трудился над созданием эсэсовских филиалов. Беспрепятственно разъезжая по многим странам, он делал все, чтобы вызволить осужденных фашистов из западногерманских тюрем. Он нуждался в них по двум причинам. Во-первых, постепенно возникавшим в Западной Германии фашистским организациям не хватало руководителей. Во-вторых, Скорцени хотел обелить эсэсовцев в глазах западногерманской общественности, а заодно замять и свои преступления.

Пробным камнем для Скорцени должно было явиться дело бывшего штандартенфюрера СС Иоахима Пайпера, приговоренного американским военным трибуналом к смерти за убийство американских и британских военнопленных. Пайпер, совершивший это преступление по приказу Скорцени, с 1946 года сидел в ландсбергской тюрьме и ожидал того дня, когда его поведут на виселицу. Американцы не торопились. Зато не терял времени Скорцени. В конце 1950 года он встретился с фалангистом и бывшим агентом СД Виктором де ла Серна, которого величал «большим другом и соратником по войне». Началась игра краплеными картами. Серна представлял мадридское бюро влиятельного органа — «правой» газеты «АБЦ». Скорцени снабжал своего «большого друга» соответствующими материалами, а тот заботился, чтобы они печатались быстро и без сокращений. Так, в одной статье, сделанной в форме интервью представителя газеты с Отто Скорцени, говорилось: «Исходя из лучших побуждений, мы (служба безопасности и СС. — Авт.) даже с известным воодушевлением предоставили себя в распоряжение американцев. Но от имени всех немецких офицеров, которые трудятся для победы Запада, я повторяю: если Пайпера казнят, мы не шевельнем больше пальцем и будем вынуждены занять противоположную позицию…» Так бывший шеф гитлеровской разведки запугивал своих новых американских хозяев.

Для затеянной кампании шантажа характерны две статьи Скорцени в газете «Арриба» — партийном органе испанской Фаланги. В одной из них он распространялся о «германском тайном оружии», вспоминая вершину своей карьеры, достигнутую при помощи «летающих гробов», в другой — «о русской армии». Эта писанина была основана на наглой лжи и отличалась неуклюжей фальсификацией. В обеих статьях Скорцени подчеркивал, что его «сердцу дорог идеал СС».

Аденауэровская пресса не замедлила откликнуться. Ультиматум Скорцени и стоящих за ним эсэсовцев пространно

цитировался на первых полосах западногерманских газет. Свои страницы не замедлил предоставить Скорцени официальный правительственный орган — газета «Боннер генеральанцейгер». Из ее сообщений граждане Федеративной Республики узнали, что Пайпер, оказывается, командовал «отличнейшей бригадой», участвовавшей в арденнском наступлении, и что этот убийца военнопленных был особо отмечен Скорцени. «Генеральанцейгер» сочла себя обязанной воспроизвести недвусмысленную угрозу Скорцени. 19 января 1951 года она приводила слова Скорцени: «…если Пайпера казнят, мы не шевельнем больше пальцем… осуждение Пайпера и его товарищей незаконно». Скорцени даже не пришлось навязывать боннской прессе свою фашистскую пропаганду: ему охотно и щедро платили за нее гонорар.

Почему же осуждение Пайпера за массовое убийство военнопленных являлось «незаконным»? На этот вопрос «Генеральанцейгер» давала следующие ответы: во-первых, суд был некомпетентен, во-вторых, с момента вынесения приговора прошло уже много лет и, в-третьих, в Федеративной Республике не существует закона о применении смертной казни. Но не надо быть юристом, чтобы понять: эти «аргументы» лишь пустые слова, а истинная их цель — оправдать военных преступников. Подобная «аргументация» отнюдь не нова в Западной Германии.

Один из бывших агентов Скорцени, ставший затем депутатом боннского бундестага от аденауэровской партии ХДС, доктор теологии Эйген Герстенмайер, еще 1 декабря 1949 года заявил с трибуны западногерманского парламента: «В настоящее время по обвинению в военных преступлениях или на основании приговоров в заключении находятся 1600 немцев. Мы (Герстенмайер выступал от имени фракции аденауэровского ХДС в бундестаге, но, кто такие «мы», он предусмотрительно не сказал. — Авт.) сожалеем об этом и хотели бы пересмотра приговора в каждом отдельном случае».[65] Пропагандистская кампания в защиту Пайпера и его сообщников, организованная западногерманской прессой, старыми тайными агентами Скорцени при полной поддержке боннских властей, увенчалась успехом.

Да и как могло быть иначе?! Вскоре американский верховный комиссар в Германии и родственник Аденауэра Макклой отменил приведение в исполнение приговора Пайперу и его подручным. Смертная казнь была заменена пожизненным тюремным заключением.

Макклой, будучи одним из главных вдохновителей ремилитаризации Западной Германии и включения аденауэровского государства в систему агрессивного

Североатлантического блока, не мог, да и не хотел, отказывать в помощи эсэсовцам. Нет, это была не просто капитуляция американского верховного комиссара перед Скорцени. Дело здесь было во взаимных симпатиях.

Одновременно с Пайпером и его сообщниками отпущение грехов получил и Скорцени. В январе 1951 года его фамилия была вычеркнута из списков лиц, разыскиваемых полицией Федеративной Республики Германии.[66]

Нацисты в Мадриде и Бонне вместе с их вашингтонскими покровителями отметили первые официально зафиксированные успехи своего сотрудничества.

Теперь человек со шрамами начал курсировать между Испанией и Западной Германией то под настоящим, то под вымышленным именем — смотря по тому, какое задание он в данный момент выполнял. В мае 1951 года он подкатил к резиденции американского верховного комиссара в Западной Германии на роскошном «Крайслере», Джон Джей Макклой протянул руку Скорцени. О чем они говорили, неизвестно. Но беседа не осталась безрезультатной.

«ТУРИСТ» ШЕЛЛЕНБЕРГ

Скорцени отправился в Испанию не один. Он захватил с собой своего бывшего начальника по службе безопасности Вальтера Шелленберга, который не отсидел и половины положенного срока заключения: американцы выпустили его из тюрьмы «по состоянию здоровья».

«Шелленберг предпринял в 1951 году туристскую поездку в Испанию, чтобы установить связи с эмигрировавшими эсэсовскими фюрерами», — писал впоследствии некий Клаус Харппрехт в предисловии к полным лжи мемуарам Шелленберга. Так в боннском государстве задним числом воспевали успехи фашистских шпионов и диверсантов.

В Мадриде Шелленберг сразу занялся проблемами высокой политики. Оба бывших руководителя службы безопасности испытывали беспокойство за судьбу диктаторского режима Франко. Они хотели подлакировать его, чтобы Испания смогла успешнее выступать на внешнеполитической арене. А потому посоветовали каудильо распустить партию фалангистов, но сделать это так, чтобы не нанести ущерба диктатуре, исполнительным органом которой она является. Взамен Франко должен был создать по образцу фашистской «Голубой дивизии» соединения, подобные войскам СС. Франко понравилась эта идея, и он выразил обоим свою благодарность.

После вояжа в Испанию Скорцени сделал попытку организовать «пятую колонну» бывших эсэсовцев в Швейцарии. Он поручил преданному ему Шелленбергу возглавить фашистов в этой стране. Но сделать это не удалось. Тогда Шелленберг выехал в Северную Италию: итальянское правительство предоставило ему политическое убежище. Бывший бригадефюрер СС обосновался в Лаго Маджиоре. Здесь он аккуратно принимал и отправлял фашистских курьеров. В большом отеле в Палланце, где поселился Шелленберг, эти гости могли легко остаться вне подозрений. Так и вел Шелленберг темную игру до самой своей смерти.

В ветреный мартовский день 1952 года бывший руководитель зарубежной шпионской сети СД мирно почил в Турине смертью добропорядочного буржуа.

ПИСЬМА С ВЗРЫВАТЕЛЕМ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Скорцени и его покровители потребовали от американского верховного комиссара в Германии Макклоя освободить из тюрем всех гитлеровских офицеров, и в первую очередь руководящий корпус СС, осужденных англо-американскими трибуналами за военные преступления и преступления против человечности. Правительство США было готово пойти им навстречу, но предварительно хотело заручиться согласием английского правительства.

Англичане не раз испытывали на себе эсэсовский террор в годы Второй мировой войны. Снаряды «фау-1» и «фау-2», изготовленные на заводах гитлеровской Германии, наносили населению Британских островов большой урон. Немало англичан, в том числе военнопленных, было замучено в концентрационных лагерях. Не забыли они и Ле Парадис, французскую деревню, в которой эсэсовцы 27 мая 1940 года уничтожили около 100 пленных, в том числе раненых солдат и офицеров королевских полков Шотландии и Норфолька. Убийцы носили форму полка «Мертвая голова». Два случайно уцелевших во время массового расстрела англичанина — Альберт Пулэй и Уильям О'Колэгэн — после длительных поисков обнаружили одного из палачей. Это был оберштурмбаннфюрер СС Фриц Кнёхляйн. 11 октября 1948 года он предстал перед британским военным судом. Процесс продолжался две недели, Кнёхляйн был приговорен к смерти. В январе 1949 года солдаты английского гарнизона в Гамбурге привели приговор в исполнение.[67]

Минул год. В Англии шла предвыборная борьба. Консерваторы во главе с Уинстоном Черчиллем делали все возможное, чтобы отстранить лейбористов от власти. Требовать от английских политиков в этот момент освобождения, а тем более реабилитации законно осужденных и находящихся в заключении в Западной Германии видных эсэсовцев было крайне несвоевременно. Любой кандидат, рискнувший заикнуться перед английской общественностью об этой уступке фашизму, заранее лишил бы себя и свою партию шансов добиться на выборах победы. Тогда Скорцени и его сообщники разработали тщательно продуманный план. Он заключался в шантаже Черчилля…

После окончания войны Черчилль неоднократно бывал в Северной Италии. Каждый раз его неудержимо влекло к вилле Донегана в Донго, где провел свои последние дни Муссолини.

Однажды Черчилль оказался на озере Гарда, расположенном недалеко от виллы. И хотя он старался сохранить эту поездку в тайне, она стала достоянием итальянской общественности. Его фотографии появились в нескольких иллюстрированных журналах. Читатели завидовали этому толстяку, который, укрывшись под зонтом от палящего солнца, писал картины маслом.

Но спокойствие Черчилля было показным. Он искал то, что могло оказаться исключительно опасным для его политической карьеры. Дело в том, что Черчилль с начала прихода итальянских фашистов к власти симпатизировал их главарю Бенито Муссолини, был его почитателем. Еще в 1927 году на устроенной по поводу его приезда во Флоренцию пресс-конференции он говорил: «Именно Италия дала нам средство против русского яда. Будь я итальянцем, я стал бы фашистом! «С тех пор в течение ряда лет до 1944 года Черчилль переписывался с Муссолини. Его не смущало, что развязанная фашистами война принесла Великобритании огромные жертвы.

И вот теперь Черчилль, не останавливаясь ни перед какими расходами, разыскивал эти письма. Он прекрасно знал: если эта переписка станет известна общественности, то симпатии, которые еще питала к нему часть английского народа, исчезнут навсегда.

Судьба этих писем, переживших войну, необычна. Муссолини до последнего дня хранил их тщательно, чтобы в критический момент использовать для спасения своей шкуры. Письма эти всегда находились при главаре итальянских чернорубашечников, даже в то время, когда он был в плену. И лишь один раз он был вынужден выпустить их из рук. Это было во время его бегства из Гран-Сассо при помощи Скорцени. Доверху набитый бумагами чемодан не умещался в переполненном самолете «физелер шторх», и Муссолини пришлось на некоторое время расстаться с драгоценным грузом. Лишь двадцать часов находился чемодан в руках гиммлеровской службы безопасности. За это время сотрудники секретной службы просмотрели бумаги и часть из них сфотографировали. С тех пор о существовании писем Черчилля к Муссолини знали два руководителя службы безопасности: Вильгельм Хёттль и Отто Скорцени.

ЧЕРЧИЛЛЬ ПОСТАВЛЕН НА КОЛЕНИ

Черчилль и несколько его личных детективов продолжали неустанно охотиться за этими письмами. Но поиски были тщетны: письма вновь попали в руки человека со шрамами.

Получилось это так. По указанию Скорцени Шелленберг, находившийся в Северной Италии, в апреле 1951 года немедленно связался с Францем Шпёглером. Этот оберштурмфюрер СС по заданию службы безопасности неустанно вел наблюдение за чемоданом с письмами, а попутно выполнял обязанности телохранителя любовницы Муссолини Кларетты Петаччи; именно ей дуче доверил свою переписку с Черчиллем.

25 апреля 1945 года Петаччи послала Шпёглера в свою виллу забрать секретные документы Муссолини и доставить их надежному стороннику дуче в Милан. Шпёглер на автомашине отправился в путь. Вскоре его шофера Альдо Гасперини нашли убитым, а Шпёглер скрылся вместе с документами. Так с помощью Шпёглера Скорцени завладел письмами Черчилля.

И вот теперь фашистское подполье предлагало сделку.

Расчет Скорцени и его компании был сделан правильно. Черчилль клюнул на приманку. Сделка должна была состояться в Италии в августе 1951 года. Черчилль направился в Венецию. Это был его пятый послевоенный визит в Италию. Скорцени (итальянская полиция делала в это время вид, будто разыскивает его) на сей раз приехал туда сам с настоящей итальянской визой — ее проставил в его паспорте итальянский консул в Швейцарии. Черчиллю возвратили его письма к Муссолини. За это ему пришлось дать гарантию, что в случае победы на выборах он освободит нацистских военных преступников. На этих условиях фашисты отказались от разоблачения Черчилля в период предвыборной борьбы в Англии.

Лейбористская партия потерпела поражение. Победу одержали консерваторы. Черчилль сформировал новое правительство и распорядился освободить ряд видных нацистов от справедливого наказания. Вскоре многие эсэсовцы покинули тюрьмы. Таким образом, Черчилль, на помощь которого не зря рассчитывал Муссолини, вступил в союз с фашистами.

ГИММЛЕРОВСКИЙ ШТАБ ПОКИДАЕТ ТЮРЬМУ

Прошло всего шесть лет со времени победы над фашизмом. Боннское государство еще не насчитывало и двух лет своего существования. Но денацификация на западногерманской земле уже закончилась, так по-настоящему и не начавшись. Крупные нацисты вновь потянулись к власти. Их ставленник Ганс-Мария Глобке стал правой рукой Аденауэра. Нацисты считали, что настала пора вновь выйти на поверхность.

Для секретных переговоров с боннскими политиками и установления тесных контактов с фашистскими ячейками в Федеративную Республику прибыл сам Скорцени. И когда из самолета компании «Свисс-Эйр», прилетевшего из Цюриха в Штутгарт, вышел мужчина двухметрового роста, в котором нетрудно было узнать любимца фюрера, офицер федеральной полиции не удивился. Не вызвал у него подозрения и предъявленный испанский паспорт — на этот раз, для разнообразия, на имя Пабло Лерно. Из документа явствовало, что Скорцени является «комиссаром испанского административного управления», что гарантировало его владельцу некоторые дипломатические привилегии. Ведь Скорцени нужно было избежать таможенного осмотра багажа; он вез с собой списки сотрудников бывшей службы безопасности и видных эсэсовцев.

Человек со шрамами направился из Штутгарта в Мюнхен, Ганновер, Брауншвейг и Бремен. В Бремене и в Делменхорсте он выступал на собраниях с торжественными речами в качестве учредителя эсэсовской «ХИАГ».[68] В Пулахе (под Мюнхеном) Скорцени встретился с Рейнгардом Геленом, чтобы заручиться сотрудничеством с финансируемой американцами «Организацией Гелена», на основе которой в 1956 году возникла западногерманская разведка. В Штутгарте, Ганновере, Мюнхене, Брауншвейге и Бремене Скорцени занимался объединением эсэсовских ячеек в западногерманский союз СС. Эсэсовское подполье готовилось к встрече своего руководящего штаба, который еще находился за тюремной решеткой.

Оккупационные власти США и Англии издали соответствующие приказы. Ворота тюрьмы Ландсберг широко распахнулись. Вновь оказались на свободе бывший обергруппенфюрер СС Готлоб Бергер, приговоренный к 25 годам тюремного заключения, бывший обергруппенфюрер СС Ганс Ламмерс из штаба Гиммлера и другие высшие чины черного

ордена эсэсовцев.

У ворот тюрьмы с распростертыми объятиями встретили бывшего обергруппенфюрера СС в штабе Гиммлера и статс-секретаря Геринга Пауля Кернера.

Бригадефюреру СС Гейнцу Йосту, бывшему до 1942 года начальником отдела СС по шпионажу за границей и важной фигурой в главном ведомстве СД, пришлось отсидеть лишь мизерную часть пожизненного тюремного заключения. Бригадефюрер СС и начальник VII управления Главного управления имперской безопасности, шеф Адольфа Эйхмана по службе, Франц Альфред Зикс получил от англичан и американцев отпущение грехов за массовые убийства советских граждан. Его великодушно избавили от дальнейшего отбывания 20-летнего тюремного наказания. Бригадефюрер СС Эдмунд Везенмайер, политический советник Скорцени в период его антивенгерской операции «Бронированный кулак», также смог отпраздновать рождество 1951 года в кругу своей семьи.

Последними покинули тюремные камеры обергруппенфюрер СС, командир личной охраны Гитлера и генерал-полковник войск СС Йозеф Дитрих, бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Герман Присс и штандартенфюрер СС Иоахим Пайпер.

Вместе с эсэсовцами были выпущены из тюрем и генералы гитлеровского вермахта. Англо-американские списки заключенных военных преступников оскудели так же быстро, как росло число членов «ХИАГ» и разбухали «Солдатские союзы».

Клика Скорцени добивалась реабилитации СС. А боннское государство усердно выплачивало бывшим эсэсовцам компенсацию за пребывание в тюрьме.

УБИЙЦА СТАНОВИТСЯ КОММИВОЯЖЕРОМ

Откуда же берет «ХИАГ» средства на содержание своего широко разветвленного аппарата? Кто финансирует информационные бюллетени этой эсэсовской организации, ее «службу розыска», ее печатный орган «Дер Фрайвиллиге» («Доброволец»)? Чьими деньгами оплачивают свои счета неофашисты в Италии и фашистские «пятые колонны» во Франции?

Если проследить, откуда идут денежные потоки и валютные переводы, то этим источником окажется Мадрид, а точнее, главная резиденция Скорцени.

Мадридский комитет фашистов насчитывает восемь человек. Решающий голос в нем имеют Отто Скорцени и Леон Дегрелль. В распоряжении комитета — богатства, награбленные эсэсовцами при гитлеровском режиме: золото, драгоценные камни, платина, валюта. Происхождение этих ценностей известно: собственность более шести миллионов уничтоженных евреев, имущество, захваченное в оккупированных странах Европы, а также фальшивые банкноты. Известна и судьба этих сокровищ. 10 августа 1944 года на тайном совещании в Страсбурге они были переданы службе безопасности в присутствии Гиммлера.

Однако фашисты не довольствуются награбленным. Прежние покровители — монополисты — и теперь регулярно финансируют их деятельность. Разумеется, суммы, которые они выплачивают, не числятся в бухгалтерских книгах. Заправилы германских монополий имеют достаточный опыт маскировки таких операций. Тем более что ими руководит небезызвестный Ялмар Шахт — специалист по финансированию фашизма. Английский журналист Эрих Стентон писал в феврале 1953 года: «В Испании в качестве агента Шахта действует Отто Скорцени, пресловутый гитлеровский начальник эсэсовских команд. Ни один германский экспортер не может заключить там сделку, если он не прибегнет к услугам этого нераскаявшегося нациста».[69]

Суммы, которые значатся в бухгалтерских книгах западногерманских концернов как комиссионные подставным фирмам, в действительности поступают в партийную кассу фашистов. Кроме того, фашистская верхушка получает известный процент от прибылей 800 промышленных и торговых предприятий, разбросанных по всему миру.

Награбленные ценности и денежные поступления от владельцев крупнейших западногерманских концернов не единственные финансовые источники фашистов. В 1954 году

американское агентство печати Ассошиэйтед Пресс сообщало: «Лондон, 6 мая 1954 года. Отдел Скотленд-Ярда по борьбе с фальшивомонетчиками разыскивает склад фальшивых долларовых банкнот с номинальной стоимостью от 3 до 5 миллионов долларов. При попытке пустить в обращение эти безукоризненно изготовленные банкноты арестован один англичанин. Полиция предполагает, что они были отпечатаны на континенте».

Скорцени и его сообщники сумели использовать полученные в майские дни 1945 года клише и рецепты бумаги, чтобы вновь наладить производство фальшивых денег. Вокруг человека со шрамами, посвященного в операцию «Бернхард», снова сгруппировались фальшивомонетчики из прежней службы безопасности: Альфред Науйокс, Бернгард Крюгер, банкир Шпиц, Фридрих Швенд, он же доктор Вендиг — специалист по сбыту фальшивых денег.

Теоретик гиммлеровской акции по производству фальшивых банкнот штурмбаннфюрер СД Хёттль в своей книге, изданной в Западной Германии, внушал фальшивомонетчикам: «Только тогда, когда удастся юридическим путем действенно ограничить методы ведения войны, станет возможно прекратить и «банкнотную войну».[70]

Итак, фашисты вновь обогащаются за счет народов, используя опыт гитлеровской службы безопасности по производству фальшивых банкнот.

ДОСАДНЫЙ НЕДОСМОТР

Аргентина, 1954 год. На веранде комфортабельной виллы в пригороде Буэнос-Айреса в кругу собеседников сидит загорелый человек. Вентилятор обвевает его прохладой. Огни парка отражаются в бассейне. За столом говорят по-немецки, пьют виски. Скорцени снова среди друзей. Он приехал лично убедиться, можно ли положиться на аргентинскую «пятую колонну» бывших гиммлеровцев, и остался вполне доволен.

Но тут произошло нечто в высшей степени неприятное для Скорцени и его закулисных хозяев. Слуга принес перонистскую вечернюю газету «Эпок». Вначале никто не обратил на нее внимания, но вдруг хозяйка дома наткнулась на интересное фото. «Господин Скорцени, сегодня вы на страницах нашей газеты! «- воскликнула она. Действительно, на снимке были запечатлены три человека, и следовала подпись: «Президент Перон принял двух представителей фирмы Круппа. В одном из них было нетрудно узнать Отто Скорцени. Его рост, внешность, шрамы не оставляли никаких сомнений».

Так правительственная «Эпок» оказала западногерманским патронам человека со шрамами медвежью услугу. Снимок стал достоянием общественности. Скорцени, прибывший в Аргентину под именем Роберта Штайнбауэра, сел в лужу. Ведь его фотоснимки геббельсовских времен не забыли ни друзья, ни враги.

Концерн Круппа не сумел своевременно опровергнуть это сообщение. Его аргентинский филиал опубликовал заявление, что Скорцени находился в Аргентине со специальным поручением Круппа. Правление же трех крупповских картелей в Эссене, наоборот, отрицало, что Скорцени находится с Круппом в договорных связях. Впрочем, дело ведь не в формальном соглашении. Имея такого поручителя, как старый финансист Круппа Ялмар Шахт, можно было договориться обо всем и без письменного договора.

Впрочем, Скорцени не один раз после войны бывал в Аргентине. Ему однажды уже пришлось бежать оттуда. 20 июля 1949 года депутат аргентинского парламента Сильвано Сантандер направил правительству запрос: «Действительно ли бывший полковник нацистской «люфтваффе» Ганс Ульрих Рудель, подполковник СС Отто Скорцени, инженер Вилли Танк и генерал Адольф Галланд занимают высокие посты в различных соединениях аргентинских вооруженных сил?» Тогда Скорцени настоятельно рекомендовали немедленно покинуть страну, чтобы

замять досадный запрос.

Созданная Гиммлером агентурная сеть службы безопасности продолжала действовать на южноамериканском континенте. Аппарат СД, как и раньше, представлял в Аргентине интересы германских производителей оружия и других деловых партнеров. Ведь и оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, он же Клемент, также вплоть до своего ареста регулярно получал жалованье в аргентинском филиале фирмы «Мерседес-Бенц», принадлежащей концерну Флика. Эсэсовский врач-убийца Менгеле, он же Мунгель, был укрыт в Аргентине нацистскими кругами, тесно связанными с трестом «ИГ Фарбениндустри».

ВЕНСКИЙ СКАНДАЛ СО СТАЛЬЮ

Но Отто Скорцени работал не только на Круппа и его компаньонов. Одновременно он являлся и генеральным представителем австрийских конкурентов Круппа в Южной Америке.

В июне 1961 года венская газета «Нойе курир» сообщала своим читателям: «Крупнейшее национализированное предприятие Австрии — Объединенные австрийские металлургические и сталелитейные заводы, — как теперь стало известно, в течение нескольких лет имело своим генеральным представителем в Испании и Южной Америке бывшего видного офицера СС и освободителя Муссолини Отто Скорцени. Характерно, что эти деловые связи объединения до сих пор держались в строгой тайне. В качестве представителя этого объединения называли мадридскую фирму «Штайнбах», однако теперь выяснилось, что именно Скорцени является единоличным владельцем этой фирмы. После войны у Скорцени нашлись влиятельные покровители за границей; они, очевидно, имелись и в Австрии. Когда Скорцени основал в Мадриде фирму «Штайнбах», Объединенные австрийские металлургические и сталелитейные заводы передали ему генеральное представительство своих интересов в Испании и Южной Америке, что принесло фирме «Штайнбах» миллионные доходы».[71]

Объем сомнительных сделок между объединением и Скорцени достиг суммы около 7, 5 миллиона шиллингов. Скорцени получил за это, как видно из официальных данных, 225 тысяч шиллингов комиссионных. Скорцени уже использовал профашистскую прессу Австрии для своих публикаций. Например, в газете «Клейне цейтунг» он опубликовал несколько статей под своей подписью.

Когда Скорцени под псевдонимом Антонио Скорба впервые ступил на австрийскую землю, он был очень осторожен. В то время правительство Чехословакии потребовало от австрийских властей выдать его как убийцу. Но венский государственный суд отменил уголовное преследование Скорцени в Австрии. Поскольку Скорцени отрицал совершенные им в Плоштине преступления, 8 ноября 1958 года венский государственный суд вообще прекратил дело Скорцени, тем самым устранив последнюю помеху для выдачи ему австрийского паспорта. Таким образом, утверждения австрийского государственного преступника имели для венских судебных властей большее значение, чем предъявленное Чехословацкой Республикой

детально обоснованное и доказанное обвинение Скорцени в убийствах. За Скорцени стоят «высокие покровители», многозначительно писала об этом газета «Нойе курир», полагая, что делает какое-то открытие.

ПРЫЖОК НА ОСТРОВА

Когда Скорцени впервые после войны прилетел в Лондон, английская полиция сначала запретила ему покидать территорию аэродрома. Но человек со шрамами отнюдь не считал ресторан аэропорта идеальным местом для переговоров с представителями Освальда Мосли — руководителя английских фашистов. «Если я захочу побывать в Лондоне, — угрожал псевдогражданин Испании с фальшивым паспортом в кармане, — то никто не сможет помешать мне сделать это! «[72] Для подобного заявления имелись веские причины. Со времени политической сделки в Италии Скорцени установил близкое знакомство с Черчиллем и, следовательно, чувствовал себя на Британских островах вполне уверенно. А Мосли со своей стороны делал все остальное для популяризации в Англии имени руководителя секции международной фашистской организации. Поэтому, когда Скорцени вновь вступил на землю Англии, на аэродроме его ожидал роскошный «Роллс-Ройс». Спутник Скорцени предъявил полицейским необходимые документы, и машина помчалась по адресу: Лондон, 1, Портлэндплейс. Тот самый Скорцени, который в 1940 году вместе со своей эсэсовской дивизией усердно готовился к вторжению на Британские острова, теперь был желанным гостем руководителей Британской радиовещательной корпорации (Би-би-си).

Ему оказал прием сам генеральный директор Британской радиовещательной корпорации сэр Айэн Джекоб.

Гостеприимные английские хозяева проявили поразительную забывчивость. Они и не вспоминали о том, что в 1943–1945 годах эсэсовцы из службы безопасности под руководством Скорцени убивали в Иране британских часовых, снимали в концентрационных лагерях форму с уничтоженных английских солдат, чтобы одеть в нее своих агентов, участвовавших в диверсионной операции в Арденнах. Джекоб забыл и о документах, предъявленных на процессе по «делу о Мальмеди», где были названы имена эсэсовцев, убийц английских солдат. Из памяти корректных джентльменов внезапно выпал и такой факт, как подделка при активном участии Скорцени фунтов стерлингов.

Скорцени с удовольствием поставил свою подпись под контрактом, где стояло трехзначное число фунтов стерлингов, которые человек со шрамами получил за продажу Би-би-си своих воспоминаний. Однако Скорцени придавал не столь большое значение гонорару. Ему в первую очередь был важен пропагандистский эффект, в обеспечении которого активно

участвовали и английские фашисты.

Задачу превратить убийцу в героя взял на себя английский генерал Брайан Гвинне Хоррокс. Этот высший офицер, служивший одно время в штабе британской Рейнской армии, действовал по рецептам гитлеровской «Фёлькишер беобахтер». В начале 1959 года Хоррокс в серии радиопередач Би-би-си под названием «Люди действия» преподнес англичанам выдержки из мемуаров Скорцени.

Миллионы английских радиослушателей и телезрителей были возмущены прославлением подвигов Скорцени. Дирекция Би-би-си получала тысячи писем с выражением негодования. Но заправилы Би-би-си просто игнорировали протесты англичан. Зато ликованию английских сторонников Мосли не было предела. Сам Мосли чокался с бывшим любимцем Гитлера в ресторане вблизи радиостудии, провозглашая тосты за новые совместные успехи фашистов обеих стран.

СКОРЦЕНИ СТАНОВИТСЯ «ПОМЕЩИКОМ»

Мосли и Скорцени были довольны: за минувшие месяцы бывшему диверсанту удалось добиться большего, чем он смог достигнуть во время войны: организовать колонну своих единомышленников в Ирландии — под боком у Англии.

Еще Гитлер и Гиммлер рассматривали Ирландию как ключ к вторжению на Британские острова. Это была гнусная игра на национальных чувствах ирландцев. «В рамках подготовки к вторжению в Англию (операция «Морской лев») еще с 1940 года, — признал впоследствии Вальтер Шелленберг, — было начато также активное сотрудничество с ИРА (*Ирландской республиканской армией. — Авт.)* по вопросу о главном пункте связи в Дублине. Существовал план подготовки в Германии ирландцев, которые должны были организовать в Ирландии подпольное движение. Перед его участниками ставилась цель: сделать непригодными для британских вооруженных сил аэродромы и технические портовые сооружения. Снабжение этих подпольных групп необходимым снаряжением должно было осуществляться в первую очередь воздушным путем. Однако, после того как операция «Морской лев» была отложена, этот план, к сожалению, отпал».[73]

Гиммлеровский руководитель зарубежного шпионажа с горечью подчеркивал: «к сожалению». Действительно, в период войны гиммлеровской службе безопасности так и не удалось твердо обосноваться в Ирландии. «В 1943 году, — констатировал тот же Шелленберг, — была наконец предпринята попытка забросить двух (подготовленных Скорцени. — Авт.) ирландцев с парашютом. И хотя парашютисты приземлились успешно, полиция в дальнейшем пресекла их деятельность».[74]

И все же один из гитлеровцев обосновался в Ирландии. Это был Скорцени. Он не спустился на парашюте под покровом ночи, а прибыл как вполне добропорядочный и состоятельный джентльмен. Прежде всего Скорцени приобрел за крупную сумму имение «Курраж» и превратился в ирландского помещика. Вскоре депутат английского парламента доктор Ноэль Браун направил в Дублин запрос ирландскому правительству. В нем говорилось: «Какие меры предпринимают ирландские власти в отношении бывшего оберштурмбаннфюрера СС Скорцени?» Ирландский парламент был вынужден заинтересоваться человеком со шрамами. Однако свежеиспеченный помещик поспешил заверить власти, что он намерен всего-навсего разводить в Ирландии лошадей и овец.

Ирландское правительство очутилось в возникшем по его собственной вине затруднительном положении. Оно старалось привлечь в Ирландию финансистов из ведущих капиталистических государств, чтобы противодействовать усиливающемуся обнищанию страны. Ведь Ирландия — малонаселенное государство Европы. Ежегодно большое число безработных ирландцев эмигрирует в другие страны. Заработная же плата той части населения Ирландии, которой удается получить работу, весьма низка. В Ирландии не так-то часто увидишь иностранную валюту. Поэтому ирландское правительство идет на то, что освобождает имущество крупных иностранных бизнесменов в Ирландии от налогов на 25 лет, давая им возможность приобретать на валюту собственность. Именно это Скорцени и его сообщники использовали для того, чтобы создать здесь свою «пятую колонну». Скорцени позаботился и о том, чтобы его посредники в течение нескольких месяцев скупили в Ирландии свыше 70 крупных имений.

Вслед за бывшим любимцем Гитлера из Западной Германии в Ирландию прибыли прельщенные дешевыми землями принц Эрнст Генрих фон Заксен, граф Денхоф, бывший оберфюрер СС фон Дёрнберг и другие.

Вскоре прибывшие в Ирландию лица с немецкими фамилиями сделали попытку открыть ресторан для своих тайных встреч. Однако сделать это не удалось. И вот почему: в Ирландии был разоблачен бывший сотрудник СД Альберт Шмидт, который во время Второй мировой войны творил свои черные дела в оккупированной Голландии, а потом был связным гитлеровских шпионов в Дублине. Правда, Альберт Шмидт с помощью своего закадычного друга Скорцени все же открыл через некоторое время в Дублине на Соут-Анне-стрит не ресторан, а бар под названием «Амстердам-кафе».

Англичане с беспокойством наблюдали за деятельностью на территории Ирландии «пятой колонны» Скорцени. Один из видных английских наблюдателей писал: «По крайней мере, в Лондоне придерживаются мнения, что Отто Скорцени является движущей силой германского вторжения, даже если он прежде всего стремится к тому, чтобы обрести для своих единомышленников новое «жизненное пространство»… Это первая со времени 1919 года «колония» Германии, и она имеет будущее».[75]

Англичанин сказал лишь полуправду! «Пятая колонна» Скорцени обосновалась в Ирландии неспроста. Недаром имение Скорцени «Курраж» расположено в центре района дислокации ирландских войск, неподалеку от крупнейших военных складов.

КРУГ ЧЕРНЫХ ДРУЗЕЙ

Суды, министерства иностранных дел, парламенты и даже специальная Комиссия ООН рассматривали преступления, совершенные Скорцени в Чехословакии, Франции, Италии, Австрии, Англии и Ирландии. Но есть государство, в котором ему не грозит опасность. Это Федеративная Республика Германия. Вот почему гитлеровский диверсант предпочитал обделывать свои дела на территории Западной Германии. «Для переговоров с представителями Объединенных австрийских металлургических и сталелитейных заводов Скорцени встречается не в Австрии, а в Германии (Западной. — Авт.)», — утверждает еврейская церковная община в Вене.

Убийца австрийских евреев, жителей советских деревень и Плоштины, организатор зверств в Мальмеди, Графенвёре, Шведте беспрепятственно приезжает в ФРГ. В числе его деловых друзей не только юрисконсульты западногерманских концернов. Скорцени заключает здесь политические сделки с такими партнерами, как бывшие эсэсовские генералы Хауссер, Вольф, Мейер, Дитрих, Гилле, Симон, Зикс, Науман, Манке, Хёттль и Упхофф. Он на короткой ноге с бывшими гитлеровскими генералами Мантейфелем, Хойзингером, Геленом, адмиралом Хейе.

За последние пять-шесть лет имя Скорцени ни разу не упоминалось в боннском парламенте. И это не случайно! Ведь председателем западногерманского бундестага является Эйген Герстенмайер — человек, который верой и правдой служил гитлеровскому адмиралу от шпионажа Канарису и не был расстрелян благодаря Скорцени.

Псевдодемократ с партийным билетом ХДС в кармане немало потрудился, чтобы сохранить в аденауэровском государстве кадры эсэсовцев, осуществляя тем самым план, задуманный еще гиммлеровской службой безопасности.

Этим Герстенмайер старался отблагодарить своего эсэсовского спасителя.

Пути Скорцени и Герстенмайера сходились после войны не раз. В 1951 году они встретились в Штутгарте. В 1955 году Герстенмайер нанес визит Франко в его мадридском дворце Прадо. В следующем году Герстенмайер сделал все, чтобы пресечь в бундестаге критику по адресу военного министра ФРГ, призывавшего через прессу бывших эсэсовцев вступить в бундесвер. В августе 1956 года специальная комиссия руководимого Герстенмайером бундестага приняла решение,

открывающее всем бывшим командирам СС вплоть до оберштурмбаннфюрера доступ в бундесвер, причем каждому из них сохранялся прежний чин.[76]

ДОГОВОР О МОЛЧАНИИ

Однажды Герстенмайер получил пакет. В нем содержалось приглашение явиться на встречу видных нацистов, обосновавшихся в ФРГ. Сбор эсэсовцев организовал Карл Церфф — бывший бригадефюрер СС — по заданию мадридского фашистского центра. Встреча должна была состояться накануне предстоявших выборов в бундестаг. В назначенный день, 25 января 1957 года, хорошо одетые господа один за другим незаметно входили в здание на Кроненштрассе, 47 в Штутгарте. Точно в указанное время прибыл сюда и Герстенмайер. В числе присутствующих были представители западногерманских фашистских организаций: обергруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС Пауль Хауссер, обергруппенфюрер СС и генерал танковых войск СС Йозеф Дитрих, Гельмут Зюндерманн — бывший подручный имперского шефа печати обергруппенфюрера СС Отто Дитриха, группенфюрер СС и нацистский гаулейтер Пауль Вегенер, бригадефюреры СС Эрнст Людвиг Лейзер и Вернер Науман, нацистский профессор Тейльман, бывший руководитель имперского ведомства Бодо Лафференц и другие.

На повестке дня стояли следующие вопросы:

1. Реабилитация СС и НСДАП.[77]

2. Поиски путей для более усиленного включения нацистов в боннскую политику.

Бывший бригадефюрер СС Церфф — один из главных эсэсовских идеологов — для начала разъяснил: «Мы не делаем ничего, что следовало бы скрывать или чего следует стыдиться. Однако мы придаем большое значение тому, чтобы все обсуждаемое здесь осталось строго секретным и конфиденциальным, ибо есть вещи, о которых не следует сообщать прессе».[78] Это звучало как напоминание об эсэсовской клятве хранить тайну. Ораторы один за другим излагали свои пожелания и требования. Господин Герстенмайер прилежно записывал.

Гельмут Зюндерманн, бывший гитлеровский пропагандист, а после войны руководитель издательства «Друффель Ферлаг», требовал еще большей свободы для фашистской пропаганды.

Вернер Науман от имени присутствующих эсэсовцев восклицал: «Дайте же, наконец, простор свободе. Можете быть уверены, мы будем пользоваться ею в рамках законов! »

Генерал Хауссер вновь выступил с требованием реабилитировать войска СС. Церфф со своей стороны сообщил

Герстенмайеру, что депутат бундестага, боннский эксперт по военным вопросам социал-демократ Эрлер знаком с пожеланиями эсэсовцев и приветствовал эту встречу. Тем самым Герстенмайеру дали понять: тот, кто пообещает эсэсовским бандитам больше уступок, тот получит на предстоящих выборах миллион их голосов.

Победителем в предвыборной борьбе стала аденауэровская ХДС — следовательно, эсэсовцы поддержали эту партию. Избранный бундестаг пошел им на многие уступки. Боннская тактика постепенной и молчаливой реабилитации нацистов и эсэсовцев вступила в новую стадию.

Председатель бундестага Герстенмайер 29 июня 1961 года провел через парламент третье дополнение к закону об изменении статьи 131 конституции ФРГ.[79] Некоторые депутаты бундестага даже не знали подлинной цели этой странной поправки. Они и не подозревали, что между тогдашним боннским министром внутренних дел, министром финансов Этцелем и председателем бундестага Герстенмайером имели место тайные переговоры.

Принятое дополнение означало, что все, кто принадлежал в прошлом к СС или в течение десяти лет безоговорочно служил гиммлеровскому черному ордену, вознаграждались за это боннскими государственными пенсиями. Таким образом, эсэсовцы хотя и с опозданием, но все же получили награды за преступления.

Старые друзья Герстенмайера не ошиблись. Они действительно могли положиться на своего агента, который поддерживал и поддерживает постоянный контакт с Мадридом. В этом Герстенмайеру содействует западногерманский посол в Испании Вольфганг фон Вельк, занявший этот пост не без помощи председателя бундестага.

ПРОКУРОР ВЫДАЕТ ОХРАННУЮ ГРАМОТУ

Дело Скорцени весьма типично для внутриполитической жизни Федеративной Республики Германии. Бывший оберштурмбаннфюрер СС и начальник одного из управлений службы безопасности все еще не понес наказания, потому что связан с боннскими властями тысячью нитей. Убийца как бы обладает охранной грамотой. Именно этим можно объяснить, что уже в 1951 году в одной из западногерманских газет можно было прочесть: «Согласно имеющимся у нас сведениям, органы юстиции земли Гессен больше не проявляют какого-либо интереса к аресту Скорцени». А орган крупной западногерманской буржуазии гамбургская газета «Ди вельт» писала в 1960 году: «Генеральный прокурор Гамбурга не желает предпринимать никаких мер против оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени. Скорцени известен как «похититель Муссолини». В понедельник гамбургская прокуратура в связи с запросом сообщила, что никакого судебного дела против него возбуждено не будет».[80]

Почему? Это станет понятным, если внимательно присмотреться к составу прокуратуры Гамбурга.

Обер-прокурором этого крупного западногерманского портового города, входящего в Федеративную Республику Германии на правах самостоятельной земли, является Вилли Штегман. Ему сильно не повезло: в последние дни войны он выпустил из рук свое личное дело. Теперь оно стало достоянием общественности. Если заглянуть в эти документы, можно получить ясное представление о его карьере: 1938 год — прокурор в суде берлинской комендатуры; 1944 год — старший советник военного суда при командующем германскими войсками в Бельгии и Северной Франции; с 5 августа 1944 года — судья корпуса войск СС. Таков послужной список Вилли Штегмана! Так пожелает ли бывший эсэсовский судья Штегман обвинить Скорцени в военных преступлениях? Это означало бы вынести приговор самому себе!

Может быть, это сделают его коллеги — другой гамбургский обер-прокурор доктор Герберт Скок или занимающий аналогичный пост доктор Эрнст Мейер-Маргрет? Тоже маловероятно. Оба они принадлежат к числу гитлеровских кровавых судей по особым делам, так же как и Ганс Фогель, являвшийся после войны главным прокурором Гамбурга.

Откажется взять на себя дело Скорцени и прокурор доктор Вильгельм Кюнцель — бывший подручный гитлеровских палачей в ранге советника военного суда.

Председатель высшего суда земли Гамбург Вальтер Клаузен тоже не станет выносить приговор Скорцени. В нацистские времена он занимал пост советника военного суда. Может ли он привлечь Скорцени к ответственности за то, что тот уже в последние часы войны вешал в Шведте солдат и ополченцев-фольксштурмистов!

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ ВО ДВОРЦАХ И МИНИСТЕРСТВАХ

Неудивительно, что Скорцени чувствовал себя в ФРГ вполне безопасно. К тому, что западногерманская юстиция не стремилась утруждать себя преследованием нацистских преступников, причастны и аденауэровские министры. Один из основателей руководимой канцлером Аденауэром партии ХДС в земле Северный Рейн-Вестфалия доктор Роберт Лер, будучи министром внутренних дел ФРГ, приказал в 1951 году вычеркнуть фамилию Скорцени из списков лиц, разыскиваемых полицией. Кстати, Лер принадлежал к числу членов наблюдательного совета концерна «Ферейнигте штальверке АГ» в Дюссельдорфе.

Такова позиция боннских властей не только по отношению к Скорцени, но и вообще ко всем эсэсовцам, военным преступникам.

«Вернутся ли нацисты к власти?» — вопрошала лондонская либеральная газета «Ньюс кроникл». Ее редакторы тщательно анализировали факты и пришли к выводу, что в Федеративной Республике Германии, политические руководители которой выдают ее за «миролюбивое» государство, нацисты уже давно заняли свои прежние позиции. И в этом не последнюю роль сыграл Скорцени.

В 1960 году он перешел в наступление и поместил в боннской газете «Фрайвиллиге» («Доброволец») следующие строки:

> «В последние дни немецкие газеты, а в субботу и немецкое телевидение стали распространять обо мне ложные сведения, которые я решительно опровергаю.
>
> 1. Сообщалось, что в 1949 году я встретил в Австрии Эйхмана и содействовал его побегу. Оба эти утверждения не соответствуют действительности.
>
> 2. Из Израиля сообщали, что я якобы поджег в Вене пять синагог. Это утверждение также не соответствует действительности.
>
> 3. Согласно сообщению из Тель-Авива, некто Фридман якобы заявил, что он выследил бы меня так же, как и Эйхмана. С 1945 года мое местопребывание общеизвестно. Если Фридман посетит меня, я окажу ему достойный прием.
>
> 4. Впрочем, я никогда не имел ничего общего с преследованием евреев.

5. Любые, уже имевшие место или последующие подобные сообщения в печати, по радио или телевидению будут преследоваться мной всеми находящимися в моем распоряжении законными средствами. Я уже предоставил своим адвокатам соответствующие полномочия.

Холленштадт, 29 мая 1960 года. Отто Скорцени».

ЛЕГИОН ТЕРРОРИСТОВ

В Оране и Париже, Алжире и Лионе взрывались пластические бомбы. Автоматные очереди впивались в известковые стены арабских хижин в Константине и Сиди-бель-Аббесе. Средь бела дня от рук убийц падали, истекая кровью, алжирцы и французские патриоты. Ворвавшись в одну из больниц Алжира, убийцы устроили в ней кровавую бойню, хотя больные находились под защитой Красного Креста. Пылали подожженные в Алжире бандитами библиотеки, а в Париже рвались бомбы. Бандиты настолько обнаглели, что заранее оповещали о предстоящих убийствах, угрожая расправой как с алжирскими, так и с французскими политическими деятелями.

С 1961 года в Алжире и Франции бушевал террор, который по своей жестокости мог сравниться только со зверствами эсэсовских карательных команд. Тысячи разорванных бомбами и убитых выстрелом в спину, взорванные электростанции, больницы, школы — таковы зловещие дела тайной террористической организации ОАС. ОАС, так же как и гитлеровские черные когорты убийц и террористов, зверствовавших под эмблемой черепа, отличается своей разбойничьей хищностью и бесчеловечностью. Следы ОАС также ведут в Мадрид, где Скорцени держит в своих руках нити разветвленной сети международной подпольной организации диверсантов и убийц.

Антифашисты разоблачили оасовцев — членов тайной террористической организации, а также их закулисных вдохновителей и военных главарей. Среди последних оказались бывшие эсэсовцы. Это они при помощи ОАС пытались сохранить в Алжире колониальное господство монополий и установить во Франции фашистский режим. Тем самым планы ОАС предстали как новое, переработанное издание старых планов Гитлера, предусматривавших фашизацию Европы и вторжение в Африку.

Читатели выходящей в Париже газеты «Монд» еще 3 мая 1961 года смогли прочесть, что 12 апреля — за несколько дней до фашистского путча в Алжире — в Мадриде произошло весьма примечательное событие. Здесь для конспиративной беседы встретились три агента американской секретной службы, а также несколько других лиц: испанец, два немца из Западной Германии, три француза — два полковника и генерал-путчист. Редактор газеты «Монд», опубликовавший это разоблачительное сообщение, был немедленно внесен оасовцами в списки намеченных жертв.

Кто же были те люди, которые встретились в испанской

столице? Личность трех заговорщиков впоследствии удалось установить вполне точно. Это были Скорцени, полковник Годар и генерал Гарди. Двое последних являлись в то время влиятельными офицерами французской армии. Гарди вплоть до 1960 года служил генерал-инспектором французского Иностранного легиона. Через находившегося в Сиди-бель-Аббесе своего зятя капитана Глазера генерал Гарди установил контакт с диверсантом Скорцени. А тот в свою очередь уже давно получил директивы из Бонна и Дюссельдорфа. Таким образом, в мадридском заговоре слились воедино интересы реакционнейших группировок Франции и Западной Германии. Не заставили себя долго ждать и представители американской секретной службы, стремившиеся обеспечить путчистам помощь и моральную поддержку.

ПУТЧ В ОРАНЕ И АЛЖИРЕ

22 апреля 1961 года, спустя десять дней после того, как заговорщики в Мадриде скоординировали свои подрывные планы, генералы нанесли задуманный удар. Связь путчистов с их мадридским центром, по крайней мере в первые часы и дни, функционировала отлично. Французский фашист Пьер Лагайяр вел из Мадрида подстрекательские радиопередачи и транслировал путчистские воззвания на Алжир и Францию. В это же время действовал и сообщник Лагайяра, разыскиваемый французской полицией Йозеф Ортиц. При помощи рации, полученной от Скорцени, он поддерживал с Балеарских островов связь со штаб-квартирой путчистов.

Выступлением руководил генерал Рауль Салан, заочно приговоренный в Париже к смертной казни. Главную роль в путче играли наемники из 1-го парашютного полка Иностранного легиона.

Поначалу казалось, что план путча осуществляется блестяще: заговорщикам удалось использовать момент внезапности. Однако уже очень скоро стало ясно, что преемники Гитлера, воспользовавшись рецептом покойного фюрера, допустили ошибочную оценку соотношения сил.

Организация путча стала возможной вследствие того, что из Западной Германии через фашистский центр в Испании заговорщикам была оказана не только моральная поддержка. Из ФРГ поступало к путчистам оружие, текли деньги, направлялись директивы. К этому делу приложили свою руку наряду со Скорцени банкир Шахт, боннский политический деятель Эйген Герстенмайер, а также шеф западногерманской секретной службы Гелен. А они прекрасно знали, почему это делают. Западногерманский концерн «Сименс» основал в Алжире свои многочисленные филиалы. Горнопромышленная компания «Дойче шахтбау унд тифбор акциенгезельшафт», правление которой находится в Лингене-на-Эмсе, развернула свою деятельность на обширной части алжирской Сахары. В компании Comit International d'Etudes du Gisement du Tindout, эксплуатировавшей алжирские железорудные месторождения, уже давно задавали тон дюссельдорфская фирма «Эксплорацион» и эссенский концерн «Эрцконтор Рур». Они вывозили из Алжира по крайне низким ценам руду. Концерны Тиссена, Маннесмана и трест «ИГ Фарбен», участвуя в акционерном обществе «Дефрольгезельшафт», тоже получали немалую толику прибылей.

Сокровенные желания этих финансовых группировок выразил

в своем органе «Voici ourquoi» глашатай французских «ультра» Жак Сустель: «Алжирская нефть и подземный газ должны устремиться в Испанию, Францию, Западную Германию, Люксембург и Бельгию».

Западногерманские военные мечтали использовать территорию Алжира для создания военных баз ФРГ, для испытаний ядерного оружия совместного франко-западногерманского производства, а также для обучения ракетных частей. Непосредственно после инспекционной поездки тогдашнего военного министра ФРГ Франца-Йозефа Штрауса по Алжиру некий доктор Гейнц Клосс из боннского так называемого «Германского Африканского общества» без обиняков заявил: «Ныне в Мерс-эль-Кебире устроены гигантские подземные арсеналы и склады; в Алжире находится резиденция командования НАТО для западной части Средиземного моря, в районе Коломб — Бешара расположен полигон для испытания ракетных снарядов, а вблизи Реггана, в Сахаре, — для испытания атомных бомб». Добавим лишь, что президентом «Германского Африканского общества» является тот же Эйген Герстенмайер.

Чтобы удержать Алжир, эти круги использовали путчистов и были готовы пролить сколько угодно крови. Тем более ошеломляющим было для них поражение.

Скорцени сбился с ног: он подготавливал конспиративные квартиры, организовывал подделку паспортов, снабжал путчистов оружием и боеприпасами, обеспечивал конспиративную связь через курьеров. Оасовцам, оказавшимся в затруднительном положении, он направил советника, на которого мог вполне положиться. Сам Скорцени не пожелал, чтобы в этой тревожной обстановке его бросающуюся в глаза физиономию увидели в Алжире. Но этого и не требовалось. Диверсант недолго ломал голову над тем, кого бы послать вместо себя в Алжир. Он перелистал свою картотеку и остановил взгляд на карточке, где значилось: «Виммер-Ламквет, Франц Ксавьер Макс Фердинанд Эрнст, род. 28 апреля 1919 года в Вене, сотрудник СД с 1940 года, специалист по Африке». Особую ценность этой кандидатуре в глазах Скорцени придавало то, что английское правительство разыскивало Виммера-Ламквета как убийцу, грабителя и поджигателя и объявило за его поимку награду в 500 фунтов стерлингов. Однако после 1945 года сообщники Виммера-Ламквета по СД сумели помочь этому преступнику скрыться. Виммер-Ламквет сумел получить поддельные документы и стал Стефаном Штурмом.

Карьера «специалиста по Африке» началась незадолго до Второй мировой войны. Гитлеровская разведка пыталась заслать

своих шпионов во все страны света. Вскоре Виммер-Ламквет получил особые директивы и отплыл в Восточную Африку. Там в одном из селений Танганьики его ожидал владелец кофейных плантаций доктор Вольфганг Клетт. За несколько месяцев до начала Второй мировой войны Клетт успел его кое-чему обучить. Плоды этого обучения англичане основательно ощутили в последующие годы.

3 марта 1940 года английский губернатор и главнокомандующий войсками в Танганьике Марк Эйтчисон Юнг освободил из-под стражи интернированного с начала войны в Дар-эс-Саламе Виммера-Ламквета и дал ему возможность эвакуироваться в гитлеровскую Германию. Юнг тогда и не подозревал, какую важную птицу он выпустил из рук. Вскоре ему пришлось приложить немало сил, чтобы попытаться поймать Виммера-Ламквета.

Сразу же после возвращения в Германию «специалист по Африке» стал добиваться принятия в ряды СС. В своем заявлении Виммер-Ламквет писал, что, будучи твердо убежден в том, что Германия сумеет вновь захватить свои потерянные колонии, он хочет отправиться в Африку, чтобы, изучив языки и быт ее населения, стать в будущем одним из руководителей колониальных властей.

Пройдя курс обучения стрельбе, диверсиям и террористическим актам, Виммер-Ламквет был произведен в эсэсовские офицеры. Вскоре он снова высадился в Африке. Здесь Виммер-Ламквет получил возможность применить на практике все, чему его обучили. Вместе с ним в Африку прибыли шесть эсэсовцев. В дальнейшем к ним примкнули ослепленные гитлеровской пропагандой местные «правые».

Диверсанты под командованием Виммера-Ламквета немало досаждали англичанам. Они нападали на транспорты, взрывали мосты и электростанции, разрушали железнодорожные линии, пускали под откос поезда, убивали жен и детей фермеров, отравляли колодцы, поджигали кофейные и хлопковые плантации. Оружие и взрывчатку им доставляли нацистские самолеты.

Отряд Виммера-Ламквета уже в начале Второй мировой войны продемонстрировал в Африке стратегию выжженной земли. Деятельность этого диверсанта радовала Гиммлера в далеком Берлине: он неоднократно повышал в чине убийцу и сообщал ему об этом по радио. Когда же Виммер-Ламквет увидел, что дни его в Танганьике сочтены, он бежал, предоставив своим наемникам самим расплачиваться за совершенные преступления.

Когда Отто Скорцени занял руководящий пост в Главном

управлении имперской безопасности, вскоре появился там и Виммер-Ламквет. Он доложил о своем прибытии начальнику управления Шелленбергу и был направлен в отдел диверсий.

Вскоре «специалист по Африке» получает особое задание. Он становится офицером связи между Главным управлением имперской безопасности и начальником отдела «Иностранные армии Востока» в верховном командовании вермахта Рейнхардом Геленом. Гелен очень скоро оценил это чудовище в облике человеческом, столь настойчиво рекомендованное ему Шелленбергом и оберштурмбаннфюрером СС Скорцени.

Но противник, с которым пришлось столкнуться на Восточном фронте, оказался совсем не таким, как его считал Виммер-Ламквет. Это была не Африка, где удавалось путем подкупа и пропагандистской обработки вербовать в ряды диверсантов отдельных людей. Здесь, на временно оккупированной территории, все и вся оказывало сопротивление. Даже тот террор, который применял против мирного населения Виммер-Ламквет, не мог сломить советское сопротивление. Вскоре бывший «специалист по Африке» был захвачен советскими войсками в плен, а затем осужден как военный преступник.

Когда летом 1955 года советские власти передали Виммер-Ламквета судебным органам ФРГ для дальнейшего отбывания наказания, генерал Гелен, ставший к тому времени руководителем западногерманской секретной службы, дал ему возможность скрыться и установить контакт с мадридским бюро Скорцени.

Вот этого диверсанта человек со шрамами и избрал для помощи оасовцам в Северной Африке.

В 1961 году Виммера-Ламквета можно было проследить вплоть до границы Алжира. Вскоре он вел в Касабланке переговоры с бывшим фюрером СС, а в то время окружным руководителем «Марокканского объединения друзей французского Иностранного легиона». Тот направил его с соответствующими рекомендациями к майору фон Борконовскому, который после окончания своей службы в Иностранном легионе стал владельцем виллы в Оране и очень быстро сделался одним из руководителей местной ячейки ОАС. Но затем следы Виммера-Ламквета затерялись. Однако, судя по телеграмме агентства ДПА из Парижа от 6 января 1962 года, можно считать, что он все же прибыл к месту своего назначения — в штаб ОАС. Агентство, в частности, сообщало о конфискации у оасовцев составленных на немецком языке документов. В них говорилось о создании так называемых «команд Х». В день «Х» террористы, объединенные в такие команды, должны были

захватить стратегически важные пункты. Характерно, что эти команды имели в своем распоряжении военную форму противника, гранатометы для борьбы против танков и автоматическое оружие. То, что эти планы не остались на бумаге, подтвердили события последующих недель и месяцев. Во всей этой истории чувствовалась опытная рука Скорцени. Его эсэсовские истребительные команды и переодетые в форму противника диверсионные группы возродились в отрядах ОАС.

УБИЙЦЫ СПАСАЮТСЯ БЕГСТВОМ

Но, как ни старались диверсанты типа Скорцени и Виммера-Ламквета предотвратить крах в Алжире, сделать это им не удалось. Жертвами ОАС стали более 5 тысяч мужчин, женщин и детей — жителей Алжира и Франции. На юридическом языке истребление невинных и беззащитных людей по национальным или расовым причинам именуется геноцидом. На процессе главных военных преступников в Нюрнберге геноцид был заклеймен как одно из гнуснейших преступлений гитлеровского режима. С тех пор Скорцени, специалист по «мокрым» делам, похвалявшийся осенью 1960 года: «Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним! «, приумножил свои кровавые преступления.

В западногерманском государстве не желают делать выводов из уроков Нюрнберга. Нашедшие приют в ФРГ бывшие эсэсовцы вновь поднимают голову. Они восхищаются «подвигами» Скорцени, прославляют его методы. Газета «Ди вельт» 19 июня 1962 года в статье под заголовком «Террор еще только начинается» следующим образом охарактеризовала зверства ОАС: «Эта форма ведения войны стала теперь нормальной, может быть, даже единственно возможной, и тот, кто не желает взглянуть прямо в глаза этому факту, не может в наш век считаться вооруженным, сколь много дивизий он бы ни сформировал. Несомненно, что ныне террористические организации исключительно эффективны… ОАС начала одерживать успехи именно с того момента, когда изменила свою стратегию и стала придерживаться тактики выжженной земли и массового изгнания населения».

Кровавый след оставила ОАС в Алжире. Когда же пришел час расплаты, оасовцы разбежались. Генерал путчистов Гарди не позабыл прихватить сейф с миллионами. Вместе с ним из Алжира в Испанию бежало несколько тысяч оасовских диверсантов, и в их числе эсэсовцы — креатура Скорцени.

Провал планов ОАС в Алжире не прекратил деятельность диверсанта со шрамами. Наоборот, она еще больше активизировалась. В начале апреля 1960 года в Бейруте при содействии ливанской партии «Фаланга»[81] Скорцени организовал совещание фашистских главарей, прибывших из многих стран мира. Во время этой встречи речь шла о том, как с юридической и пропагандистской точек зрения локализовать процесс над Эйхманом в Иерусалиме. Собравшиеся рассмотрели возможные меры по предотвращению разоблачения сообщников Эйхмана в ходе процесса.

В 230 километрах от того места, где в стеклянном бронированном колпаке дрожал от страха Эйхман, в фешенебельных отелях и ночных кабаре встречались его бывшие сообщники. Отель «Гордон», ночной бар «Эль Марокко», ресторан «Аль-Матаан» попеременно были местами их совещаний. Скорцени, бригадефюрер СС Вернер Науман, обергруппенфюрер Феликс Штайнер, видные руководители фашистов Аргентины, США, Италии и Франции — вот далеко не полный перечень съехавшихся в Ливан единомышленников. Но и в этой стране фашисты уже не могли открыто вести переговоры.

Однажды в Нюрнберге — городе, который гитлеровцы избрали для своих партийных съездов, Скорцени заявил: «Дайте мне тысячу человек и свободу рук, и любой противник потерпит поражение в новой войне». Это хвастовство пришлось по вкусу тогдашнему военному министру Штраусу. И это понятно. Заявление вполне соответствовало духу боннских авантюристов. Поэтому Штраус лично позаботился о том, чтобы на передвижных выставках, посвященных западногерманскому бундесверу, достойное место отводилось «подвигу» Скорцени, спасшего Муссолини — «государственного деятеля дружественной страны».

Скорцени из кожи лезет вон, чтобы изобразить себя сверхчеловеком. Напрасный труд.

Дмитрий Прохоров
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ОТТО СКОРЦЕНИ

В 1999 году в ростовском издательстве «Феникс» вышла книга «Секретные задания», принадлежащая перу небезызвестного Отто Скорцени. Представляя книгу читателю, издатели пишут, что мемуары Скорцени — «это искреннее, честное и правдивое повествование о судьбе солдата, оставшегося верным присяге и до конца выполнившего свой долг». И действительно, после прочтения этих мемуаров складывается впечатление, что написал их боевой офицер, честно прошедший нелегкими дорогами войны. Но на самом деле Скорцени таковым никогда не являлся. Отто Скорцени родился 12 июня 1908 года в семье инженера в столице Австрии Вене. Окончив школу, он в 1928 году поступил в Технический университет, а заодно и в так называемый «Академический легион», одну из легальных организаций австрийских нацистов. Именно там он познакомился со своим будущим начальником Эрнстом Кальтенбруннером, вместе с которым в 1932 году вступил НСДАП. В 1934 году Скорцени становится членом СС и зачисляется в 89-й штандарт (полк). А через несколько месяцев он получил первое «боевое» крещение.

Тогда, в июле 1934 года, фюрер австрийских фашистов Зейсс-Инкварт при поддержке Германии попытался совершить государственный переворот. Отборные отряды австрийских эсэсовцев, в числе которых находился и Скорцени, ворвались в резиденцию федерального канцлера Австрии Э. Дольфуса и убили его. Однако путч провалился, нацистская партия была запрещена, а отряды СС ушли в подполье. Что же касается Скорцени, то он моментально превратился в управляющего небольшой строительной фирмы, а на его визитной карточке значилось: «дипломированный инженер». Впрочем, деятельность австрийских фашистов на деле не прекращалась ни на один день. Так, Скорцени вступил в «Германский гимнастический союз», являвшийся на самом деле законспирированной эсэсовской организацией, и беспрепятственно продолжал заниматься военной подготовкой, к чему всегда, по собственным словам, испытывал особое стремление.

Умение отлично стрелять пригодилось Скорцени в марте 1938 года во время аншлюса Австрии. Именно он 11 марта по приказу Зейсс-Инкварта во главе 20 эсэсовцев из «Германского

гимнастического союза» ворвался во дворец президента Австрии Микласа, разоружил охрану и изолировал главу страны от внешнего мира. А через некоторое время такая же участь постигла и федерального канцлера Шушнига. Но если Шушнигу после долгих лет заключения в концлагере удалось остаться в живых, то президент Миклас исчез без следа.

Следующий «подвиг» Скорцени совершил 9 ноября 1938 года во время «Хрустальной ночи». Под таким названием фашисты осуществили в Германии и Австрии крупномасштабную операцию, направленную против евреев. По приказу государственного секретаря по вопросам безопасности бригадефюрера Э. Кальтенбруннера гауптшарфюрер СС Скорцени был назначен ответственным за проведение операции в 3-м районе Вены. В этом районе находилось 5 синагог, и все они были сожжены. Кроме того, Скорцени не забыл и о себе лично. Он присвоил виллу, расположенную на Петер-Иорданштрассе, 37, а ее хозяина-еврея отправил в концлагерь. Заслуги Скорцени не остались без награды. Он стал нацистским руководителем венской строительной гильдии, в результате чего ему удалось присоединить предприятия, принадлежавшие евреям, к фирме своего тестя. Надо ли говорить, что обо всех этих «подвигах» в мемуарах Скорцени нет ни слова.

Осенью 1939 года после нападения Германии на Польшу Скорцени решил попытать счастья на фронте. Он вступает в войска СС, проходит специальную подготовку и в составе дивизии СС «Райх» принимает участие в войне с Францией. В апреле 1941 года унтерштурмфюрер Скорцени участвует в нападении на Югославию, а в середине июня уже находился в Польше, где готовился к вторжению в СССР.

Однако война с частями Красной армии оказалась гораздо более тяжелой, чем представлял себе Скорцени. Вот что, например, вспоминает он о потерях, которые понесли фашисты под Москвой:

«В промерзшей, твердой, как камень, земле было практически невозможно хоронить наших мертвых. Мы складывали тела в церкви. Это было страшное зрелище: чудовищное переплетение рук и ног. Скрюченные

тела, навечно застывшие в том положении, в каком они приняли смерть. Покрытые коркой замерзшие глаза, что-то разглядывавшие в ледяном небе. Мы ломали окаменевшие суставы, чтобы придать им подобающий на смертном одре вид. Твердую, как камень, землю брала только взрывчатка. В братских могилах мы хоронили павших каждый день или каждые два дня, в зависимости от интенсивности боев».

Разумеется, такая война не прельщала Скорцени. И в начале 1942 года он под предлогом желудочных колик ложится в госпиталь, а затем отправляется на лечение в Вену. Следующие полгода Скорцени служил в запасном полку СС в Берлине, а затем перевелся в формируемую 3-ю бронетанковую дивизию СС. Но снова оказаться на фронте ему так и не пришлось. Дело в том, что 30 января 1943 года начальником Главного управления имперской безопасности (РСХА) был назначен старый знакомый Скорцени обергруппенфюрер Кальтенбруннер. А в феврале Геббельс провозгласил так называемую «тотальную войну». Вот тогда Кальтенбруннер и вспомнил о Скорцени. Он вызвал его к себе и назначил начальником группы VI Ц VI управления РСХА, на которую возлагались проведения актов диверсий и террора в тылу противника.

Приступив в апреле 1943 года к своим новым обязанностям, гауптштурмфюрер Скорцени прежде всего позаботился о создании спецшколы. Он разместил ее в старом замке Фриденталь под Берлином. Именно там в обстановке строжайшей секретности и готовились на «Специальных курсах особого назначения Ораниенбург» диверсанты Скорцени.

«Курсантам предстояло получить всестороннюю подготовку, — пишет о своей школе Скорцени. — Мы готовили их для выполнения самых сложных заданий в любой точке земного шара… Наряду с индивидуальными занятиями мы запланировали курс лекций по стратегии и тактике ведения боевых операций — от захвата, удержания и выведения из строя промышленных объектов до топографической съемки местности и изучения иностранных языков».

Что же касается конкретных операций, которыми занимались в это время подчиненные Скорцени, то здесь следует отметить заброску боевых групп в Иран с задачей организации там вооруженного восстания местных племен (операция «Француз»), а также активную радиоигру с англичанами, в результате которой практически вся агентура британской разведки в Европе была разгромлена.

Но наиболее известной операцией, проведенной Скорцени, благодаря которой он обратил на себя внимание самого Гитлера, было освобождение итальянского дуче Муссолини. Дело в том, что после высадки в начале июля 1943 года войск союзников на остров Сицилия в фашистском руководстве Италии (т. н. «Большой совет») возникли разногласия относительно дальнейшей политики. В результате значительная часть членов «Большого совета» пришла к убеждению, что оградить Италию от последствий войны может лишь смещение Муссолини с поста

премьер-министра.

23 июля 1943 года Муссолини был арестован офицерами королевской гвардии, а назначенный королем новый премьер-министр маршал П. Бадольо призвал итальянцев разоружить фашистов. Самого Муссолини сначала поместили на корвет «Персефоне», затем на Понтийские острова, потом в Ла-Маддалена на Сардинии и, наконец, в туристическую гостиницу «Кампо императоре», расположенную в труднодоступном горном районе Гран-Сассо, куда можно было добраться только на фуникулере.

Узнав об аресте Муссолини, Гитлер вызвал к себе Скорцени и сказал: «У меня есть очень важное задание для вас, гауптштурмфюрер. Муссолини, мой друг и наш верный товарищ по оружию, был предан вчера своим королем и арестован соотечественниками. Я не могу и не оставлю величайшего сына Италии в беде. Он должен быть незамедлительно освобожден, иначе они выдадут его союзникам. Я доверяю вам дело его освобождения».

Получив приказ фюрера, Скорцени незамедлительно принялся за дело. Вскоре с помощью разведки было установлено местонахождение дуче. Затем была разработана операция по его освобождению, получившая название «Айхе» («Дуб»). Согласно плану группа десантников в составе 90 парашютистов и 12 боевиков во главе со Скорцени высаживалась на планерах «DFS 230» прямо возле отеля. С земли их поддерживал спецотряд СС, в задачу которого входил захват станции фуникулера, расположенной у подножия горы. Для того чтобы сбить с толку охрану Муссолини, насчитывающую 250 человек, вместе со Скорцени летел итальянский генерал Солетти, который должен был приказать карабинерам сложить оружие.

12 сентября 1943 года в 13.00 с аэродрома Практика-де-Маре в воздух стали подниматься 12 планеров. Но уже на старте два из них опрокинулись. По пути к цели рухнули на землю еще два планера. Оставшиеся 8 планеров в 14.00 достигли Гран-Сассо и приземлились около гостиницы, причем один из них при посадке разбился. Мгновенно выбравшись из планеров, десантники во главе со Скорцени ворвались в отель и без единого выстрела разоружили охрану (тут весьма помог генерал Солетти). Вот как пишет об этом сам Скорцени:

> «Мы ворвались в вестибюль отеля в тот момент, когда итальянские солдаты пытались выбежать из него на улицу. Не было времени на деликатное обращение, поэтому я успокоил самых ретивых из них парой

хороших ударов прикладом автомата… Справа лестница. Перепрыгивая через три ступеньки, поднялся на второй этаж. Бегу влево по коридору и распахиваю наудачу дверь — прямо в «яблочко»! В центре комнаты стоял Муссолини».

Встав перед Муссолини навытяжку, Скорцени доложил: «Дуче, меня послал фюрер. Вы свободны». А в это время спецгруппа СС без потерь захватила станцию фуникулера. Вскоре на плато возле отеля приземлился легкий самолет «Физелер Шторх», на котором Муссолини и Скорцени благополучно достигли аэродрома Практика-де-Маре. Так завершилась операция по освобождению дуче, ставшая в своем роде классической среди операций такого рода. Но хотя она прошла без единого выстрела, в ходе ее погиб 31 десантник и пилот, а 16 человек получили тяжелые увечья.

Освобождение Муссолини было звездным часом Скорцени. Когда он лично доставил дуче в штаб-квартиру фюрера в Растенбурге, Гитлер сказал ему: «Я никогда не забуду, чем я вам обязан». Вскоре Скорцени был награжден Рыцарским крестом и получил звание штурмбаннфюрера СС. Что касается Муссолини, то он наградил Скорцени орденом «Ста мушкетеров». 17 сентября газета «Фелькишер беобахтер» посвятила освобождению дуче целую полосу, а затем на экраны кинотеатров вышел документальный фильм, снятый участвовавшим в операции кинооператором СС.

Впрочем, торжества скоро кончились, и Скорцени снова приступил к своим обязанностям. А в октябре 1944 года он по поручению Гитлера организовал смещение венгерского диктатора Хорти, которого фюрер посчитал ненадежным союзником. Прибыв в Будапешт под именем доктора Вольфа, Скорцени 10 октября похитил коменданта Будапешта генерала Бакаи, 11 октября — командующего Дунайской флотилией флигель-адъютанта Харди, 15 октября — сына и преемника Хорти, Николауса, а 16 октября штурмом взял будапештскую Цитадель и арестовал самого диктатора. В результате власть в стране перешла в руки лидера венгерских фашистов из партии «Скрещенные стрелы» Салаши, после чего Венгрия продолжала войну с СССР до апреля 1945 года. Что же до Скорцени, то он за эту операцию получил Золотой рыцарский крест и звание оберштурмбаннфюрера.

Однако война неумолимо приближалась к концу, поражение Германии было неминуемо, и никакие усилия диверсантов Скорцени не могли его предотвратить. В мае 1945 года Скорцени,

ставший начальником военного управления РСХА, находился в Альпах, где готовил последнюю линию обороны. Там, в деревушке около Радштадта, 15 мая 1945 года он был взят под стражу американскими военными властями. На третий день после ареста его поместили в следственный изолятор в Висбадене, где он некоторое время провел в одной камере со своим бывшим начальником, обергруппенфюрером Кальтенбруннером. О настроении, которое в тот момент испытывал Скорцени, можно судить по следующему отрывку из его воспоминаний:

> «Мы прожили в одной комнате пять дней. Кальтенбруннер рассказал мне, что его следователь, бывший профессор американского университета, ведет допрос мягко и даже доброжелательно. Все это настраивало обергруппенфюрера на оптимистический лад — чувство, которое я никак не мог разделить».

Для такого пессимизма у Скорцени были все основания. Дело в том, что он принимал участие как в карательных операциях, так и в уничтожении евреев. Как уже говорилось, один из первых своих «подвигов» Скорцени совершил 9 ноября 1938 года во время «Хрустальной ночи». А в самом конце войны, 19 апреля 1945 года, Скорцени со своими людьми участвовал в карательной акции против чехословацких партизан в районе деревни Плоштина. Во время этой операции по приказу Скорцени были зверски убиты 27 крестьян, а сама деревня полностью сожжена. Кроме того, в декабре 1944 года во время немецкого контрнаступления в Арденнах диверсанты Скорцени действовали в тылу англо-американских войск с беспримерной жестокостью. Так, на второй день наступления подчиненный Скорцени штандартенфюрер СС Пайпер приказал расстрелять на развилке дорог юго-восточнее городка Мальмеди 71 безоружного американского военнопленного.

В сентябре 1945 года Скорцени вместе с другими нацистскими преступниками перевели в нюрнбергскую тюрьму, в мае 1946 года — в фильтрационно-следственный лагерь в Оберурзеле, а в феврале 1947 года — в лагерь Дахау. Там его поместили в так называемый «Трибунал в бункере», где проводили процессы над лицами, совершившими военные преступления. К этому времени Скорцени знал, что его бывший начальник и покровитель, глава РСХА Кальтенбруннер, был казнен 16 октября 1946 года, а другой его непосредственный начальник, шеф VI управления РСХА бригадефюрер Шелленберг, сидел в тюрьме и с ужасом ожидал начала процесса в 4-м Нюрнбергском трибунале, где он должен был предстать в

качестве одного из главных подсудимых.

Однако Скорцени надеялся, что американская разведка не даст его в обиду. Дело в том, что еще в 1944 году начальник Управления стратегических служб (УСС) США генерал-майор У. Донован хотел переманить Скорцени к себе. Для этого через американское посольство в Мадриде ему было сделано соответствующее предложение, причем в роли посредника выступал группенфюрер СС, профессор медицины Гебхарт. Тогда Скорцени отказался вести переговоры с Донованом, но сейчас ситуация коренным образом изменилась.

Скорцени не ошибся в своих ожиданиях. Уже в 1945 году сотрудник Донована полковник Дарст взял его под свою опеку. Именно он в мае 1946 года посоветовал ему лечь в госпиталь на небольшую и неопасную операцию. А в это время состоялся процесс по «делу о Мальмеди», в ходе которого 33 диверсанта Скорцени были приговорены к смертной казни, а 23 — к пожизненному заключению.

Суд над самим Скорцени и еще девятью обвиняемыми состоялся 18 августа 1947 года, причем адвокатом Скорцени был все тот же Дарст. Прокурор обвинил Скорцени в нарушении общепринятых законов ведения войны: использовании военной формы противника, убийстве американских и английских военнопленных, а также в их ограблении. Адвокат Скорцени, Дарст, внес предложение об оправдательном приговоре. Свидетелем защиты выступил офицер английской разведки Йоу-Томас, который, в частности, сказал: «Господа, оберштурмбаннфюрер Скорцени и его офицеры всегда воевали, как джентльмены». Постарался и американский генерал-майор Макклур, с пафосом заявивший: «Господа, я не первый год в строю и могу сказать вам только одно — я бы гордился, если бы эти парни служили в одном из подразделений, которым я командовал».

В результате Скорцени был оправдан. Через некоторое время западногерманский журнал «Квик» язвительно писал по этому поводу: «Процесс неожиданно закончился оправдательным приговором. Так и осталось неясным, был ли на нем представлен весь материал против Скорцени. Что же касается мнения широких кругов о приговоре, то его можно кратко выразить словами: «Мелюзгу вешают, крупным дают сбежать».

После процесса Скорцени, получивший псевдоним «Эйбл», вместе со своим адъютантом Радлем был переведен в Нойштадт-на-Ламе, где базировался «исторический отдел» УСС. Там Скорцени поселили в отдельном коттедже «Аляска», после чего он в течение полугода под контролем полковника Поттера диктовал

секретарше свои «мемуары», в которых раскрыл многие секреты рейха.

В феврале 1948 года, когда Скорцени закончил свои воспоминания, его неожиданно вновь арестовали. Причиной тому стал ордер, выписанный прокурором Дармштадта под давлением советской стороны. Его поместили в денацификационный лагерь в Дармштадте, но не предъявляли никаких обвинений. А в апреле 1948 года Скорцени узнал, что в Чехословакии отдан приказ о его аресте за карательную акцию в Плоштине, а правительство ЧССР потребовало от Комиссии ООН по расследованию военных преступлений его выдачи. Над головой Скорцени вновь сгустились тучи, и он принял решение совершить побег. Через несколько лет в мюнхенском журнале «Квик» о побеге Скорцени писали следующим образом:

«После оправдательного приговора, вынесенного ему американским судом в Дахау на процессе военных преступников, Скорцени оказался в денацификационном лагере. Он сбежал оттуда самым невероятным способом, прошел сквозь огонь и воду, преследуемый тысячами ищеек… чтобы молниеносно исчезнуть в водовороте крупных европейских городов».

Сам Скорцени в интервью наваррской газете, данном 30 мая 1973 года, касаясь обстоятельств своего побега из дармштадтского лагеря, утверждал, что его вывез в багажнике собственного лимузина начальник лагеря. Однако здесь Скорцени кривит душой. Американцы действительно помогли ему бежать. Но главным организатором побега был некий Грешнер, который помог Скорцени связаться с его бывшими соратниками, находящимися на свободе. 27 июля 1948 года трое немцев, переодетых в форму капитана и рядовых американской военной полиции, подъехали к воротам дармштадтского лагеря. Капитан резким тоном потребовал у немецкой охраны выдать Скорцени для допроса. Часовой подчинился. Более того, ему и в голову не пришло потребовать у капитана документы. Так под охраной собственной «полиции» Скорцени покинул лагерь и оказался на свободе.

После побега Скорцени во все командатуры союзнических войск в Германии была направлена оперативная информация о розыске опасного преступника. А в это время Скорцени находился в США, где в штате Джорджия по просьбе генерала Донована обучал сотрудников американских спецслужб методам заброски и эвакуации агентов-парашютистов.

В 1949 году Скорцени выехал в Европу, имея при себе документы на имя Роберта Штайнбахера. Его главной задачей было проведение операции «Паук», предусматривающей создание

безопасного маршрута для бегства за границу бывших высокопоставленных эсэсовцев и членов НСДАП, которым грозило судебное преследование. Люди Скорцени по его указанию создали множество «окон» на границах, обустроили тайники и явочные квартиры на основных маршрутах, оборудовали запасные явки на протяжении всего пути следования беглецов.

«Главная дорога» вела из Германии на юг через Австрию в Южный Тироль и далее в Геную, Римини или Рим. Для беглецов были подготовлены новые документы. Так, египетский король Фарук передал членам ОДЕССА (подпольная организация бывших членов СС) более тысячи египетских паспортов, а аргентинский диктатор Перес вручил Скорцени 7000 аргентинских паспортов. В результате только в рамках операции «Паук» Скорцени нелегально переправил из Германии за границу более 500 эсэсовцев.

Другой задачей Скорцени было добиться освобождения осужденных нацистов. Для этого он принялся открыто шантажировать американские власти, используя дело приговоренного к смертной казни Пайпера. В конце 1950 года, в разгар «холодной войны», Скорцени в интервью испанской газете «АБЦ» заявил:

«Исходя из лучших побуждений, мы (СС и СД. — Авт.) даже с известным воодушевлением предоставили себя в распоряжение американцев. Но от имени всех немецких офицеров, которые трудятся для победы Запада, я повторяю: если Пайпера казнят, мы не шевельнем больше пальцем и будем вынуждены занять противоположную позицию».

Ультиматум Скорцени не остался без ответа. В США была организована специальная комиссия, которая пришла к выводу, что следствие над нацистскими преступниками велось с грубым нарушением закона. В результате многие бывшие эсэсовцы, осужденные на длительные сроки тюремного заключения, вышли на свободу.

Что касается англичан, то они оказались менее сговорчивыми. И тогда Скорцени прибегнул к прямому шантажу У. Черчилля, который в это время вел предвыборную кампанию. Дело в том, что Черчилль с начала прихода итальянских фашистов к власти симпатизировал Муссолини. Еще в 1927 году на устроенной по поводу его приезда во Флоренцию пресс-конференции он заявил: «Именно Италия дала нам средство против русского яда. Будь я итальянцем, я стал бы фашистом! «С тех пор до самого 1944 года Черчилль переписывался с Муссолини, несмотря на то что между Англией и Италией шла война.

После окончания войны Черчилль приложил максимум усилий для того, чтобы найти свои письма к Муссолини. Он понимал, что если эта переписка станет достоянием общественности, то симпатии, которые еще питали к нему англичане, исчезнут навсегда. Однако письма Черчилля уже с сентября 1943 года находились у Скорцени, который прихватил их с собой, когда освобождал дуче. В августе 1951 года в Венеции между Черчиллем и Скорцени была заключена сделка. Черчиллю возвратили письма, а за это он дал гарантию, что в случае победы на выборах освободит нацистских преступников. Как известно, консерваторы во главе с Черчиллем в 1951 году одержали победу, а большое число фашистских палачей в скором времени оказались на свободе.

Добиваясь освобождения своих соратников, Скорцени не забывал и о себе. Еще в 1950 году он обратился к главному редактору журнала «Штерн» Г. Наннену с предложением продать свои мемуары за 40 000 марок наличными. Однако Наннену цена показалась слишком высокой, и тогда Скорцени продал свои воспоминания издательству «Ганза», которое выпустило их массовым тиражом. А в 1951 году Скорцени становится испанским представителем крупных немецких фирм.

В 1953 году Скорцени, получив испанское гражданство, обосновался в Мадриде. Здесь он открыл небольшую фирму, которая занималась посредничеством в торговле оружием. Фирма имела обширную сеть агентов в Африке, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Среди видов оружия, которое контора Скорцени переправляла из Европы в Африку, были автоматы «сетме», производимые в Испании для стран НАТО, пистолеты «астра», 120-мм минометы и другое вооружение. Интересно, что оружие контора Скорцени закупала с ведома генерального штаба испанской армии на заводах Санта-Барбары, Сан-Себастьяна и Овиедо. Сам Скорцени, помимо всего прочего, регулярно выступал в качестве консультанта и инструктора сотрудников спецслужб испанского диктатора генерала Франко.

В начале 70-х годов Скорцени постепенно отходит от дел. В 1974 году он перенес операцию на позвоночнике, после чего практически перестал выходить из дома. Умер «отец немецких командос» 5 июля 1975 года в Мадриде в возрасте 67 лет. В последний путь его пришли провожать не только его бывшие соратники, но и молодые фашисты. Прах Скорцени был перевезен на его родину в Австрию и захоронен на венском кладбище Деблингер.

Скорцени считается самым знаменитым диверсантом Третьего рейха. Однако в тени его «подвигов» оказались

незаслуженно забытыми другие профессионалы своего дела из нацистской Германии. Наиболее крупным среди них, безусловно, являлся Альфред Хельмут Науйокс, о котором известный специалист по истории Третьего рейха Вильям Ширер писал как о типичном порождении гитлеровского гестапо — «что-то вроде интеллектуального бандита».

Об этом человеке мало что известно наверняка. Он родился в Киле то ли в 1908-м, то ли в 1911 году и еще подростком вступил в нацистскую партию и ее «штурмовые отряды» (СА), став фанатичным последователем Гитлера. Регулярно участвовал в уличных драках с коммунистами, в одной из которых ему сломали нос. По некоторым сведениям, молодой Науйокс работал сварщиком и механиком, а также какое-то время изучал машиностроение в Кильском университете. Кроме того, он был боксером-любителем.

В 1931 году Науйокс вступил в СС, где познакомился с будущим шефом СД Р. Гейдрихом. Своей драчливостью и сообразительностью он пришелся Гейдриху по душе, и когда три года спустя была создана служба безопасности СС (СД), Науйокс был переведен в нее, став одним из первых секретных агентов новой организации. С 1939 года он руководил подсекцией в секции «Ш» внешней СД, которую в то время возглавлял Х. Йост.

Одна из первых спецопераций, организованных и проведенных Науйоксом, была направлена против так называемого «Черного фронта» Отто Штрассера. Бывший соратник Гитлера, Штрассер, порвавший в 1930 году с НСДАП, пытался создать свое собственное движение — «Черный фронт». После 1933 года штаб-квартира движения переместилась в Прагу, откуда Штрассер обрушивался с нападками на Гитлера и его политику, используя вещавшую на Германию тайную радиостанцию. Вполне естественно, что Гейдрих решил уничтожить этот «вражий голос» и приказал Науйоксу похитить главного оператора радиостанции инженера Р. Формиса, привезти его в Берлин и предать суду.

10 января 1935 года Науйокс встретился с Гейдрихом, и они совместно разработали план операции. К этому времени пеленгаторы СД сумели установить местонахождение передатчика, определив, что он располагается в 25–35 километрах юго-восточнее Праги. Для проведения операции Науйокс использовал псевдоним Ганс Мюллер и роль торговца мануфактурой в качестве прикрытия. В поездке в Чехословакию его сопровождала подруга, роскошная блондинка с пышными формами, некая Эдит Касбах, тренер по гимнастике из Берлина. Быстро обнаружив радиостанцию в городке Дорбиш, Науйокс

вместе с подружкой снял соседний с Формисом номер в отеле «Загори». Затем он сделал дубликат ключа от комнаты инженера, послал условленную телеграмму Гейдриху и стал ждать дальнейших распоряжений.

23 января он получил следующие инструкции: уничтожить радиостанцию, если возможно, схватить Формиса и вывезти его в Берлин. Той же ночью он подал из окна своей комнаты сигнал карманным фонариком и сбросил веревку, по которой поднялся еще один агент СД, В. Геч, присланный из Германии на помощь Науйоксу. Геч был громадного размера детиной, специализирующимся на удушении с помощью веревки. Они прошли к комнате Формиса, чтобы устроить там засаду, однако, вопреки их расчетам, хозяин оказался дома. Но вместо того чтобы уйти, Науйокс постучался в дверь и сказал, что он — из гостиничной обслуги и забыл положить свежее мыло во время уборки. Когда же Формис открыл дверь, Науйокс и Геч ворвались в номер.

Увидев нападавших, Формис, бывший боевой офицер Первой мировой войны, не растерялся и выхватил револьвер. Завязалась перстрелка, в которой Касбах была смертельно ранена, а Формис убит. Выстрелы взбудоражили весь персонал отеля, но Науйокс и Геч сумели скрыться, унеся с собой Касбах (позднее она скончалась на территории Германии) и крича, что маньяк-убийца убежал. Прежде чем уйти, Науйокс подложил зажигательный заряд под передатчик и поджег его. Скрыться им удалось, но по возвращении в Берлин Гейдрих устроил своим агентам разнос, обвиняя Науйокса в том, что вместо искусной тайной операции они устроили гангстерское шоу, как в голливудском боевике. Однако Науйокс не только остался работать в СД, но и продолжал пользоваться доверием Гейдриха. Глава СД знал, что он всегда может на него положиться.

Следующая операция СД, в которой Науйокс принял участие, спровоцировала, как позднее утверждал Гейдрих, репрессии против высшего командного состава Красной армии. Через своих агентов Гейдрих знал, что в СССР среди высших офицеров РККА зреет заговор против Сталина, возглавляемый амбициозным маршалом Тухачевским. И у него тут же возник план устранить весь офицерский корпус Красной армии, ослабив тем самым способность Сталина вести войну. Он приказал Науйоксу, работавшему в отделе документов СД, подготовить тщательно сфальсифицированные документы и письма, которые показали бы, что Тухачевский и близкие к нему военачальники состоят в переписке с немецкими генералами, замышляя не только избавить Россию от Сталина, но и Германию от Гитлера.

Как позднее утверждали Гейдрих и В. Шелленберг, о существовании этих документов Сталину рассказал президент Чехословакии Э. Бенеш. Поскольку Сталин и ранее подозревал Тухачевского в намерении захватить власть при поддержке армии, то он послал в Берлин представителя НКВД, чтобы тот приобрел эти документы. Шелленберг позднее заявил, что Советы заплатили за поддельные документы 3 000 000 рублей, которые также, как потом выяснилось, оказались фальшивыми. Сейчас трудно сказать, в какой степени бумаги Науйокса повлияли на решение Сталина произвести чистку в РККА и существовал ли заговор Тухачевского на самом деле. Но как бы то ни было, Тухачевский и его окружение были сняты с занимаемых постов, арестованы и после недолгого следствия и суда расстреляны 11 июня 1937 года. Благодаря этой ловкой операции влияние Науйокса в СД усилилось, и он стал наиболее доверенным агентом Гейдриха. Следующее его задание вошло в историю как знаменитый «Глейвицкий инцидент», послуживший поводом для начала Второй мировой войны.

Для создания предлога к началу войны против Польши Гейдрих решил использовать опыт японцев. Как известно, японцы любили в качестве повода для развязывания агрессии устраивать провокации на границе, чтобы казалось, будто бы они вынуждены обороняться. Гейдрих предложил использовать такой же метод и для оправдания вторжения в Польшу. По его замыслу, немецкая радиостанция в пограничном городе Глейвице в Верхней Силезии должна была подвергнуться атаке со стороны «польских агрессоров». Они должны были захватить ее и использовать в пропагандистских целях. А в качестве доказательства неприкрытой агрессии со стороны польского правительства должно было пролиться некоторое количество драгоценной немецкой крови. Тогда Германии не останется ничего иного, кроме как ответить агрессору полномасштабной атакой. Этот коварный план пришелся Гитлеру по душе, и он приказал Гиммлеру и Гейдриху начать его подготовку.

10 августа 1939 Гейдрих встречается с Науйоксом для того, чтобы наметить план «польского нападения». «Хотя бы ради видимости, — сказал он, — мы должны переложить ответственность за грядущие события на чужие плечи». Гейдрих сообщил Науйоксу, что для этой операции Гиммлер предоставит дюжину или больше заключенных из концлагерей, которых оденут в польскую военную форму, накачают наркотиками и после этого отправят под пули немецких пограничников, героически защищающих родную землю. Один из заключенных будет одет в немецкую форму, чтобы продемонстрировать миру

жертву неприкрытой польской агрессии. Необходимое количество заключенных Науйоксу должен передать шеф гестапо Г. Мюллер. Позднее, давая показания на Нюрнбергском процессе, Науйокс заявил следующее:

«Мюллер сказал, что в его распоряжении имеется двенадцать или тринадцать осужденных преступников, на которых должны были надеть польские мундиры и трупы которых предстояло оставить на месте происшествия для того, чтобы показать, что эти люди были убиты якобы во время нападения. Для этой цели была предусмотрена операция с впрыскиванием яда, которую должен был произвести приглашенный Гейдрихом врач; было также предусмотрено, чтобы на трупах имелись огнестрельные раны. После окончания инсценировки нападения на место происшествия должны были прибыть представители печати и другие лица; далее должен был быть составлен полицейский отчет».

Науйокс выбрал пятерых наиболее надежных своих людей, и вместе с говорящим по-польски агентом СД они отправились в Глейвице, где поселились в двух отелях. На Нюрнбергском процессе он рассказывал:

> «Мои инструкции были таковы: завладеть радиостанцией и удерживать ее в течение времени, достаточного для того, чтобы позволить говорящему по-польски немцу, который был отдан в мое распоряжение, обратиться в эфире с речью на польском языке. Гейдрих говорил мне, что в этой речи должно было говориться, что настало время для вооруженного столкновения поляков и немцев. Гейдрих также сообщил мне, что он ожидал ответной германской атаки на Польшу в течение нескольких дней».

Провокатор и его люди терпеливо ждали в Глейвице 14 дней. Науйокс произвел разведку и выяснил, что радиостанция расположена на отдаленной проселочной дороге за Глейвице и окружена двухметровой проволочной сеткой. Станция и прилегающие к ней дома не охранялись. Пока Науйокс и его люди ожидали приказов, Гейдрих изменил свой план. Он приказал 150 эсэсовцам облачиться в польскую униформу — они должны были изображать «агрессоров». Заключенные же должны были быть переодеты в немецкую униформу и изображать «жертвы».

После нескольких отсрочек операция была наконец санкционирована Гейдрихом, получившим информацию, что вторжение в Польшу начнется 1 сентября 1939-го. Он позвонил Науйоксу в отель в 4 утра 31 августа и сказал «Перезвони». Когда

Науйокс перезвонил, он услышал слова «бабушка умерла». Он было заплакал, однако тут же вспомнил, что это условный пароль для начала операции.

В 7.45 утра шеф гестапо Мюллер приказал нескольким грузовикам, перевозившим трупы заключенных, отправиться к польской границе. Трупы были переодеты в польскую униформу и положены в стратегически важных местах. Так, одну из жертв положили у ворот глейвицской радиостанции. А уже в 8 часов утра Науйокс и его люди с оружием в руках ворвались на радиостанцию. Обслуживающий ее инженер по имени Фойцик стоял, разинув рот, наблюдая, как отряд СД врывается внутрь, крича и стреляя в потолок. Как вспоминал позднее Науйокс, «мы стреляли из пистолетов в комнате, из которой идет трансляция. Мы дали пару предупредительных выстрелов в потолок для того, чтобы вызвать некоторую свалку и напугать народ».

На персонал станции надели наручники и отвели в подвал, где и заперли. Тут Науйокс столкнулся с технической проблемой. Он не знал, как остановить идущую трансляцию и выпустить своего «польского пропагандиста» в эфир. Наконец ему удалось обнаружить так называемый «штормовой микрофон» — особый микрофон, позволявший ведущим врываться в трансляцию и предупреждать слушателей о надвигающихся ураганах. Включив его, Науйокс жестом предложил своему помощнику начинать заготовленную антигерманскую речь. Он произносил ее на протяжении четырех минут, а в это время Науйокс и его люди стреляли, для того чтобы дело выглядело так, будто там идет бой. Затем Науйокс повел своих людей к ожидавшим их машинам, и вскоре они вернулись в Берлин.

На следующий день Гитлер выступил перед рейхстагом и объявил, что вторжение немецкой армии на польскую территорию является возмездием за акт агрессии, осуществленной регулярными частями польской армии. И в то время, как иностранным корреспондентам предъявляли жертв агрессии, убитых поляками, немецкие войска продвигались по польской территории.

Среди победоносных германских войск, маршировавших в те дни по территории «уродливого порождения версальской системы», Науйокса не было. Впрочем, он не бездействовал. Несколько недель спустя Гейдрих послал своего протеже в Чехословакию для совершения ряда диверсионных актов, с целью подорвать позиции чехословацкого правительства и создать условия для непосредственной нацистской оккупации. Науйокс и его люди взорвали несколько фабрик, возлагая ответственность за эти взрывы на недовольных рабочих. Продажный чешский

режим разваливался на глазах, а его главари переметнулись на сторону нацистов.

Следующее задание Науйокса касалось противоборства с британской разведкой. За несколько месяцев до «Глейвицского инцидента» Гейдрих разработал план операции по проникновению в британские разведывательные службы. Он намеревался вовлечь двух высокопоставленных офицеров британской разведки, капитана Беста и майора Стивенса, в переговоры с якобы действующим немецким подпольем. По мысли Гейдриха, с помощью этого плана можно было бы узнать о британских разведывательных операциях в Германии.

Надо заметить, что у англичан действительно имелся план низложения Гитлера с помощью высокопоставленных немецких офицеров, не согласных с его политикой. Премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен возлагал на него большие надежды, рассчитывая, таким образом, быстро закончить войну. Работа Беста и Стивенса занимала немаловажное место в осуществлении этих замыслов. Они должны были установить контакт с заговорщиками. При этом Бест был уполномочен предложить со стороны Англии следующие условия: если армия свергнет Гитлера, Англия признает территориальную целостность Германии в границах 1938 года и война, таким образом, будет остановлена.

20 октября 1939 года немецкий двойной агент организовал встречу Беста и Стивенса с мнимыми представителями главы германских заговорщиков в небольшой деревне в Голландии. На второй встрече, состоявшейся через 10 дней в Гааге, появился 29-летний Шелленберг, будущий начальник службы внешней разведки СД (VI управление РСХА). Шелленберг представился как майор Шеммель и заверил Беста и Стивенса в том, что вермахт готов совершить переворот и арестовать Гитлера. На следующей встрече он заявил, что лидеры заговора хотели бы напрямую поговорить с представителями английского правительства. Тогда англичане предложили забрать их самолетом из Венло, небольшого города в Голландии, расположенного на голландско-германской границе. Однако неожиданно обстоятельства резко изменились.

Дело в том, что вечером 8 ноября 1939 года, за день до встречи Шелленберга с британскими агентами, Гитлер присутствовал на встрече со своими старыми друзьями — соратниками по «пивному путчу» 1923 года в Мюнхене. Она проходила в пивной «Бюргербрау Келлер». Но в отличие от предыдущих подобных встреч Гитлер и остальные нацистские руководители ушли довольно рано. А спустя 11 минут после их

ухода в пивной взорвалась бомба, убив 8 и ранив 62 человека.

Отвечавший за безопасность фюрера Гиммлер решил представить этот взрыв как покушение на жизнь Гитлера со стороны британской разведки. Спустя два дня при попытке пересечь швейцарскую границу был арестован столяр из Вюртемберга Эльзер, которого и обвинили в установке взрывного устройства в злосчастной пивной. Ошеломленный происшествием Гитлер поверил версии Гиммлера об «английском следе» и впал в неистовую ярость. Произнеся длинную обличительную речь против англичан, он приказал арестовать двух английских офицеров, с которыми Шелленберг должен был встречаться на следующий день.

9 ноября Шелленберг ожидал Беста и Стивенса в Венло в открытом кафе. Машина с агентами СД, которых возглавлял Науйокс, была припаркована неподалеку. Англичане приехали около половины четвертого вечера, но не одни, а вместе с офицером голландской разведки лейтенантом Клопом. Сразу после их прибытия агенты СД во главе с Науйоксом, беспорядочно стреляя в воздух, выскочили из засады. Это вызвало панику среди голландских пограничников, которые разбежались, даже не вытащив оружия. Однако в отличие от своих трусливых соотечественников Клоп выхватил пистолет и вступил в перестрелку с нападавшими, но был ранен Науйоксом. На этом перестрелка закончилась. Науйокс приказал своим людям схватить Беста, Стивенса и раненого Клопа, после чего все участники инцидента беспрепятственно уехали в Германию. Их отвезли в Дюссельдорф, где Клоп позднее скончался от ран, оказавшихся смертельными.

В гестапо захваченных англичан немедленно подвергли допросу. И хотя они так и не признались в причастности к организации мюнхенского взрыва, их отправили в концлагерь. Там они постепенно начали давать показания об агентурной сети МИ-6 в Европе и об агентах бельгийской и голландской разведок. Полученную от них информацию Гиммлер использовал в своих заявлениях, пытаясь оправдать вторжение Германии в эти страны в мае 1940 года. Бест и Стивенс оставались в плену до конца войны, пока в апреле 1945 года отряды союзников не обнаружили их в Нидердорфе, небольшом селе в Баварии.

Одновременно с операцией по захвату Стивенса и Беста Науйокс принял участие и в другой крупной антианглийской акции, поначалу известной как операция «Андреас». В сентябре 1939 года Гейдрих вызвал его к себе и поручил весьма «деликатное» дело. Он сообщил Науйоксу, что СД поручено организовать производство фальшивых денежных знаков

иностранных государств. По его мнению, Науйокс обладал всеми необходимыми качествами, чтобы возглавить это дело.

Работа была выполнена с присущей немцам тщательностью и скрупулезностью. Маститые профессора университетов сделали анализы бумаги, на которой печаталась английская валюта. Ее изготовление также было поручено мастерам своего дела. Известные математики занимались расшифровкой системы, принятой английским казначейством для нумерации банкнотов. Семь месяцев подряд пять лучших граверов Германии работали над изготовлением матриц для печати. Однако успех пришел не сразу. Сотни опытов, проведенных в руководимой Науйоксом мастерской СД, закончились неудачей. И только весной 1941 года печатные станки наконец заработали.

В марте 1941 года один из агентов СД предъявил в швейцарском банке несколько фальшивых кредитных билетов и, сославшись на то, что приобрел их у лиц, связанных с черным рынком, попросил произвести экспертизу. Банковские служащие тщательно исследовали банкноты и единодушно признали их настоящими. Впрочем, самого Науйокса к тому времени давно уже перебросили на другую работу, и изготовлением фальшивой английской валюты под новым названием «Операция Бернгард» занимались уже другие люди.

В мае 1940 года, когда после 8 месяцев «странной войны» Гитлер неожиданно отдал приказ атаковать войска западных держав, Науйокс снова появился на границах, на этот раз во главе немецких командос, переодетых в форму бельгийских и голландских пограничников. Его люди проникали на вражескую территорию, захватывали стратегически важные мосты и удерживали их до подхода немецких войск.

Но уже в январе 1941 года Науйокса направляют в войска СС, так как он впал в немилость за то, что осмелился оспорить один из приказов Гейдриха. После нападения на СССР он оказался на Восточном фронте, где был ранен, о чем узнали в Берлине. В связи с тем, что существовала директива Гиммлера, запрещавшая посылать «носителей государственных тайн» в места, где они могли попасть в руки противника, было решено перебросить Науйокса в тихую и безопасную Бельгию. С сентября 1942 года он служил здесь в хозяйственном отделе военного управления. Но есть сведения, что его деятельность не ограничивалась работой на административном посту и что реальной задачей, поставленной перед Науйоксом, было уничтожение лидеров движения Сопротивления в Бельгии и Дании.

Когда всем стало очевидно грядущее поражение Германии, Науйокс совершил самый непонятный шаг в своей карьере. 19

октября 1944 года он перебежал к американцам. Впрочем, те быстро разобрались, с каким «антифашистом» им пришлось столкнуться. Науйокс был предан суду как военный преступник и в ожидании трибунала пытался спасти свою жизнь, предоставляя союзникам информацию о покойном Гейдрихе и операциях СД, по большей части носившую откровенно вымышленный характер. В этом ремесле Науйокс был не оригинален. Упоминавшийся ранее руководитель немецкой разведки Шелленберг тоже был не прочь подурачить легковерных англичан и американцев.

Однако, поняв, что скорее всего он будет приговорен к смерти, Науйокс в 1946 году совершил дерзкий побег из лагеря для военных преступников, и с тех пор его больше никто не видел. Есть сведения, что он поселился в Гамбурге, где через подставных лиц время от времени продавал в прессу материалы о бурной деятельности и многочисленных подвигах «человека, развязавшего Вторую мировую войну». В большинстве справочников в качестве даты смерти Науйокса указан 1960 год. По другим же сведениям, ветеран СД благополучно дожил до падения Берлинской стены, а возможно, жив и поныне.

Сергей Чуев

ДИВЕРСИОННЫЕ СЛУЖБЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА ПРОТИВ СССР

Вступление

Документальная и художественная литература, выходившая в СССР, не содержала информации о той системе специальных служб Третьего рейха, чья разведывательно-диверсионная деятельность была направлена против «первого в мире государства рабочих и крестьян». Знания советских людей о диверсионной работе немецких секретных служб базировались в основном на разоблачительных книгах Юлиуса Мадера и аналогичных повествованиях, «разоблачающих сущность гитлеровского шпионажа как основного орудия фашизма и империализма».

В настоящее время российскими издательствами выпущены книги, авторы которых, так или иначе, пересматривают биографию Скорцени и в зависимости от субъективного восприятия возвеличивают либо ниспровергают этого человека, чей образ во многом был искусственно создан после войны западными журналистами.

Основным разоблачителем «дутой фигуры» Скорцени стал его сослуживец по Главному управлению имперской безопасности Вильгельм Хёттль. Вот что писал он в своих мемуарах о бывшем коллеге:

> «… Военные планы Скорцени были разработаны его «начальником штаба» капитаном Фелькерзамом, а позднее — подполковником Вальтером (один из офицеров соединения «Бранденбург-800» — Ч. С.). Оба были опытными офицерами Генерального штаба, Скорцени же в военных вопросах совсем не разбирался. Немногие знают, что в 1942 году Скорцени не смог даже сдать экзамен на командира роты. В то время он проходил службу в дивизии «Рейх» и был отослан в Берлин в качестве инструктора в школу по подготовке водителей танков, откуда его забрал к себе Кальтенбруннер. И вот буквально через пару лет он стал командовать дивизиями. Такой космический взлет был возможен в Третьем рейхе да, пожалуй, еще в Красной армии. Его наставником в разведывательных делах был майор СС Карл Радль, которого в VI управлении звали «скорценевской нянькой». Радль был лишь на одну ступень ниже в звании Скорцени, который тем не менее считал его своим «адъютантом». Радль сопровождал своего шефа и друга повсюду — даже в плену, опасаясь,

что без него тот мог что-нибудь наговорить. Без сомнения, именно благодаря Радлю дело Скорцени окончилось благополучно. Он подсказывал ему, как строить свою защиту на процессе. Будучи освобождены, они держались вместе, пока Скорцени не отправился в Испанию.

За патронаж и заботу Радля в течение многих лет Скорцени отплатил по-хамски. Встретив во Франкфурте в 1951 году человека, досконально знавшего все его дела с 1943 по 1948 год, он сделал вид, что не заметил его…»[82]

В России образ Скорцени заслонил собой целую армию немецких диверсантов, доставивших во время войны советской контрразведке гораздо больше неприятностей, нежели «человек со шрамами».

Настоящая глава сборника расскажет о системе гитлеровских диверсионных служб, действовавших против СССР в годы Великой Отечественной войны.

Первый опыт использования разведывательно-диверсионных подразделений на европейском театре военных действий был накоплен, обобщен и развит немецкими специалистами на основе уже имевшихся наработок времен Первой мировой войны.

Одной из особенностей применения подразделений специального назначения в те годы было использование «пятых колонн» в тылу противника. Участие на стороне Германии в войне многонациональной «лоскутной» Австро-Венгрии привело к широкомасштабному использованию ее армией различных национальных иррегулярных партизанских подразделений для совершения диверсий и ведения разведки. Аналогичный опыт быстро накапливался и у противников Германии и Австро-Венгрии. Они также делали ставку на ведение диверсионной деятельности, базируясь на имевшихся межнациональных противоречиях, имевшихся в Австро-Венгрии.

Австро-венгерским Генеральным штабом создавались национальные легионы из представителей различных народов и народностей. Одной из таких единиц стал легион «Украинских сичевых стрельцов» (УСС), личный состав которого предполагалось использовать в диверсионных операциях против ближнего тыла русских войск в Карпатах. Ход военных действий и эффективные действия российской контрразведки вынудили австрийцев использовать легион в качестве пехотно-пропагандистской части.

«Польская организация войскова» также была заинтересована

в сотрудничестве с противниками Российской империи. Стараниями Юзефа Пилсудского и других был создан антироссийский «Польский легион». Судя по воспоминаниям М. Ронге, надежность этой воинской части также оставляла желать лучшего, ибо в ней активно действовали агенты российской контрразведки.

Генеральный штаб и спецслужбы Германии, заинтересованные в расколе Российской империи на национальные образования, создавали различные диверсионные, разведывательные и пропагандистские воинские части и подразделения из числа военнопленных-россиян, уроженцев национальных окраин. Немцами были созданы польский, грузинский и мусульманский легионы, использование которых на фронте планировалось прежде всего в разведывательно-диверсионных и пропагандистских целях. Аналогичная работа проводилась Австро-Венгрией и Германией против Сербии.

Опыт создания разведывательно-диверсионных частей в годы Первой мировой войны не был предан забвению и после ее окончания. Несмотря на «позор Версаля» и последовавшую за этим демилитаризацию страны, немецкое военное руководство вело разработку планов ведения диверсионной работы против предполагаемого противника. Наличие крупной русскоязычной эмигрантской колонии и ее боевых групп в Европе способствовало реализации замыслов немецкой разведки. Приход к власти А. Гитлера и его партии, объявление о наличии жизненных интересов Германии в территориях на Востоке и отказ от соблюдения принципов демилитаризации реанимировали планы ведения войны, разработанные Генеральным штабом Германии.

ДИВЕРСАНТЫ АБВЕРА

Основная работа по созданию диверсионных сил велась армейской спецслужбой — абвером.

Абвер был образован в 1919 году на правах самостоятельного отдела военного министерства и официально значился в документации как «Контрразведывательное подразделение». Контрразведывательная работа абвером велась, но не в столь значительных масштабах, нежели разведка. Разведработа велась территориальными звеньями абвера — абверштелле (АСТ) и их подразделениями — абвернебенштелле (АНСТ), при штабах приграничных военных округов в городах Кенигсберг, Бреслау, Познань, Штеттин, Мюнхен, Штутгарт и др. Аналогичная работа велась и под прикрытием различных дипломатических представительств и торговых фирм Германии за рубежом.

В 1938 г. при штабе Верховного Главного командования вооруженных сил было создано управление (отдел) «Абвер (заграница)». Перед управлением была поставлена задача по организации широкой разведывательной и подрывной работы против СССР и Великобритании. 2-й отдел управления «Абвер-2» «Абвер (заграница)» специализировался на организации диверсий, террористических актов, акций саботажа, организации повстанческого движения и разложения армий и тылов противника.

Абвер-2 являлся самым засекреченным подразделением абвера и вел работу по следующим направлениям:

1. Готовил диверсантов для заброски в тыл противника.

2. Вел разработку, изготовление, испытание и внедрение массовых и индивидуальных средств террора.

3. Планировал и осуществлял диверсии и теракты, готовил повстанческие отряды для действий во вражеских тылах.

4. Организовывал специальные подразделения из числа фольксдойчей и представителей национальных меньшинств для захвата и уничтожения либо сохранения важных стратегических объектов.

Руководителями отдела последовательно были полковник Гросскурт, генерал-майор Эрвин Лахузен фон Вивремонт, полковник Фрайтаг фон Лорингхофен.

Отделу подчинялись формирования специального назначения — соединение «Бранденбург-800» и полк «Курфюрст» («Князь»).

Особыми звеньями абвера за рубежом стали т. н. «Кригсорганизацьон» (или сокр. КО — Военные организации) абвера, организованные в странах — союзницах рейха. Во главе

этих филиалов стояли немецкие военные атташе. Одной из таких военных организаций была КО «Финляндия» под руководством блестящего морского офицера, кадрового сотрудника абвера фрегаттен-капитана Александра Целлариуса (он же Келлер). «Финляндия» уделяла основное внимание советскому Балтийскому флоту, Ленинградскому военному округу и промышленности Северо-Западного региона СССР. На протяжении всей войны КО готовила диверсионную агентуру и вела ее заброску на советское побережье. Ее стараниями были созданы, обучены и заброшены в ЭССР эстонские диверсионно-разведывательные подразделения «Эрна» под командованием бывшего эстонского военного атташе в Париже полковника Антса-Хейно Курга.

С захватом немецкой армией европейской части СССР АСТ переместилась на оккупированную территорию. Здесь подготовка диверсионных акций не прекращалась. Упоминавшийся ранее фрегаттен-капитан Целлариус возглавил АНСТ «Ревал». Данный орган вел активную вербовку, обучение и переброску диверсионной агентуры за советскую линию фронта, организовывал высадку десантов на побережье и берега Ладоги, острова Финского залива. Ставка при этом делалась на эстонских, латвийских и русских коллаборационистов. В подчинении АНСТ находился ряд школ подготовки диверсантов.

Аналогичные органы действовали на всем протяжении Восточного фронта.

В июле 1944 г. управление «Абвер (заграница)» было расформировано, все его периферийные органы в военных округах и на фронте перешли в подчинение VI управления Главного управления имперской безопасности (РСХА). Руководителем диверсионной работы стал бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, непосредственно за диверсии отвечал оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени.

Соединение «Бранденбург-800».

Организация и боевое применение на территории СССР

В 1935 году шеф абвера адмирал В. Канарис привлек на службу ветерана колониальных войн капитана фон Химпеля. Положительный опыт «колониальных» диверсий, использовавшийся немцами в Танганьике, убедил его в возможности успешного перенесения африканских методик на европейский театр военных действий.

Первым боевым крещением немецких диверсантов были бои на польской границе в сентябре 1939 года. Боевыми группами «Эбингауз», состоявшими из немецких диверсантов и бойцов «Немецко-судетского добровольческого корпуса», были предприняты попытки захвата шахт и фабрики в приграничной зоне, но все они были отбиты частями польской армии и местным населением. Во время боев боевики потеряли более половины своего состава. Диверсантами был захвачен туннель через высокогорный Яблунковский перевал и удерживался ими, несмотря на атаки польских сил. После получения приказа об отходе диверсанты взорвали вход в туннель и отошли. Повторный захват туннеля также прошел успешно. Кроме него, диверсантами был захвачен промышленный центр Катовицы.

Обстрелянные в первых боях кадры послужили основой для развертывания «Учебно-строительной роты ЦБФ 800» в местечке Слияч (Чехословакия). Впоследствии рота была развернута в батальон, дислоцировавшийся в городе Бранденбурге, под командованием майора фон Химпеля. Весной 1940 года батальон был переформирован в полк под названием «Бранденбург-800». В ноябре 1942 года на базе полка была сформирована одноименная дивизия специального назначения под командованием генерал-майора Александра фон Пфульштайна. Именно это соединение являлось основной элитной ударной силой немецкой военной разведки и действовало на территории многих стран мира, выполняя самые разнообразные задачи.

В составе полка «Бранденбург-800» находились следующие подразделения: штабная рота, рота связи, учебный лагерь, пять батальонов четырехротного состава и учебный батальон. После развертывания дивизии вместо учебного лагеря и учебного батальона были созданы полк подготовки и «Александровский батальон», а батальоны соответственно переформированы в 801-й, 802-й, 803-й, 804-й и 805-й полки трехбатальонного состава.

Подразделения полка, а впоследствии дивизии «Бранденбург-800», проводили по заданию абвера и военного командования диверсионную и разведывательную работу в тылу советских войск и армий стран-союзниц по антигитлеровской коалиции.

В 1941 году специалисты из «Бранденбурга» натаскивали в учебно-тренировочных лагерях Криница, Дукла, Каменица и Барвинек дружины украинских националистов «Роланд», «Нахтигаль» и особое подразделение «Бергманн», укомплектованное уроженцами Кавказа.

Из дневника боевых действий:

15-17 июля 1941 года переодетые в советскую военную форму бойцы 1-го батальона «Бранденбург-800» и украинцы из дружины украинских националистов «Нахтигаль» атакуют штаб одной из частей РККА под Винницей. Нападавшие понесли тяжелые потери…

В первый период своего существования соединение комплектовалось главным образом из немцев, владевших иностранными языками, и фольксдойче. Обязательным условием для приема в ряды этого спецназа были физическое развитие, смелость, умение быстро ориентироваться в обстановке. Позже подразделения пополнялись за счет добровольцев — военнопленных Англии, Франции и других стран, а также русских белоэмигрантов. После начала военных действий против СССР в «Бранденбург-800» стали вербовать антисоветски настроенных граждан из числа перебежчиков и военнопленных. Впервые данная категория лиц была завербована в ноябре 1941 года и направлена для проверки в особый офицерский лагерь — офлаг 3А в городе Луккенвальде близ Берлина. В лагере они подвергались идеологической обработке и тщательно проверялись через агентуру. Лица, не прошедшие проверку, возвращались обратно в общие лагеря, а завербованные разделялись на команды и направлялись в различные подразделения «Бранденбурга-800».

Все новички принимали присягу и направлялись в штабную роту, учебный батальон и учебный лагерь полка, а позднее — в «Александровский батальон» и подготовительный полк дивизии, где получали военную и разведывательно-диверсионную подготовку. Наряду с этим при каждом батальоне (после реорганизации — полку) был создан свой подготовительный лагерь, который размещался близ штаба части.

Все военнослужащие «Бранденбурга-800» имели по две солдатских книжки: одна, для использования на фронте, была заполнена на вымышленную фамилию, другая — для немецкого

командования — подлинная.

Перед выброской в советский тыл «бранденбургам» выдавалась советская военная форма, соответствующее ей оружие и фиктивные документы. Все группы действовали под видом советских частей и зачастую проникали в тыл РККА под видом раненых, идущих с переднего края обороны.

Из дневника боевых действий:

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года группа диверсантов в советской военной форме под командованием лейтенанта Каттвица проникла на советскую территорию на глубину 20 километров. Целью группы был захват стратегического моста через реку Бобр (приток Березины). Группе удалось захватить и удержать мост до подхода своих танков…

Аналогичные задания получили другие группы «бранденбургов», состоявшие к тому времени наполовину из белоэмигрантской молодежи, украинских, прибалтийских и белорусских националистов. Группы небезуспешно провели ряд вылазок с целью дезорганизации ближнего тыла советских войск. Основная ставка делалась на заброску рейдовых диверсионно-разведывательных групп. Личный состав этих подразделений был обмундирован в советскую армейскую форму, форму частей НКВД, милиции, железнодорожников. Для придания большей мобильности агенты снабжались автомашинами и мотоциклами. Группы проводили диверсии, вели разведку в расположении советских войск, способствовали созданию паники и вели захват стратегических объектов.

Из дневника боевых действий:

25 июня 1941 года 35 диверсантов были сброшены на парашютах близ станции Богданово (Белоруссия) для последующего захвата и удержания двух мостов железнодорожной магистрали Лида — Молодечно. Из-за сильного зенитного обстрела самолет был поврежден, и экипаж был вынужден сбросить группу раньше времени. Группа десантировалась с высоты 50 метров — это был один из первых прыжков десантников со сверхмалой высоты, к тому же под прицельным обстрелом советских средств ПВО. Несмотря на столь неудачное начало, диверсантам удалось вплотную подойти к мостам и уничтожить их охрану. Немцы не предполагали, что рядом располагается несколько советских танков и рота пехоты. Разгорелся бой. Командир диверсантов лейтенант Лекс и четверо парашютистов погибли, 15 человек были ранены, оставшаяся часть группы продержалась под огнем более суток, пока к ним не прорвались немецкие мотоциклисты…

… Во время немецкого наступления на Северном Кавказе 30

диверсантов в советской форме проникли в тыл Советской армии и взорвали стратегически важный мост в районе Минеральных Вод, чтобы сорвать организованный отход советских войск. Другая группа захватила мост под Пятигорском и удерживала его до подхода немецких танковых частей. Третья группа, используя такую же маскировку, проникла в Майкоп, устроила на мосту засаду и сорвала плановый отход советских частей…

Штабная рота соединения дислоцировалась в Бранденбурге. В апреле 1940 года ее личный состав насчитывал 500 человек, разделенных на группы: английскую, русскую, румынскую, африканскую, арабскую и др. в зависимости от знания агентами языка и страны. В каждой группе проводились занятия по изучению иностранных языков, методов разведывательно-диверсионной работы, автодела, верховой езды, плавания, бокса, джиу-джитсу, радио-и фотодела. Рота готовила агентуру для заброски в США, Великобританию, Иран, Индию, СССР и другие страны с заданиями диверсионного, разведывательного, контрразведывательного характера, направленного в основном против английской разведки. Из состава роты отбирались агенты для формирования других подразделений полка.

В августе 1940 года рота выезжала в Бельгию, в местечко Ост-Динке близ города Остенде, где вела подготовку к вторжению в Англию. После возвращения, в конце декабря 1940 года, была расформирована, а ее личный состав распределен по другим подразделениям.

Учебный лагерь полка организован весной 1940 года в имении Квенцзее близ Бранденбурга. В конце 1942 года был расформирован.

Из дневника боевых действий:

В конце июля 1941 года диверсанты 1-го батальона и эстонского подразделения «Эрна» ведут успешные боевые действия по захвату советских артиллерийских батарей и маяка на острове Эзель…

Учебный батальон был создан в апреле 1942 года в местечке Регенвурм близ города Мезерица. В своем составе имел 20 рот. В них, помимо военнопленных, обучались белоэмигранты и фольксдойчи. В июне 1942 года весь личный состав батальона был распределен по подразделениям «Бранденбурга-800».

Подготовительный полк был создан и размещался с конца 1942 года по март 1945 года в Бранденбурге, затем переместился в провинцию Шлезвиг-Гольштейн. Три вышеупомянутых подразделения фактически были разведывательно-диверсионными школами, в которых готовились агенты для подрывной работы в тылах враждебных Германии армий. Личный

состав школ был укомплектован в основном военнопленными советской, английской, американской и французской армий. Все курсанты носили немецкую военную форму и были разбиты по «национальным» взводам и ротам.

В курс обучения входили: диверсионное дело, методика ведения войсковой и агентурной разведки, топография, автомотодело, фотодело, строевая и тактическая подготовка.

После окончания курса обучения все курсанты распределялись по подразделениям «Бранденбурга-800», откуда группами или в одиночку направлялись на задания.

1-й полк (801-й полк)

Подразделения батальона (с 1942 г. — полка) первое время направлялись для выполнения спецзаданий на Восточный фронт, позже — на борьбу с югославскими и греческими партизанами.

Из дневника боевых действий:

Летом 1941 года диверсанты батальона под командованием лейтенанта Каттвица, переодетые в советскую военную форму, подорвали позиции прожекторных батарей на мысе Пеклы, обеспечив переправу немецким и румынским дивизиям из Крыма на Тамань через Керченский пролив…

2-я рота батальона во второй половине 1942 года оперировала в Северной Осетии, в районе села Урух. 3-я рота в конце 1942 года оперировала под Моздоком и близ села Баксан в Кабарде. 4-я рота в конце 1942 года располагалась близ хуторов Русского и Графского на Северном Кавказе.

Из дневника боевых действий:

В ночь с 24 на 25 июля 1942 года в ходе тяжелых боев на Дону группа из 1-го батальона во главе с капитаном Грабертом захватила и взорвала 6-километровую плотину в дельте Дона между Ростовом и Батайском…

В августе 1942 года группа из 8-й роты была переброшена на Северный Кавказ и взорвала мост близ Минеральных Вод. Тогда же группа лейтенанта Прохазки, погибшего в ходе операции, захватила деревянный мост на реке Белая под Майкопом, чем дезорганизовала действия советских частей…

2-й батальон (802-й полк)

Подразделения этого батальона (полка) выполняли спецзадания на территории Северного Кавказа.

В июне 1942 года батальон через Одессу и Николаев прибыл на Северный Кавказ и в августе — сентябре 1942 года размещался в Майкопе, позднее в селе Ново-Осетинское близ Моздока. С начала 1943 года батальон находился в Австрии, позже возвратился на Северный Кавказ.

В период пребывания батальона на Северном Кавказе в его оперативном подчинении находилась зондеркоманда капитана Мюллера (40 человек). Команда вербовала агентуру в лагерях военнопленных на территории Северного Кавказа, в частности в Георгиевском, Прохладненском и Пятигорском. Все завербованные были направлены в Германию для прохождения спецподготовки.

В состав батальона входили 5-я — 8-я роты, в состав полка — 1-й и 2-й батальоны.

5-я рота батальона в сентябре — октябре 1942 года действовала в районе сел Плановское, Эльхотово и Дигора на территории Северной Осетии.

6-я рота в начале 1942 года находилась в Крыму, затем — в районе Вены, позже — в г. Дьеппе (Франция).

7-я рота в августе — ноябре 1942 года — в районе Майкопа.

8-я рота с июня 1941 года действовала в районе Тильзита, позже под Даугавпилсом, в июле — ноябре 1942 года — в селе Корман-Синдзикау в Северной Осетии.

Из дневника боевых действий:

28 июня 1941 года солдаты роты лейтенанта Кнака (погиб в ходе боя), переодетые в униформу РККА, захватили мост через р. Двину под Даугавпилсом, помешали его уничтожению и удерживали вплоть до подхода подкрепления.

3-й батальон (803-й полк)

Батальон (полк) направлял свои подразделения на Восточный фронт и во Францию для борьбы с французскими партизанами.

В состав батальона входили 9-я — 12-я роты, в состав полка — 1-й — 3-й батальоны.

10-я рота батальона в 1942 году действовала под Новороссийском.

В сентябре 1942 года офицер роты обер-лейтенант Нойгебауэр и переводчик Лева вербовали агентуру в лагерях для военнопленных на станции Крымской и в Краснодаре. После вербовки все агенты были направлены в город Дюрен.

Из дневника боевых действий:

9-я рота в октябре 1941 года была заброшена в советский тыл

под Москву с задачей захвата заграждений и укреплений на одной из въездных дорог в столицу. Почти все парашютисты были уничтожены.

В январе 1942 года перед штурмом г. Демянска 200 «бранденбуржцев» десантируются близ железнодорожного узла Бологое и подрывают участки железнодорожного полотна на направлениях Бологое — Торопец и Бологое — Старая Русса. Через двое суток части НКГБ частично ликвидировали диверсантов…

Март 1942 года. 9-я рота приступает к уничтожению партизан в районе Дорогобужа и Смоленска, затем перебрасывается под Вязьму с аналогичным заданием…

11-я рота летом 1942 года действовала в районе города Сталино, позже под Моздоком.

12-я рота летом 1942 года находилась в районе города Сталино, затем в селе Мамоново Калужской области, в сентябре 1942 года переехала в деревню Фролово, позже — в деревню М. Яновичи Витебской области.

1-й батальон полка в 1943 году действовал против партизан в районах Пустошки, Витебска, Городка, Невеля, в деревнях Плешки, Слободка и Поддубье.

2-й батальон действовал во Франции в районе городов Малсон и Наварро.

3-й батальон в 1943 году действовал в районе Орла, летом 1944 года — близ города Туров в Полесье.

Из дневника боевых действий:

В августе 1942 года специальная группа соединения «Бранденбург» под командованием барона фон Фелькерзама в форме бойцов НКГБ забрасывается в район нефтедобычи под г. Майкоп для захвата приготовленных к взрыву нефтеперегонных заводов. Группа имела на вооружении приборы бесшумной стрельбы, ночного видения и арбалеты. Пилоты самолетов сорвали высадку группы, и ее члены были разбросаны над территорией в несколько километров на значительном расстоянии от запланированной точки высадки. Приземление на холмисто-лесистую местность вызвало многочисленные травмы у бойцов. Оставшиеся в строю захватили завод и удерживали его до прорыва к ним передовых частей. Объект был передан под охрану командира танкового батальона, но… ночью был взорван советскими диверсантами…

4-й батальон (804-й полк)

Подразделения батальона (полка) проводили спецоперации на отдельных участках Северо-Кавказского, Карельского фронтов и в Африке.

Штаб дислоцировался в Гамбурге, затем в Бранденбурге. Командир полка — майор Гейнц. В состав батальона входили 13-я — 16-я роты, в состав полка — кроме батальонов особая команда Ланге.

14-я рота до конца 1942 года дислоцировалась в Бадене (Австрия), позже оперировала на Северном Кавказе.

15-я рота действовала в Африке, 16-я — против войск Карельского фронта.

Из дневника боевых действий:

В октябре 1943 года сотрудники НКГБ Ленинграда ликвидировали диверсионную группу абвера. Ее руководитель обер-лейтенант фон Штракман совершает побег из-под стражи. Через несколько дней сотрудники Госбезопасности арестовывают его в склепе городского кладбища — одной из баз группы…

«Бранденбург» в Чечне

Зондеркоманда капитана Ланге, условно именовавшаяся «Предприятие Ланге», или «Предприятие Шамиль», была сформирована в октябре 1941 года при «Бранденбурге-800» в лагере «Гросс Ян Берге» в 60 километрах от Берлина. Команду составляли агенты, подготовленные для ведения подрывной работы в тылу советских войск на территории Кавказа. Первая группа агентов (33 человека) была завербована в городе Луккенвальде. Агенты были сведены в три учебные группы по 30–35 человек, по принципу национальных землячеств. Они усиленно изучали подрывное дело, стрелковое оружие, топографию, рукопашный бой, правила пользования фиктивными документами, лыжной подготовкой. Программа обучения была рассчитана на 9 месяцев.

В конце июля 1942 года группа агентов адыгейцев, карачаевцев, кабардинцев и черкесов под руководством фельдфебеля Морица была направлена в город Сталино для переброски в район Майкоп — Краснодар.

В начале августа 1942 года весь оставшийся состав команды был также направлен в Сталино, где разместился в школе на окраине города, а через 10–12 дней переправился в Армавир.

25 августа 1942 года из Армавира группа гауптмана Ланге в количестве 30 человек, укомплектованная немцами, чеченцами, ингушами и осетинами, была десантирована с самолетов в районы селений Чишки, Дачу-Борзой и Дуба-Юрт Атагинского района Чечни. Диверсанты должны были принять участие в организации повстанческого движения, имея в виду приурочить начало восстания к моменту наступления немецких войск на Грозный. Парашюты членов группы раскрылись над деревнями, занятыми частями РККА, и сразу же были обстреляны с воздуха. Разброс абверовцев был столь велик, что вся группа была вынуждена разделиться на две части. Группа самого Ланге утратила грузовой контейнер с рацией. Попытки соединиться закончились неудачей.

Ланге и его людям удалось выйти к лагерю чеченских боевиков и получить от них помощь. Появилась надежда на то, что с ними немцы смогут выполнить задание, однако время работало уже не на вермахт. Немецкая армия стала отступать с Северного Кавказа. Ланге принял решение о свертывании операции. В ноябре 1942 года он с тремя немцами и двумя чеченскими проводниками возвратился через линию фронта в расположение немецких войск. За доставку группы Ланге через

линию фронта чеченские проводники Алаутдин Хамчиев и Абдурахман Бельтоев были награждены Железными крестами и переброшены в Чечено-Ингушетию для подготовки массовых выступлений против Советской власти.

Сведений о второй группе немецкому командованию так и не поступало.

Помимо группы Ланге в горной Чечне с сентября 1942 года оперировала группа лейтенанта Реккерта и полковника Османа Губе (уроженец Дагестана). Эта радиофицированная группа (12 человек) являлась органом связи между главарями чеченских банд и немецким командованием.

Дагестанская группа лейтенанта Иогансена, ранее предназначавшаяся к выброске под Баку, впоследствии использовалась по разведке советского переднего края в районе Моздока и Пятигорска.

5-й батальон (805-й полк)

5-й батальон (полк) имел свои подразделения на участках Ленинградского и Карельского фронтов. В состав батальона входили 17-я — 19-я роты.

17-я рота действовала на Ленинградском фронте, 18-я — на Карельском фронте, 19-я — при штабе батальона.

Из дневника боевых действий:

Особый интерес у диверсантов батальона вызывала железнодорожная магистраль Мурманск — Ленинград. Была разработана операция по разрушению железной дороги. Предполагалось провести выброску десантников близ железнодорожного полотна. Диверсанты после совершения диверсий должны были добраться до условленных мест, где их ждали самолеты для вылета в Финляндию. Успешно была проведена только одна акция, когда в ночь с 28 на 29 августа 1942 года две группы батальона, одетые в советскую военную форму, заминировали в двух местах полотно и подорвали его. Остальные группы были обнаружены и уничтожены…

Весной 1943 года 805-й полк был переформирован в полк «Курфюрст».

«Александровский» батальон

Был сформирован в сентябре 1942 года в Бранденбурге. Личный состав батальона до июля 1943 года проходил военную

подготовку, затем был направлен для борьбы с партизанами в Житомирскую область.

Стараниями военнослужащих соединения «Бранденбург», с ведома и при поддержке руководства абвера, был создан ряд инонациональных подразделений специального назначения — легионы «Свободная Аравия» и «Свободная Индия», батальон (полк) специального назначения «Горец» («Бергман»), грузинские разведывательно-диверсионные группы «Тамара» и «Вера», дружины украинских националистов «Роланд» и «Нахтигаль», ряд аналогичных формирований из уроженцев Прибалтики.

Впоследствии «Бранденбург-800» был преобразован в одноименную дивизию СС и использовался на фронте в качестве моторизованного формирования.

Полк «Курфюрст»

Весной 1943 года в Бранденбурге управлением «Абвер (заграница)» на базе 805-го полка дивизии «Бранденбург-800» была создана новая воинская часть под условным наименованием полк «Курфюрст» («Князь»).

Полк являлся одной из центральных разведывательно-диверсионных школ Абвера-2. В нем проходили курс подготовки официальные сотрудники абвера и агенты, намеченные к переброске на территории стран противников Германии.

До августа 1944 года полк подчинялся отделу «Абвер-2» управления «Абвер (заграница)». После реорганизации абвера перешел в подчинение военного управления РСХА.

Полк состоял из двух батальонов. В первом — агенты проверялись и проходили военную подготовку. Во втором — проходили разведывательно-диверсионную подготовку.

Личный состав для полка «Курфюрст» отбирали сотрудники абвера в немецких воинских частях. Как правило, в полк брали военнослужащих рядового и унтер-офицерского состава и только немцев. В особых случаях направлялись офицеры. Кандидаты обязательно должны были владеть одним из иностранных языков — русским, английским, французским и пр. Некоторые из них сами (или их родители) ранее проживали в России, Франции, США и других странах. После окончания учебного курса агенты направлялись для ведения подрывной работы в различные страны мира.

С января 1944-го до февраля 1945 года полк дислоцировался в городе Каменц близ Дрездена на территории учебного аэродрома. Затем он выбыл в местечко Вальцбург в район города

Цигентрюк (Тюрингия), где находился вплоть до капитуляции Германии.

Перед капитуляцией рейха полк ускоренными темпами готовил агентуру для заброски в советский тыл. Время обучения при этом сократилось до 2–3 недель. После окончания школы агентура направлялась в абверкоманды для переброски за линию фронта. Агенты, владевшие русским языком, направлялись в абверкоманду-203 в город Фюрстенвальд.

«Штаб «Валли»

Перед нападением на СССР, в июне 1941 года, абвером был создан специальный орган по координации и руководству разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельностью на Восточном фронте — «Штаб «Валли». Начальником «Штаба «Валли» был старый сотрудник абвера полковник Баун.

В структуре этого органа существовал отдел «Валли-2», руководивший деятельностью фронтовых диверсионных команд и групп абвера. Отделом последовательно руководили: майор Зелигер (соединение «Бранденбург-800»), обер-лейтенант Мюллер, капитан Беккер.

Диверсионно-разведывательные команды и группы абвера на Восточном фронте

Весной 1941 года всем армейским группировкам немецких вооруженных сил были приданы по одной разведывательной, диверсионной и контрразведывательной абверкоманде (далее — АК), а армиям — подчиненные этим командам абвергруппы (далее — АГ). Диверсионные АК и АГ несли в своих цифровых обозначениях цифру «2» и именовались соответственно с наименованиями группировок либо армий: «2А», «2Б» или «2-Зюд», «2-Митте» и т. д.

Диверсионно-разведывательные команды и группы «Абвер-2» занимались вербовкой, подготовкой и переброской агентуры с заданиями диверсионно-террористического, повстанческого, пропагандистского и разведывательного характера.

Вместе с тем команды и группы создавали специальные истребительные подразделения (ягдкоманды), национальные формирования и казачьи сотни для захвата и удержания до подхода главных сил немецкой армии стратегически важных объектов в тылах советских войск. Эти же формирования использовались иногда для войсковой разведки переднего края обороны советских войск, захвата «языков», подрыва укреплений.

Личный состав этих подразделений при проведении спецопераций экипировался в форму военнослужащих Советской армии.

При отступлении личный состав использовали как факельщиков и подрывников для уничтожения населенных пунктов и стратегических объектов.

Агентура разведывательно-диверсионных команд и групп абвера забрасывалась в советский тыл также с целью разложения и склонения военнослужащих к измене. Агентура распространяла листовки, вела устную агитацию на переднем крае обороны при помощи радиоустановок. При отступлении оставляла в населенных пунктах пропагандистскую литературу. Для ее распространения вербовалась специальная агентура.

Команды и группы по месту своей дислокации вели борьбу с партизанами.

Основной контингент агентуры проходил обучение в школах или на курсах подготовки, организованных при командах и группах. Наряду с этим практиковалась индивидуальная подготовка агентов сотрудниками органа. Переброска в советский тыл проводилась воздушным путем и пешим порядком группами по 2–5 человек, один из которых был радистом.

Агентура снабжалась фиктивными документами в соответствии с разработанной легендой. Получали задания организовать подрыв поездов и железнодорожного полотна, мостов и иных объектов транспортной инфраструктуры, военных и продовольственных складов, совершать теракты над советскими офицерами и генералами, партийным и советским активом.

Помимо заданий диверсионного характера агентуре поручалось ведение разведки. Срок на выполнения задания был от 3 до 5 и более дней, после чего агенты, используя пароль, возвращались на немецкую сторону. Агенты-пропагандисты перебрасывались без указания срока обратного возвращения. Донесения агентуры о произведенной диверсии проверялись.

В последний период войны команды и группы приступили к подготовке диверсионно-террористических групп для действия в тылу советских войск. С этой целью заранее закладывались базы и хранилища с оружием, взрывчаткой, продовольствием и одеждой.

Всего на Восточном фронте действовали 6 диверсионных команд абвера, в подчинении каждой из них находилось от 2 до 6 абвергрупп.

Была организована в июле 1942 года и придана южной группировке немецких войск «Зюд-А». На советско-германском фронте команда оперировала на Северном Кавказе, с 1944 года — на Балканах.

Большинство агентуры вербовалось из военнопленных кавказских национальностей, в т. ч. завербованных в лагере города Луккенвальд.

Командой была подготовлена группа Алхазова, сформированная из военнопленных, уроженцев азербайджанского города Нухи. Группе предстояло действовать в советском тылу близ упомянутого города с целью воспрепятствования вывозу предприятий и организации повстанческого движения. Заброска группы не состоялась, а ее личный состав был использован в качестве пехотного подразделения одной из немецких воинских частей.

В начале 1944 года орган был переформирован и направлен на Балканы, летом 1944 года находился в Белграде.

В подчинении АК-201 находились абвергруппы 201, 202, 203, 217.

Абвергруппа-201

До сентября 1942 года действовала при 11-й немецкой армии, затем была переподчинена 1-й танковой армии, с февраля 1943 года — придана армейской группировке «Холлидт».

В мае 1944 года АГ-201 была подчинена АК-206 южной группировки войск «Зюд-Украина». Орган вел разведывательно-диверсионную и разложенческую работу в советском тылу и на переднем крае фронта, проводил контрразведывательные и карательные мероприятия против партизан, для чего при органе имелся казачий полк особого назначения.

Вербовка агентуры проводилась в лагерях военнопленных в Симферополе. Вербовались главным образом уроженцы Кубани, Кавказа и белоэмигранты. С 1943 года вербовались военнопленные, казаки в лагере в городе Сталино и жители Ростовской области. При передислокации группы на территорию Румынии агентура вербовалась из членов «Железной Гвардии».

Бывшие красноармейцы, завербованные в лагерях военнопленных, проходили подготовку при АГ-201. В курс обучения входили подрывное дело, топография, самбо, изучение оружия и поведение в советском тылу. Одновременно новичков обрабатывали в антисоветском духе, распространяли среди них газеты «Заря» и «Новое слово». Проверка агентов проводилась на

контрразведывательной работе и в карательных операциях. Агенты были обмундированы в немецкую военную форму и вооружены штатным советским оружием.

Заброска производилась пешим порядком и воздушным путем группами по 2- 10 человек, а также оставлялись на оседание при отходе немецких войск. С осени 1944 года агентура перебрасывалась без диверсионных средств, т. к. на территории Румынии были заранее заложены специальные базы. При задержании в советском тылу агенты выдавали себя за дезертиров, для последующего внедрения в штрафные роты и перехода к немцам.

При органе существовал казачий полк особого назначения, состоявший из 4 сотен.

В феврале 1943 года боевой казачий отряд АГ-201 в составе тысячи отлично вооруженных казаков под командованием полковника Т. К. Хоруженко при тяжелом стрелковом оружии (частично моторизованных) занимал боевые позиции под Новочеркасском, ожидая атаки советских танковых частей. Вместе с боевым отрядом АГ-202 они прикрывали отход Казачьего Стана и отступили в направлении Донбасса. В дальнейшем отряд послужил основой для развертывания на его базе отряда специального назначения «Атаман» Казачьего Стана.

Абвергруппа-202

Была придана 17-й немецкой армии и действовала против Южного фронта. До июля 1942 года группа пребывала в городе Горловка Сталинской области, до января 1943 года — в Краснодаре, затем — в Анапе, Нальчике и Ставрополе, затем — в станицах Пашковской и Белореченской.

Агентура вербовалась в Краснодаре, Миллерове, Анапе и станице Крымской. После вербовки агенты направлялись на хутор Зеленый близ станицы Саратовской Краснодарского края и поселок Сельхозартель им. Калинина близ Краснодара, где находились до заброски в советский тыл. Агентура перед выброской получала инструктаж.

Агенты получали задания разведывательно-диверсионного характера и проводили разложенческую работу среди советских военнослужащих.

После отступления немецких войск с Северного Кавказа группа эвакуировалась в Евпаторию, в марте 1943 года прибыла в Джанкой, затем в Днепропетровск и через город Проскуров (Украина) прибыла в местечко Анин близ Варшавы. При

следовании группы к Проскурову в некоторых населенных пунктах были оставлены агенты с разведзаданиями. В местечке Анин группа находилась до августа 1943 года, и во время пребывания здесь завербовала в лагере военнопленных в городе Крейцбург 180 человек. Завербованные прошли теоретический курс, были сведены в роту и выведены в местечко Косова-Митровица (Сербия). В сентябре 1943 года эта группа захватила хромовые предприятия в местечке Старый Трык с целью их сохранения.

Абвергруппа-203

Именовалась также «Зондеркоманда-203» и была придана 1-й танковой армии. На территории Украины действовала под наименованием «Баутрупп-203». Группа вела работу против Северокавказского и 2-го Украинского фронтов и контрразведку в тыловых районах «своей» армии.

Агентура вербовалась в лагерях военнопленных в Луккенвальде, Барвенкове, Сталино, Днепропетровске, Запорожье, Славянске, Кировограде, из числа мобилизованных на работы в Германию женщин, находившихся на пересыльном пункте в городе Сталино и из местных жителей. На Западной Украине агентура вербовалась из членов ОУН. Вербовка производилась под видом набора добровольцев в РОА или Украинское вызвольное войско (УВВ). Вербовку вели официальные сотрудники группы и коллаборационисты. Часть завербованных агентов направлялась в боевые группы, проводившие войсковую разведку, а остальные агенты зачислялись на курсы, именовавшиеся «Парашютно-диверсионная группа «Краков». Здесь агенты в течение 5-15 дней изучали подрывное дело, агентурную разведку, структуру РККА (главным образом артиллерии и танковых войск), стрелковое оружие, тактику, тренировались в переходе линии фронта и преодолении минных полей.

После получения инструктажа от начальника группы агенты самолетами или пешим порядком по 2–5 человек перебрасывались в советский тыл или оседали при отступлении немецких войск. Боевые группы вели разведку советского переднего края, захватывали «языков» и стратегически важные объекты. При отступлении немецких войск уничтожали объекты и обеспечивали организованный отход немецких частей, действуя в качестве своеобразных заградотрядов. Личный состав таких групп порой переодевался в советскую военную форму, вооружался и

оставался в районе отступления немецких частей для введения в заблуждение наступающих и тем самым давал возможность немецким частям оторваться от преследования и закрепиться на новом рубеже. Часть агентов боевых групп использовалась в качестве агентов-разведчиков.

Группа также вела контрразведывательную работу против советских партизан, подполья и разведки. Всего при АГ-203 действовало 9 боевых групп.

В мае 1944-го группа прибыла в местечко Анин, где была переформирована. В конце мая 1944 года группа прибыла в город Дрогобыч Станиславской области. В июле 1944 года переехала в Чехословакию, где в апреле 1945 года была расформирована, а ее личный состав передан в АК-202.

Абверкоманда-202

Сформирована в июле 1941 года и придана группе армий «Зюд», затем «Зюд-Б», позже — «Норд-Украина». До июля 1942 года именовалась «АК-2 Зюд».

Команда вела работу против советских войск Южного и Юго-Западного фронтов. Агентура вербовалась из советских военнопленных в лагерях на Украине, а с осени 1944 года — из членов ОУН-УПА, Армии Крайовой и НТС.

При команде функционировали спецкурсы для подготовки агентуры, после окончания которых агенты забрасывались в советский тыл. Им давались задания по подрыву объектов, ведению антисоветской агитации, разложению советских подразделений, созданию ячеек НТС и совершению терактов.

В июне 1941 года команда прибыла под Краков и вместе с немецкой армией перемещалась по маршруту Львов — Кременец — Полтава — Винница — Городок (Каменец-Подольский район) — Львов. В Львове команда располагала конспиративной квартирой НТС, сборным пунктом отрядов УПА.

В начале 1945 года команда прибыла в Чехословакию и в апреле 1945 года получила приказ уйти в подполье группами по 10–12 человек.

В подчинении АК-202 находились абвергруппы 204, 205, 206, 220 и Полтавская и Запорожская диверсионные школы, курсы диверсантов в м. Козырцево и сборный лагерь агентуры на станции Зуль.

Абвергруппа-204

До января 1943 года АГ-204 действовала при 6-й армии. В мае 1943 года после переформирования придана группе армий «Кемпф», позднее — 8-й армии. Орган вел работу против 2-го Украинского фронта. В 1941 году группа располагалась в Житомире, с ноября по июль 1942 года — в Харькове.

Агентура вербовалась из местных жителей и военнопленных в лагерях Белгорода, Полтавы, Харькова и из личного состава полицейского училища в городе Харькове. Вербовку агентуры проводили украинские пособники. В течение нескольких дней после вербовки агенты содержались на конспиративных квартирах, получали инструктаж и подвергались антисоветской агитации, посещали кинотеатры. Переброска агентов производилась только пешим порядком группами и в одиночку. Агентам давали задания по проведению диверсий на охраняемых объектах. При приближении немецких войск агентуре поручалось сохранять их от уничтожения.

В конце сентября 1942 года часть группы действовала в предместьях Сталинграда. Сотрудники органа вели опрос советских пленных и контрразведывательную работу среди местного населения. В конце октября 1942 года группа прибыла в Новочеркасск, в начале 1943 года — в Сталино.

После разгрома 6-й армии под Сталинградом группа, потерявшая в боях половину личного состава и техники, была отозвана приказом 2-го отдела «Абвер (заграница)» от 31.01.1943 года на переформирование в Киев.

В начале мая того же года группа действовала в Харькове и имела курсы для подготовки агентуры. 1-е отделение курсов — 50 агентов, 2-е отделение — около 60 человек, действовали под прикрытием пересыльного пункта РОА. Агенты были распределены по взводам, одеты в советскую военную форму и вооружены советским оружием. В курс обучения входили подрывное, стрелковое дело, строевая подготовка и тактика.

Начальник группы фон Тун Гогенштейн создал боевую группу (54 человека), которая в мае 1943 года провела 3 боевых операции на передовой линии фронта, захват «языка» под Белгородом. В июне 1943 года эта группа размещалась близ города Волчанска для подготовки к другим операциям.

В середине августа 1943 года группа дислоцировалась близ Полтавы, оставив в Харькове часть агентуры на оседание. Агентом было поручено проведение терактов после занятия города советскими войсками.

Позднее на территории Румынии орган развернул массовую подготовку диверсантов из числа членов ОУН, главным образом из отряда УПА под руководством В. М. Шумка (он же Луговой,

или Борисов), дислоцировавшегося в селе Щепань Черновицкой области, а также из военнослужащих румынской армии.

На краткосрочных курсах в селе Плоское Черновицкой области было подготовлено около 200 диверсантов. В селах Садовы и Фудул Малдовей Кимполунгского уезда Румынии действовали диверсионные курсы, именовавшиеся «Школа партизан». Аналогичная подготовка агентов шла в других населенных пунктах Румынии. В селе Кужма находились 2 группы агентов, подготовленных в Иббенбюренской школе агентов-пропагандистов. После подготовки группы по 20–30 человек перебрасывались в советский тыл с заданиями проводить диверсии и организовывать повстанческое движение на Западной Украине.

В октябре 1944 года группа переместилась в Венгрию, где установила контакт с венгерской диверсионно-террористической организацией «Бела Ковач». В январе 1945 года при группе был создан отряд «Вультур» (или «Вультурул»), укомплектованный агентами-румынами. Эта агентура впоследствии вела работу против румынских войск, воевавших на стороне Советской армии.

Абвергруппа-205

АГ-205 была сформирована в июле 1942 года в Брауншвейге и придана 2-й танковой армии. В феврале 1943 года перешла в подчинение АК-203. Группа вела работу против Западного и Белорусских фронтов.

Летом 1943 года группа дислоцировалась в селе Желдаки под Конотопом и именовалась «Компани-205». При группе функционировала разведывательно-диверсионная школа в Конотопе. Она готовила диверсантов-парашютистов и создавала боевые группы разведчиков для действий на переднем крае.

Переброска агентов проводилась с Барановичского и Могилевского аэродромов и пешим порядком. Перед вылетом на место сброса с Могилевского аэродрома агенты проживали в городе. Для благополучного возвращения с советской территории агентура снабжалась фиктивными документами, удостоверяющими, что податели их являются партизанами и возвращаются в немецкий тыл для выполнения спецзадания.

При группе находилась специальная команда из немецких военнослужащих, которая при отступлении немецких войск минировала и поджигала населенные пункты.

В феврале 1945 года на территории Восточной Пруссии группа готовила диверсионную агентуру из числа местных

жителей, немцев. В местечке Иенкау для этой цели была организована школа «Ганс Шварц», укомплектованная военнослужащими 2-й немецкой армии.

В апреле 1945 года часть личного состава группы отбыла в распоряжение вышестоящих органов, оставшаяся часть состава создала группу для ведения подрывной работы в тылу советских войск.

Абвергруппа-206

Была придана 4-й танковой армии. Летом 1942 года группа находилась под Сталинградом, зимой 1942 года — под Харьковом, в мае 1943 года — близ Белгорода, затем — в городе Богодухове Харьковской области. В августе — сентябре 1943 года группа прибыла в поселок Святошино близ Киева, затем в Ровно и район Львова, после чего переехала в местечко Бишофсфельд близ города Конин (Чехословакия).

Группа собственными силами готовила агентуру и забрасывала ее пешим порядком или оставляла на оседание при отходе немецких войск.

В июне 1944 года после переформирования группа вместе с ягдкомандой из АГ-204 была направлена в местечко Эрастверу, Выру и Вильянди (Эстония). Летом 1944 года орган дислоцировался в городе Вильянди, где создавал вооруженные отряды из эстонцев, натаскивая их для диверсий в тылу советских войск.

На территории Польши группа была переформирована. После реорганизации группа начала формировать отряды УПА на территории Польши, в районе городов Мушин, Криница, Новы Сандец.

В январе 1945 года орган переехал в местечко Татра Котлина (Чехословакия), затем — в Германию. В это время группа подготовила 4 группы агентов из местных жителей-немцев и военнопленных, завербованных в Линце и Гдыне. 1-я группа из 18 человек была направлена в распоряжение отдела 1Ц 17-й армии, другие три группы были заброшены в советский тыл.

Группой были созданы курсы подготовки диверсантов в местечке Нойендорф близ города Баграйнерц. На курсах в январе 1945 года обучались 40 диверсантов. В конце апреля 1945 года курсанты были разделены на группы и направлены в район города Фридланда для создания тайных складов оружия.

Абвергруппа-220

Во второй половине 1943 года дислоцировалась в Львове. Осенью 1944 года передислоцировалась в местечко Мушина (Польша).

Основная деятельность органа на территории Украины и Польши сводилась к созданию отрядов УПА, для чего при группе постоянно находились представители штаба повстанцев Кощук и Шевчук.

При органе существовали курсы подготовки разведчиков-диверсантов. С декабря 1943-го до июля 1944 года курсы находились в Львове. Начальником курсов был полковник Голуб. На курсах обучалось 16 украинцев, ранее бывших агентами контрразведки в Житомире.

В июне 1944-го группа организовала во Львове курсы радистов. Здесь обучалось 30 агентов, из них 7 девушек. Кадры готовились для заброски в составе диверсионных групп УПА в тылы наступающих советских войск.

Осенью 1944 года в местечке Мушина (Польша) при группе были организованы курсы диверсантов, готовившие кадры для УПА из состава украинских полицейских, эвакуированных из Галиции. Всего на курсах обучалось 60-100 человек.

В декабре 1944 года АГ-220 была расформирована.

Абверкоманда-203

Именовалась также «Абверкоманда-2В» и действовала при армейской группировке «Центр». Начальниками органа были подполковники Геттинг-Зеебург и Вернер.

Орган вел работу против Западного и Белорусских фронтов.

Агентура вербовалась в Смоленском пересыльном лагере № 126, Минском лагере № 352 и пересыльном лагере в пригороде Борисова, где существовало специализированное отделение «Лесного лагеря» для перебежчиков. Завербованных новичков направляли в Смоленскую и Минскую диверсионные школы. Часть возвращавшихся после обучения агентов перебрасывалась в советский тыл, другие агенты оставались при абверкоманде.

В феврале 1945 года команда была переформирована, и часть личного состава, окончившая Смоленскую школу, была передана в АК-204. Оставшаяся часть личного состава была переброшена под Бранденбург, где начала подготовку диверсионных групп из поляков и немцев. В местечке Краны и Рекан при команде также обучались диверсанты, в г. Плауэн обучалась группа немок-радисток (1[83]5-20 человек).

В апреле 1945 года команда была расформирована, часть

личного состава брошена на оборону Берлина, другая часть выехала в Брауншвейг. Остатки команды (8 человек) остались в селе Шмерцке, где сдали оружие немецким фронтовым частям.

АК-203 подчинялись 207, 208, 209, 210 и 215 абвергруппы, школы диверсантов в Минске и Смоленске, школа подростков-диверсантов в м. Гемфурт.

Абвергруппа-207

Была придана в апреле 1942 года 2-й танковой армии. Группа вела работу против войск Западного, Центрального и Белорусского фронтов и против партизан в тыловых районах 2-й танковой армии.

Агентура вербовалась из военнопленных в Орловской тюрьме и в лагере, где содержались вербуемые партизаны. Завербованных направляли на курсы при группе, более известные как Орловская школа диверсантов. Переброска диверсантов производилась пешим порядком и при помощи самолетов «У-2» («По-2»).

При группе действовала ягдкоманда «Тун Фиш».

С конца 1944 года АГ-207 проводила вербовку агентов-диверсантов из поляков и группами по 8-10 человек оставляла их на оседание в тылу наступающих советских частей.

Абвергруппа-208

Была организована в июне 1942 года и придана 4-й армии. Деятельность группы была направлена против войск Западного, Центрального, Белорусских фронтов и партизан.

Агентура группы вербовалась из военнослужащих РОА и военнопленных в лагерях Борисова, Рославля, Смоленска.

Часть агентуры использовалась для разведки советского переднего края и группами по 15–20 человек, одетых в советскую форму, принимала участие в боевых операциях. Агенты из числа местных жителей группами по 2–3 человека направлялись в близлежащие населенные пункты для выявления партизан и лиц, оказывающих им помощь.

При отступлении немецких войск агентура минировала важные объекты, используя электромеханические мины большой мощности. Такие заряды были заложены на шоссе Москва — Минск и в г. Вязьме.

В мае 1944 года группа прибыла в Варшаву и была расформирована, часть личного состава органа была направлена

в АГ-209, остальные — переданы в состав РОА.

Абвергруппа-209

Была организована в июле 1942 года в Берлине и придана 9-й армии. Орган вел работу против Центрального участка советского фронта и партизан.

При группе была сформирована и действовала рота из военнопленных — «Русский особый отряд» под командованием поручика РОА Чвалы. Личный состав отряда был завербован в лагерях в Белостоке, Ченстохове, Кромах, Новгороде под видом набора добровольцев в РОА. Военнослужащие отряда носили немецкую форму со знаками различия РОА. Подразделение использовалось для захвата «языков» на переднем крае, вело борьбу с партизанами. Военнослужащие отряда также использовались абвергруппой в качестве диверсантов в советском тылу и участвовали в уничтожении важных объектов при отступлении немецких войск.

Ряд агентов был направлен к советским окруженным частям для склонения их личного состава к переходу на немецкую сторону. Эти же агенты обманным путем «выводили» части из окружения в расположение немецких войск. Диверсанты проходили подготовку по подрывному делу в течение 3-10 дней. В курс обучения также входило изучение правил поведения в советском тылу и методика сбора разведывательных данных.

Заброска агентуры производилась группами по 2–3 человека, главным образом самолетами. При отступлении немецких войск агентура оставлялась на оседание для ведения диверсий и разложенческой работы среди населения и военнослужащих.

В декабре 1942 года группа дислоцировалась близ города Сычевки, затем в ряде населенных пунктов на территории Смоленской области, затем в Брянской и Орловской областях. Летом 1944 года группа переместилась в Польшу, где начала подготовку диверсантов из числа пленных, бывших военнослужащих Войска польского. Подготовка агентов велась в лагере военнопленных в местечке Скерневитце.

В сентябре 1944 года группой был создан отряд из поляков «Польский легион». Агенты из числа его солдат забрасывались в советский тыл для совершения диверсий. В середине октября 1944 года легион находился близ города Жешув, в декабре 1944-го — в м. Людвигово близ города Томашува, в середине января 1945 года был передан в подчинение АК-204.

С марта до середины апреля 1945 года при группе

функционировали курсы разведчиков.

Абвергруппа-210

Была сформирована в сентябре 1942 года и действовала при 3-й танковой армии. Орган вел работу против частей Западного, Калининского, а впоследствии против 2-го и 3-го Белорусских фронтов и партизан.

Агентура вербовалась из военнопленных, содержавшихся в лагерях Витебска, Вязьмы, Дорогобужа, Таллина и г. Райхенбаха. В последний период войны агенты вербовались из уроженцев Литвы и Восточной Пруссии. Во время пребывания в группе агенты были обмундированы в форму советских военнослужащих без знаков различия и числились под своими настоящими фамилиями. Кличек агентам не присваивалось. В течение 1943 года при группе в деревне Добрино действовали курсы, более известные как «Витебская школа диверсантов». Обучавшиеся были разбиты на две группы: 1-я — во главе с Петровым, 2-я — под руководством старшего лейтенанта Пройдакова.

Переброска агентов-диверсантов производилась в зависимости от потребностей фронта и степени подготовки. Переброска велась со Смоленского аэродрома и пешим порядком. Агенты, вызывавшие подозрение, перед заброской в советский тыл проверялись в разведывательных и боевых операциях против партизан.

До середины января 1943 года группа дислоцировалась в Вязьме, затем переместилась на территорию Витебской области. В связи с начавшимся отступлением немецкой армии группа последовательно перемещалась с территории Литвы в Восточную Пруссию.

Абвергруппа-215

АГ-215 в 1943 году дислоцировалась в городе Минске по улице Островского.

В январе 1945 года орган действовал в Хорватии и входил в подчинение АК-201 и размещался в местечке Дубрава.

Группа вела подготовку агентов-диверсантов для заброски в советский тыл с заданиями диверсионного характера.

В Хорватии группа в большинстве своем состояла из венгров и хорватов.

В начале мая 1945 года группа при передислокации в город

Юденбург (Германия) в районе города Вольфсберга была расформирована, а весь личный состав был якобы распущен.

Абверкоманда-204

Действовала при немецкой группе армий «Норд» против войск Ленинградского и Прибалтийских фронтов.

Агентура приобреталась из военнопленных в лагере городе Кингисепп. Подготовленные агентурные кадры поступали из разведывательно-диверсионных школ из местечек Вано-Нурси, Вяцати, Вихула и Дальвитц.

Переброска агентов велась самолетами с Псковского аэродрома.

До февраля 1944 года команда размещалась в Пскове, с февраля до сентября 1944 года — в м. Улброк в 12 км от Риги. В этот период орган вел подготовку агентов из числа участников национальных организаций Латвии («Перконкруст», «Айзсарги»). Помимо вербовки агентов при помощи команды была сформирована «Самозащита» («Зельбстшутц») из латышей. Руководство этих организаций совместно с командой вело подготовку своей боевой агентуры, оставлявшейся на оседание.

В январе 1945 года команде был передан «Польский легион», выведенный из подчинения АГ-209. Это подразделение дислоцировалось в городе Быдгощи. В феврале 1945 года легион прибыл в г. Штольп, где получил задание оставаться в Тухольских лесах и после прохождения фронта на Запад развернуть диверсионную работу на коммуникациях. При этом формирование было разделено на две группы. Обе группы были обмундированы в немецкую военную форму и снабжены большим количеством взрывчатки. В феврале 1945 года обе группы были ликвидированы советскими войсками охраны тыла.

В феврале 1945 года команда переместилась в округ Нойебранденбург. В местечке Лейце был развернут мельдекопф (переправочный пункт), откуда производилась переброска диверсантов-белорусов, окончивших Дальвитцкую диверсионную школу.

В апреле 1945 года команда продвигалась по маршруту Нойруппин — Пренцлау — Шверин. С начала этого месяца ею были созданы несколько диверсионных групп «Верфольфа» из числа сотрудников органа, агентуры и немецких солдат. Диверсанты были снабжены фиктивными документами, оружием и продовольствием и оставались на оседание в специальных лесных схронах.

АК-204 подчинялись абвергруппы 211, 212, школы диверсантов в местечке Дальвитц и Вано-Нурси.

Абвергруппа-211

Действовала при 16-й немецкой армии против советских войск Ленинградского и Прибалтийских фронтов.

Агентура вербовалась в лагерях военнопленных в Старой Руссе, Порхове, Кингисеппе и Пскове. Квалифицированные кадры направлялись из разведывательно-диверсионной школы в местечко Вано-Нурси. Все агенты, прибывавшие в группу, зачислялись в специальный батальон майора Грачева. Личный состав этого подразделения проходил спецподготовку по подрывному делу и использовался для разведки переднего края советской обороны, захвата «языков», стратегически важных объектов и в антипартизанских акциях. По мере необходимости из батальона выделялись группы по 5–7 человек и перебрасывались в советский тыл.

С начала 1943 года при группе действовали месячные курсы пропагандистов, готовившие кадры для ведения пропаганды в советском тылу. Курсы размещались в деревне Горки Солецкого района Ленинградской области. Начальником курсов был бывший полковник РККА Боярский. В конце сентября 1943 года 2-я рота батальона во главе с Павлом Автуховым перешла к партизанам. Из состава 1-й роты в лес ушло 16 человек. После этого случая руководство группы было предано военно-полевому суду, оставшийся личный состав батальона был переброшен во Францию, группа была переформирована.

До октября 1943 года группа размещалась в Солецком районе, затем в Пскове. В январе 1944 года переехала в город Пярну (Эстония), где начала создавать тайные базы и вербовать диверсионную агентуру из местного населения.

Абвергруппа-212

Действовала до сентября 1944 года при 18-й армии, позже была передана Курляндской группировке и вела работу против Ленинградского и 3-го Прибалтийского фронтов. С октября 1941 года по апрель 1943 года группа располагалась в местечке Вихула.

До августа 1944 года сотрудники группы вербовали агентуру из военнопленных, позднее из латышей, служивших в различных

воинских и полицейских формированиях, 19-й дивизии СС, айзсаргов и пограничников. Русскую агентуру группа получала из разведывательно-диверсионной школы в местечке Вихула и иных школ, размещенных в Прибалтике.

Летом 1944 года при группе были организованы курсы подготовки диверсантов из латышей, состоявшие из двух отделений. На курсах одновременно обучалось до 50 диверсантов и 15 радистов. В марте — июне 1944 года личный состав группы использовался для создания тайных складов оружия на территории Литвы и Латвии.

С декабря 1944 года штаб группы размещался в одном из местечек Тукумсского уезда Латвии и имел филиалы близ Таллина и Вентспилса. Группа принимала участие в антипартизанских операциях. В конце войны орган оказывал содействие диверсантам из организации «Межа Кати» («Дикая Кошка») и готовил кадры для этого формирования, снабжал фиктивными документами, оружием и снаряжением.

Перед капитуляцией рейха руководство органа разделило подготовленные кадры на мелкие группы, снабдило их оружием, документами и взрывчаткой. Каждая группа получила задание по ведению подрывной деятельности в советском тылу.

Абверкоманда-205

Находилась в подчинении органа «Фронтляйтштелле-2 Зюд-Ост» и имела условное наименование «Топографическая группа-410». Команда действовала в Закарпатье, Волыни, Чехословакии и Венгрии.

Агентура вербовалась из числа членов ОУН, немцев, венгров и словаков. Завербованных размещали на конспиративных квартирах в Вене, после чего направляли на курсы диверсантов или разведчиков при АСТ «Вена».

Заброска агентов производилась группами по 14–15 человек (из них 1 радист) в советский тыл или оставлялись на оседание.

С весны 1944 года команда дислоцировалась во Львове, в конце 1944 года — в Вене.

В состав органа входил учебный лагерь в местечке Хубертус, где проходили обучение венгерские добровольцы. Официальный состав лагеря — 5 человек. В учебном лагере в местечке Сеница тренировались немцы и словаки. Еще одна подгруппа органа (23 человека) имелась в городе Пренцлау. Курсы диверсантов также имелись в городе Малацк. Здесь готовилась агентура для последующей заброски в советский тыл. После окончания этих

курсов агенты некоторое время находились на конспиративных квартирах в Вене.

АК-205 подчинялись абвергруппы 214 и 218.

Абвергруппа-214

До июля 1943 года действовала в Финляндии при 20-й немецкой горной армии и дислоцировалась в городе Рованиеми. Группа вела работу против Карельского и Ленинградского фронтов.

Агентура группы готовилась в диверсионной школе в городе Рованиеми.

В июле 1943 года орган был отведен в местечко Сулеювек (Польша) на переформирование, и летом того же года его личный состав был направлен в распоряжение АГ-204.

В августе 1943 года АГ-214 была вновь сформирована, в начале 1944 года направлена на Балканы. Здесь создавались тайные склады оружия и подбирались агенты из местных жителей. Агентура готовилась осесть группами по 20–30 человек и действовать в тылах советских войск.

После капитуляции Германии многие сотрудники органа попали в плен к англичанам и содержались в городе Хермогор.

Абвергруппа-218

АГ-218 была сформирована в сентябре 1944 года в г. Силайн (Чехословакия) из личного состава разукрупненной АГ-217 и придана штабу командующего немецкими войсками в Словакии. Начальником органа был назначен ротмистр граф фон Тун Гогенштейн Эрвин.

При группе были сформированы 4 специальных отряда:

1-й — 25 немецких военнослужащих,

2-й — 220 словаков-националистов из партии Глинки,

3-й — 45 казаков, ранее служивших в казачьих сотнях АГ-201,

4-й — 40–45 кавказцев из лагеря в городе Ижевец.

В середине октября 1944 года группа размещалась в городе Кремниц. Здесь в течение 4 месяцев проводила карательные операции против партизан.

В феврале 1945 года часть словацкого отряда была уволена. В это же время группа перебралась в район города Тырнов севернее Братиславы, а в марте 1945 года прибыла в город Винер-Нойштадт (Австрия), где в течение 10–12 дней вела боевые

действия против партизан.

В начале апреля 1945 года в связи с возросшей активностью партизан в Силайнском районе группа была переброшена в город Силайн, где вместе с частью РОА принимала участие в боях против партизан. При проведении боевых операций личный состав органа одевал форму солдат словацкой армии и был известен как «Группа «Эдельвейс».

20 апреля 1945 года группа отступила к австрийской границе, где часть ее личного состава была взята в плен советскими войсками.

Абверкоманда-206

Была сформирована в мае 1944 года в районе города Пятра-Нямц (Румыния) при «Фронтляйтштелле-2 Зюд-Ост».

Команда создавала тайные склады оружия на территории Румынии, готовила румынскую агентуру и оставляла ее на оседание. Агентурные кадры вербовались также из румын, эвакуированных из Буковины, и железногвардейцев. Агенты проходили курс спецподготовки при команде, и некоторые из них забрасывались в советский тыл с заданиями вербовочного характера. Переброска агентов производилась в униформе румынской и Советской армий и в штатском. Отдельные агентурные группы снабжались портативными радиостанциями.

АК-206 подчинялись абвергруппы 201 и 204, вышедшие из подчинения АК-201 и 202.

Разведывательно-диверсионные школы абвера

До начала Второй мировой войны немецкие разведорганы вели активную разведывательную работу путем заброски агентуры, подготовленной в индивидуальном порядке. За несколько месяцев до начала крупномасштабных военных действий против СССР абверштелле и АНСТ «Кенигсберг», «Вена», «Краков» организовали ряд разведывательно-диверсионных школ, в которых велась подготовка агентуры, для последующего ее использования против СССР.

В первый период своего существования вышеупомянутые школы комплектовались из эмигрантской молодежи и членов различных антисоветских организаций. Выпускники этих заведений забрасывались на советскую территорию с разведывательными и диверсионными задачами. Однако

практика действий этих агентов показала, что агентура из эмигрантской среды плохо ориентируется в советской действительности, что служит основной причиной ее быстрых провалов.

С развертыванием военных действий на Восточном фронте немецкие разведорганы приступили к расширению сети разведывательно-диверсионных школ. Такие органы были созданы при штабе «Валли», абверштелле, диверсионных командах и группах абвера, действовавших при немецких армейских группировках.

Агентов для обучения вербовали в основном из военнопленных, согласившихся сотрудничать с абвером, перебежчиков и антисоветски настроенных лиц, оставшихся на оккупированной территории. Органы абвера делали главную ставку на бывших военнопленных, полагая, что из них можно быстрее подготовить агентуру и внедрить ее.

Подбор агентуры производили официальные сотрудники школ, а также эмигранты, которые специально посещали пункты приема военнопленных, пересылочные и стационарные лагеря. В первую очередь агентура подбиралась из перебежчиков и лиц, давших ценные показания при пленении, а также зарекомендовавших себя в работе на немцев в лагерях военнопленных, и лиц, подвергавшихся репрессиям со стороны Советской власти. При этом принимались в расчет прежняя профессия и личные качества будущего агента. Преимущество отдавалось радистам, связистам и саперам и вообще лицам, имевшим достаточный кругозор.

Агентура из среды гражданского населения приобреталась по рекомендации немецкой контрразведки и руководства антисоветских организаций. Еще одной базой для вербовки потенциальных агентов являлись добровольческие формирования.

Как правило, с каждым из кандидатов перед вербовкой проводилась индивидуальная беседа для выяснения его биографических данных, связей в СССР, личных качеств, отношения к советскому строю, немцам и пр. Вербовкой также занималась внутрилагерная агентура, которая производила предварительное «прощупывание» кандидата. В этих же целях вербовщики привозили в лагеря военнопленных своих агентов, которые действовали под видом военнопленных.

Согласившихся работать на немцев немедленно изолировали от остальных военнопленных и в сопровождении немецких солдат или самих вербовщиков направляли в специальные проверочные лагеря или непосредственно в школы.

При вербовке зачастую применяли методы подкупа, провокации и угрозы. При этом приглянувшегося кандидата арестовывали за действительные или мнимые поступки и предлагали ему искупить свою вину работой на противника. После этого завербованные проверялись на практической работе в качестве агентов-контрразведчиков, карателей и полицейских. Окончательное оформление вербовки проводилось в школе и в проверочном лагере. После этого на большинство агентов заполнялась подробная анкета, отбиралась подписка о добровольном сотрудничестве с немецкой разведкой, агенту присваивался псевдоним, под которым агент числился в школе. В ряде случаев агент приводился к присяге на верность рейху и дактилоскопировался.

Преподавательский и инструкторский состав разведшкол вербовался из эмигрантов и коллаборационистов, бывших советских офицеров, «повязанных» с немецкой разведкой выполнением спецзаданий в советском тылу. Общее руководство школами осуществляли немцы — кадровые сотрудники разведки.

Отобранная агентура пребывала в предварительном лагере около 2–4 недель, где подвергалась усиленному промыванию мозгов, занималась строевой и военной подготовкой, получала общее представление о методах разведработы и проверялась через внутрилагерную агентуру. Агенты, не внушавшие доверия или неспособные, отчислялись и направлялись в «Гехаймнистерлагеря». Там агенты, посвященные в тайны разведслужбы, были изолированы от остальных военнопленных.

Новички, успешно прошедшие проверку, направлялись в школы. В разведшколе обычно одновременно находилось до 300 человек, в диверсионной — до 100 агентов. Срок обучения зависел от характера предполагаемой работы. Для разведчиков ближнего тыла — от 2 недель до 1 месяца, для разведчиков глубокого тыла — до 6 месяцев, диверсанты учились от 2 недель до 2 месяцев, радисты — от 2-х и более месяцев.

Для более качественной подготовки агенты разбивались на учебные группы по 5-20 человек, с учетом индивидуальных способностей. Занятия в основном носили вид лекции и практики на местности.

Наиболее подготовленным агентам, забрасываемым в советский тыл под личиной советских офицеров, предлагалось задерживать под различными предлогами (в основном под видом военных патрулей и организации лже-КПП) отдельных военнослужащих и гражданских лиц для последующего добывания интересующей информации.

В курс обучения агентуры также входили методика перехода

линии фронта, поведения в советском тылу и при задержании, на допросах и в местах заключения. При этом агентуре рекомендовали отстреливаться до предпоследнего патрона, последний оставляя для себя. В случае захвата живьем или раненым агенту рекомендовали скрывать свою принадлежность к немецким разведслужбам и соглашаться на перевербовку для последующего возвращения к немецким шефам.

Будущие диверсанты изучали также методику проведения диверсий, свойства взрывчатки и методы ее закладки, арсенал зажигательных средств и их применение, приготовление простейших ВВ, огнестрельное оружие и практическую стрельбу из него. На практических занятиях знания закреплялись и агентам демонстрировали, как правильно закладывать заряд, и учили проникновению на объект.

Во всех школах существовал установленный распорядок дня. Обучающимся разрешалось общение между собой, но категорически запрещалось общение с гражданским населением. Выход из школы в город разрешался руководством органа только в исключительных случаях.

В среде учащихся насаждалась специальная осведомительная агентура, выявлявшая лиц, отрицательно настроенных против немцев, поставлявшая информацию о них руководству школы. Разоблаченных заговорщиков направляли в штрафные лагеря. Иногда осведомители были обязаны вести наблюдение за выпускниками в составе групп, заброшенных в советский тыл. В случае измены кого-либо из состава группы осведомитель должен был его ликвидировать.

Заброска групп и агентов-одиночек, как правило, велась не самими школами, а фронтовыми абверкомандами, группами и их передовыми филиалами-мельдекопфами. Воздушным путем агентура миновала наземную линию фронта на самолетах специальных авиаэскадрилий. Широко практиковался пеший переход линии фронта. Некоторая часть подготовленной агентуры оставлялась немцами в специально отведенных для этого местах при отходе немецкой линии обороны. Переброске также предшествовала кропотливая отработка легенд для последующего их применения при переходе линии фронта и в советском тылу.

Переброска агентов-разведчиков в глубокий тыл СССР производилась без указания конкретного срока для возвращения. Таким группам в обязательном порядке придавался подготовленный радист, снабженный УКВ-приемопередатчиком, замаскированным в чемодане, противогазе, патефоне и т. п. В глубине СССР немецкие агенты действовали под маскировкой

военнослужащих и командированных лиц, раненых, выписавшихся из госпиталей и освобожденных от военной службы, эвакуированных и пр. Вблизи фронта немецкая агентура действовала под видом саперных подразделений, производящих минирование или разминирование переднего края, связистов, исправляющих линию, снайперов, сотрудников особых отделов, выполняющих особое задание, раненых, направляющихся в госпиталь после боя, и т. д.

Под соответствующую легенду и район выброски агент снабжался всеми необходимыми документами для продвижения и проживания в советском тылу. Зачастую документы были подлинными, т. к. некоторое время назад были отобраны у военнопленных или жителей занятых немцами областей. Чаще всего немцы выдавали своим агентам военные и гражданские документы, выписанные на вымышленные фамилии. При необходимости заброски агента в район, где его хорошо знали, он снабжался фиктивными документами на свое подлинное имя-фамилию или своими подлинными документами.

Кроме готовых документов, агентуре выдавалось определенное количество чистых бланков разных военных и гражданских документов, командировочных предписаний, аттестатов и требований на железнодорожные перевозки и иногда выдавались печати и штампы советских воинских частей.

Агентов также снабжали денежными суммами, величина которых зависела от срока на выполнение задания и его характера. Обычно выдавались денежные суммы от 500 рублей до 500 тысяч рублей, а иногда и выше.

Экипировка агентуры производилась с учетом документов в советскую военную форму или в гражданское платье. Выдавались также комплекты запасной одежды.

Агенты-диверсанты имели задания по устройству диверсий на железнодорожном транспорте, уничтожении баз и складов с продовольствием и других важных объектов. Кроме того, им вменялось в обязанность проводить антисоветскую пропаганду, совершать убийства офицеров и генералов Советской армии. На завершающем периоде войны диверсанты, забрасываемые в советский тыл, имели задания по организации и сплочению повстанческих отрядов для проведения диверсионных акций. На вооружении у них состояли особые заряды повышенной мощности взрыва, вмонтированные в противогазные сумки, вещмешки, консервные банки или в виде пищевых концентратов или кусков каменного угля.

После выполнения задания агентура должна была пересечь линию фронта и возвратиться в тот орган, что производил

заброску. Для перехода линии фронта агентов снабжали специальным устным или письменным паролем.

Агентов, вернувшихся с задания, тщательно проверяли через других агентов и путем неоднократных устных и письменных допросов. При этом уделяли внимание деталям их повествования — датам, местам нахождения на советской территории, маршрутам следования. Особое внимание было уделено выяснению обстоятельств беспрепятственного выполнения задания со стороны советских органов госбезопасности. Агента многократно допрашивали с целью выяснения возможности его задержания и дальнейшей работы под советским контролем.

При возвращении с задания группы агентов все ее участники изолировались друг от друга. Их показания сличались и подвергались тщательной проверке. Если показания агентов не внушали доверия, то агентов направляли в «Гехаймнистерлагеря» или передавали в тайную полевую полицию (ГФП).

На заключительном этапе войны немецкие разведорганы стали готовить агентуру из числа членов различных антисоветских партий и организаций Прибалтики, Польши, Балканских стран и Германии. Эта агентура готовилась по сокращенному курсу и предназначалась для проведения диверсионно-повстанческой работы в советском тылу.

Курсы диверсантов при отделе техники «Абвер-2» в Берлине

В июне 1940 года при отделе техники «Абвер-2» были организованы краткосрочные курсы по изучению теории и практики применения взрывчатых веществ для совершения диверсионных актов. Курсы размещались в районе Берлин-Тегель, в помещении химико-технической исследовательской лаборатории отдела техники центрального аппарата «Абвер-2».

Первоначально на курсах обучались официальные сотрудники центрального и периферийного аппаратов «Абвер-2», а с 1942 года — русские, английские и французские военнопленные и солдаты немецкой армии. В последний период существования курсов курсанты поступали из «Абвера-2» группами по 2–4 человека из числа преподавателей и инструкторов диверсионных школ.

Обучение продолжалось 1–4 недели. Одновременно на курсах обучалось 20–25 человек.

Агенты изучали химические свойства взрывчатки, устройство различных мин и их практическое применение при совершении диверсионных актов. Слушателям демонстрировали специально

отснятые кинофильмы о практическом применении ВВ и устраивали практические полевые занятия, где они подрывали макеты. После окончания курсов курсанты направлялись во фронтовые абверкоманды и абвергруппы.

Разведывательно-диверсионная школа в местечках Криница, Дукла, Каменица, Барвинек

В 1940 году при АСТ «Краков» была организована школа по подготовке разведчиков и диверсантов для проведения подрывной и разведывательной работы против СССР.

Школа была законспирирована под лагеря трудовой повинности, и часть ее курсантов выходила на сельскохозяйственные работы. В каждом отделении школы одновременно обучалось 100–300 человек. В местечках Дукла, Каменица и Барвинек находились члены бандеровской ОУН, в Кринице — мельниковцы.

Украинские агенты занимались военной подготовкой и изучали специальные предметы — разведку, диверсионное дело и организацию повстанческого движения.

После окончания учебного курса часть агентуры направлялась на прежние места работы и использовалась в качестве контрразведчиков. Другие агенты несли охрану заводов на территории Польши в составе «Веркшутца» («Рабочая охрана») и принимали участие совместно с ГФП в операциях по разоружению польского подполья. Выходцы из западных областей УССР проходили дополнительный четырехнедельный курс обучения при соединении специального назначения «Бранденбург-800» в местечке Алленцзее, и после окончания перебрасывались с заданиями в Советский Союз. Переброску таких агентов осуществляла специальная резидентура через переправочные пункты в Венгрии и Словакии.

После начала войны школа была расформирована, большая часть ее агентуры была направлена в Нойхаммер, в соединение «Бранденбург-800», оставшиеся в школе были переданы на укомплектование фронтовых команд и групп абвера.

Разведывательно-диверсионная школа в городе Штеттин

Штеттинская разведывательно-диверсионная школа была организована в декабре 1940 года АСТ «Штеттин» и находилась в Штеттине.

Школа вела подготовку разведчиков-диверсантов и радистов для проведения подрывной работы в СССР. В школе учились поляки, чехи, литовцы и эстонцы, владевшие русским языком. Набор производился в лагерях военнопленных из числа военнослужащих польской и французской армий. Срок обучения — 6 месяцев.

Агенты проживали на отдельных городских квартирах, занятия проводились только в индивидуальном порядке или совместно с предполагаемым напарником. Агенты изучали радиодело, структуру Советской армии, ее вооружение и снаряжение, географию СССР, топографию и разведку, шифры и тайнопись, фотодело, устройство взрывных средств, мин и действие ядов и бактерий и способы их применения.

Первая заброска агентов в Советский Союз была произведена в феврале и мае 1941 года. Переброску через границу, главным образом в Прибалтику и Белоруссию, осуществляли сотрудники АСТ «Штеттин».

Агенты, забрасываемые в СССР, получали портативные радиостанции. В случае начала военных действий Германии против СССР агентам предлагалось менять свое местонахождение так, чтобы постоянно располагаться в тылу Советской армии на расстоянии 150–200 км от передовой.

Диверсионная школа в местечке Дальвитц

Диверсионная школа в местечке Дальвитц в 20 километрах от города Инстербурга (Восточная Пруссия) была организована в июне 1944 года и подчинялась АК-203. Условное наименование — «3 Коле-2», затем — «Мельдекопф «Вальдбуш».

Школа специализировалась на подготовке разведчиков и диверсантов из числа белорусов — членов Белорусской незалежницкой партии (БНП), Союза белорусской молодежи, Белорусской краевой обороны. Вербовку вели члены Белорусской Центральной рады (БЦР).

В школе одновременно в двух группах (ротах) — «Южной» и «Северной» — обучалось до 200 человек. Деление на роты производилось в зависимости от знания курсантами южной или северной частей Белоруссии. Срок обучения в школе составлял от 2 до 6 месяцев. В программу обучения входили строевая, тактическая подготовка, радиодело, подрывное дело, топография, материальная часть оружия. Выброска агентов осуществлялась самолетами люфтваффе группами от 5 до 30 человек в различные районы Белоруссии. Агенты получали задания от БЦР. Им

ставились задачи по вербовке антисоветски настроенных лиц в члены БНП, созданию повстанческих отрядов, установлению связи с действующим польским национальным подпольем на территории Западной Белоруссии. При вербовке белорусов десантникам было поручено разъяснять, что необходимо вести активную борьбу с Советской властью, т. к. Германия терпит поражение. Также надо было объяснить, что руководство БЦР и БНП ориентируется на англичан, которые столкнутся с СССР, и что в Париже БНП ведет с ними переговоры.

В конце марта 1945 года школа размещалась в Чехословакии, на горе Шварценберг, близ города Трутнов (Траутенау). В конце апреля 1945 года орган переехал в селе Кляйне Изель, где все белорусы были разоружены чешскими партизанами. Руководство школы распустило курсантов, и они направились в сторону наступающих англо-американских войск. В начале мая 1945 года большая часть слушателей была захвачена советскими войсками, и некоторые из них, скрыв свою принадлежность к немецкой разведке, внедрились в советские части.

Диверсионная школа в местечке Гемфурт

Школа подготовки подростков-диверсантов в местечке Гемфурт близ города Касселя была организована в июле 1943 года АК-203 и именовалась «Зондеркоманда «Гемфурт».

Школа вербовала 13-17-летних агентов обоего пола из детских домов Орши и Смоленска. Ребят вербовали, объясняя им, что они вступают в РОА, девочкам объясняли, что им предстоит обучаться на курсах медсестер. Завербованных направляли в деревню Сметово под Оршей, затем вывозили в Германию. Вербовка агентов производилась унтер-офицером Шимеком и военнопленными из военной части, располагавшейся в деревне Сметово. После прибытия в школу и предварительной психологической обработки всем объявляли, что из них будут готовить агентов-диверсантов. Подростков склоняли к согласию и окончательно оформляли вербовку.

В школе одновременно обучались 25–75 человек. Срок обучения — 1–2 месяца, некоторые воспитанники обучались 6 месяцев и более.

Подросткам преподавали методику совершения диверсий, обучали пользованию специальными средствами, в школе также велись занятия по строевой и физической подготовке.

Заброска подростков-диверсантов производилась АК-203 самолетами со Смоленского и Минского аэродромов. Агенты

забрасывались парами в гражданской одежде и без документов. В советском тылу подростки должны были выдавать себя за потерявших родителей.

Диверсанты снабжались взрывными устройствами, закамуфлированными под куски каменного угля, и получали задание по совершению диверсий на железных дорогах, питающих центральный участок фронта.

В первые дни августа 1944 года более 60 выпускников школы были заброшены на территорию Белоруссии. Агенты были снабжены взрывчаткой, замаскированной под куски каменного угля, суммами советских дензнаков по 400–450 рублей и пропусками для возвращения через линию фронта.

В феврале 1944 года школа была переведена из Гемфурта в замок Бишофсфельден, в 6 километрах от города Конин, где продолжала вести подготовку агентуры. В августе 1944 года школа передислоцировалась в город Жгув, где часть агентуры и преподавательского состава была захвачена советскими войсками.

В начале 1945 года остатки школы переместились в Луккенвальд и объединились с зондерлагерем абвер-2.

Помимо Гемфуртской школы существовал ряд аналогичных школ и курсов по подготовке малолетних разведчиков и диверсантов. Особым отделом НКВД Калининградского фронта в марте 1942 года отмечалось, что в деревне Телешево существует спецшкола по подготовке агентов из числа подростков.

Бобруйская спецшкола готовила разведчиков широкого профиля. В райгородке подростков натаскивали на ведение разведки ближних тылов Красной армии. Школа в городе Славянске обучала агентов-разведчиков ближнего и дальнего тыла. В Краснодарской элитной спецшколе готовили диверсантов-парашютистов из молодежи 14–20 лет. В Орше обучали подрывников-диверсантов. По неподтвержденной информации с 1942 года в Краматорске немецкие спецслужбы начали подготовку «спящих» агентов-подростков на длительное оседание в советском тылу.

Школа диверсантов в местечке Обервальтерсдорф и Кайзервальд

В конце 1944 года абвером был создан 1001-й гренадерский полк, который готовил разведчиков и диверсантов для работы в советском тылу. Полк представлял собой два учебно-тренировочных лагеря (отделения). 1-е отделение

дислоцировалось в местечке Обервальтерсдорф южнее Вены, в католическом замке, и готовило агентов-диверсантов из военнопленных и добровольцев.

2-е отделение располагалось в местечке Кайзервальд, затем — в селе Гайстель, в 50 километрах от города Грац (Австрия) и готовило агентов-диверсантов и разведчиков из албанцев, венгров и уроженцев Югославии. В отделении обучалось до 300 человек, курс обучения составлял 6 недель.

Курсантам преподавалось подрывное дело, они изучали взрывчатые вещества, топографию, стрелковое оружие, занимались строевой подготовкой. После окончания школы курсанты забрасывались в советский тыл.

В начале мая 1945 года подготовка агентуры была прекращена.

Разведывательно-диверсионная школа в Берлине

Эта спецшкола была создана абвером в октябре 1944 года и именовалась «Школой вильного козацтва». Школа вела обучение агентов-пропагандистов, разведчиков, диверсантов и радистов для действий в составе подразделений УПА в советском тылу и для внедрения в советские партизанские отряды. Слушатели вербовались из среды украинских националистов и остарбайтеров на заводе «Кабельверке», производстве фирмы «АЕГ», химическом заводе и пр.

В школе одновременно обучалось до 250 человек, треть из которых были женщины. Слушатели были разбиты на группы по 20–30 человек в зависимости от специализации — радисты, разведчики и т. д. Выпускники школы забрасывались в районы действий ОУН — УПА, где должны были создавать диверсионно-повстанческие отряды и совершать теракты.

В марте — апреле 1945 года школа передислоцировалась на две недели в Чехословакию, затем — в Австрию, где была расформирована. Курсанты санитарной группы были захвачены советскими войсками в районе Берлина.

Разведывательно-диверсионная школа в городе Луккенвальд

Была создана в ноябре 1941 года в 55 километрах от Берлина и непосредственно подчинялась отделу «Абвер-2» управления «Абвер (заграница)». Школа располагалась на окраине города, на территории общего лагеря военнопленных офлаг-ША. Школа

специализировалась на подготовке агентов-диверсантов для действия в ближнем и глубоком тылах Советской армии.

Одновременно в школе обучалось 100–250 человек, срок обучения — от 2 недель до 1 года.

Курсанты школы были разделены на группы от 2 до 40 человек, преимущественно по национальному признаку. В лагере также существовали несколько смешанных групп, одна из которых была офицерской. В разное время в школе насчитывалось от 4 до 15 групп агентов, обучение которых шло раздельно.

На теоретических занятиях агенты изучали взрывные вещества и зажигательные устройства, различное стрелковое оружие. Практические занятия проходили под Бранденбургом, где агенты учились взрывать и поджигать макеты объектов, и здесь же велись стрельбы из всех видов оружия.

Выброска агентов производилась школой самолетами с Пражского аэродрома и аэродрома в местечке Амбур (Чехословакия).

Диверсионные группы для действий в глубоком тылу «Советов» подбирались из проверенных агентов. Их готовили для создания повстанческих отрядов в среднеазиатских республиках СССР, давали задание на совершение диверсий на железнодорожных магистралях, крупных промышленных предприятиях.

Летом 1943 года офлаг-ША был реорганизован в зондерлагерь. Теперь он являлся основной базой вербовки агентуры для всех абверкоманд и разведывательно-диверсионных школ. В нем содержались завербованные агенты, проходившие предварительную проверку и обработку перед направлением в команды абвера и школы. Здесь же содержались агенты, не востребованные абверкомандами.

В мае — июне 1944 года в местечке Зуль близ города Живец (Польша) был организован филиал Луккенвальдского лагеря, куда направляли всех агентов из числа кавказцев и уроженцев Средней Азии. Неподалеку шло обучение агентов-радистов.

В октябре 1944 года этот лагерь был подчинен АК-202, в ноябре 1944 года все агенты (кроме радистов) были переданы в распоряжение АГ-217. Вместе с ней они выехали в Чехословакию, затем в Югославию, где вели борьбу против партизан. В это же время АК-202 в местечке Зуль организовала обучение украинских диверсантов (50 человек). В середине февраля 1945 года курс переехал в Луккенвальд и объединился с зондерлагерем. Украинские агенты забрасывались в ближние тылы Советской армии с диверсионными заданиями, им также поручалось устанавливать связь с УПА и совместно с ней вести борьбу.

В марте 1945 года группа агентов (36 человек) была направлена в АГ-203 в селе Лесковец (Чехословакия), откуда все они были переброшены в советский тыл с заданием по организации повстанческих отрядов на Украине.

В это же время основная часть лагеря переехала из Луккенвальда в местечко Бад-Либенштайн, другая часть — в город Бойзенбург близ Шверина.

Разведывательно-диверсионная школа в городе Толмеццо

Была организована в Кракове, позже переброшена в город Новогрудок (Белоруссия) и прикомандирована к штабу походного атамана казачьих войск, в октябре 1944 года переведена в Северную Италию — в Казачий стан, в январе 1945 года разместилась в городе Толмеццо. Именовалась «Казачья парашютно-десантная школа особой группы «Атаман», конспиративное название — «Казачья авто-мотошкола». В школу набирались казаки и казачки в возрасте от 20 до 30 лет, имевшие спортивную подготовку и законченное среднее образование. Для поступления в школу требовалась аттестация от командования частей, в которых ранее служили кандидаты в курсанты, с характеристикой их политической благонадежности. Особую часть школы составляла группа из малолетних сирот-казачат. Попадая в школу, каждый курсант получал часто менявшийся псевдоним или придуманный цифровой номер.

В программу обучения будущих разведчиков и диверсантов входила общая подготовка: умение владеть огнестрельным оружием различных систем, метанию гранат, рукопашному бою и специализированная подготовка: знание радио-и телефонной службы, изучение различных видов сигнализации. В школе велась полная подготовка боевиков-снайперов, подрывников, медсестер, связисток, копировальщиц, шифровальщиков, переводчиц и т. п.

В школе одновременно обучалось до 80 человек, разделенных на две группы. Срок обучения в школе — 3–6 месяцев. За время своего существования школа успела сделать лишь один полный выпуск. Второй набор, состоявшийся в апреле 1945 года, пройти учебный курс не успел. После окончания агенты направлялись в город Трутнов (Траутенау, Чехословакия), откуда перебрасывались через линию фронта.

В конце войны школа вместе с Казачьим станом передислоцировалась в Австрию — в зону английской оккупации.

В первые дни после капитуляции, по распоряжению английского командования, ее состав был направлен в город

Мильштадт якобы для повышения знаний, для будущей службы в британских парашютных частях. По прибытии в город Шпиталь курсанты и преподаватели были окружены солдатами и разоружены.

21 мая 1945 года якобы по ходатайству основателя школы генерала Шкуро группа «Атаман» была освобождена и избежала репатриации.

Разведывательно-диверсионная школа в городе Рованиеми

Школа подготовки разведчиков и диверсантов в 9 километрах от города Рованиеми была организована в феврале 1943 года АГ-214, действовавшей при 20-й армии в Финляндии. Школа готовила разведчиков, диверсантов и радистов, способных действовать в условиях Севера. Школа комплектовалась агентами, прошедшими подготовку в разведывательно-диверсионных школах в местечках Вяцати и Вихула. Часть слушателей вербовалась в лагерях военнопленных в Риге и Рованиеми. Одновременно в школе обучалось 20–50 человек, разделенные на 5 групп. Каждая из групп готовила агентуру для действий в определенном тыловом районе Советской армии, и именовались они соответственно: ленинградская, петрозаводская, кандалакшская, мурманская и архангельская. Каждая из групп насчитывала 6–8 человек. Курс обучения в школе составлял 1–3 месяца.

До заброски в советский тыл агенты проверялись на боевой работе — им поручалась разведка советского переднего края и захват «языков». Агенты, успешно выполнявшие такие поручения, считались надежными, и их забрасывали в советский тыл.

Переброска велась самолетами и пешим порядком в дальний и ближний советский тыл Советской армии на Карельском и Ленинградском фронтах.

В конце 1943 года школа была расформирована. Группа агентов, подготовленных для действий на Ленинградском фронте, была направлена в Хельсинки, в распоряжение военной организации «Финляндия». Оставшиеся агенты вместе с начальником школы выехали в Сулеювек в распоряжение штаба «Валли», после чего были направлены в АГ-204.

Разведывательно-диверсионная школа в местечке Вано-Нурси

Была организована в июле 1942 года в местечке Вано-Нурси,

в 10 километрах от города Выру (Эстония) и условно именовалась «Малепартус». Школа подчинялась АК-204, действовавшей на северном направлении. В школе готовили диверсантов, разведчиков и организаторов повстанческого движения в советском тылу, а также формировались десантно-штурмовые группы для захвата стратегических объектов и проведения терактов против советского офицерского состава. В школе также проходили обучение агенты, предназначенные для внедрения в партизанские отряды.

Вербовка агентуры происходила под предлогом набора добровольцев в РОА. Вербовали агентуру немецкие офицеры и русские сотрудники школы Соловьев и Волжанин. В большинстве случаев добровольцами становились антисоветски настроенные лица из населения оккупированных областей и из военнопленных Кингисеппского, Таллинского и Рижского лагерей. Первый набор был произведен из личного состава разведшкол в местечке Балдоне, Вяцати и Валги.

Основным предметом учебной программы было подрывное дело. Будущие диверсанты подробно знакомились со свойствами взрывчатых и зажигательных веществ. Агенты также занимались строевой, тактической и физической подготовкой, изучали стрелковое оружие, основы топографии. Занятия проходили под наблюдением немецких офицеров, вели их преподаватели и командиры взводов. На практических занятиях отрабатывалось взаимодействие всех членов диверсионных групп при совершении диверсионного акта, прикрытия ее членов, уничтожения часовых. Для этих целей строились макеты ангаров, мостов и других объектов.

После окончания школы все агенты разбивались на группы по 3-12 человек и получали форму Советской армии и НКВД, вооружались и отбывали в Псков в распоряжение АК-204. Здесь они получали боевые задания и инструктаж.

В июне 1943 года школа в Вано-Нурси была объединена со школой из местечка Вихула. С октября 1943-го по январь 1944 года объединенный орган был реорганизован. В октябре 1943 года 25 агентов были направлены в АГ-209, 9 преподавателей отбыли в распоряжение штаба «Валли-I», откуда некоторые из них были переведены в АК-106. Остававшиеся в школе агенты и преподаватели в ноябре 1943 года переехали в деревню Дихшино, в 5 километрах от города Печоры, где находились до конца сентября 1943 года. В конце декабря 1943 года школа была разделена на два лагеря. 1-й лагерь именовался «Михель». Здесь велось обучение агентов по общеобразовательным предметам. Закончив курс, агенты направлялись во 2-й лагерь — «Петер»

(позднее переименован в «Май») — для обучения методике ведения разведки и диверсиям. Закончившие курс перебрасывались в советский тыл.

С января 1945 года школа отступала за немецкой армией и последовательно располагалась в г. Штольп, Лойц и имении Грезобаха — в 3 километрах от г. Нойебранденбург.

Разведывательно-диверсионная школа в местечке Вихула

Была организована в октябре 1941 года при АГ-212 и первое время размещалась на территории Эстонии, в 30 километрах от города Раквере. В школе готовили агентов-диверсантов и радистов для разведывательной работы и совершения диверсионных актов в советском тылу. Агентов вербовали сотрудники школы в лагерях военнопленных в Риге, Гатчине, Саласпилсе и Сиверской. В первое время в школу поступали агенты, прошедшие предварительную подготовку в диверсионной школе в местечке Вяцати (Латвия). Одновременно в школе училось 30–50 агентов. Обучение продолжалось 2–3 месяца. В курс обучения входили разведывательное и диверсионное дело, топография, военная подготовка, парашютное дело и немецкий язык. Радисты изучали радиодело. В период обучения из агентов комплектовались группы по 4–6 человек, один из которых был радистом.

Окончившие школу и ранее укомплектованные группы агентов направлялись в Таллин, Ригу, Псков, станцию Сиверская в распоряжение АК-204 и подчиненных ей абвергрупп. Выброску агентов осуществляли на самолетах с Псковского, Рижского и Сиверского аэродромов, а также пешим переходом линии фронта. Агентуре поручалось совершать диверсии на железнодорожных магистралях, питающих Северо-Западный фронт, вести сбор информации о дислокации воинских частей, аэродромов и складов.

В начале апреля 1943 года школа в полном составе перебралась на территорию Ленинградской области, а затем 15 июня 1943 года была переведена в местечко Вано-Нурси (Эстония) и целиком вошла в состав действовавшей там диверсионной школы.

Разведывательно-диверсионная школа в местечке Вяцати

Была организована в октябре 1941 года, условно именовалась

лагерь «А» и входила в подчинение АСТ «Остланд». Школа дислоцировалась в местечке Вяцати, в 18 километрах от Риги в лесистой дачной местности на берегу Рижского залива. В школе проходили предварительную подготовку диверсанты и радисты, готовились разведчики для внедрения в партизанские отряды. Первое время в школе обучались две группы агентов по 15–16 человек, состоявшие исключительно из немцев и эстонцев, и группа для террористической деятельности в советском тылу.

В мае 1943 года школа размещалась в местечке Улброк, в 12 километрах от Риги. В это время агентура вербовалась из числа военнослужащих РОА. Отобранные для обучения лица доставлялись на переправочный пункт в Риге или непосредственно в школу, где вербовка оформлялась окончательно. Одновременно в школе обучалось до 150 человек. Срок обучения — 1–2 месяца. Курсанты были разбиты на две группы: группа «С» — диверсанты, радисты (до 10 человек), группа «П» — агенты-провокаторы для внедрения в партизанские отряды. Занятия групп проводились раздельно.

Одно время в школе существовала группа «И», в которой велась подготовка агентов-пропагандистов, вербовавшихся из граждан на оккупированной территории. Часть этой агентуры была направлена на работу в редакции русских газет и в качестве агитаторов в различные национальные формирования.

Агенты из группы «П» использовались АСТ «Остланд» в борьбе с партизанами. Группами по 3–5 человек и в одиночку они направлялись в районы действий партизан с задачей внедряться в отряды под видом бежавших из лагерей или окруженцев.

Агенты разведчики и диверсанты после окончания школы направлялись в местечко Приедайне, на пункт отдыха. Здесь им давали 8-15 дней отдыха, улучшенное питание и спиртное, устраивали экскурсии и посещения кино и театров, исподволь проверяя их готовность к заброске. Агенты направлялись в распоряжение АК-204 и АГ-214, после чего самолетами с Рижского и Псковского аэродромов перебрасывались в советский тыл.

Летом 1944 года деятельность АСТ «Остланд» значительно сократилась и школа в местечке Вяцати была расформирована.

Диверсионная школа в местечке Балдоне

Диверсионная школа в местечке Балдоне, в 33 километрах от Риги, была создана в июне 1942 года и находилась в распоряжении АСТ «Остланд». В школе учили ремеслу агента-

диверсанта и радиста. Курсанты поступали из школ в местечках Вяцати, Вихуле и Вано-Нурси. Число одновременно обучавшихся не превышало 35 человек. Срок обучения колебался от 1 до 2 месяцев. Агенты на практике изучали стрелковое дело, методику подрыва объектов, метание гранат, топографию и работу на радиостанциях. На занятия по подрывному делу курсанты выезжали в Ригу, где на железнодорожных мостах им показывали, как более выгодно заложить заряд. Учащихся в школе сводили в группы по 5–8 человек, в числе которых были радист и старший группы.

Каждая группа агентов проживала в отдельной комнате. За неделю до заброски занятия проводились с укомплектованной группой. На этих уроках отрабатывались способы выполнения поручений и легенды, под прикрытием которых агентам предстояло действовать в советском тылу. Переброска групп производилась группами с Рижского аэродрома с заданиями — совершать диверсии в тылах Ленинградского и Калининского фронтов. Диверсанты получали по 100–120 килограмм взрывчатки, оружие, фиктивные документы, деньги и обмундирование офицеров Советской армии.

О результатах своей работы агенты должны были сообщать по радио. Для выполнения задания устанавливался срок 2–3 недели, после чего агенты были обязаны вернуться к своим шефам.

Разведывательно-диверсионная школа в Минске

Была организована в сентябре 1943 года АК-203 и именовалась «Группа по разложению», действуя под прикрытием «Школы переводчиков», затем «Школы пропагандистов».

Школа готовила агентов-пропагандистов, разведчиков, диверсантов, террористов и радистов. Состав курсантов был разделен на четыре группы, руководили которыми Павлов, Волков, Николаев и немец Мюллер. Группы самостоятельно вели подготовку агентов и размещались отдельно друг от друга. В каждом подразделении насчитывалось 20–30 человек. Срок обучения составлял от 3 до 6 месяцев. Программа обучения у групп была одинаковой, агенты изучали взрывчатку и методику совершения диверсий и терактов, топографию, радиодело, военное дело.

Группа Павлова готовила пропагандистов для ведения антисоветской пропаганды и разложения советского тыла. На практических занятиях агенты группы составляли антисоветские листовки и воззвания. Подготовка пропагандистов велась в

тесном контакте с командованием РОА, поэтому группу иногда именовали «Особая офицерская часть РОА».

После окончания школы агенты направлялись в распоряжение АК-203, где получали задания, экипировку и группами в 4-20 человек забрасывались в глубокий тыл СССР. В их задания входили задачи по созданию повстанческих отрядов из антисоветски настроенных лиц и дезертиров, организация нападений на штабы воинских частей и здания, где размещались органы власти и НКВД, совершение диверсий на военных объектах, теракты против руководящих советских и партийных служащих и офицеров, ведение разведки.

В июле 1944 года школа эвакуировалась в Польшу и разместилась в 60 километрах от Познани, в местечках Стрелкау, Кирхдорф и Вцика. В конце апреля 1945 года школа переехала в город Кирхгайм, где пребывала до апреля 1945 года. В середине апреля группа Павлова переместилась в Чехословакию, в район города Штраковицы, где в полном составе была захвачена советским 333-м воздушно-десантным отрядом. Деятельность остальных групп школы не установлена.

В мае 1944 года советская спецгруппа НКГБ «Березина» сообщила об очередном выпуске курсантов Минской спецшколы. В Центр сообщалось, что в данной школе обучаются в основном женщины в возрасте от 17 до 25 лет.

Некоторым из них в целях конспирации даны дети из детских домов. Набор слушателей производился через «Союз белорусской молодежи» (СБМ). Агенты засылались к партизанам под видом беглецов с окопных работ и беженцев, отказавшихся выехать на работу в Германию.

Разведывательно-диверсионная школа в Витебске

Действовала при АГ-210. Дислоцировалась под Вязьмой, в деревне Добрино Витебской области, и вела подготовку агентуры для проведения подрывной и разведывательной работы в тылу советских войск. Агентура вербовалась сотрудниками абвергруппы из советских военнопленных в лагерях в Вязьме и Дорогобуже. Количество обучающихся — до 50 человек, срок обучения — 3–4 месяца. Переброска агентов в тыл Советского Союза производилась самолетами со Смоленского аэродрома и пешим порядком группами по 5–8 человек.

Агентура получала задания — производить диверсии на коммуникациях Западного и Калининского фронтов. С момента переезда АГ-210 в деревню Москаленки Витебской области в

декабре 1943 года она прекратила подготовку и заброску агентов в советский тыл и главным образом занималась борьбой с партизанами.

Диверсионная школа в Смоленске

Была организована в декабре 1941 года АК-203 и условно именовалась «Лагерь МТС».

Школа готовила агентов-диверсантов для проведения диверсий и организации повстанческого движения в тылу СССР, а также принимала участие в антипартизанских операциях. Летом 1942 года был открыт филиал школы в местечке Красный Бор близ Смоленска и функционировал там до октября того же года. С марта 1943 года при школе действовали курсы подготовки агентов-радистов.

Курсанты школы вербовались из советских военнопленных в лагерях Смоленска и Орши, а также из местных жителей.

Первое время школа была разбита на три взвода: 1-й — учебный, в нем готовились диверсанты, 2-й — комендантский, его состав охранял школу и занимался оборудованием лагерей, 3-й — хозяйственный. Каждый взвод насчитывал по 20–25 человек.

В декабре 1942 года школа была реорганизована. На базе взводов были развернуты роты, численный состав которых достигал 100 человек в каждой. Была создана 4-я рота для предварительной проверки и подготовки новичков перед их поступлением в учебную роту. Кроме того, личный состав 4-й роты шел на пополнение агентуры абвергрупп и мельдекопфов АК-203. В мае 1943 года была организована еще одна подготовительная рота. Срок обучения в школе колебался от 5 дней до 2 месяцев. Во время обучения курсанты подготовительных и комендантской рот принимали участие в антипартизанских операциях.

После окончания школы диверсантов забрасывали с диверсионными заданиями на коммуникации Прибалтийского, Западного и Белорусских фронтов. В 1944 году несколько групп агентов по 20–30 человек были десантированы над территорией Брянщины и Прибалтики с заданиями по организации повстанческих отрядов.

В августе 1943 года школа переехала в село Сметанка, в 18 километрах от Орла. Здесь большинство агентов из учебной роты перешли к партизанам, в результате чего со своих постов были смещены начальник АК-203 и начальник школы лейтенант Бухгольц.

В октябре 1943 года школа переехала под Минск и находилась здесь до конца июня 1944 года. Далее школа следовала по маршруту Вильнюс — ст. Поречье — г. Конин (Чехословакия). В начале августа 1944 года школа прибыла в местечко Подембице близ Лодзи и до сентября 1944 года располагалась в замке. Осенью 1944 года комендантская и подготовительные роты были расформированы, часть их состава была переведена в хозяйственную и учебную роты, часть курсантов выбыла в РОА.

В октябре — декабре 1944 года школа подготовила 100 агентов-диверсантов из литовцев и забросила эту группу в Литву. В конце января 1945 года школа пешим порядком вышла в Луккенвальд и в феврале прибыла в него. Через несколько дней она выбыла через порт Данциг в Свинемюнде близ Штеттина и перешла в подчинение АК-204.

В конце марта 1945 года в местечке Винненвальде в 60 километрах от Берлина школа была расформирована, личный состав передан в РОА.

Диверсионная школа в городе Орле

Действовала при АГ-207. Школа активно готовила агентов-диверсантов во время пребывания в Орле и в деревне Плещеево Орловской области в апреле 1942 — августе 1943 годов. Количество курсантов доходило до 40 человек. Срок обучения — от 2 недель до 6 месяцев, в зависимости от успеваемости агента и потребности в них.

Переброска агентов в советский тыл производилась сотрудниками абвергруппы пешим порядком группами по 2–5 человек. Перебрасываемые в тыл агенты получали задания совершать диверсии на коммуникациях Западного и Белорусского фронтов.

Разведывательная школа в Полтаве

Была организована в начале 1942 года и находилась в подчинении АК-202, полевая почта 57278. Школа занимала здание бывшей трикотажной фабрики, затем — школы-семилетки. В середине октября 1942 года в связи с расшифровкой ее деятельности населением переведена в дачный поселок Померки близ Харькова и пребывала здесь в бывшем дачном поселке НКВД. С февраля 1943 года переведена в дачный поселок

Пуще-Водица близ Киева.

Школа занималась подготовкой агентов-разведчиков и радистов. Вербовка происходила на конспиративных квартирах в Киеве и Полтаве.

В Киеве унтер-офицером Майером (он же Мильчевский) была создана сеть вербовщиков-наводчиков, которые подбирали кандидатуры среди местных жителей и под видом устройства на работу направляли их на конспиративные квартиры, где происходила вербовка. Майером также практиковались аресты кандидатов по малозначительным поводам. После непродолжительного содержания под стражей их вынуждали давать согласие на сотрудничество с абвером.

В Полтаве вербовщиком школы была некая Феня. Она знакомилась с безработными, изучала их и под видом трудоустройства направляла на конспиративные квартиры, где происходила вербовка и направление в школу.

Вербовки потенциальных агентов производились в лагерях военнопленных в Киеве, Полтаве, Умани и других населенных пунктах Украины. Окончательная вербовка агентов происходила в школе, где на новичков заполнялась анкета и бралась подписка о сотрудничестве.

Одновременно в школе обучалось до 60 человек, среди которых была женская группа.

Срок обучения агентов-разведчиков — 1–2 месяца, радистов — 2–4 месяца. После окончания школы агенты перебрасывались самолетами и пешим порядком в советский тыл. Переброска агентуры происходила с Полтавского, Харьковского, Киевского и других аэродромов, а также передовыми постами на участках Северо-Кавказского, Донского и Юго-Западного фронтов. Агенты перебрасывались в советской военной форме или гражданской одежде группами по 2–3 человека, 1 — радист. Агенты, забрасываемые для разведки прифронтовой полосы, рациями не снабжались и должны были лично доложить о выполнении задания. Срок на выполнение поручения — 5–6 дней.

В день выброски агенты получали задания и инструктаж, после этого к общению с другими агентами они не допускались.

Возвратившиеся с задания агенты иногда направлялись обратно в школу, где готовились для повторной заброски.

В июле — августе 1943 года школа передислоцировалась на остров Хортица, в район Запорожья, и официально именовалась «Вахткоманда». В августе 1943 года школа располагалась в селе Глушеницы под Винницей и здесь вошла в подчинение АК-101. В январе 1943 года она перебралась в село Бржуховица под Львовом, с мая по август перемещалась по маршруту Львов —

Краков, с августа по декабрь того же года располагалась в районе города Катовицы.

С конца 1944 по март 1945 года школа размещалась в селах Пусвитц и Шесный близ города Хомутов (Чехословакия), в начале мая 1945 года размещалась в селе Тмань, в 30 километрах от Праги, где прекратила свою деятельность.

Диверсионная школа в городе Конотопе

Школа диверсантов в городе Конотопе действовала при АГ-205. В середине 1943 года, располагаясь в деревне Желдаки, в 18 километрах от Конотопа, школа активизировала подготовку агентов. Агентура вербовалась официальными сотрудниками абвергруппы в лагерях военнопленных в Киеве (Дарницкий район), Конотопе, Ромнах, Калинковичах, Мозыре, Лининце и Молодечно. Одновременно в школе обучалось 30–60 человек, срок их обучения — 1–2 месяца.

Выброска агентов в советский тыл производилась сотрудниками абвергруппы на самолетах и пешим порядком группами по 2–4 человека. Агенты получали задания по совершению диверсий на коммуникациях 1-го Украинского, Белорусского и Западного фронтов.

Диверсионная школа в городе Запорожье

Была создана АК-202 в августе 1943 года и размещалась на окраине города. Школа готовила агентов-диверсантов, террористов, пропагандистов и организаторов повстанческого движения для действий в глубоком тылу СССР.

В ноябре 1943 года школа передислоцировалась в село Юзвин Винницкой области, в феврале того же года — в местечко Родван близ Львова, в апреле 1944 года — в местечко Ландскорона близ Кракова.

Вербовка агентов проходила в лагерях военнопленных в Лодзи, Ласке и Крейцбурге. Помимо военнопленных, в школе учились члены ОУН, НТС, а также члены «Всероссийской партии национального возрождения» (ВПНВ). Вербовку последних вел один из руководителей этой партии, Обухов. С сентября 1944 года, в связи с отсутствием у ВПНВ массовой поддержки и членства, Обухова заменили члены НТС Данилов, Алексеев и Смирнов.

Агенты из военнопленных, завербованные в школу, давали

присягу на верность. Одновременно в школе обучалось от 20 до 50 человек, срок их обучения составлял от 1 до 2 месяцев.

После окончания учебного курса агенты поступали в распоряжение АК-202, где получали задания, необходимое снаряжение и ожидали переброски в советский тыл. Заброска агентов в глубокий тыл СССР производилась самолетами. Агентам поручалось вести антисоветскую агитацию, формировать повстанческие отряды из оставшихся в лесах военнослужащих РОА и дезертиров, совершать диверсионные и террористические акты.

В 1944 году школой была подготовлена и заброшена группа агентов во главе с Поповым Алексеем, которая в районе Брянска объединилась с другой группой диверсантов, заброшенных ранее АК-203.

В августе 1944 года школа передислоцировалась в город Радом (Верхняя Силезия), где располагалась до февраля 1945 года. В это же время по указанию абверкоманды-202 были отчислены из школы около 30 агентов — членов НТС и во главе с Даниловым выехали в город Меттиххофен (Бавария). Дальнейшая судьба этой группы неизвестна. В феврале школа переехала в город Райхенберг (Судеты) и разместилась в гостинице «Бергхоф». В апреле 1945 года она была расформирована, личный состав направлен в части РОА.

Разведывательно-диверсионная школа в поселке Симеиз

Была организована в мае 1943 года АК НБО и размещалась в бывшем санатории ВЦСПС на берегу моря. Школа готовила разведчиков-диверсантов для подрывной работы на Кавказе. Агентура вербовалась из коллаборационистов, служивших в различных инонациональных формированиях вермахта и советских военнопленных — уроженцев Грузии, в лагерях Северного Кавказа и Крыма. Одновременно в школе обучалось до 120 агентов. Все курсанты школы были разделены на три группы: 1-я — разведчики-диверсанты (до 100 человек), 2-я — морская группа (до 15 человек), 3-я — радисты (4–6 человек). Группа будущих диверсантов была разбита на отделения в соответствии с местом жительства агентов до войны. Занятия в группах велись раздельно.

Разведчики-диверсанты изучали саперное, стрелковое и подрывное дело, разведку и тактику, занимались строевой подготовкой. В морской группе изучались морское дело, навигация, двигатели и вооружение военных кораблей, методы

разведки на море.

Во второй половине сентября 1943 года в связи с разоблачением нескольких агентурных групп, пытавшихся организовать побег к партизанам, весь личный состав школы (кроме морской группы) был направлен в город Демблин и распределен по национальным формированиям. Морская группа во главе с начальником органа выбыла в город Подгорицу (Югославия), где вела борьбу с партизанами.

В мае 1944 года морская группа выехала во Францию, где влилась в состав одного из грузинских остбатальонов. В августе 1944 года личный состав батальона оперировал в районе города Кастр, где был разоружен немцами и в последних числах августа 1944 года пленен французскими партизанами. Впоследствии многие члены этого формирования были переданы советской стороне.

Разведывательно-диверсионная школа в местечке Бешуй

Была создана в мае — июне 1943 года АК НБО и располагалась в одном крестьянском доме в местечке Бешуй (Крым).

Школа готовила разведчиков-диверсантов для действий на Северном Кавказе и была укомплектована бывшими полицейскими и старостами, а также военнопленными из лагерей Северного Кавказа и Крыма. Агентов в школу вербовали руководитель Карачаевского национального комитета Байрамуков, его заместитель Татаркулов и член комитета Лайпанов. Эти же лица следили за ходом обучения агентов.

Одновременно в школе обучалось до 200 человек. Все курсанты были разбиты на группы в 10–12 человек по национальному признаку. Так, в школе находились карачаевская, осетинская, балкарская, русская и иные группы, однако преобладали в школе уроженцы Карачая.

Занятия в школе начались в июле 1943 года. Агенты изучали подрывное и стрелковое дело, проходили парашютную подготовку и после 4–5 недель обучения на самолетах забрасывались в советский тыл. Самолеты взлетали с аэродрома в местечке Сарабуз близ Симферополя. Агентам давались задания по проведению терактов.

Во второй половине 1943 года школу расформировали, а агентов направили в распоряжение Карачаевского национального комитета.

Разведывательно-диверсионная школа в местечке Тавель

Была создана в конце 1942 года АК НБО и размещалась в местечке Тавель, в 18 километрах от Симферополя. Школа готовила агентов-радистов и разведчиков-диверсантов для подрывной работы в советском тылу на Кавказе и была укомплектована антисоветски настроенными военнопленными, содержавшимися в лагерях Севастополя, Симферополя, Джанкоя, Ростова, Мариуполя, Георгиевска и других городов Кавказа и Крыма. В первую очередь вербовались уроженцы Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа. Часть агентов прибыла в школу из АГ-203.

Всего в школе насчитывалось до 150 курсантов, разделенных на взводы (группы) по 25–30 человек в каждом: агенты-радисты, разведчики-диверсанты, хозяйственный и два взвода охраны.

Личный состав взводов охраны, помимо караульной и гарнизонной службы, использовался для борьбы с партизанами в окрестностях местечка Тавель. Личный состав взводов обучался подрывному делу, строевой подготовке, после чего наиболее проверенных агентов направляли в группу радистов и разведчиков-диверсантов. Определенного срока для обучения в школе установлено не было, и выпуск подготовленных кадров производился в зависимости от их успеваемости и потребностей в агентуре.

По окончании школы агенты сводились в группы по 5–6 человек одной национальности и направлялись в штаб НБО в Симферополь, где получали задания и некоторое время продолжали занятия по программе школы. Часть агентов для более углубленной подготовки направляли в Варшавскую разведшколу. По окончании ее они снова возвращались в штаб НБО для переброски. Переброска агентуры производилась самолетами с аэродрома, расположенного близ Симферополя, а также через команды НБО, действовавшие в прифронтовой полосе.

В конце сентября 1943 года школа в полном составе переехала в село Марьяновку близ Симферополя, а оттуда вместе со всеми морскими разведкомандами в Одессу. В дальнейшем ее путь проходил через Румынию, с августа по октябрь 1944 года школа находилась в Венгрии.

В октябре 1944 года школа передислоцировалась в Австрию, в село Зоросдорф, в 35 километрах от Вены и впоследствии была расформирована.

Русская национальная народная армия

В 1942 году часть немецких военных кругов стала склоняться к тому, что войну против России можно выиграть, привлекая на свою сторону русских. Большое количество военнопленных, содержащихся в лагерях, могло при определенном подходе дать неограниченный людской резерв для формирования военных и полицейских частей. Большие потери, понесенные вермахтом за первый год войны на Востоке, заставили немецкое верховное командование изыскивать дополнительные пути по комплектованию частей «недочеловеками», несмотря на идеологические и расовые догмы Розенберга. Проводниками этой идеи на центральном участке Восточного фронта были генералы фон Шенкендорф, Штиф, полковник фон Штауффенберг, А. фон Ренне, барон Фрейтаг-Лорингхофен и другие. Под их патронажем был осуществлен проект, получивший наименование «Русская национальная народная армия».

С русской стороны инициатива формирования этой воинской части принадлежала берлинскому эмигранту, радиоинженеру Сергею Никитичу Иванову. Используя свои связи в среде немецкого военного руководства, Иванов предложил сформировать русскую часть для ведения антисоветской борьбы и последующего создания армии «Новой России».

Формирование части было построено по следующим принципам:

1. Формирования носят русский национальный характер, их основная задача — антибольшевистская борьба.
2. Офицеры и солдаты — русские.
3. Внутренний распорядок и проведение занятий ведутся на русском языке.
4. Униформа и снаряжение должны быть также русскими.
5. Все, попавшие в плен к новому формированию, рассматриваются прежде всего как пополнение, а не как потенциальные узники концлагерей.
6. У формирования должна быть возможность развернуться в крупное боевое соединение.
7. Формирование существует как первый шаг к определению лидера русского антисоветского правительства (желательно из числа советских военнопленных генералов).

Все эти идеи также нашли поддержку у абвера.

В марте 1942 года С. Н. Иванов заручился поддержкой командующего группы армий «Центр» фон Клюге и получил у него разрешение на отбор военнопленных из концлагерей, располагавшихся в тылу группы армий «Центр». В ставке верховного командования проект был утвержден. В Смоленске разместилась организационная группа, состоящая из соратников Иванова. В нее входили эмигранты: К. Г. Кромиади, И. К. Сахаров, И. Юнг, В. Весслер, священник о. Гермоген (Кивачук), граф Григорий Ламсдорф, граф С. Пален, граф А. Воронцов-Дашков, В. Соболевский. От немецкой стороны присутствовали представитель ставки обер-лейтенант Бурхардт с командой связи из 20 солдат, от разведки начинание курировал начальник абверкоманды-203 подполковник фон Геттинг-Зеебург.

Из этих людей был сформирован штаб акции, куда вошли сам С. Н. Иванов (псевдоним Граукопф — «Седая голова») — руководитель акции, И. К. Сахаров (псевдоним Левин) — заместитель Иванова, К. Г. Кромиади (псевдоним Санин) — комендант штаба.

В последующем начинание получило наименование «Русской национальной народной армии» (РННА), в донесениях советской разведки называется также «Зондервербанд «Граукопф» — спецподразделение «Седая голова», а также «Операция «Граукопф».

Местом постоянной дислокации был избран поселок Осинторф, располагавшийся в 6 километрах от станции Осиновка на железной дороге Орша — Смоленск в Белоруссии. В распоряжение «Граукопфа» был предоставлен заброшенный поселок торфоразработчиков, до войны рассчитанный на 10 тысяч рабочих.

Первая партия военнопленных из 20 человек послужила основанием для дальнейшего развертывания части.

Прием людей из лагерей шел на основе их добровольного желания. Агитаторы из РННА разъезжали по лагерям и выступали перед военнопленными, объясняя им задачи формирования. После записи шел отбор пригодных, который в основном сводился к беседе и последующему отсеву негодных кандидатур — ими считались летчики и танкисты. Этому способствовало предубеждение эмигрантов, убежденных в том, что эти рода войск РККА комплектуются исключительно надежными комсомольцами и коммунистами.

Начальник штаба РННА полковник Кромиади объезжал концлагеря, отбирая людей. Картина всюду была устрашающая — по немецким данным, за зиму 1941/42 года в лагерях умерло 80–

90 % военнопленных. В связи с таким положением в добровольцах недостатка не было. Некоторые авторы сообщают, что РННА была укомплектована в основном бывшими советскими военнослужащими из состава 33- й армии, 4-го воздушно-десантного и 1-го Гвардейского кавалерийского корпусов.

К осени 1942 года РННА была укомплектована бывшими советскими командными кадрами, и при надобности на ее базе можно было бы развернуть целую дивизию. Батальоны стояли в Осинторфе в гарнизонах «Москва», «Урал», «Киев», «Березино», «Шклов», подчинявшихся коменданту штаба К. Г. Кромиади. При этом была предусмотрена возможность развертывания каждого батальона до полка. К августу 1942 года РННА насчитывала 1500 человек. На вооружении у личного состава были винтовки Мосина и «СВТ», 180 ручных и 45 станковых пулеметов, 24 миномета, батарея 76-мм орудий (8 шт.), 45-мм орудия (8 шт.) и 2 бронемашины (БА-10 и БА-20). Существовало свое авиационное звено, но без самолетов.

В середине мая 1942 года Иванов и Сахаров предложили пост командира бывшему командующему 19-й армией генерал-лейтенанту М. Ф. Лукину. Генерал отказался от сотрудничества, как впоследствии он откажется и от более лестных предложений со стороны командования РОА.

По сведениям Б. Николаевского, внутренняя политика в РННА сводилась к национально-народолюбческой пропаганде и антибольшевизму. В отряде не только думали, но и говорили, что после свержения большевиков следующими будут немцы. Все это не могло оставаться незамеченным немецкими и советскими спецслужбами.

С первых же дней существования РННА стала объектом пристального внимания советских партизан. В первый период контакты заканчивались обоюдной агитацией и изъятием у осинторфовцев таких ценных в партизанском быте вещей, как оружие, табак или сапоги. Летом 1942 года РННА четыре раза выделяла свои подразделения для борьбы с партизанами. Такие «походы» крайне отрицательно влияли на личный состав, что в конечном итоге сыграло свою негативную роль.

Участие РННА в действиях против советских войск подтверждается крайне разноречивыми сведениями. В своих воспоминаниях об осинторфской эпопее К. Г. Кромиади рассказывает о боевой операции отряда РННА (300 человек) против окруженного под Ельней 1-го Гвардейского кавалерийского корпуса П. А. Белова в мае 1942 года. Автор сообщает, что при контактах бойцов РННА и конников происходили братания, перешел на сторону «народников»

разведотдел корпуса во главе с Героем Советского Союза старшим лейтенантом Князевым. После перехода Князев был назначен начальником разведки РННА, но через три месяца ушел к партизанам. По другой информации, разведотдел возглавлял совершенно другой человек, а Князев был командиром кавалерийского полка одной из дивизий корпуса и в плену никогда не был.

Противоположная информация приводится в воспоминаниях руководителей партизанских отрядов, сформированных НКВД. Так, в книге «Ненависть, спрессованная в тол» авторы пишут: «В мае 1942 года в отряд лейтенанта Ф. Ф. Озмителя от разведчиц-подпольщиц Г. Меерович и О. Рыловой поступило сообщение о том, что через ст. Красное в сторону Смоленска прошло два эшелона с офицерами и солдатами, одетыми в красноармейскую форму. Сообщение было передано в Центр, а оттуда — в штаб Западного фронта. Как выяснилось, под видом «окруженцев» действовали изменники Родины. Команда в 315 человек получила задание: пробраться в Дорогобужские леса и проникнуть в 1-й Гвардейский кавалерийский корпус генерала П. А. Белова, взять его в плен, а бойцов склонить к переходу на сторону немцев. Команда была разгромлена по пути десантниками-парашютистами 4-го воздушно-десантного корпуса генерала Казанкина в Вяземских лесах Смоленской области недалеко от станции Угра и Вертерхово железнодорожной линии Вязьма — Брянск — Занозная.

Так была раскрыта тайна особого формирования «Зондервербанд «Граукопф» («Седая голова»). Оно находилось, как было установлено, в поселках Осинторфа (Витебская область). Здесь готовили шпионов, террористов, диверсантов, лжепартизан и лжеподпольщиков». Не удался и захват самого Белова — ему удалось с малым числом конников прорвать кольцо и соединиться с основными частями РККА.

В мае 1942 года С. Н. Иванов заболел тифом и был отправлен на лечение в Берлин. Постепенно все эмигранты были удалены из руководства РННА.

Обстановка на фронтах, усиление патриотических настроений среди личного состава и грабительская немецкая политика по отношению к местному населению породили сомнения в умах многих бойцов и офицеров РННА. Начались переходы на сторону партизан. 24 февраля 1942 года ушел к партизанам в отряд Шмуглевского 31 боец. Осенью 1942 года ушли к партизанам бойцы под командованием Я. Г. Лебедя. В партизанскую бригаду Заслонова перешло 117 человек.

Во второй половине июля 1942 года рота РННА была

размещена в деревнях Новая Земля и Риги, вблизи автодороги Москва — Минск. Партизанская разведка подкинула записку с предложением о встрече командиру роты, однако тот не пошел на контакт, переправив партизанское послание начальству. Вскоре роту заменили на другое подразделение. Повторилась история с запиской, однако командир роты сам написал ответное послание «Нашим лесным братьям! «, в котором призвал прекратить военные действия и перейти на сторону «народников».

18 августа 1942 года в деревню Марково, где располагалась опергруппа НКВД БССР, прибыли парламентеры из РННА (3-я рота 1-го батальона гарнизона «Москва») для согласования перехода к партизанам своего подразделения во главе с бывшим старшим лейтенантом РККА Н. П. Максютиным. 11 августа добровольцы (80 человек) на подводах с 25 пулеметами и 3 минометами, боеприпасами, радиостанцией с немецким кодом, продовольствием вышли из деревни Новая Земля якобы для операции против партизан и к вечеру прибыли в деревню Марково. Партизаны были извещены прибывшими о предстоящей антипартизанской акции 286-й охранной дивизии и РННА в районе Витебск — Орша — Красное — Рудня — Витебск, а также о работе СД по переброске в советский тыл десантных групп. Всех перебежчиков развели по разным партизанским отрядам. Старший лейтенант Максютин в последующем принимал активное участие в партизанском движении и погиб в бою 28 декабря 1943 года.

С 1 сентября 1942 года командование РННА принял бывший командир 41-й стрелковой дивизии РККА полковник В. И. Боярский, начальником организационно-пропагандистского отдела был назначен бывший бригадный комиссар РККА Г. Н. Жиленков (он сразу же не сошелся характером с К. Г. Кромиади, по мнению последнего, Жиленков — «комедиант»). После смены руководства РННА Кромиади также покинул часть.

При новых командирах численность соединения выросла до 8 тысяч человек. Некоторые батальоны были сведены в полки, и РННА была расширена до бригады. Обзавелись собственной газетой-многотиражкой «Родина» и библиотекой. К концу 1942 года батальоны, составлявшие «армию», получили нумерацию с 633-го по 637.

В это время проводились антипартизанские рейды. 14 ноября 1942 года подразделения РННА уничтожили часть партизанского отряда в деревне Куповать. В бою погиб партизанский командир К. С. Заслонов.

По сведениям того же Б. Николаевского, в это время в РННА побывал инспектор от СС фон Зиверт, который не только провел

смотр, но и подробно беседовал с солдатами и офицерами. Зиверту понравилась «военная» часть формирования, однако внутренний настрой людей был, по его мнению, недопустимым. В ноябре РННА посетил с инспекцией генерал-фельдмаршал фон Клюге. Он был удовлетворен экспериментом. Им было предложено проверить боевые качества армии в бою, после чего два батальона были переброшены в район Березино для ведения антипартизанских операций. Для РННА все они закончились неудачей, но, несмотря на это, три батальона были переброшены на передовую. Им был отведен участок под Великими Луками для участия в прорыве кольца советского окружения. «Народники» не смогли выполнить эту задачу, были рассеяны и почти полностью истреблены советскими частями.

В конце октября в РННА прибыл генерал Герсдорф с приказом о дроблении «Граукопфа» на батальоны и переодевании личного состава в немецкую форму. Боярский и Жиленков подняли РННА по тревоге и продемонстрировали неподчинение, однако «свои» немцы уговорили изменить приказ. Дивизия СС, расквартированная в Шклове, окружила Осинторф, изъяла все оружие, и было проведено расследование по факту неповиновения. Недоразумение вскоре было выявлено, бригаде вернули все оружие. Той же ночью 300 человек с оружием ушли в лес к партизанам. Боярский и Жиленков были отстранены от командования и посажены под арест. Командиром бригады был назначен начальник штаба РННА майор Риль, которому немцы авансом присвоили звание полковника.

В ноябре 1942 года на сторону партизан ушло около 600 человек, из них 115 из артиллерийского дивизиона. Риль был отстранен от должности, арестован, и освободили его после заступничества русских эмигрантов. После ареста немцы расформировали русский штаб. РННА перестала существовать. Люди были переодеты в немецкую форму и переформированы в 700-й добровольческий полк. Полк вел бои с партизанами близ Шклова и Могилева. В 1943 году полк был переброшен во Францию. В 1944 году при отступлении немецкой армии командир полка полковник Каретти самовольно бросил свою часть, но командование принял майор А. М. Бочаров. Под его командованием полк занял крепость Лориан, где вел бои в окружении. 14 ноября 1944 года на первом заседании Комитета по освобождению народов России была зачитана радиограмма с поздравлениями от бывшего батальона РННА, запертого американскими частями в крепости Лориан.

Часть солдат РННА пошла на формирование остбатальонов «Днепр», «Припять», «Березина» и «Волга».

«… В июле 1942 года на крупную узловую станцию Лиски Воронежской области немцы сбросили десант в пятьдесят парашютистов, одетых в форму войск НКВД. Операция происходила ночью. Руководил ею майор Б.

Первым делом майор с несколькими офицерами и охраной захватили комендатуру. Получив нужные сведения, коменданта и его помощника парашютисты заперли в подвале. Под предлогом, что бывший комендант оказался «немецким агентом», начальнику станции приказали впредь подчиняться новому коменданту.

В это время на станцию прибыл воинский эшелон с подразделением дивизии, предназначенный для этого участка фронта. Начальника эшелона и всех командиров вызвали «на совещание» и всех задержали.

К утру с ближайшей станции потребовали принять следующий эшелон. Начальник станции по приказу нового «коменданта» дал согласие. Когда эшелон был уже в пути, со станции Лиски пустили ему навстречу поезд из нескольких товарных вагонов. Произошедшее вскоре крушение вывело из строя важную железнодорожную линию.

Находившемуся в городе батальону было приказано занять оборону на восточных окраинах и не пропускать к городу никакие части.

В штабе фронта поняли, что на станции творится что-то неладное. Туда была послана воинская часть. Она была остановлена. Ее командира доставили в комендатуру и арестовали.

К полудню к городу подошли передовые немецкие танки. Станция Лиски с воинским эшелоном и другими составами была занята почти без боя…».

Николаев А. В. («Так это было…»).

ДИВЕРСАНТЫ «ПРЕДПРИЯТИЯ ЦЕППЕЛИН»

В марте 1942 года Главным управлением имперской безопасности (РСХА) был создан разведывательно-диверсионный орган «Предприятие «Цеппелин». Основной задачей нового органа стала работа по дестабилизации советского тыла. Эту задачу пытались решить заброской подготовленной агентуры в тыловые районы СССР, имеющие важное оборонное и экономическое значение, а также в национальные республики, края и области для сбора информации о политическом положении в стране, проведения антисоветской и националистической пропаганды, организации повстанческого движения, осуществления терактов.

Немецкие разведорганы рассчитывали на активные мероприятия «Цеппелина», способные, по их мнению, дестабилизировать положение в тыловых районах воюющей страны.

Во время наступления немецких войск летом 1942 года на Северном Кавказе «Цеппелином» были десантированы на территориях Армении, Грузии, Азербайджана и республик Северного Кавказа агенты, подготовленные Евпаторийской разведывательно-диверсионной школой. Им вменялось создание повстанческих отрядов, распространение паники в тыловых районах и ведение разведки и диверсий.

2 октября 1942 года в Антроповском районе Ярославской области была задержана группа агентов-парашютистов, в прошлом военнослужащих РККА. У них были изъяты: радиостанция, один ящик с взрывчаткой, три гектографа, запас чистой бумаги для изготовления листовок, 177 600 рублей, запасные штатские костюмы, фиктивные документы и чистые бланки. Группа имела задания: создать группы из антисоветских элементов и при их помощи организовать диверсии на железнодорожном транспорте и иных объектах, теракты в отношении совпартактива, печатание и распространение листовок от имени «Боевого союза русских националистов» (БСРН), сбор и передачу по радио разведывательной информации. Все трое прошли обучение в разведывательно-диверсионной школе «Цеппелина» в местечке Яблонь (Польша).

2 октября 1942 года аналогичная группа была задержана в Тамбовской области. При группе были рация, ящик с взрывчаткой, 9 револьверов, гектограф, 200 листовок БСРН, 135 850 рублей, фиктивные документы и пр.

В середине лета 1943 года в Грузию были заброшены питомцы Аушвицкого лагеря «Цеппелина» с заданием

активизировать национальное меньшевистское подполье и вербовать антисоветски настроенных граждан для подготовки восстания против Советской власти.

В августе 1943 года на территорию Гурьевской области Казахстана было сброшено несколько агентов «Цеппелина», казахов по национальности, с аналогичным заданием. План предусматривал ряд мероприятий вплоть до провозглашения Казахстана суверенным государством под протекторатом Третьего рейха.

Летом 1944 года в Пятигорском районе были сброшены с самолета агенты-кабардинцы. Им поручалось проведение диверсий на железнодорожном транспорте, промышленных объектах и установление связи с повстанцами Северного Кавказа. В дальнейшем предполагалось оказать им содействие в вербовке новых членов и организации терактов.

В августе 1944 года в район Майкопа было выброшено две группы (12 агентов), выпускников филиала спецшколы в местечке Брюккенорд. Группа должна была совершать диверсии в железнодорожных и промышленных объектах, установить контакты с повстанческими отрядами и использовать их при совместных акциях в горной местности, а затем поднять выступление горцев против Советской власти.

Эти и иные случаи заброски агентуры «Цеппелина» в различные национальные регионы СССР не достигли желаемого результата. Большинство агентурных групп было нейтрализовано советскими спецслужбами.

После начала советского наступления на Восточном фронте «Цеппелин» активизировал мероприятия по организации сбора разведывательной информации и подготовке диверсионных актов.

Осенью 1944 года были ликвидированы диверсанты «Цеппелина» Политов (Таврин) и Шилова. Диверсантам было поручено проведение диверсионно-террористического акта в отношении Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Для выполнения этого задания Политов (Таврин) был снабжен реактивным гранатометом скрытого ношения «панцеркнакке» с комплектом бронебойных снарядов, а также различными образцами стрелкового оружия и специальными (в т. ч. отравленными) боеприпасами. Агенты были залегендированы под супругов. Таврин выдавал себя за орденоносца Героя Советского Союза, майора Красной армии, Шилова — младшего лейтенанта медицинской службы (она же радист).

Руководство «Цеппелина» делало свою ставку на разжигание сепаратистских настроений внутри многонационального СССР.

При этом особое внимание уделялось созданию и поддержке уже существовавших национальных движений. Их совместные усилия были направлены на раскол Советского Союза на национальные образования и организацию марионеточных государств под протекторатом «тысячелетнего рейха». Преследуя эти цели, РСХА и Восточным министерством в 1941–1942 годах был создан ряд национальных комитетов, игравших роль национальных правительств в изгнании. Так, были созданы грузинский, армянский, азербайджанский, туркестанский, северокавказский, волжско-татарский и калмыцкий национальные комитеты. Перед их членами была поставлена задача по привлечению и организации работы среди национальных кадров из числа эмигрантов, перебежчиков и военнопленных. «Внутренности» этих национальных комитетов были пронизаны агентурой различных немецких спецслужб. Члены этих комитетов использовались для ведения национальной пропаганды среди военнопленных, подбора из их среды потенциальных разведчиков и диверсантов для последующей заброски в советский тыл. Национальные комитеты также играли важную роль в создании разнообразных «туземных» формирований немецких вооруженных сил, подготовке кадров для работы в будущих «государствах» после победы Германии. Так, «Цеппелином» был создан «Туркестанский национальный комитет» (ТНК), члены которого принимали участие в подборе кадров и создании специального органа «Арбайтсгемайншафт «Туркестан», представлявшего собой «теплицу» для выращивания национальных кадров для будущего «Великого Туркестана». «АТ Туркестан» возглавлял кадровый сотрудник немецкой разведки, специалист по восточной проблематике штурмбаннфюрер СС доктор медицинских наук Ольцша Райнер.

«Предприятие «Цеппелин» с момента его создания и до окончания войны вело свою работу в тесном контакте с органами абвера, ОКВ и Восточным министерством. «Цеппелин» был подчинен VI управлению РСХА и в качестве реферата 6Ц входил в отдел, отвечавший за проведение разведывательных мероприятий в СССР и странах Ближнего Востока.

Главным руководящим звеном «Цеппелина» являлся Руководящий штаб, который до весны 1943 года находился в Берлине.

Руководящий штаб состоял из аппарата начальника органа и трех отделов, разделенных на подотделы:

отдел Ц1 — отвечал за комплектование и оперативное руководство низовыми органами и снабжение агентуры техническими средствами и снаряжением, имел 5 подотделов;

отдел Ц2 — отвечал за обучение агентуры, имел в своем составе 4 подотдела:

подотдел Ц2А — подбор и обучение русской агентуры,

Ц2Б — то же, из казаков,

Ц2Ц — то же, из уроженцев Кавказа и Закавказья,

Ц2Д — то же из уроженцев Средней Азии;

отдел Ц3 — обрабатывал материалы о деятельности особых лагерей «Цеппелина», фронтовых команд и агентуры, переброшенной в советский тыл.

В начале 1945 года штаб «Цеппелина» вместе с VI управлением РСХА был эвакуирован в южные районы Германии. Большинство руководителей «Цеппелина» после окончания военных действий оказалось в западной оккупационной зоне.

Фронтовые команды «Цеппелина»

Особая команда «Цеппелина» при айнзатцгруппе «А»

Была сформирована в апреле 1942 года и придана оперативной группе «А» полиции безопасности и СД на северном участке Восточного фронта. Штаб команды дислоцировался в Гатчине (Ленинградская область). В зону ответственности команды входили северные районы БССР, Калининской области РСФСР и другие районы Северной России вплоть до Финляндии. Главное внимание в работе особой команды уделялось основной цели германских войск на данном участке фронта — Ленинграду.

Группа вела в небольших масштабах подготовку агентуры. В апреле 1943 года вся подготовленная командой агентура была направлена в особый приемно-распределительный лагерь в местечке Замберг (Нижняя Силезия). В июне 1943 года команда была расформирована, на ее базе создана «Ауссенкоманда-I» с прежними функциями.

Особая команда «Цеппелина» при айнзатцгруппе «Б»

Была сформирована в марте 1942 года в Смоленске.

В обязанности подразделения входило:

— установление связи со всеми военными структурами центрального участка Восточного фронта;

— привлечение всех подразделений айнзатцгрупп[84] к сотрудничеству с «Цеппелином» в свете поставленных командованием задач;

— добывание различных разведсведений, документов, одежды и обмундирования.

Команда имела возможности по подготовке и переброске агентуры в ближние тылы советских войск, производила опрос военнопленных и отбор из их числа лиц, полезных для «Цеппелина», создавала приемные лагеря для первичного содержания, отбора и проверки военнопленных. Организовывала переправочные пункты для агентуры, подготовленной командой к заброске в тыл советских войск, и для агентуры, прибывавшей из разведшкол «Цеппелина». Для подготовки агентуры использовались лица, окончившие школы в местечке Яблонь близ Люблина.

К апрелю 1942 года большая часть агентуры выбыла для специального обучения в особые лагеря «Цеппелина», оставшиеся проходили подготовку на месте. Из лагеря подготовленная агентура вывозилась на Смоленский аэродром и самолетами забрасывалась под Москву и в другие районы РСФСР.

Весной 1943 года особая команда расформирована, часть личного состава передана главной команде «Цеппелина» «Россия-Север».

Особая команда «Цеппелина» при айнзатцгруппе «Ц»

С мая 1942 года размещалась в Киеве, в декабре 1942 года в Харькове.

Особая команда «Цеппелина» при айнзатцгруппе «Д»

Сформирована и направлена на Восточный фронт весной 1942 года. С апреля 1942 года размещалась в Симферополе, придана оперативной группе «Д» полиции безопасности и СД. Характер деятельности аналогичен упоминавшимся выше подразделениям, но, в отличие от них, в больших масштабах готовила агентуру в разведывательно-диверсионной школе «Цеппелина» «Главный лагерь «Крым». Основным источником для вербовки агентуры служили лагеря для военнопленных в Симферополе и всего Крыма в целом. Отобранная агентура переводилась из лагеря в команду и короткое время содержалась в ней, затем направлялась в сборный лагерь в местечко Бухенвальд, иногда в город Аушвиц, где располагался предварительный лагерь «Цеппелина». Некоторых завербованных из лагеря для военнопленных направляли сразу в Евпаторию для

обучения в спецшколе. В город Георгиевск, Пятигорск и другие команда направляла небольшие группы из 1–3 эсэсовцев и агентов для отбора потенциальной агентуры.

Переброска агентуры в советский тыл производилась самолетами авиаэскадрильи-200 с аэродрома близ местечка Саки.

В период немецкого летнего наступления 1942 года командой была произведена массовая заброска агентуры на территорию Северного Кавказа и Закавказья. Из Ставрополя заброска агентов производилась силами самой команды пешим порядком, а также через переправочные пункты абверкоманды-101. В январе 1943 года личный состав команды и вся агентура (150 агентов, прибывших из особого лагеря Аушвиц) пешим порядком двинулись из Ставрополя по маршруту Армавир — Краснодар. Часть агентов по пути разбежалась. По маршруту следования на Запад команда останавливалась в Таганроге и близ Мелитополя.

В мае 1943 года особая команда была расформирована, 50 человек влились в главную команду «Цеппелина» «Россия-Юг».

Главная команда «Цеппелина» «Россия-Центр»

Была создана в начале 1943 года в городе Волау (Верхняя Силезия) и официально именовалась «СС гауптkомандо Руссланд-Митте Унтернемен «Цеппелин». С августа 1943-го именовалась «Россия-Север» («Руссланд-Норд»).

Зона действия — от Северной Украины до побережья Белого моря, включая территории Белоруссии и Прибалтики.

Штаб главной команды осуществлял общее руководство и координацию деятельности и включал в себя специальный отдел, занимавшийся подготовкой, комплектованием и переброской разведывательно-диверсионных групп. В подчинении отдела находились предварительный лагерь, истребительная команда, разведывательно-диверсионная школа в местечке Печки, радиостанция и пропагандистская группа.

Специальная воинская часть 1-я ударная бригада (известна также как Гвардейская бригада РОА), затем была переименована в ягдкоманду-113. Использовалась как место предварительной проверки отобранной агентуры в боях против партизан.

В мае 1943 года главная команда переехала под Псков, штаб и службы располагались в деревнях Стремутки и Крышево, затем, по мере постройки бараков на берегу реки Великой, переехали в город. В Стремутках осталась Гвардейская бригада РОА. В местечке Пронежицке был создан предварительный лагерь, в местечке Печки разместилась ваффеншулле, в деревне

Холахальня лагерь для подготовленной и ожидавшей переброски агентуры. Переброска агентуры в советский тыл производилась самолетами с Псковского аэродрома.

Руководством главной команды «Россия-Север» был разработан план по заброске воздушным путем на территорию Вологодской области типографии для печатания подпольной антисоветской газеты. Ее редактором и издателем стал бы некто Филистинский.

Типографию предполагалось разместить в одной из глухих деревень Вологодчины, в районе действия ранее выброшенной радиофицированной разведгруппы «Цеппелина» под руководством Семенова Гордея. Данный проект не был осуществлен в связи с нехваткой самолетов.

Командой были подготовлены к заброске в глубокий советский тыл для ведения диверсионной деятельности 4 специальные группы, численностью свыше 100 человек каждая. Их выброску планировалось провести в районах рек Волги и Камы для одновременного подрыва мостов и прерывания железнодорожного сообщения между европейской частью СССР и Уралом.

1-ю группу возглавлял Кравец Георгий. Его люди готовились к заброске с задачей совершения крупных диверсионных актов на промышленных объектах города Молотова.

2-ю группу (свыше 100 человек) возглавлял некий Кин. Группа предназначалась для заброски в районы Волги и Камы

3-ю группу (свыше 100 человек) возглавлял член НТСНП Н. Н. Рутченко.

4-ю группу (более 200 человек) возглавлял Мартыновский. Его группа готовилась к высадке в районе Астрахани.

Руководство всеми перечисленными группами после их приземления должен был осуществлять бывший офицер РККА Леман.

В марте 1944-го главная команда передислоцировалась из Пскова в местечко Ассари, в 30 километрах от Риги. В мае 1944 года команда прибыла в Латвию, в конце 1944 года начала эвакуацию в Германию и в Клайпеде попала под налет советской авиации, при котором погибли радиостанция, имущество и часть личного состава. Остатки команды прибыли в курортное местечко Кальбинг на косе Фришенерунг (Восточная Пруссия). В ноябре 1944 года команда прибыла в город Попель (Чехословакия). Весной 1945 года в городе Штольпе из личного состава команды и других органов «Цеппелина» была сформирована главная команда «Вайксель» (Висла). Команда действовала до окончания войны, засылая агентов-диверсантов и оставляя на оседание

террористические группы в Северной Германии.

Главная команда «Цеппелина» «Россия-Юг»

Формировалась в Восточной Пруссии (г. Бреславль) и в Крыму (Симферополь и м. Симеиз) в марте — апреле 1943 года. Официальное наименование «СС гауптkомандо «Руссланд-Зюд». Зона ответственности — от Северной Украины до побережья Черного моря.

Занималась вербовкой, подготовкой и переброской разведывательно-диверсионной агентуры, организацией повстанческого движения на Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии, проводила сбор информации о военно-политическом и экономическом положении в СССР.

Структура органа была аналогична «Руссланд-Митте». Отличие состояло в методике отбора агентуры — особое внимание уделялось вербовке уроженцев Средней Азии, Кавказа и Закавказья.

Команда также располагала своей военной школой, состоящей из двух отделений — кавказского и туркестанского. Школа была организована на базе разведывательно-диверсионных школы в Евпатории и в местечке Освитц (Верхняя Силезия). Команда имела в своем распоряжении две «туземные» роты СС — кавказскую и туркестанскую, созданные на базе личного состава ликвидированных предварительных лагерей в Аушвице и Воломине (Польша). В апреле 1943 года две роты находились в городе Осипенко.

Впоследствии кавказская рота СС размещалась в деревне Новоспасовке, туркестанская — в городе Ногайске, затем — в селе Новониколаевка Таганрогского района. Оба подразделения вели борьбу с партизанами и советскими разведчиками на побережье Азовского моря и находились в подчинении командования 111-й пехотной дивизии. Наиболее отличившиеся военнослужащие рот, проявившие себя перед немцами, переводились в военную школу и после подготовки перебрасывались в советский тыл.

Заброска агентуры производилась самолетами с аэродромов городов Осипенко и Мариуполя. Десантники забрасывались в районы Кавказа, Закавказья, Средней Азии и низовья Волги.

Осенью 1943 года команда и ее службы выбыли из Осипенко в Германию.

В сентябре 1944 года ваффеншулле вышла из подчинения главной команды, ее личный состав прибыл в приемно-

распределительный лагерь в Замберге, где был распределен между имевшимися там кавказскими и туркестанскими частями.

Роты СС отступали вместе с немецкими частями по маршруту Херсон — Николаев — Первомайск, участвуя в арьергардных боях с передовыми частями Советской армии. В конце 1943 года остатки рот прибыли в местечко Замберг и были распределены по соответствующим отделениям.

Летом 1944 года главная команда «Руссланд-Зюд» разделилась на две самостоятельные группы:

1. Главная ауссенкоманда «Россия-Север».
2. Главная ауссенкоманда «Украина-Юг».

Обе ауссенкоманды не имели возможностей по подготовке агентуры и получали ее из Замберского и других особых лагерей «Цеппелина». Агентура вербовалась в тот период главным образом из местного населения — поляков, украинцев, югославов и из белоэмигрантской среды. Обе команды поддерживали связь с формированиями украинских националистов.

В апреле 1945 года на территории Югославии обе ауссенкоманды вновь объединились.

Подготовка агентуры «Цеппелина»

Агентура «Цеппелина» предназначалась в основном для ведения провокационно-разложенческой деятельности среди населения неоккупированных районов СССР. На стадии подготовки агенты подвергались усиленной обработке немецких пропагандистов.

Вербовка агентуры производилась из числа специально отобранных в лагерях для советских военнопленных лиц, попавших под репрессивную машину советского режима, а также среди уголовного элемента.

Отобранные из лагерей лица переводились в специально созданные «Цеппелином» лагеря для последующей углубленной проверки и обучения. После прибытия в лагерь каждый завербованный именовался «активистом». До мая 1943 года в особых лагерях проводилась тройная фильтрация каждого такого активиста. После их прибытия в специальные сборные пункты лагеря активисты, непригодные для разведывательно-диверсионной деятельности и не внушавшие доверия немецким шефам, после проверки возвращались в лагеря для военнопленных либо выбывали на работы в Германию. Оставшиеся активисты переводились в особые предварительные лагеря (форлагеря), где их регистрировали, выдавали

обмундирование (чаще всего серую трофейную униформу чешской армии) и документы. Последние представляли собой удостоверения личности активиста. После таких процедур активисты принимали присягу на верность Германии.

В форлагерях активисты были разбиты на группы по национальному признаку: русские, кавказцы и уроженцы Средней Азии. Группы размещались в отдельных бараках.

В форлагерях велась усиленная обработка неофитов в антисоветском духе. Активистам устраивались экскурсии в города Германии и образцовые сельские хозяйства. Все время продолжалась проверка агентов на преданность. Специальные дисциплины в лагере не преподавались, только радисты начинали обучаться радиоделу.

В форлагерях активно действовали представители антисоветских организаций.

Непригодные для дальнейшего использования на фронтах тайной войны активисты отсеивались, и их переводили в воинские формирования «Цеппелина», поручали вести агитацию среди «остарбайтеров» и на оккупированной территории СССР. После тщательной фильтрации наиболее проявившие себя агенты направлялись в разведывательно-диверсионные школы «Цеппелина» — гауптлагеря. В них агенты получали квалификацию разведчиков, радистов, диверсантов, пропагандистов либо овладевали сразу двумя такими специальностями. В гауптлагерях на первом месте стояла специальная подготовка, пропагандистское воздействие при этом отступало на второй план.

В целях конспирации агенты жили и обучались раздельно. После окончания подготовки формировались агентурные группы, их участники легендировались и направлялись на переправочные пункты «Цеппелина», где им уточняли детали предстоящей переброски и суть задания.

С 1943 года порядок тройной фильтрации был отменен, а процесс обучения претерпел изменения. Главные команды «Цеппелина» сами занимались подготовкой агентуры из числа лиц, отобранных ауссенкомандами военнопленных. Последние сразу направлялись в форлагеря главных команд на 2-3-недельный карантин, где подвергались «промыванию мозгов», проверке и занимались военной подготовкой. Из форлагеря рекруты направлялись в подразделения СС при главных командах, где в течение месяца принимали активное участие в карательных акциях. Проверка кандидатов также не прерывалась ни на минуту. После карательных подразделений агенты направлялись в ваффеншулле, подчиненные главным командам и

организованные на базе гауптлагерей. Кадры диверсантов и боевиков-террористов комплектовались отчаянными и проверенными «на деле» (т. е. повязанными с немцами кровью). При комплектовании группы напарников для последующей заброски в тыл в нее включался старший — радист, который постоянно вел наблюдение за остальными членами своей группы. Наиболее перспективные агенты с высшим и средним образованием направлялись в Германию, где еще раз проверялись и фильтровались в специально созданных для этого проверочно-фильтрационных лагерях, созданных в начале 1943 года. К 1944 году эта система также видоизменилась, и «Цеппелин» совместно с другими подразделениями РСХА стал готовить агентуру не только на конкретный отрезок времени, но и на будущее.

Осенью 1943 года особые лагеря при главной команде «Цеппелина» на южном направлении были передислоцированы в район города Бреславля и уже оттуда направили подготовленную агентуру главному штабу «Цеппелина».

Осенью 1944 года главная команда «Цеппелина» на северном участке Восточного фронта также передислоцировалась в Германию. Подготовка агентов была перенесена в город Егер (Богемия), а также в города Мариенбад, Попель и др. Здесь были сосредоточены все особые лагеря, залегендированные в качестве лагерей подготовки военных кадров РОА. На новом месте в ускоренном темпе готовились небольшие диверсионно-террористические группы. Аналогичные группы из уроженцев Прибалтики были подготовлены «Цеппелином» на северном участке фронта и переброшены в советский тыл.

Летом 1943 года в лагере в местечке Освитц была подготовлена большая группа агентов-диверсантов под кодовым наименованием «Ульм». Группа предназначалась для заброски на Урал и в северные районы СССР для проведения диверсий на объектах оборонной промышленности, транспортных магистралях и организации диверсионно-повстанческих групп. Часть «Северной» группы проекта (6 человек) была заброшена на территорию СССР 18 февраля 1944 года. По неизвестной причине агентов сбросили на парашютах над территорией Коми-Пермяцкого автономного округа (предполагалась заброска под Челябинск). Агенты были разбросаны над лесом и не смогли собраться вместе. Один парашютист повис на дереве и замерз, двое диверсантов из-за голода и обморожений покончили с собой, еще один член группы получил сильное обморожение ног, гангрену, и его пришлось застрелить. Труп замерзшего парашютиста сняли с дерева и захоронили, а остальных из-за сильного голода съели. В результате обморожения и потери

ориентиров группа задание не выполнила. Через четыре месяца оставшиеся в живых агенты сдались местным органам госбезопасности.

Помимо массовой подготовки агентуры, «Цеппелин» готовил агентов-одиночек для выполнения особых заданий.

В курс обучения агентов входили: подрывное дело, методы агентурной и разведывательной работы, формы связи, методика вербовки и использования профашистской агитации, создание диверсионных групп, практическая стрельба из личного оружия и метание гранат. Слушателей знакомили с топографией и учили пользоваться компасом и картой. При обучении подрывному делу агентов учили предотвращению уничтожения заминированного объекта, знакомили с действием мины, закамуфлированной под противогаз. Коробка такого противогаза содержала взрывчатку и автоматический взрыватель. Такую мину преподаватели рекомендовали оставлять в помещении, где проходят собрания и митинги.

За две недели до окончания обучения агентов разбивали на группы, члены которых хорошо знали друг друга. В составе группы обычно насчитывалось 2–3 или 4–6 агентов. Готовая к действиям группа именовалась активной. Каждой такой ячейке придавался радист с приемопередающей радиостанцией. Перед самой заброской агенты получали советскую военную униформу, документы, деньги, взрывчатку, оружие и гранаты. Фиктивные документы изготавливались по желанию самого агента на его настоящее или вымышленное имя и фамилию. Обычно агенты получали солдатские книжки или офицерские удостоверения, свидетельства о болезни, проездные документы, а также чистые бланки с проставленными на них оттисками печатей.

Активные группы, заброшенные в советский тыл, получали задание поддерживать связь между собой посредством специально выделенных связных. Связные также были обязаны поддерживать связь между группой и отдельно заброшенным от нее радистом. При заброске некоторых агентов немцы отбирали у них списки родных и родственников, проживающих на неоккупированной территории. Агентам поручалось агитировать и вербовать своих родственников. Особое внимание уделялось конспирации агентуры. Руководящие работники гауптлагерей беседовали с каждым агентом отдельно, после чего их инструктировали по сути предстоящего задания. Для возвращения через линию фронта агентам давали устный пароль «1С СД». Всем немецким подразделениям было дано указание немедленно доставлять лиц с таким или аналогичными паролями в СД, откуда немедленно они доставлялись в ближайшую

команду «Цеппелина».

Руководящий состав лагерей «Цеппелина» состоял из немцев — кадровых сотрудников СД, белоэмигрантов и перебежчиков.

Весной 1945 года для сохранения своей агентуры «Цеппелин» направил их в Русскую освободительную армию и другие «восточные» части вермахта.

Особые лагеря «Цеппелина»

Особый сборный лагерь в местечке Бухенвальд

Был создан в марте 1942 года на территории одноименного концентрационного лагеря близ города Веймар (Тюрингия). Известен также как «Приемный лагерь» (Ауффангслагерь «Б») или «Лагерь военнопленных в г. Веймар».

Начальный этап подготовки агентуры в лагере включал в себя двухмесячный медицинский и политический карантин, сортировку и агентурную проверку всего личного состава. В данном лагере агентура освобождалась от тяжелых физических работ и посвящала свое время изучению военного дела и занятиям спортом. Для обучавшихся проводились доклады на различные темы и сообщения о международном положении.

Лагерь представлял собой несколько бараков, обнесенных колючей проволокой и отделенных от остальной территории концентрационного лагеря. Все курсанты лагеря были сведены в 5 рот, командиры назначались из числа обучавшихся. Вся агентура была разделена по национальному признаку, и группы различались по цифрам и буквам:

1А и 1Б — радисты, русские,
4А и 4Б — уроженцы Кавказа,
5А и 5Б — уроженцы Средней Азии,
7А — русские агенты,
7Б — смешанная.

В группы с литерой А зачислялись агенты, намеченные к работе в контрразведке или диверсионной деятельности. В группы Б входили лица, предназначавшиеся для службы в национальных формированиях и карательных отрядах. Еще одно значение литер означало: А — активисты, Б — боевики. Зачисление агентов в группы происходило вне зависимости от того, в каком взводе был агент. В 7-ю группу зачислялись агенты, не внушавшие доверия и как следствие не нужные «Цеппелину».

Впоследствии эти лица возвращались в лагеря для военнопленных или шли работать в промышленность Германии. Оставшиеся активисты из групп А раздельно переводились с учетом национальности в фильтрационные лагеря. Агенты из групп Б направлялись в особые лагеря на формирование туземных воинских подразделений и частей.

В руководстве лагеря находились сотрудники «Цеппелина» и офицеры СС, всю практическую работу вел штаб лагеря, состоявший из бывших советских офицеров.

В декабре 1942 года, после реорганизации «Цеппелина», лагерь был объединен с приемно-распределительным лагерем в местечке Замберг.

Особый предварительный лагерь в местечке Заксенхаузен

Был создан для русских активистов на территории одноименного концентрационного лагеря. Основная задача лагеря — фильтрация русской агентуры, предназначавшейся в дальнейшем для работы в советском тылу.

В этот форлагерь попадали советские военнопленные из Бухенвальдского сборного лагеря и напрямую из общих лагерей военнопленных. Режим в форлагере был аналогичен режиму сборных лагерей. Все обучавшиеся были разделены на взводы и роты, и отдельно обучались радисты и политические агитаторы. В 1-й роте проходили обучение и фильтрацию будущие разведчики и диверсанты, во 2-й — агенты-радисты. В связи с недостатком радиооборудования радисты проходили обучение в Заксенхаузене, куда направлялись из предварительного лагеря. Они занимались ежедневно по 4 часа, изучая международный радиокод, тренировались передавать на ключе буквенный и цифровой тексты.

В политической группе агентам преподавались политическая и строевая подготовка по 4 часа в день, остальное время в обеих группах было отведено на экскурсии и политическую подготовку. После окончания фильтрации всех русских переводили в зондерлагерь в местечке Яблонь (Польша). Непригодные для дальнейшего использования агенты направлялись в воинские подразделения — «Дружины», которые формировались в зондерлагерях в Парчеве и Гайдове (Польша).

С марта по август 1942 года в зондерлагере Освитц существовал филиал предварительного лагеря в Заксенхаузене для подготовки официальных работников «Цеппелина» из числа коллаборационистов. В августе 1942 года территория лагеря была

освобождена для размещения в нем гауптлагеря для подготовки агентов, уроженцев Средней Азии. Филиал передислоцировался в город Волау, где разместился в казармах бывшей школы унтер-офицерского состава. В октябре того же года в казармы прибыл весь личный состав зондерлагеря из Заксенхаузена. В конце 1942 года весь орган перебрался в Бреславль, где расположился в помещении бывшего ресторана.

В марте 1943 года предварительный лагерь в Бреслау был закрыт, а его личный состав переведен в местечко Замберг для пополнения создаваемого там приемно-распределительного лагеря. Часть личного состава выбыла в распоряжение главной команды «Руссланд-Митте» для создания при ней предварительного лагеря.

Особый предварительный лагерь в городе Аушвиц

Был организован в марте 1942 года для агентов — уроженцев Кавказа на территории концлагеря в Биркенау. Известен как «СС зондерлагерь Аушвиц, зондеркоманды Z» или «Лагерь кавказских активистов». Основное назначение — дальнейшая фильтрация и обучение агентов-кавказцев.

В данный лагерь помещались все уроженцы Кавказа, прошедшие фильтрацию в Бухенвальде, иногда поступали напрямую из лагерей военнопленных. Так, группа активистов из Симферопольского лагеря военнопленных поступила сюда летом 1942 года. Всего в лагере находилось до 200 активистов, разделенных на 5 взводов. Каждый взвод был укомплектован лицами одной национальности:

1-й — грузины,
2-й — армяне,
3-й — азербайджанцы,
4-й — агенты иных национальностей Кавказа и Закавказья,
5-й — радисты. Они, в отличие от остальных, здесь начинали обучение радиоделу. Радиовзвод был создан в сентябре 1942 года, но из-за отсутствия радиоаппаратуры направлялся в предварительный лагерь Заксенхаузен для обучения.

Распорядок дня в Аушвице соответствовал вышеупомянутому русскому лагерю. Отличие состояло в постоянной и усиленной антирусской пропаганде, которую вели преподаватели — участники различных националистических организаций и

сотрудники «Цеппелина».

После 2-3-месячной подготовки все активисты, пригодные для дальнейшего использования, переводились в Евпаторию, в кавказский гауптлагерь для основного обучения. Агенты, не внушавшие доверия, направлялись в Варшаву, где зачислялись на службу в национальные легионы.

В апреле 1942 года форлагерь был переведен в город Аушвиц, в конце апреля 1943 года был расформирован. При этом все непригодные агенты были отправлены в национальные легионы, формировавшиеся в местечках Весола и Пулава (Польша). Наиболее пригодные для службы были направлены в местечко Симеиз (Крым) на формирование главной команды «Руссланд-Зюд». По прибытии в Крым часть агентов пошла на укомплектование ваффеншулле, другая часть — в кавказскую роту СС.

Особый предварительный лагерь в местечке Легионово

Был организован весной 1942 года в местечке Легионово близ Варшавы для фильтрации и обучения агентов, уроженцев Средней Азии. Здесь же формировался «Туркестанский легион». Официально лагерь именовался «СС зондерлагерь «Легионово».

Основной состав курсантов поступал из Бухенвальдского сборного лагеря. Одновременно в лагере находилось не более 200 активистов, разделенных на три взвода. Первые два взвода составляли будущие кадры полицейских формирований, третий взвод — радисты. До сентября 1942 года радиовзвод проходил обучение в зондерлагере в Заксенхаузене из-за недостатка радиоаппаратуры.

На всем протяжении обучения активисты подвергались усиленной антирусской обработке, и им внушалось, что в случае победы Германии будет создано государство Большой Туркестан, в котором они займут важные посты. Такую обработку вели представители «Туркестанского национального комитета» во главе с Вали Каюм-ханом.

В сентябре 1942 года лагерь выбыл из Легионова в местечко Валуппен (Польша), где разместился в здании школы. В апреле 1943 года лагерь был переведен в Бреславль, где из активистов была сформирована туркестанская рота СС, которая затем в составе главной команды «Руссланд-Зюд» выбыла в город Осипенко.

Разведывательно-диверсионная школа в местечке Яблонь

Была создана на территории Польши для обучения русской агентуры в марте 1942 года близ Люблина и разместилась в бывшем замке графа Замойского. Официально орган именовался «Гауптлагерь Яблонь» или «Особая часть СС». В школе велась подготовка агентов-диверсантов, радистов и разведчиков.

Кадры поступали из особых предварительных лагерей для русских и зондеркоманд «Цеппелина». Одновременно в школе находилось до 200 активистов. Слушатели изучали ведение разведки в советском тылу, подрывное дело, радиодело, диверсанты изучали специальное оружие. Срок обучения в школе составлял от 3 до 6 месяцев. После окончания курса формировались группы по 3–5 человек и радиста с аппаратурой. Агентура забрасывалась главным образом в районы Москвы, Ленинграда, Северного Урала с заданиями по совершению диверсионных актов на железных дорогах и оборонных предприятиях, осуществлению терактов в отношении представителей советского высшего командования. Диверсантам также рекомендовали осуществлять массовое отравление населения, используя это в качестве способа возбуждения недовольства к Советской власти. Для этого диверсанты снабжались сильнодействующими ядами и взрывчатыми веществами. Разведчикам поручалось собирать сведения о формирующихся воинских частях, железнодорожных перевозках и распространение антисоветских листовок, для чего некоторые группы снабжались портативными шапирографами и бумагой. Агентуре, забрасываемой в северные районы СССР, рекомендовали устанавливать связь с местными репрессированными, переселенцами и создавать из них повстанческие отряды.

Перед заброской агентура снабжалась различными документами, комплектами чистых бланков и крупными денежными суммами. Экипировка обычно производилась в форму советских военнослужащих, с соответствующим вооружением и комплектами запасной гражданской одежды.

До 1943 года переброска осуществлялась самолетами с Псковского и Смоленского аэродромов.

В августе 1942 года школа передислоцировалась в местечко Парчев (Польша). В связи с планами «Цеппелина» по сосредоточению всех русских лагерей близ Бреславля школа переехала в город Волау (Восточная Пруссия). В декабре 1942 года переехала на городскую окраину, где содержались вывезенные немцами с оккупированной территории советские дети, потерявшие родителей. Этот детский лагерь именовался «Лагерь беспризорных». В марте 1943 года школа перешла в

подчинение главной команде «Россия-Центр», переехала в местечко Глубокое и получила официальное название «Ваффеншулле». В мае 1943 года вместе с главной командой школа приехала в Псков, до января — февраля 1944 года дислоцировалась в местечке Печки, в 4 километрах от Изборска. Подготовка агентуры проходила в деревне Холохальня близ местечка Печки. Школа пополнялась активистами, отфильтрованными в лагере в Промежице и участвовавшими в карательных операциях.

После начавшегося наступления советских войск школа переехала в город Ассари (Латвия), где развернула подготовку диверсантов и террористов из числа местных жителей. Эти агенты забрасывались в советский тыл или их оставляли на оседание. В августе 1944 года школа находилась на станции Мена, в 4 километрах от Риги, в сентябре того же года переместилась в Германию, где вместе с главной командой «Цеппелина» разместилась в курортном местечке Кальберг.

В ноябре 1944 года личный состав школы переехал в город Попель (Чехословакия), где собрались все диверсионные школы и курсы «Цеппелина». После этого часть личного состава была направлена в части РОА или фронтовые органы «Цеппелина».

Разведывательно-диверсионная школа в Евпатории и Осипенко

Была создана весной 1942 года для обучения агентов, выходцев с Кавказа и из Закавказья. Именовалась «Гауптлагерь «Крым» и размещалась на территории бывшего детского санатория НКВД.

Школа готовила разведчиков-диверсантов и организаторов повстанческого движения для последующей заброски на территорию Северного Кавказа и Закавказья. Слушателями школы были агенты — грузины, армяне, азербайджанцы, лезгины, чеченцы, представители других народностей Северного Кавказа и незначительное число русских уроженцев тех мест. Агенты поступали в школу из особого предварительного лагеря в Аушвице, некоторые прибывали из крымских лагерей для военнопленных. Все, отобранные из лагерей, некоторое время перед поступлением в школу проживали в Симферополе.

Одновременно обучалось до 200 человек. Срок обучения — 2–4 месяца. Первая подготовленная группа агентов из 5 человек была заброшена на территорию Северной Осетии в августе 1942 года.

В школе агенты числились под своими собственными

именами и фамилиями, общались друг с другом. Подписку о сотрудничестве с немецкими спецслужбами у слушателей не отбирали, режим в школе был мягче, нежели в иных аналогичных органах «Цеппелина». В свободное от обучения время слушатели могли с разрешения начальника покидать школу, уходить в город и ночевать там. В целях конспирации агентам запрещали рассказывать о том, где и чему они учатся. Им рекомендовали выдавать себя за чехов или словаков, чему способствовала униформа чешской армии. Осенью 1942 года всех слушателей переодели в советскую форму без знаков различия. Весь состав слушателей был разбит на пять учебных групп, занятия в которых велись раздельно.

До октября 1943 года все агенты, окончившие школу, перебрасывались в районы Кавказа только самолетами, так как своего переправочного пункта орган не имел. Переброска осуществлялась с аэродрома в местечке Саки близ Евпатории. С этого же аэродрома шла заброска агентов других немецких разведорганов. Всего из местечка Саки было заброшено более 100 агентов, закончивших Евпаторийскую школу. Почти все они были нейтрализованы советскими органами безопасности.

В конце сентября 1942 года школа была временно расформирована, личный состав выехал в Аушвиц. Подготовленная агентура была направлена в Таганрог, затем — в Ставрополь, в распоряжение особой команды «Цеппелина» при айнзатцгруппе «Д» полиции безопасности и СД.

В марте 1943 года в городе Осипенко (Крым) на базе преподавательского состава и агентов Евпаторийской школы была развернута кавказская ваффеншулле при главной команде «Руссланд-Зюд». Осенью 1943 года кавказское и туркестанское отделения школы были переброшены в Замбергский лагерь. Агентов готовили в филиале этого лагеря в местечке Крунзрух. В сентябре 1944 года весь личный состав был перемещен в город Попель (Чехословакия).

Приемно-распределительный лагерь в местечке Замберг[85]

Весной 1943 года на базе личного состава Бухенвальдского и еще нескольких предварительных особых лагерей «Цеппелина» был создан приемно-распределительный лагерь в местечке Замберг, в 1, 5 километра от станции Брайтенмаркт (Верхняя Силезия). Официальное наименование органа «СС зондерлагерь «Замберг» или «Военный лагерь РОА».

Основная задача органа — проверка и фильтрация всех

активистов, завербованных во фронтовых лагерях военнопленных, но по разным причинам не используемых на местах. С 1944 года лагерь начал готовить квалифицированную агентуру и по мере нужды в ней направлять ее в главные команды.

В конспиративных целях обучение агентов происходило в близлежащих населенных пунктах и филиалах лагеря — в местечках Крунзрух, Брюккенорд и Тейхвальд.

Постоянно в лагере пребывало до тысячи активистов, сведенных в подразделения по национальному и территориальному признакам. Первую роту составляли русские, вторую — украинцы, третью — донские казаки, затем шли уроженцы Кавказа и Средней Азии. Рота радистов была смешанного состава. В хозяйственной роте служили в основном русские и украинцы.

С осени 1943 года из лагеря в главные команды было направлено незначительное число агентов. В июне 1944 года было сформировано и направлено во Францию, Италию и Югославию несколько групп для ведения антипартизанских операций. В Замбергском лагере был создан русский полк СС «Варяг» под командованием полковника фон Семенова, также принимавший участие в боевых действиях против балканских партизан.

В конце 1944 года часть лагеря выбыла в город Попель (Чехословакия), где весной 1945 года была расформирована, а ее личный состав направлен в РОА и национальные формирования.

Филиал лагеря в местечке Крунзрух занимался подготовкой агентов, уроженцев Кавказа и Закавказья. В конце 1944 года филиал выбыл в Попель, а оттуда — в местечко Подхорна близ Мариенбада.

В местечке Брюккенорд, в монастыре, в 6 километрах от города Замберг, располагался казачий филиал лагеря. В сентябре 1944 года переехал в город Фронтенрид (Южная Бавария), затем — в замок Гладцен близ Мариенбада. Часть подготовленной филиалом агентуры была влита в казачьи формирования.

Русский и украинский филиалы дислоцировались в местечке Тейхвальд, в 10 километрах от города Люблин (Люблинец). Здесь проходили обучение агенты, направляемые затем в Краков, в распоряжение главной ауссенкоманды «Северная Украина» под руководством оберштурмфюрера СС Дрекслера. В конце января 1945 года филиал переехал в город Герлиц, где расположился в замке Гросс-Бельзен. Впоследствии филиал перебрался в Попель, Мариенбад и Карлсбад.

Специальный женский филиал лагеря находился осенью 1944 года в селе Геросфельд близ Замберга, затем переехал в село

Сент-Иоганн (Австрия), весной 1945 года — в замок Меттерних близ города Эгер. Филиал действовал под «крышей» школы медсестер.

Каждый из филиалов одновременно готовил от 40 до 100 человек. Система курса была аналогична подготовке агентуры в других разведывательно-диверсионных школах.

Штрафной лагерь в городе Крейцбург

Был создан в 1942 году в Верхней Силезии и зашифрован как филиал общего лагеря для военнопленных Шталаг-318 в местечке Ламсдорф.

В лагере содержались агенты и официальные сотрудники «Цеппелина», допустившие непозволительные проступки или не пользующиеся доверием после возвращения из советского тыла.

Штрафники также составляли отделения лагеря (по 100 человек) на заводах боеприпасов в городах Крейцбурге и Квенцгуте. Всего в лагере одновременно находилось до 400 человек. Все они были разделены на следующие категории:

— штрафники,
— особые штрафники,
— реабилитированные,
— штатные работники,
— особый взвод.

Все они различались по одежде. Так, первая категория носила на одежде нашивку желтого цвета с литерами «SU». Вторая категория носила аналогичную нашивку с буквами «SUS». Реабилитированные носили синие френчи с литерами «SU». Штатные сотрудники и особый взвод носили одежду без букв.

В категорию штрафников зачислялись все поступающие в лагерь. Особый взвод состоял из реабилитированных агентов, из них же готовилась контрразведывательная агентура, надсмотрщики и полицейские. Эту категорию агентов переодевали в гражданскую одежду и направляли на предприятия, где трудились рабочие-остовцы.

В январе 1944 года особый взвод был реорганизован и стал именоваться «Зондеркоманда-108» или «108-й рабочий батальон». Всего в нем состояло 150 человек, разделенных на четыре отделения: 1-2-й — готовили полицейских и надсмотрщиков, 4-й — контрразведывательную агентуру, 3-й — агентов для возвращения в органы «Цеппелина». В конце 1944 года зондеркоманду переформировали в учебное подразделение —

«Шулюнгскоманду». В ее структуре было создано 5-е отделение радистов, а весь личный состав пополнен до 250 человек. С ними стали проводить занятия по топографии, разведке, диверсии, подрывному делу. Всем членам команды объявили, что после подготовительного курса они будут направлены в тыл Советской армии с разведывательно-диверсионными заданиями.

Штрафной лагерь и особая команда находились в Крейцбурге до января 1945 года, затем передислоцировались в окрестности города Лигнице. Вскоре лагерь выбыл в Дрезден, и его дальнейшая судьба не установлена.

Учебная команда в начале 1945 года несколько дней находилась в бараке военнопленных в лагере местечка Лансгут, после чего переехала в замок принца Генриха Бауде, в 17 километрах от города Хиршберг. С марта 1945 года команда выбыла в гостиницу «Лесной замок», где ее настигли передовые советские части. Часть личного состава команды попала в плен, другие разбежалась.

Особый лагерь «Л»

В мае 1943 года «Цеппелином» была создана из советских военнопленных особая команда по сбору и обработке разведданных о народном хозяйстве СССР. Первоначально ее руководителем стал сотрудник «Цеппелина» доктор технических наук Гимпель, затем — Аугсбург и Клюнгефель (он же Клингефер).

Сначала группа Гимпеля располагалась на территории Замбергского лагеря, затем, в начале августа 1943 года, переехала в Бреславль и разместилась на территории постоянного лагеря СС «Вальдлагерь-20». С сентября 1944 года до апреля 1945 года группа находилась на станции Блямау, в бывшем лагере РАД. Официально команда Гимпеля именовалась «Особый лагерь L» и была замаскирована под «Институт русских инженеров». Фактически это был центр сбора и обработки информации об экономике СССР. Сбор сведений производился разными методами — допросами военнопленных, их привлечением к составлению карточного каталога по отдельным отраслям экономики СССР, использованием технической литературы из захваченных советских библиотек.

В составе лагеря находилось несколько немецких руководителей, остальные 200 человек — бывшие военнопленные. Лагерь был разделен на группы по основным направлениям деятельности.

Группа «Т» («Техника») — состояла из ряда секторов, охватывающих важнейшие отрасли советской экономики. Каждый сектор вел картотеку промышленных объектов. Группа обрабатывала все экономические данные. В состав ее входили свыше 20 сотрудников, преимущественно инженеры. Чертежное бюро группы готовило карты и схемы советских промышленных районов и отдельных объектов.

Группа «П» («Пресса») — вела сбор опубликованных технических сведений из прессы, имела радиостанцию для прослушивания советских передач. Группа состояла из 6 официальных сотрудников и научно-технической библиотеки, фонд которой исчислялся десятками тысяч единиц хранения. Библиотека хранилась отдельно от лагеря в местечке Освитц и конспиративно именовалась Институт «Швеллерштранс». В конце 1944 года библиотека была переведена в город Цвиккау, где впоследствии была захвачена американскими войсками.

Группа опроса состояла из нескольких бригад по 3–4 человека в каждой. Имела всего 16 официальных сотрудников. При необходимости к опросам привлекались сотрудники других групп. Задачи группы — опрос советских военнопленных в общих лагерях по общим вопросам об экономике СССР, подбор квалифицированных специалистов для собственных нужд лагеря, отбор кадров для разведывательной и диверсионной деятельности против СССР, подготовка квалифицированной агентуры по опросу военнопленных в других органах «Цеппелина». Для последней категории агентов летом 1944 года были созданы отдельные курсы в монастыре Брюккенорд (Верхняя Силезия), в 10 километрах от города Розенберг. В январе 1945 года курсы переехали на станцию Блямау (Австрия), где вновь присоединились к Л-лагерю. На курсах одновременно обучалось до 40 человек, было произведено три выпуска агентуры. Помимо курсов, лагерь имел хозяйственную, рабочую и охранную команды (40 военнопленных).

Для работы в органе отбирали пленных с техническим образованием. После проверки квалификации их направляли в разведывательно-диверсионные школы «Цеппелина», оставляли в лагере или отправляли на работу в немецкую промышленность. Не внушавшие доверия лица с низкой квалификацией направлялись обратно в концлагеря.

Из спецсообщения УНКВД по Саратовской области № 2069 в НКВД СССР и Саратовский обком ВКП(б) о задержании группы немецких разведчиков-диверсантов:

«В ночь на 6 октября 1942 г. в районе г. Хвалынска

Саратовской области с самолета противника была сброшена на парашютах группа германских разведчиков-диверсантов в составе 4 человек.

Принятыми мерами розыска группа германских агентов была задержана…

При обыске задержанных и осмотре места их приземления установлено, что германские разведчики были снабжены каждый специальным мешком, сброшенным на грузовом парашюте, штатской одеждой и продуктами питания.

Все вооружены двумя пистолетами, тремя германскими гранатами и финскими ножами. Кроме того, группа была снабжена взрывчатыми веществами, термитным порошком, радиостанцией, воззваниями и листовками контрреволюционного характера, 50 000 рублей советских денег (на каждого), шапирографом.

Все задержанные окончили школу разведчиков в м. Яблонь близ г. Люблин…

Характерная особенность контрреволюционной шпионской группы состоит в том, что все задержанные, прежде чем быть направленными в школу разведчиков, были завербованы в контрреволюционный «Боевой союз русских националистов».

После оформления вербовки в «Боевой союз русских националистов» разведчикам устраивали ряд экскурсий по заводам Берлина, показывали город, возили в кино и другие места… Задачи «Боевого союза русских националистов» изложены в прилагаемом воззвании… Руководит «союзом» якобы изменник Родины, бывший полковник РККА Гиль, ныне командующий карательным отрядом по борьбе с партизанским движением в Польше.

При направлении в советский тыл перед группой были поставлены задачи:

1. Осесть в районе Куйбышев — Старая Майна и устроиться в зависимости от условий и обстановки.

2. Связываться с социально чуждыми элементами (кулаками, торговцами, белогвардейцами и проч.), из среды которых вербовать и создавать в населенных пунктах ячейки «Боевого союза русских националистов», в лесах связываться с дезертирами и организовывать вооруженные группы.

3. Как путем личного наблюдения, так и через вновь завербованных в члены «Боевого союза русских националистов» собирать данные:

о политических настроениях населения и бойцов РККА;

о расположении войсковых соединений, их вооружении и передвижении войсковых частей.

4. Через вновь завербованных проводить диверсионную работу как в промышленности, на транспорте, так и в сельском хозяйстве (поджоги, взрывы и т. п.)

5. Вести среди населения активную профашистскую агитацию… через вновь вербуемых членов «Боевого союза русских националистов».

6. Организовывать восстания в тылу Красной Армии и совершать террористические акты в отношении советско-партийного актива.

7. Размножать на специально полученном шапирографе воззвания и листовки контрреволюционного характера, распространяя их среди населения.

8. О результатах работы группа обязана сообщать немецкой разведке через специально приданного ей для этой цели радиста-разведчика.

Следует отметить, что арестованная группа германских разведчиков — членов «Боевого союза русских националистов» на следствии ведет себя неискренне.

Следствие продолжаем вести с задачей вскрытия возможных контрреволюционных формирований «Боевого союза русских националистов» в советском тылу.

О ходе дальнейшего следствия будем информировать.

Начальник УНКВД по Саратовской области

Воинские формирования «Цеппелина»

«Боевой союз русских националистов» Бригада «Дружина»

В марте 1942 года в лагере для военнопленных в Сувалках (Сулеювек) под контролем администрации лагеря была создана антибольшевистская организация военнопленных «Национальная партия русского народа». Во главе этих 25 человек встали бывший подполковник Красной армии Владимир Владимирович Гиль — в прошлом начальник штаба 229-й стрелковой дивизии, попавший

в плен при обороне Минска.

Впоследствии название партии поменялось на «Боевой союз русских националистов» (БСРН).

Члены БСРН при вступлении в союз заполняли специальную анкету, получали членский билет и давали присягу на верность Союзу. Первичные отделения Союза именовались боевыми дружинами. Программа Союза включала в себя следующие положения о строительстве «грядущей России»:

«Будущая Россия должна быть националистической, народам, населяющим Украину, Белоруссию, Прибалтику и Закавказье, представляется право на самоопределение и выделение в самостоятельные государства под протекторатом «Великой Германии». У будущей России должен быть новый порядок, основанный по принципу нового порядка в Европе. Власть в России должна принадлежать правителю, назначенному Гитлером. Для законодательной власти выбирается государственный совет, который утверждается правителем. Им же назначаются министры, осуществляющие исполнительную власть на местах. Колхозы упраздняются, а вся земля, им принадлежащая, передается в частное пользование. В области торговли поощряется частная инициатива. Мелкая промышленность передается частному капиталу, средняя будет находиться в руках акционеров, а крупная ликвидируется вовсе. Россия должна быть аграрной страной. Религия отделяется от государства и от школы, но поддерживается государством. Образование в России будет только начальное».

В апреле 1942 года организация попала в поле зрения разведывательно-диверсионного органа VI управления РСХА. После установления «опеки» все члены БСРН были переведены в предварительный лагерь «Цеппелина», размещавшийся на территории концлагеря Заксенхаузен. В то же время был создан Центр БСРН. Он разделялся на четыре отдела: разведки и контрразведки, по военным делам, по партийным делам и работе с молодежью, агитации и пропаганды. Центру БСРН были подчинены территориальные центры, располагавшиеся во всех оккупированных областях СССР и в лагерях военнопленных. Постепенно эти подразделения (за исключением одного) покинули лагерь, второй отдел кадровой подготовки был размещен в 20-м лесном лагере СС в районе города Бреслау, где шла подготовка руководителей особых лагерей.

К июню 1942 года в Берлине было сформировано боевое подразделение «1-й Русский национальный отряд СС», или «Дружина № 1», численностью около 500 человек под командованием Гиля, взявшего псевдоним Родионов. Отряд

состоял из трех рот (по сотне человек в каждой) и подразделений обслуживания. Первая рота была укомплектована бывшими офицерами РККА и использовалась как резерв для развертывания других подразделений. Личный состав был одет в чешскую униформу, знаки различия были аналогичны войскам СС, однако погоны были собственного образца, на обшлагах мундиров офицерского состава имелась черная лента с надписью: «За Русь! «На вооружении насчитывалось 150 автоматов, 50 ручных и станковых пулеметов, 20 минометов.

Местом дислокации был избран город Парчев, затем специальная база в лесу между вышеупомянутым городом и городом Яблонь. Здесь «Дружина» провела антипартизанские операции в Парчевских лесах, в том числе против скрывавшегося в нем еврейского населения. В ходе этой операции было уничтожено до полутора тысяч человек. «Дружина № 1» находилась в оперативном подчинении айнзатцгруппы «В» полиции безопасности и СД, по заданию которой несла охрану коммуникаций, а уже в середине августа была переброшена под Смоленск, разместившись близ Старого Быхова, в марте 1943 года прибыла в белорусское местечко Лужки.

К тому времени особый отдел БСРН влился в разведшколу «Цеппелина», располагавшуюся также в городе Яблонь.

В январе 1943 года в Бреславле была проведена конференция организаций БСРН. В ней участвовало 35 делегатов от ячеек Союза.

Примерно в это же время в особом лагере СС под Гайдовом (по другим данным — в «Сталаге-319»), около города Люблина, была сформирована «Дружина № 2» («2-й Русский национальный отряд СС») численностью в 300 человек во главе с бывшим капитаном РККА А. Блажевичем (Блазевичем). Примкнул к формированию и «Особый отряд СС» из города Бреславля.

В марте 1943 года обе «Дружины» были объединены в 1-й Русский национальный полк СС, командиром которого стал Гиль-Родионов, а начальником штаба — Блажевич. После получения пополнения «Дружина» насчитывала в своих рядах 1200 человек (150 из них офицеры). Полк имел на вооружении 60 орудий, 95 пулеметов, 18 минометов и свыше 200 автоматов. Начальником контрразведки полка стал бывший генерал РККА П. В. Богданов.

В мае под свое управление полк получил особую зону в Белоруссии в Полоцкой области, штаб располагался в деревне Лужки. Местная молодежь, дезертиры из партизанских отрядов и пленные, влившиеся в строй, позволили развернуть «Дружину» в 1-ю Русскую национальную бригаду СС.

Бригада состояла из трех строевых и одного учебного

батальонов, автороты, батареи минометов и орудий, пулеметной и учебной рот, роты боепитания, двух кавалерийских взводов, комендантского взвода, санчасти, хозчасти, штурмовой роты, саперного взвода, роты связи и взвода полевой жандармерии, организованного по инициативе Блажевича.

Помимо бывших советских офицеров, на некоторых должностях осели белоэмигранты. Взаимодействием с немецкими частями занимался немецкий штаб в количестве 10–12 офицеров СС. Со стороны СД опекал «Дружину» оберштурмбаннфюрер СС Аппель. В марте 1943 года в бригаде была создана собственная контрразведка, именуемая «Служба предупреждения».

Хорошо вооруженная и на первых порах дисциплинированная бригада вела с переменным успехом бои против партизанских отрядов. Общая обстановка на Восточном фронте постепенно оказывала дурное влияние на личный состав.

В августе 1943 года партизанская бригада им. Железняка, действовавшая в Полоцко-Лепельском регионе, установила с ним связь. Партизанские чекисты пообещали ему полную амнистию за разоружение бригады, сдачу ее антибольшевистских кадров и уничтожение всех немецких военнослужащих. В числе требований также выдвигалось условие выдачи бывшего генерал-майора Красной армии П. В. Богданова — начальника контрразведки бригады и гауптштурмфюрера СС князя Л. С. Святополк-Мирского.

16 августа части бригады уничтожили немецкий штаб связи, атаковали немецкие части в Докшицах и узловую железнодорожную станцию Крулевщина. После этого 2200 «дружинников» присоединились к партизанам, образовав 1-ю Антифашистскую партизанскую бригаду, с собой увели 10 орудий, 23 миномета, 77 пулеметов.

1-я Антифашистская бригада действовала в Полоцко-Лепельской зоне, где вела ожесточенные бои в течение 11 месяцев.

Еще до этих событий, весной 1943 года, часть бригады Гиля-Родионова (учебная, пропагандистская команды и Особый русский батальон СС, сформированный в 1943 году в Бреслау) была переформирована по инициативе отдела безопасности СД и поступила в подчинение генерала Г. Жиленкова и с номинальным подчинением «Русскому комитету» А. А. Власова. Это подразделение — 1-й Гвардейский батальон РОА — разместился в местечке Стремутки, в 15 километрах от Пскова. Руководящий состав был укомплектован офицерами-белоэмигрантами, ранее участвовавшими в формировании Русской национальной народной армии. Патронаж подразделения со стороны немцев

осуществлял начальник VI управления РСХА доктор Хайнц Грейфе. Его прежде всего интересовала возможность использования русских добровольцев в качестве разведчиков и диверсантов в советском тылу. Так, в составе подразделения намечалось выделить две специальные группы для заброски в Москву. Первая группа должна была выкрасть К. Рокоссовского и склонить его хотя бы к формальному руководству РОА. Командиром этой группы был бывший подполковник Красной армии Алексей Бочаров. Руководителем второй спецгруппы был бывший майор РККА Иван Грачев. Группе предполагалось поручить ведение разведки.

20 марта 1943 года русский СС батальон (120 человек) был переброшен из Бреслау в Глубокое. В конце апреля часть батальона принимала участие в боевых действиях против партизан в Докшицах, во время которых 30 человек ушли в лес. Оставшиеся были разоружены, 7 человек возвращены в Глубокое. В это время туда прибыла группа бывших «дружинников» и добровольцев из разведшколы в местечке Волау. В мае 1943 года в Глубокое прибыли белоэмигранты Сахаров, Кромиади и Ламсдорф, сразу же приступившие к формированию 1-й ударной бригады РОА. В мае батальон (20[86]0-250 человек) был передислоцирован из Глубокого в местечко Крыжево, в 15 километрах от Пскова, затем — в деревню Стремутки.

Начальником штаба батальона был С. Н. Иванов, заместитель — И. К. Сахаров, начальник штаба — К. Г. Кромиади, представитель генерала Власова — генерал Г. Жиленков.

Этому подразделению не суждено было развернуться в часть более батальона, а после перехода Гиля СД вообще отказалось от нее.

Бывшая «Дружина» находилась в авангарде партизанского удара и понесла большие потери в боях за город Зембин. Часть личного состава впоследствии опять переметнулась к немцам. Гиль-Родионов получил тяжелое ранение при прорыве немецкой блокады в районе Ушачи и скончался от ран 14 мая 1944 года.

«Боевой союз русских националистов» продолжал существовать, однако это предприятие уже исчерпало себя и скомпрометировало начинание в глазах немецкой разведки.

Политический центр по борьбе с большевизмом

Проект комбрига Бессонова

Еще одна страница сотрудничества русских

коллаборационистов с «Цеппелином» связана с именем Ивана Георгиевича Бессонова.

И. Г. Бессонов родился 24 августа 1904 года в Перми в семье рабочего. В 1916 году, окончив начальное училище, работал на лесопилке. В 1920 году Иван Бессонов добровольно вступил в Красную армию и проходил службу на канцелярской должности в 133-м отдельном батальоне связи, с 1922 года был делопроизводителем артдивизиона 57-й стрелковой дивизии.

Старательный и грамотный красноармеец был замечен начальством и в 1926 году поступил в Тверскую кавалерийскую школу имени Коммунистического Интернационала. Вступил в комсомол, учился хорошо. После окончания школы Бессонов служил в кавалерии, в 1930 году был переведен в войска ОГПУ, в Казахстан, на должность командира взвода. Уже в начале 1931 года он был назначен помощником начальника штаба 13-го Алма-Атинского полка ОГПУ. В ходе боев за город Кульджу против войск мятежного генерала Ма-Чжуина, выступившего против правительства китайской провинции Синцзян, «вражеская вылазка» была ликвидирована советскими войсками, а Бессонова как участника операции наградили именным оружием.

В марте 1936 года Бессонов был откомандирован в распоряжение начальника управления пограничной и внутренней охраны Ленинградского военного округа. В 1938 году он окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, после чего был назначен на должность командира 3-го Ленинградского полка и принят в ряды партии большевиков. Прекрасный молодой командир был на хорошем счету у командования и политорганов войск НКВД, был награжден орденом Красного Знамени.

В 1938 году Бессонов получил должность начальника 3-го отдела Управления погранвойск НКВД Ленинградского военного округа. Бессонов пользовался полной поддержкой замнаркома НКВД Фриновского, который впоследствии способствовал назначению Бессонова на должность помощника начштаба Балтийского флота. На этом его стремительная карьера не закончилась — в 1939 году он получил пост начальника отдела боевой подготовки Главного управления Погранвойск НКВД СССР, что стало зенитом его карьеры.

В первые дни войны Бессонов был откомандирован на должность начальника штаба 102-й дивизии 21-й армии, сформированной в июне 1941 года в Прибалтике. Дивизия в течение месяца обороняла сорокакилометровый участок по Днепру от Рогачева до Быхова. В середине июня 21-я армия получила задачу по овладению Бобруйском и одновременному нанесению удара по немецкой группировке под Быховом. 21-я

пошла вперед и с малым количеством танков и самолетов выбила немцев из городов Жлобина и Рогачева, продолжая наступление на Бобруйск. При приближении к городу начались кровопролитные бои. В этот момент на комдива-102 полковника Гудзя поступил донос, и он был арестован. 13 августа 1941 года в командование дивизией вступил Бессонов.

Удача отвернулась от него, когда немцы прорвались в районе Могилев — Рогачев и 102-я дивизия оказалась в окружении. Из окружения вышли лишь единицы. Командира среди них не было, и в его личном деле появилась запись: «В начале августа 1941 г. пропал без вести».

Потом следствие установило, что полковник П. М. Гудзь был арестован по ложным основаниям, был освобожден и провоевал до последнего дня Великой Отечественной. Автор анонимки не был установлен. По одной из версий, арест Гудзя инициировал сам Бессонов, желая занять его пост.

Бессонов же сдался в плен охране немецкого медсанбата в селе Раги Старосельского района Гомельской области.

На первом же допросе Бессонов предложил свои услуги по борьбе с советским режимом. Он последовательно сменил Гомельский, Бобруйский, Минский и Белостокский лагеря и под псевдонимом Катульский в середине ноября 1941 года был переведен в Хаммельбургский лагерь для офицеров (Офлаг-13Д).

Здесь Бессонов решил создать собственную организацию, которая могла бы объединить все антисоветские формирования и организации и дистанцироваться от немцев.

Предполагалось заключить с немцами договор, по которому Германия признала бы Россию в рамках границ на 1 сентября 1939 года.

Предложениями Бессонова активно стало интересоваться РСХА. Под его опекой Бессоновым было объявлено о создании Политического центра борьбы с большевизмом (ПЦБ). Центр начал свою работу с июля 1942 года в зондерлагере Бухенвальд, на территории одноименного концлагеря, в специальном блоке.

Политические изыски группы военнопленных мало интересовали немецкое командование, и от них требовали конкретного дела. Предложения Бессонова о создании антипартизанских формирований из военнопленных были отвергнуты.

Генеральным руководителем ПЦБ был сам Бессонов, начальником штаба полковник Бродников, замполитом полковник Любимов, контрразведкой руководил Будыхо. Штаб Центра состоял из отделов: связи, занимавшегося подготовкой радистов и разработкой кодов; тыла, занимавшегося подготовкой

снабжения и снаряжения групп. Кадровую работу ПЦБ курировал Бессонов.

Знавший места расположения лагерей ГУЛАГа и систему их охраны, Бессонов разработал план высадки воздушного десанта численностью до 6 тысяч человек из числа бывших военнопленных. Предполагалось произвести высадку в районах рек Северная Двина — Обь и от Крайнего Севера до Сибирской железной дороги, захватить лагеря и, вооружив заключенных, развить повстанческую деятельность на южном направлении. Главная задача — овладение промышленными центрами Урала и разрыв сообщения европейской части СССР с Сибирью и Дальним Востоком. Места высадки штурмовых батальонов разделялись на две зоны — северную и восточную. Северная зона располагалась бы в районе Сыктывкар — Сольвычегодск — Юго-Восток от Архангельска. Штаб ПЦБ предполагалось разместить в Петрозаводске. Осуществить эту операцию предполагалось при поддержке финнов.

В октябре 1942 года ПЦБ начал формироваться. Боевая организация Центра включала в себя 200 человек, сто из них были из числа высшего начсостава Красной армии. На этой базе предполагалось развернуть полк. Готовились 60 радистов для штурмовых отрядов. Военный блок ПЦБ размещался в зондерлагере в бывшем монастыре Лейбус около Бреславля, в начале 1943 года формирование было переведено в местечко Линсдорф.

Экономическую часть программы ПЦБ разрабатывал кандидат экономических наук Массалов. После свержения Советской власти планировалось введение военной диктатуры, затем — проведение всеобщих выборов. ПЦБ выпускал в свет более 10 наименований периодических изданий и программную брошюру Бессонова «Что делать?», а также «Устав военно-политической борьбы» Меандрова.

Сам Бессонов выполнял ряд ответственных заданий РСХА. В конце 1942 года он написал письмо маршалу Василевскому, однако попытка скомпрометировать маршала не удалась. Бессонова подсаживали и к заключенному № 1 лагеря Заксенхаузен старшему лейтенанту Якову Джугашвили.

К маю 1943 года завершилось развертывание ПЦБ, и Бессонов предполагал начать развертывание парашютно-десантного полка и осуществлять заброску отрядов в ГУЛАГ. От немцев он хотел бы получить гарантии отсутствия у них захватнических целей в отношении России, но представителя «Цеппелина» гауптштурмфюрера СС Шмундта интересовали только военные подразделения в тылу у Советов. Бессонов же замахивался на

всероссийский масштаб руководителя повстанческой деятельности в советском тылу.

Немцы не ответили на политические требования Бессонова, предложив ему посетить Берлин для переговоров с Власовым, по дороге арестовали его и нескольких офицеров за «антинемецкую деятельность». Определенную роль в этом сыграл и донос, написанный в гестапо ближайшим сподвижником Власова генерал-майором Благовещенским. В доносе гестапо извещалось о том, что Бессонов ранее принадлежал к оперативному составу НКВД.

ПЦБ был распущен, а Бессонова со товарищи поместили в зондерлагерь Заксенхаузен, других членов Центра отправили в Летценский лагерь. Из остатков военной организации ПЦБ были сформированы две группы. Первую — под командованием обер-лейтенанта Фюрста — и вторую — «зондергруппу» под руководством полковника Соколова — предполагалось использовать в качестве диверсантов в советском тылу.

В июле 1943 года оба подразделения были переброшены в Калининскую область (город Себеж) для выполнения заданий немецкого командования. Прибыв на место, ушла к партизанам группа офицеров во главе с бывшим батальонным комиссаром Чугуновым и подполковником А. А. Пастушенко. Ушел в лес и сотрудник отдела контрразведки ПЦБ лейтенант Бончковский. После дезертирства «зондергруппа» была эвакуирована в город Радом, а группа Фюрста — в город Кельцы. После этого обе группы были расформированы, часть личного состава арестована и распределена по лагерям, другая — по полицейским и охранным ротам СС.

Несмотря на неудачу всего начинания, немецкой разведкой была предпринята «проба сил». 2 июня 1943 года в районе совхоза «Кедровый Шор» Кожвинского района Коми АССР был выброшен десант из 12 человек, одетых в форму НКВД. 9 июня в ходе боя десантники потеряли убитыми двух человек, десять парашютистов были взяты в плен. На допросе руководитель группы Годов указал, что это была экспериментальная выброска.

Второй десант из 40 человек был выброшен под Сыктывкаром в конце 1943 года, но на связь с командованием не вышел.

Находясь на особом положении в зондерлагере, Бессонов периодически направлял германскому правительству заявления, меморандумы и планы, в которых настаивал на использовании его в борьбе против СССР и вел с немцами переговоры по этому вопросу. В Заксенхаузене Бессонов находился вплоть до середины апреля 1945 года, затем после эвакуации кочевал по концлагерям Дахау, Флоссенбург и Инсбрук.

В конце апреля 1945 года немцы вывезли Бессонова и группу военнопленных в Южный Тироль. К этой же группе присоединили и группу заключенных, бывших заговорщиков против Гитлера. После прибытия на место конвой СС был разоружен подразделением вермахта, а арестованные освобождены и через несколько дней перешли к американцам. 15 мая 1945 года Бессонов, находившийся к тому времени уже в лагере для перемещенных лиц в американской зоне оккупации, обратился к американцам с просьбой о возвращении в СССР.

Четыре года шло следствие по его делу, и 18 апреля 1950 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания.

ИСТРЕБИТЕЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ ВОЙСК СС («ВАФФЕН СС ЯГДВЕРБАНД»)

Летом 1944 года по указанию рейхсфюрера СС Г. Гиммлера в РСХА был создан специальный орган для проведения диверсионно-террористических и разведывательных мероприятий в тылах армий стран антигитлеровской коалиции. Орган, получивший название «Истребительное соединение войск СС», находился под непосредственным контролем Гиммлера. Комплектованием, руководством практической деятельностью соединения ведал оберштурмбаннфюрер СС О. Скорцени, одновременно возглавлявший реферат 6С 4-го управления РСХА, а также группу Д военного управления РСХА. Таким образом, в руках одного человека были сосредоточены все части специального назначения вермахта, СС и люфтваффе.

Личный состав нового органа состоял из опытных кадров гитлеровского спецназа. Абвер и «Цеппелин», соединение «Бранденбург-800» и войска СС передали «Ягдвербанду» свои надежные и хорошо обученные кадры. По мере расширения формирования в него вливались кадры полицейских, фронтовых «восточных» батальонов и рот и прочих коллаборационистских формирований.

Деятельностью соединения руководил штаб (ЦБФ «Фриденталь»), размещавшийся в местечке Фриденталь в нескольких километрах от города Ораниенбург. Начальником штаба был назначен гауптштурмфюрер СС Адриан фон Фелькерзам, ранее служивший в соединении «Бранденбург-800».

В непосредственном подчинении штаба находились 600-й парашютно-десантный и 502-й егерский батальоны.

502-й егерский батальон под командованием оберштурбаннфюрера СС Фукса дислоцировался в местечке Фриденталь. Батальон имел в своем составе четыре роты солдат спецподразделений СС.

1-ю роту батальона составляли немцы, обучавшиеся диверсионному делу.

2-я рота состояла также из немцев и использовалась в качестве пехотного подразделения для проведения больших диверсионных операций.

3-я рота батальона несла охрану территории штаба и расположения батальона.

4-я рота состояла из бывших советских граждан, французов, чехов, словаков и поляков — агентов абвера и «Цеппелина».

К концу 1944 года 502-й батальон был реорганизован. В его составе остались три немецкие роты.

1-я рота по-прежнему готовила диверсантов, другие роты были перевооружены и моторизованы.

4-я рота стала самостоятельным подразделением и находилась в непосредственном подчинении штаба «Ваффен СС Ягдвербанд». Русские военнослужащие выбыли из нее в город Гогензальц (Иновроцлав) на комплектование филиала «СС Ягдвербанд-Ост».

Реорганизованный 502-й батальон получил новое наименование и стал называться «Истребительное подразделение СС «Центр» и под этим названием принимал участие в ряде боевых операций. В начале 1945 года батальон использовался при защите плацдарма на восточном берегу Одера, близ города Шведт и в иных не менее рискованных операциях.

600-й батальон парашютистов под командованием штурмбаннфюрера СС Милиуса дислоцировался в городе Нойштрелице, в 100 километрах от Берлина, и использовался лишь в операциях особой важности.

В начале марта 1945 года штаб «Ваффен СС Ягдвербанд» выбыл из Фриденталя в баварский город Хоф, затем переместился в Зальцбург (Западная Австрия). После капитуляции Германии Скорцени и большинство его коллег оказались в американской оккупационной зоне.

Основную оперативную работу против советского тыла проводили филиалы «Ваффен СС Ягдвербанд», и среди них особая роль в подрывной работе отводилась его головному филиалу — Истребительному подразделению «Восток».

Истребительное подразделение «Восток» было создано в октябре 1944 года для ведения подрывной работы на территориях Прибалтийских советских республик и северной части Польши.

Филиал состоял из штаба и трех рот специального назначения, нескольких диверсионных групп, дислоцировавшихся отдельно от штаба. Внутренняя структура штаба строилась аналогично головному штабу «Ваффен СС Ягдвербанд». Штаб филиала и приданные ему боевые единицы дислоцировались до января 1945 года в городе Гогензальце, в казармах на Вокзальной улице.

Каждая из рот имела особое назначение и использовалась штабом филиала как отдельная боевая единица:

1-я рота — предназначалась для проведения диверсионно-террористических операций в тылах советских воинских частей.

2-я — несла охрану территории штаба и состояла из фольксдойчей.

3-я рота под командованием Решетникова состояла из бывших советских военнопленных и применялась в антипартизанских акциях.

При формировании вышеназванных рот их личный состав состоял в основном из немцев и русских, служивших в 502-м егерском батальоне. Впоследствии роты пополнялись коллаборационистами. Так, рота Решетникова была создана на базе остатков антипартизанского отряда Мартыновского, созданного немцами в 1942 году на территории Ленинградской области. В 1944 году этот отряд действовал в Италии. В роте также служили люди, завербованные Решетниковым в лагере № 8 в городе Цешин (Чехословакия).

При штабе находились самостоятельные диверсионные группы по 15–18 человек в каждой. Группы постоянно находились в ожидании заброски в советский тыл партиями по 3–4 человека. Большинство членов этих групп ранее служили в полиции городов Порхова и Дриссы (Ленинградская область) и были завербованы осенью 1944 года в Данциге, где пребывали в сборном лагере для эвакуировавшихся пособников (гражданский лагерь Хог).

Все подразделения «СС Ягдвербанд Ост» делились на группы:

1) Балтийская группа под руководством штурмбаннфюрера СС Пехау готовила повстанческие группы для действий в Прибалтике и сеть агентуры для оседания. Кадры для них вербовались из числа членов антисоветских прибалтийских организаций. В августе 1944 года в Латвии балтийской группой была создана повстанческая организация «Межа кати» («Дикая кошка» — латв. или «Wilde Katze» — нем.). Организация состояла из ряда диверсионных групп, сформированных по принципу землячества и соответственно этому названных: латгальская, видземская, курземская и др. Штаб «Дикой кошки» располагался на хуторе Дравас Кубилюсской волости Кулдигского уезда.

В «Межа кати» вербовались военнослужащие латвийских дивизий СС, полицейских батальонов, айзсарги. Здесь они получали дополнительное «образование» и документы, свидетельствующие об их принадлежности к «Ваффен СС Ягдвербанд». Всего организация насчитывала в своих рядах более 1000 человек, многие из которых проходили спецподготовку при фронтовой разведгруппе 212 (бывшая абвергруппа-212). В начале 1945 года «кошачьи» диверсанты усилили свою деятельность в тыловых районах Советской армии. На их усиление были переброшены три группы под общим наименованием «Линда». Помимо диверсионно-террористической деятельности, «Межа кати» вела антисоветскую пропаганду, издавала газету «18

ноября», занималась созданием тайных лесных баз. После капитуляции Германии «Дикая кошка» перешла на нелегальное положение.

В качестве резерва «Межа кати» в Германии находились группа диверсантов-латышей ротенфюрера СС И. Рудынскиса и эстонская рота унтершарфюрера СС Алупкре. Обе группы были подготовлены к заброске на территорию Прибалтики.

2) Общерусская группа имела в своем составе южнорусскую подгруппу гауптштурмфюрера СС Кирша в селе Санта-Глаус в Чехословакии. Подгруппа Сухачева была подготовлена в чешском городе Трутнов (Траутенау). Украинская подгруппа во главе с Т. Бульбой-Боровцом размещалась в городе Альтбургунде.

В январе 1945 года при занятии Хохензальца передовыми советскими частями «СС Ягдвербанд Ост» был уничтожен, значительная часть руководящего и рядового состава погибла или была пленена. Из остатков формирования весной 1945 года на территории Чехословакии были созданы две группы, которые вели работу по переходу организации на нелегальное положение.

Истребительное соединение «Запад»

«СС Ягдвербанд-Вест» дислоцировался в Висбадене и вел разведывательно-диверсионную работу на Западном фронте против армий союзников СССР по антигитлеровской коалиции.

Филиал состоял из двух оперативных групп: «СС Ягдайнзатц-Норд-Вест» (г. Фленсбург) и «СС Ягдайнзатц-Зюд-Вест».

Истребительное соединение «Юг»

Филиал «СС Ягдвербанд-Зюд» в городе Тремсе вел работу на территориях Югославии, Албании и Испании. Филиал состоял из нескольких подразделений.

«СС Ягдвербанд-Зюд-Ост» дислоцировался в Вене и имел в подчинении оперативные группы «СС Ягдайнзатц Словакия», «Болгария» и «Хорватия», опираясь в своей диверсионно-террористической деятельности на националистические группировки этих стран.

Истребительное соединение «Север»

«СС Ягдвербанд-Норд» дислоцировался в городе Нойштрелиц

близ Берлина.

Вся агентура «СС Ягдвербанд» подбиралась с учетом знания языка страны, где ей предполагалось действовать. Агенты изучали следующие специальные дисциплины: практику и теорию диверсионного дела, способы вывода из строя промышленных предприятий, знакомились с оружием советского, американского и английского производства. Обучение личного состава проводилось непосредственно в подразделениях. При необходимости мог быть организован выезд для дополнительной подготовки в войсковые школы СС (ваффеншулле). Так, для углубленного изучения парашютного дела курсанты выезжали в школу парашютистов в местечке Ойенхаузен близ Ганновера. Когда подготовленная часть диверсантов отбывала на выполнение задания, занятия в подразделениях не прекращались, а после возвращения с задания курсанты возвращались в свое подразделение и продолжали обучение. Инонациональный состав обучался отдельно от немцев и более конспиративно.

В конце 1944 года по приказу Скорцени была создана диверсионная спецшкола. До мая 1945 года она находилась на горе Шварценберг близ города Трутнова. Под учебные и жилые помещения были заняты строения бывшего дома отдыха офицеров ВВС. Школа вела подготовку диверсантов для совершения акций на железнодорожных магистралях в районах Витебска, Смоленска, Бобруйска, Минска. В марте 1945 года в учебную программу были внесены дополнения, курсанты стали также изучать методику ликвидации высшего комсостава Советской армии и партийных органов.

Курсантами школы были бывшие военнопленные, зарекомендовавшие себя на службе у оккупантов. Общее количество слушателей достигало

100 человек, в том числе несколько женщин. Все учащиеся были разделены на четыре взвода. Школой было подготовлено украинское подразделение истребителей танков (100 человек).

Накануне капитуляции Германии школа получила приказ о переподчинении начальнику войсковой группы генералу Штрахвицу для действий в районах, уже занятых советскими частями, но большая часть личного состава попала в плен к передовым частям американской армии.

500-й/600-й парашютно-десантный батальон войск СС

До включения в состав истребительного соединения войск СС 500-й (впоследствие 600-й) парашютно-десантный батальон

использовался в качестве самостоятельной боевой единицы для проведения специальных операций.

Первая попытка формирования парашютно-десантной части войск СС была предпринята в 1937 году, когда небольшая группа добровольцев из полка СС «Дойчланд» была направлена в центр подготовки парашютистов люфтваффе в город Стендаль. Курс обучения длился с 23 мая по 17 июля и был свернут после трагической гибели одного из курсантов. Вторая попытка создания отдельного подразделения парашютистов СС была предпринята в 1943 году. Основным толчком для принятия этого решения рейхсфюрером СС послужила удачная операция по освобождению Муссолини.

Набор добровольцев в парашютно-десантный батальон СС предполагалось вести из числа военнослужащих войск СС и из военнослужащих СС, осужденных за дисциплинарные поступки к пребыванию в штрафном лагере войск СС и полиции, а также штрафлагере СС Дахау и военной тюрьмы СС в Данциг-Матцкау. При возвращении в строй бывшим осужденным возвращались их прежние чины. При штабе батальона постоянно действовало специально созданное юридическое 3-е подразделение. Вновь сформированная часть носила наименование «500-й СС парашютно-десантный батальон». В целях прикрытия батальон был зашифрован как «штрафная часть войск СС». Первым командиром батальона был штурмбаннфюрер СС Герберт Гильхоффер.

В ноябре 1943 года личный состав батальона начал проходить курс парашютно-десантной подготовки в местечке Мадарушка-Баня близ города Сараево, где к тому времени располагалась 3-я школа воздушно-десантных подразделений люфтваффе. В самом начале 1944 года батальон был переброшен в район города Папу (Венгрия) для завершения курса обучения прыжкам. По окончании обучения часть личного состава была переброшена в Югославию и в апреле 1944 года прошла крещение огнем близ города Тузла в Боснии-Герцеговине.

К этому времени в состав 500-го батальона входили три стрелковые роты, рота тяжелого оружия и штабная рота. Численность батальона — 1 тысяча человек. Транспорт был представлен 100 грузовиками и 30 мотоциклами.

После трехмесячной антипартизанской войны в Боснии, Черногории и Македонии 500-й батальон вернулся в казармы Мадарушка-Баня и к середине апреля 1944 года был готов к новым операциям. В это время произошла смена командования — штурмбаннфюрер Гильхоффер вернулся на прежнее место службы в войска СС, а батальон принял гауптштурмфюрер СС Курт Рыбка.

После получения нового командира личный состав начал подготовку к антипартизанской воздушно-десантной операции «Ход конем», основной целью которой был захват руководителя югославской компартии и партизанского движения маршала Иосипа Броз Тито.

Помимо парашютистов в операции должны были принять участие парашютисты и воздушная поддержка люфтваффе, части немецкой армии и хорватские части. План операции предусматривал наземную атаку укрепрайона партизан в горах Западной Боснии близ города Дрвар силами вышеперечисленных подразделений. Десантники СС (314 человек) сбрасывались с парашютами близ старой укрепленной крепости и готовили плацдарм для высадки остального батальона (6 штурмовых групп) на планерах «ДФС-230». Личный состав второй волны десантников был разделен на группы:

1. Группа «Пантера» — 110 человек под командованием Рыбки — должна была уничтожить И. Б. Тито и его охрану.

2. Группа «Орел» — 40 человек — уничтожить иностранную военную миссию при штабе Тито.

3. Группа «Штирмер» — 50 человек — уничтожить личный состав советской военной миссии. Эта миссия именовалась «Moskau».

4. Группа «Брешер» — 50 человек — уничтожить американских инструкторов,

5. Спецгруппа, составленная из 50 парашютистов СС, бранденбуржцев, переводчиков из состава 7-й горно-стрелковой дивизии СС «Принц Ойген», — уничтожить радиоцентр партизан, захватить шифры и оборудование.

6. Резервная группа — 20 парашютистов — должна была обеспечить охрану периметра боевых действий и при необходимости оказать помощь другим группам.

Кроме десантников СС, к операции были привлечены части 7-й дивизии СС «Принц Ойген», 1-й горнострелковой дивизии, 92-й пехотный полк вермахта, 373-я хорватская пехотная дивизия, 2-й и 3-й полки соединения «Бранденбург-800», 300 усташей, 500 четников.

Каждому немецкому военнослужащему была вручена фотография Тито, которого предписывалось взять живым или мертвым. Члены советской военной миссии во главе с генералом Н. В. Корнеевым были объявлены вне закона и подлежали уничтожению на месте.

Немцам и их союзникам противостояли батальон охраны ставки, слушатели офицерской школы и батальон инженерной бригады Национальной освободительной армии Югославии,

усиленные к тому же несколькими танками. Сам штаб Тито размещался в пещере, вход в которую находился на высоте 70 метров над землей.

Операция началась 25 мая 1944 года в 7 часов утра. Высадившись, 1-я штурмовая группа обеспечения попала под столь плотный огонь охраны штаб-квартиры Тито, что это сковало ее действия по подготовке плацдарма для высадки других десантников. В это время глава югославского Сопротивления под прикрытием охраны и с советскими советниками благополучно бежал по побережью. Несмотря на изначальный провал операции, десантники атаковали цитадель. Высадившаяся под огнем группа Рыбки развила наступление, но вскоре командир был ранен в руку осколками гранаты. Постепенно десантники стали пробиваться сквозь огонь и сумели овладеть крепостью. К утру 26 мая 1944 года на помощь пробились части 7-й дивизии СС.

Операция по захвату Тито провалилась, десантники понесли ощутимые потери, Рыбка был помещен в госпиталь, а личный состав батальона продолжал воевать с партизанами. В ходе боя десантниками были захвачены два офицера из состава британской военной миссии. Потери немецкой стороны составили 1200 человек и в их числе — 400 парашютистов.

Тито, члены его политбюро, штаба НОАЮ, офицеры американской, английской и советской миссий сумели выбраться из кольца на восток и 4 июня были эвакуированы советским самолетом в Бари.

В начале июня 1944 года личный состав 500-го батальона был передислоцирован в город Любляну для пополнения и реорганизации. 26 июня 1944 года командование батальоном принял гауптштурмфюрер СС Зигфрид Милиус. По состоянию на 30 июня 1944 года в батальоне насчитывалось 15 офицеров, 81 унтер-офицер и 196 рядовых.

Советское летнее наступление в Прибалтике и выход из войны Финляндии послужили причиной для выделения из состава батальона 292 человек. Эта группа десантников была подчинена морскому командованию в Готенхафене на побережье Балтийского моря. 29 июня 1944 года батальон был переброшен с Балкан на Восточный фронт. Его личный состав планировалось использовать как десант для высадки на остров Ааланд, но ко времени прибытия батальона на фронт обстановка изменилась и план захвата острова был отменен. Батальон был переведен под Нарву в состав 3-го танкового корпуса СС. Здесь десантники также не задержались и были переброшены из Раквере в Каунас, на северный фланг группы армий «Центр». После прибытия в район боевых действий 3-й танковой армии генерала Хассо фон

Мантейфеля батальон был придан 39-му танковому корпусу и действовал в составе боевой группы вместе с 1-м танковым полком «Гроссдойчланд», основной задачей которого был прорыв к окруженному 11-му армейскому корпусу в Вильнюс. Парашютисты СС использовались в качестве танкового десанта в атаках на шоссе Каунас — Вильнюс. Позднее они сдерживали танковый прорыв на Вильнюс с юго-востока. Тяжелые бои на подступах к литовской столице, в которых участвовал батальон, позволили немцам в относительном порядке эвакуировать войска из города. Парашютисты СС принимали участие в боях у местечка Расейняй, северо-западнее Каунаса. В ходе боев батальон понес большие потери, и его численность дошла до 90 человек. После нескольких дней отдыха в сентябре 1944 года батальон вновь вступил в полосу боев, в качестве усиления «Гроссдойчланда» и 39-го танкового корпуса. Последний бой 500-го батальона состоялся на Восточном фронте в начале октября в районе города Мемеля (Клайпеда).

Здесь совместно с частями 7-й танковой дивизии парашютисты СС предприняли попытку остановить советское наступление. После этого остатки батальона были выведены с фронта и направлены в город Цихенау в Восточную Пруссию. Позднее подразделение было переброшено в район города Дойч Ваграм в Австрии, затем соединилось с запасной ротой батальона. На базе этого людского состава был сформирован новый 600-й парашютно-десантный батальон СС.

15 октября 1944 года часть личного состава 600-го батальона вместе с Отто Скорцени участвовала в операции «Панцерфауст», в результате которой венгерский регент адмирал М. Хорти был смещен, а Венгрия осталась союзником рейха. После завершения операции личный состав был направлен в город Нойштрелиц, где продолжал курс обучения. Здесь батальон был пополнен чинами вермахта и ВМФ, и его общая численность достигла 1 тысячи военнослужащих. Часть личного состава батальона была использована Скорцени в костюмированной операции «Грейф», разработанной против наступающих американских войск. После Арденн батальон был использован на Одерском участке Восточного фронта, в районе Шведт-Цеден вел в течение трех недель боевые действия против наступающих частей Советской армии до 1 апреля 1945 года. В связи с большими потерями и изменившейся обстановкой остатки батальона были отведены с передовой в Северную Германию.

Огромные потери были возмещены включением в состав батальона добровольцев из учебных школ СС и выздоравливающих военнослужащих. Батальон был полностью

восстановлен в своей прежней численности и был едва ли не единственной полнокровной частью, оборонявшей город Нойруппин. Здесь батальон был практически раздавлен советскими танками, и в живых от прежней тысячи добровольцев осталось всего 30 человек.

На последнем этапе войны батальон, следуя за своим шефом Скорцени, был подчинен его Истребительному соединению войск СС. Обстрелянный и опытный личный состав использовался в качестве инструкторов при обучении агентов-новичков и при выполнении особо ответственных и секретных заданий.

Помимо 500-го/600-го десантного батальона СС, в системе немецких сил специального назначения находился отряд боевых пловцов и подрывников.

Атаман Тарас Бульба-Боровец и Полесская Сечь

Имя вышеупомянутого полковника Бульбы-Боровца стоит особняком в ряду украинских националистов, сотрудничавших с гитлеровцами. Это не была последовательная коллаборация в чистом виде a la Каминский, ибо Боровец заручался поддержкой гитлеровцев только тогда, когда ему это было выгодно, и прежде всего для борьбы с советским партизанским движением. Истории было выгодно распорядиться так, что все начинания атамана Боровца встречались в штыки его противниками, количеству которых мог бы позавидовать батька Махно.

Главное действующее лицо нашего рассказа появилось на свет 9 марта 1908 года в селе Быстричи Костопольского района Ровенщины в семье малоземельного крестьянина, основным богатством которого были 9 детей. Предки Тараса Боровца, по его собственному признанию, были казаками, боровшимися на стороне Мазепы с армией Петра Первого. С юного возраста Тарас, как и большинство мужского населения округи, работал в каменоломне, зарабатывая на хлеб тяжким трудом. Молодой человек не смог получить нормального образования и стал постигать знания «самоуком».

Атмосфера, царившая тогда в Полесье, характеризовалась наличием противоборствующих сил, религий и мировоззрений. Сильное польско-католическое влияние сталкивалось с великорусским. Постепенно под влияние националистов попал молодой рабочий Т. Боровец. Его взгляды на будущее Украины сложились под влиянием эмигрантов, бывших военных армии Украинской Народной Республики (УНР). Постепенно он попал под влияние сотника В. Раевского, а с 1923 года состоял на

конспиративной связи с начальником разведотдела Рады УНР в эмиграции полковником И. Литвиненко. Одновременно Боровец состоял в Организации украинских националистов (ОУН). В это время руководство эмигрантским центром дает молодому патриоту задания, выполнение которых было связано с рискованными переходами советской границы, с чем Боровец успешно справлялся. Зимой 1932/33 года он создает на Полесье «невеликую» подпольную организацию «Украинское национальное возрождение». УНВ ставило своими целями постепенное преобразование в военно-революционную организацию для борьбы против коммунизма и полонизации. Деятельность этого подполья не оставалась незамеченной для всевидящего ока польской «Дифензивы».

В 1930 году Боровец был призван в ряды польской армии и стремился к офицерской карьере, однако козни поляков не позволили ему сдать экзамен в школу подофицерского состава. Отслужив 8 месяцев, Боровец демобилизовался в запас.

После службы в армии он занимался заработком хлеба насущного ремеслом камнереза и ведением антисоветской пропаганды, запуская в воздух баллоны с пропагандистской литературой или отправляя листовки в упаковках по водам пограничной Припяти.

В 1934 году от руки украинского националиста погиб министр внутренних дел Польши Б. Перацкий, на что польское правительство ответило массовыми репрессиями в отношении членов украинских национальных организаций. Не избежал этой участи и Т. Боровец, которого польские власти бросили в печально известный концентрационный лагерь Картуз-Береза. В лагере Боровец познакомился с представителями множества иных национальных украинских партий и союзов, в том числе с Иваном Митрингой. Тяжелая, полная издевательств со стороны охраны жизнь в лагере усугублялась еще расколом и враждой между представителями националистических и коммунистических партий и группировок.

В 1935 году Боровец был освобожден из лагеря за примерное поведение, но, несмотря на это, вплоть до начала немецко-польской войны угроза ареста дамокловым мечом висела над будущим «отаманом».

В 1939–1940 годах Боровец сотрудничает с Комитетом помощи украинским беженцам, организованным Радой УНР. Можно предположить, что в это время вся деятельность Боровца проходила под контролем абвера, так как все «допоможние комитеты» использовались им для получения необходимой информации об обстановке в советском приграничье.

Из общения с людьми, бежавшими из советской зоны Западной Украины, он черпает сведения о порядках, которые новая власть огнем и мечом вводила в Полесье. В своих воспоминаниях Т. Бульба-Боровец сообщает читателю о разработке в это же время проекта плана восстания на Украине в первые дни начала военных действий Германии против СССР. По другой информации, такой план был разработан начальником военного отдела УНР генералом Сальским еще в двадцатых годах. Он предусматривал подготовку кадров для военного выступления, закладку баз в Полесье и создание местного штаба, проверку и «перетряску» всего состава УНР, организацию новых ячеек. В первые дни войны планировалось развернуть партизанские отряды и полицию (милицию), при этом Боровец наделялся командными функциями и имел право на издание приказов за собственной подписью.

В предвоенные годы произошел раскол единой до этого времени Организации украинских националистов на два крыла. Первое (молодое поколение) под предводительством Степана Бандеры и Ярослава Стецко не разделяло взгляды на дальнейшие пути национально-освободительного движения, рекомендуемые «старой гвардией» во главе с полковником Андреем Мельником. Товарищ Т. Боровца по Картуз-Березовскому кацету Иван Митринга резко критиковал обе фракции ОУН, обвиняя их в вождизме и отказе от принципов народной демократии.

В 1941 году Т. Боровец нелегально переходит советско-немецкую границу и начинает действовать в Полесье. Им предпринимается ревизия всего того, что было сделано в предвоенные годы для успешного ведения национально-освободительной борьбы. Под псевдонимом Байда он инспектирует подполье и лесные базы, где хранится много оружия, отбитого украинскими повстанцами у польских частей во время их отступления от передовых частей Красной армии.

Бульба-Боровец был не единственным партизаном, предложившим организовать партизанское движение на Полесье. По утверждению летописца УПА Петра Мирчука, еще в 1937 году войсковой референт ОУН Василь Сидор предложил руководству организовать специальные воинские рейдовые подразделения для войны с польской властью. В 1937 году группа оуновских боевиков из 25 человек действовала в Полесье. Более сильная группа (500 человек) была замечена польскими спецслужбами перед началом войны в окрестностях города Янова. После вступления советских войск часть полесских казаков разошлась по домам, другая часть перешла к террору. Таким образом, можно сделать вывод о наличии к тому времени у Боровца

подготовленных партизанских кадров.

При подготовке к боевым действиям против Советской власти Т. Боровец тщательно изучал вопросы военной стратегии и тактики по книгам Л. Троцкого, Н. Махно и Г. Котовского. По его собственному утверждению, наиболее подходящую информацию будущий атаман почерпнул из книг Л. Троцкого и батьки Махно, в результате чего был выработан принцип действий «3-шд земл1 та пщ землю». Вся территория Полесья была разделена на пять повстанческих округов, во главе которых встала Головная команда Полесской Сечи УПА (ПС УПА), состоявшая из политического и военного отделов. Две-четыре области составляли окружную сечь, область была обязана выставить бригаду, район — полк, село — роту, из 2–5 сел создавался батальон.

Легитимность акта провозглашения Украинской Державы в Львове 30 июня 1941 года признана полещуками-бульбовцами не была в связи с полным несогласием с партийной линией С. Бандеры. В лице оуновцев-мельниковцев Бульба и его люди, наоборот, нашли твердую опору. Впоследствии мельниковские военспецы оказывали Бульбе-Боровцу и его воинству неоценимые услуги.

В конце июня 1941 года Боровец издает приказ № 1, в котором говорилось о создании повстанческих отрядов для проведения диверсий в тылу советских войск, уничтожения транспорта, сбора развединформации, о создании милиции. Тогда же происходит смена псевдонима предводителя на атаман Тарас Бульба вместо Байды.

Несмотря на тяжелую военную обстановку, восстания как такового не было. Сам атаман впоследствии признавал, что «… Советы быстро удрали, а немцы просто обошли Полесскую котловину стороной. На долю украинских партизан выпал захват тюрем, транспортов с заключенными и разгон мелких подразделений НКВД и милиции».

Центральный штаб (Головная команда) Полесской Сечи во главе с Бульбой располагался в Сарнах, там же разместилась школа подготовки младших офицеров. В каждом местечке располагалось по 1–2 батальона, в селах — по 1–2 сотни повстанцев-милиционеров. Милиция-армия состояла из бывших военнослужащих польской, советской, украинской армий и была вооружена советским и польским стрелковым оружием и минометами. Всего «под штыком» у атамана оказалось 10 тысяч человек. В июле 1941 года в Ровно из Варшавы прибыл полковник Литвиненко на переговоры с Бульбой. Президенту УНР А. Левицкому был представлен план проведения масштабной

военной операции по очистке всего Полесья от остаточных групп Красной армии и партизан. Одновременно была достигнута договоренность со штабом генерала Кицингера о проведении антипартизанской акции, однако сам факт существования Полесской Сечи немцы признать отказались. В целях подготовки акции была направлена делегация к соседям-белорусам во главе с хорунжим П. Долматюком-Наливайко для координации действий с отрядами белорусской самообороны (Самааховы). Белорусами (капитан В. Родзько, поручик М. Витушка) был разработан план действий на собственном участке Полесья.

Проблема недостатка опытных офицерских кадров была решена приглашением бывших офицеров армии УНР из мельниковской ОУН. В результате переговоров в Полесье были направлены Петр Дьяченко (бывший командир «черных запорожцев» армии Петлюры) и полковник И. Трейко. Впоследствии к Полесской Сечи присоединился полковник генерального штаба армии УНР Петр Смородский.

В плане операции первой целью был городишко Олевск, военные действия отрядов УПА — Полесской Сечи планировалось развернуть в районе Столицы — Сарны — Олевск — Звягиль — Овруч с последующим объединением украинско-белорусских сил в районе Мозыря.

Подготовка операции не ограничилась действиями военно-оперативного характера и включала в себя разработку политической платформы УПА — Полесской Сечи, получившей название «За що бореться Укра1нська Повстанческая арм1я». Отсутствие ортодоксально-националистических идей, с одной стороны, и реальность положений по защите социально-экономических интересов широких слоев населения — с другой стремились обеспечить социальную базу освободительного движения.

Силы противника располагались в регионе Туров — Мозырь и состояли из остатков пехотной дивизии генерала Климова и танковой дивизии РККА. Наиболее тяжелым для действий повстанцев был признан район Олевск — Звягиль с остатками укреплений так называемой линии Сталина. Ставка делалась на ночные налеты или значительную концентрацию сил против конкретного укрепрайона.

21 августа 1941 года в ходе тяжелейших боев был взят Олевск, трижды переходивший из рук в руки. После захвата города в него переехал штаб и была организована еще одна школа подготовки младшего офицерского состава. Вход полесской армии в город был торжественно обставлен, и местное население с цветами встречало повстанцев.

Маневрируя своими силами (1 гарнизон и 4 куреня плюс милиция), Бульбе-Боровцу удалось сломить сопротивление противника и уничтожить группировку в районе Олевск — Емильчино — Лельчицы. Основной боевой единицей полещуков стали так называемые «летучие бригады» — группы повстанцев, состоявшие из нескольких человек (но некоторые были едва ли не полкового состава) и быстро перемещавшиеся по хорошо знакомой территории. Транспорт был представлен волами и лошадьми, затем были захвачены полуторки и прочая техника. Большой запас динамита, украденного из каменоломен до войны, позволил успешно штурмовать укрепрайоны.

Окончание боевых действий в треугольнике Слуцк — Гомель — Житомир позволило Бульбе-Боровцу взять под свой контроль обширную территорию, получившую впоследствии наименование Олевской республики.

За небольшой срок своего независимого существования эта республика обрела свои органы управления, промышленность и сельское хозяйство. В Олевске Иван Митринга выпускал в свет свою газету «Гайдамака». Отсутствие немецкой цензуры позволило ему открыто критиковать немецкую власть и своих бандеровских оппонентов. В газете были опубликованы лозунги Сечи: «Своя державность. Вооруженная сила. Вера Христова».

30 августа 1941 года в Житомире некто Кузий застрелил двух лидеров Провода украинских националистов ОУН (М) полковника Н. Сциборского и сотника Сеника-Грибовского. Это еще более углубило раскол между бандеровцами и мельниковцами.

16 ноября 1941 года Бульбой была объявлена демобилизация Полесской Сечи, и контроль над Олевском перешел к немцам. Из наименования армии были изъяты слова «Полесская Сечь» — осталось «УПА». Переход на подпольное существование был омрачен инцидентом. В Олевск прибыл гауптштурмфюрер СС Гичко и потребовал предоставить ему вооруженный отряд для уничтожения еврейского населения. Несмотря на отказ сотника Сиголенко предоставить ему людей и демобилизацию бульбовцев, ему удалось собрать 60 человек карателей и провести расправу.

Для координаций действий в новых условиях Бульба-Боровец 2 января 1942 года встретился с президентом Левицким. Президент принял решение о начале антинемецкого восстания, как только вермахт дойдет до Волги. При этом ставка делалась на операции летучих бригад, а не на всеобщее восстание населения.

После возвращения в Полесье Бульба-Боровец провел совещание с полковниками А. Долудом и Войнаровским, на котором была выработана дальнейшая тактика действий УПА (Б-

Б). Основными объектами для ударов были избраны гражданская администрация немцев и система снабжения немецкой армии. В это же время был разработан «Закон украинского партизана», включавший в себя десять заповедей повстанца.

Постепенно Сечь была преобразована в «Лкюве царство», штаб которого находился в лесах Корецкого района. Мобилизация охватила прежних повстанцев, и в результате ее Бульба-Боровец получил примерно 1000 человек. 10 апреля 1942 года атаман издал приказ о начале борьбы с гитлеровцами, встреченный «в штыки» бандеровцами. Пять бригад повстанцев (по 100 человек в каждой) были разделены на малые опергруппы — по 5-10 бойцов для проведения диверсий против путей снабжения вермахта. В ночь на 19 августа 1942 года объединенные силы УПА Б-Б произвели захват крупного железнодорожного узла — станции Шепетовка. В ходе налета бульбовцы захватили четыре эшелона «з р1зним майном» и освободили из двух эшелонов население, угоняемое на работу в Германию.

Советские спецслужбы с самого начала деятельности Бульбы-Боровца наблюдали за успехами Полесской Сечи. 5 декабря 1942 года начальник ЦШПД П. Пономаренко докладывал И. В Сталину: «По сообщению Сабурова, в лесах Полесья, в районах Пинск, Шумск, Мизоч, имеются большие группы националистов под руководством лица, законспирированного кличкой Тарас Бульба. Мелкие группы партизан националистами разоружаются и избиваются. Против немцев националисты устраивают отдельные засады. В листовках националисты пишут: «Бий кацапа-москаля, гони його вгдсшя, в1н тоб1 не потр1бен». В июне 1942 года Головная команда УПА Бульбы-Боровца решила начать переговоры с представителями Генштаба СССР. В первых числах сентября советская делегация во главе с полковником Лукиным из спецотряда Д. Медведева прибыла к повстанцам на переговоры, несмотря на отрицательное отношение к Бульбе-Боровцу («Тарасобульбовщина — это махновщина под знаменем гайдамаков»). После многословных здравиц в честь Бульбы десантниками было высказано пожелание о координации общих действий против немцев и предложено бульбовцам уничтожить гебитскомиссара Эриха Коха. Переговоры прошли впустую, никаких договоренностей достигнуто не было. Из содержания докладной записки НКВД от 11 февраля 1943 года «О положении в городе Кировограде и области» следовало, что Бульба — это враг и бороться с ним предстоит всеми силами: «Из групп украинских националистов следует указать на группу бульбовцев. Мы послали на связь с ними нашего Струночева, который попал в отряд Медведева. Оказывается, Медведев и Бульба обменялись

своими связями. У Бульбы никаких трех тысяч человек нет. Все люди живут в селах легально, а штаб находится в лесу. Вооружение они достали за счет полиции, с которой были крепко связаны. Бульбовцы не трогали партизанские

отряды, а сейчас они начали устраивать засады. Мы с ними ведем борьбу, и я считаю, что нам с ними придется еще крепко воевать…» — писал П. Пономаренко.

Чекист оказался прав, и ожесточенная борьба между партизанами и бульбовцами развернулась весной 1943 года после гибели советского диверсанта М. И. Кузнецова. Кузнецов погиб в схватке с отрядом УПА в лесном селе Боратин.

До момента полного разрыва контактов и ведения боевых действий против бульбовцев командование советских партизанских отрядов пыталось с ними сохранять нейтральные отношения на почве их борьбы с немцами. Об этом свидетельствуют отрывки из личного дневника комиссара ковпаковского партизанского соединения Семена Руднева:

«16 июня 1943 года. Наконец попали в район действия так называемых «бульбовцев». Это одна разновидность украинских националистов, которые дерутся против немцев и партизан. Здесь же, в этих районах, находятся бендеровцы, тоже националисты, которые дерутся против немцев, бульбовцев и партизан. Многие эти банды вооружены хорошо, есть даже артиллерия и танки…

22 июня 1943 года. Сегодня продвинулись на 20 километров на запад. Стоим уже недалеко от Ровно. Дорогой уже было два столкновения с националистами, есть уже у нас двое раненых. Забрали очень много националистической литературы. Забрали вчера в плен 8 человек. Националистов, простые мужики, после соответствующей работы отпустили, а одного из пленных Воронежской области взяли к себе…

24 июня 1943 года… При проческе у села Корчин был бой, и за весь день почти не прекращалась стрельба. В результате этих стычек взяли 30 пленных, из них три раненых, убили человек 15, взяли 1 ручной пулемет, штук 15 винтовок и ряд еще, взяли их базу, хлеб, муку и т. д. Ковпак хотел всех расстрелять, я этому воспротивился. За эти дни и особенно за последний день нервы напряжены настолько, что я вторые сутки почти ничего не кушаю. Так как здесь такое политическое переплетение, что нужно крепко думать, убить — это очень простая вещь, но надо сделать, чтобы избежать этого. Националисты наши враги, но они бьют немцев. Вот здесь и лавируй, и думай.

25 июня 1943 года… Решили делать наплавной мост через реку Горынь между селами Корчин — Здвижь, но националисты человек 500 заняли Здвижь и заявили, что переправу строить не

дадут. Ковпак решил, раз так, то дать бой и смести это село, чему я решительно воспротивился — это просто, и не требуется большого ума, но жертвы с одной и с другой стороны, жертвы мирного населения, детей, женщин… Я решил пойти на дипломатические переговоры, написали письмо и послали с девчиной, тон письма мирный. Мы просим не препятствовать проходу. Наша цель общая — бить немцев, а если будут препятствовать, то будем бить… Ковпак снова рассвирепел, немедленно артиллерию и смести это село с лица земли. Я заявил, что на это не пойду, лучше согласен вести бой с немцами за мост в Яновой Долине…… Этот день прошел тяжело, особенно лично для меня: две ночи не спал, два дня почти не кушал, и когда встал вопрос, как брать переправу, то с Ковпаком разошлись, он настаивал брать с боем, разгромить село, я был против, стоя за мирное разрешение вопроса, так как бой затянется, будут жертвы и особенно мирного населения. На этой почве произошла крупная и очень крупная ссора. А моя точка одержала победу, мы переправились без жертв. Нам и надо вести политику бить немца вместе, а жить врозь…

Другие переговоры штаб Бульбы-Боровца провел 23 ноября 1942 года в селе Москвин с шефом СД Волыни и Подолья штурмбаннфюрером СС Пицем и начальником политической службы СД региона Йоргенсом. Немцы предложили представителю бульбовцев полковнику Смородскому преобразовать армию в полицию, самому стать инспектором антипартизанских сил и провести совместные операции против польских партизан и обывателей. Переговоры также закончились ничем, что резко осудил митрополит — глава автокефальной украинской церкви. В отповедь владыке Бульба написал: «Ви ствпрацюете з кожною чужою владою в Украгщ, а я ii поборюю». 24 апреля 1943 года Пиц направил Бульбе письмо, в котором снова просил атамана перейти на службу к рейху, одновременно предостерегая бульбовцев от контактов с бандеровцами. Для немцев Бульба становился проблемой, ибо немецкие инстанции оценивали его силы в первой половине 1943 года в 10–20 тысяч человек. Абвер насчитывал у Бульбы на линии Ровно — Звягель 20 тысяч человек. По подсчетам украинского историка В. Косика, всего к тому времени у Бульбы было 4 тысячи повстанцев и примерно 10 тысяч могли быть мобилизованы.

Одновременно с ведением штабом Бульбы политических переговоров с противником развернул работу идеолог атамана Иван Митринга, организовавший Украинскую народно-демократическую партию (УНДП) с собственным печатным органом — газетой «Земля і влада». Целью УНДП была

идеологическая борьба против коммунистов, немцев и «супернационалкпв». Предполагалось создать единый народный фронт для борьбы с немцами и большевиками. Конечной целью бульбовцев было создание Украинской народной демократической республики.

Третьи по счету безрезультатные переговоры бульбовцы провели с представителями польских партизан. К тому времени поляки прочно связывали свои надежды с СССР, где к тому же формировалась польская армия генерала Владислава Андерса. Сам Бульба в своих воспоминаниях пишет, что был достигнут нейтралитет и даже договоренность о совместных операциях против советских партизан и немцев, но продлилось это сотрудничество недолго — до антипольских выступлений бандеровцев. Советская разведка (О. М. Сабуров) сообщает иное: «Бульбовцы нападают на польские села. У села Гурля Людвипольского района бульбовцы связали две польские семьи, вывезли их в лес и по-звериному зарезали кинжалами. На хуторе Берестовец 10 мая 1943 года бульбовцы вырезали 11 поляков. В селе Александровка 21 мая они перебили часть польского населения и спалили село. Сожжены также польские села и хутора: Карачук — 100 дворов, Катериновка — 150 дворов, Янцека — 100 дворов, Сохи — 80 дворов. Население, которое не смогло уйти, уничтожено». Не исключено, что под прикрытием имени бульбовцев действовали их противники из ОУН (Б).

Поляки так же жестоко поступали с местным украинским населением, ибо собственные хорошо вооруженные при помощи немцев отряды имелись в наличии. Разведсводка Украинского штаба партизанского движения сообщает, что: «По данным на 12.06.43, в Почаев (47 км от г. Тарнополь) из Варшавы прибыло 1500 вооруженных поляков для борьбы с партизанами и украинскими националистами. Польские военные отряды прибыли в Межиричи (40 км от г. Ровно), Тучин (22 км от Ровно), Рокитно (40 км от Сарн), Словечно (50 км от Коростеня и Костополя). Прибывшие отряды жгут украинские села и грабят население».

Спираль кровавой мести набирала обороты: «Бандеровцы и бульбовцы делают налеты на польские села и устраивают засады против небольших групп партизан, а в отдельных случаях вступают в стычки с немцами. С марта 1943 г. они сожгли польские населенные пункты: Заулок, Галиновск, Марияновка, Переселянка, Пульбеда. В Галиновске бандеровцы зарубили 18 поляков, в с. Пиндики расстреляли 150 поляков, а дети были побиты об деревья головами, в м. Черториск украинские попы лично казнили 17 человек, в хуторах вблизи Немовин убито 117

поляков, в Яновой Долине Костопольского района убито до 570 поляков…… В районах дислокации украинских националистов немцы производят массовые аресты, угоняют население в Германию, сжигают села. Взамен разоружаемой украинской полиции немцы вербуют в полицию поляков. 9 мая в Домбровицкий район приезжали немцы и поляки. В селах Трипутня, Грани они разгромили бульбовцев, уничтожили часть населения и частично сожгли эти села…»

Военно-политическая активность бульбовцев стала бельмом на глазу у бандеровцев, которые мечтали подчинить себе сичевиков. 22 февраля 1943 года в штаб УПА (Б-Б) прибыл бандеровский эмиссар А. Бусел, заявивший что ОУН (Б) пересмотрела свое отношение к бульбовским партизанам и признало их борьбу как необходимость. В соответствии с планами бандеровцев бульбовцы должны были согласиться на следующие условия:

1. Полностью сменить свою политическую идеологию.
2. Признать легитимным акт провозглашения Украинской державы от 30 июня 1941 года.
3. Ликвидировать все политорганы иных партий в Сечи, кроме бандеровских.
4. Принять политруков из ОУН (Б) и сотрудников Службы безпеки.
5. Принять участие в полной ликвидации польского населения и партизан в Полесье.

22 мая 1943 года переговоры были прерваны.

В это же время бандеровцы начинают организовывать собственные вооруженные отряды, получившие наименование «Украинская повстанческая армия», заимствованное у бульбовцев. Начальником штаба УПА был назначен Л. Ступницкий (Гончаренко), сына которого бандеровцы вывезли в лес и держали в качестве заложника. Оба они позднее погибли при невыясненных обстоятельствах. Посмертно Ступницкому был присвоен чин повстанческого генерала. Таким образом, на территории Украины начинают действовать две повстанческие силы под одним и тем же названием.

Бульбовские «СМИ» выпускают ядовитые стрелы в адрес бандеровцев:

«Сегодня на землях Украины снова появилась анархичная банда новой атамании в виде так называемой бандеровщины. Основной приметой анархичной атамании

является ее бесстыдное самохвальство, хамское непризнание никого рядом с собой и вечное желание войны ради войны, а не для создания каких-нибудь духовных или материальных богатств».

Первые действия бандеровской УПА были направлены на ликвидацию польского населения и партизан. Под действием пропаганды в лес «к Бандере» ушла большая часть украинской полиции порядка, и образовавшийся после ее ухода вакуум был быстро заполнен немцами после мобилизации в полицию поляков и размещением различных «восточных» частей. Все это вызвало кровавый хаос в Полесье, где все сражались против всех, а страдало и уничтожалось в первую очередь мирное население.

В начавшемся хаосе атаман издал 20 июля 1943 года приказ, согласно которому его воинство теперь именовалось Украинской народно-революционной армией (УНРА) и было предписано готовиться к переходу в подполье. Новым печатным органом УНРА стала газета «Оборона Украины». Политсовет УНРА объединял в своем составе членов Украинской народной демократической партии (УНДП), Союза коммунистов-самостийников и мельниковский провод ОУН.

В сложившейся ситуации руководство УНРА решало вопрос о начале ведения боевых действий против бандеровцев либо маневрировании с целью ухода от братоубийственной войны. Последнее слово осталось за президентом УНР А. Левицким. Президент приказал Бульбе принять все меры по недопущению гражданской войны в Полесье и на Волыни. 5 октября 1943 года Бульба-Боровец издал приказ от 5 октября 1943 года № 105 о расформировании УНРА и уходе в подполье. «Пщ землю» ушли штаб УНРА, типография и небольшой отряд охраны. Из подполья штаб Боровца-Бульбы развернул широкую антибандеровскую агитацию, напечатав огромное количество соответствующей литературы.

Удар со стороны бандеровцев был нанесен 19 августа 1943 года нападением на штаб УНРА. Бульбе, Митринге и атаману Зубатому-Щербатюку с горсткой бойцов удалось прорваться из окружения. Бандеровцы до смерти запытали супругу атамана Ганну Опочинскую, стараясь выведать у нее места закладки баз с оружием (справедливости ради следует отметить, что по другой информации жена атамана в конце войны якобы проживала в Чехословакии). Над Бульбой был организован заочный суд, на заседании которого бандеровцы постановили пригласить атамана с полной гарантией безопасности, но Бульба на эту удочку не клюнул.

Осенью 1943 года Полесье превратилось в «котловину смерти» — тысячные толпы беженцев, бежавших от продвигающихся на Запад советских войск, активизация партизан всех мастей усугубили кровавый хаос, сдобренный еще и действиями оуновских карателей из лебедевской Службы безпеки.

В это время Бульба-Боровец принял решение о возобновлении переговоров с немцами. Основными требованиями Бульбы были освобождение из концлагеря С. Бандеры (с надеждой, что Бандера остановит своего распоясавшегося заместителя, главу Службы безпеки Николая Лебедя) и признание независимости Украины. Вооруженные силы Бульбы-Боровца, подчиненные ОУН (Б), прекратили существование. Осенью 1943 года такая же участь ждала и мельниковские отряды. Часть из них влилась в ряды бандеровцев, часть подразделений образовала Волынский легион самообороны, позднее переформированный немцами в 31-й украинский батальон СД.

1 декабря 1943 года атаман был арестован и помещен в концлагерь Заксенхаузен, в один блок со своим политическим оппонентом С. Бандерой.

Перед арестом Бульбу укрывал у себя в ставке руководитель контрразведывательного органа «Зондерштаб Россия» Б. А. Хольмстон-Смысловский (фон Регенау). Из-за этого впоследствии он был репрессирован, но находившаяся в его распоряжении агентурная сеть, в услугах которой остро нуждалось немецкое командование, позволила быстро обрести свободу и укрепить свое положение. Агентурная сеть Смысловского также распространялась и на воинство Бульбы-Боровца и отряды мельниковцев. В местечке Обераммергау

(Бавария) в подчинении Смысловского функционировала специальная школа по подготовке радистов для отрядов УПА под общим руководством полковника Петро Дьяченко, одновременно являвшегося руководителем резидентской области «Зондерштаба-Р». По неподтвержденной информации, в 1944 году в школе скрывался руководитель Варшавского восстания генерал Бур-Коморовский.

В 1944 году немцы поместили в Заксенхаузен полковника Мельника. Пребывание украинских лидеров под арестом продолжалось вплоть до октября 1944 года, когда немцам стало понятно, что войну они уже проиграли.

После освобождения Т. Боровцу было предложено вступить в контакт со штабом генерала Власова, на что атаман дал резкий и отрицательный ответ. Власов для украинских лидеров являлся жупелом российской имперско-колониальной политики.

По поручению Украинского национального комитета (УНК)

атаман занимался формированием парашютной бригады особого назначения. Это спецподразделение (напоминающее белорусский Дальвицкий батальон) предназначалось для ведения диверсионно-разведывательных действий в тылах Красной армии. Номинально парашютисты Бульбы входили в группу «Б» (войска спецназначения) Украинской народной армии генерала Шандрука, главным руководителем украинского формирования был штурмбаннфюрер Хайнце Эберхардт, возглавлявший общерусскую группу «Ваффен СС» «Ягдвербанд-Ост». Численность парашютистов предполагалось довести до 5 тысяч человек, но успели сформировать лишь два батальона общей численностью 400 человек. Первый батальон парашютистов был полностью подготовлен к отправке в советский тыл, но окончание войны и отсутствие сил у люфтваффе не позволили реализовать этот план. Штаб украинского формирования размещался в 1945 году в городе Альтбургунде. По свидетельству ряда белорусских коллаборационистов, на последнем этапе своего существования украинский и белорусский парашютно-десантные батальоны были объединены. Те же источники утверждают, что украинские парашютисты были прекрасно вооружены и снабжены всем необходимым.

После окончания войны атаман влачил нищенское существование в лагерях для перемещенных лиц. В эмиграции Боровец объединил в Украинской национальной гвардии ряд своих бывших соратников и участвовал в разработке (совместно с белорусами) проектов по заброске десантных групп на территорию УССР. Кроме диверсионной деятельности, бывший атаман редактировал журнал «Меч и Воля».

Скончался полковник Боровец 15 мая 1981 года в Канаде.

ВОЙНА НА КАВКАЗЕ

Стремясь взорвать советский тыл на Северном Кавказе, немецкие спецслужбы делали ставку на деятельность чеченских бандформирований. Здесь практически не утихало повстанческое движение еще со времен Гражданской войны. В зависимости от обстановки в республике она принимала различные формы. «Второе дыхание» в преступную деятельность чеченских бандитов вдохнуло нападение Германии на СССР.

В то время как передовые части немецкой армии стояли у предгорий Кавказа, в советском тылу на территории Чечено-Ингушетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии и части Грузии велись боевые действия с привлечением крупных частей НКВД и армии. Руководителем бандитских выступлений на Северном Кавказе был Хасан Исраилов. Об этой фигуре расскажет характеристика НКГБ СССР, составленная на основе агентурных сведений.

Агентурные сведения о Хасане Исраилове (Терлоеве):

Хасан Исраилов родился в 1903 году в семье крупного скотовладельца. Дед — Цоцаров Хациг — один из наибов Шамиля. Отец — Садуллаев Исраил — абрек, приемный брат Зелим-хана. Убит при грабеже Кизлярского казначейского банка.

Хасан восемь лет учился в арабской школе, затем окончил духовную школу….

Арестовывался четыре раза, приговаривался к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, затем к смертной казни (ст. 58, ч. 2, 3, 8, 11 и 14 УК РСФСР), но всякий раз искусной подтасовкой свидетелей, документов, подкупами, противозаконными действиями родственников обеспечивал себе алиби и выходил на свободу.

В 1933 году публично раскаивается, добровольно выходит из подполья и сдается в руки властей, обещая работать на Советскую власть. Восстановлен в партии, работает в Грозном корреспондентом, партследователем, пишет стихи. По рекомендации партийных, советских органов направляется в Москву на учебу в Коммунистический университет (Красной профессуры).

Его деятельность в Москве: организация антисоветской писательской группы во главе с Авторхановым, связь с Троцким за границей, остатками подпольного «Паритетного комитета» в Грузии, теракты, организация террористических групп. Дерзкое ограбление банка, убийство двух сторожей, из отрубленных рук и ног которых по приказу Исраилова на полу выкладываются две

буквы «М», означающие «Мекка» и «Медина» и «Мусульманские мстители».

После окончания университета возвращается в Грозный, ведет борьбу против ВКП (б) и Чечено-Ингушского областного комитета, занимается злостной антисоветской пропагандой, дискредитацией партработников.

Арестован, сослан в Сибирь. Бежал. Во время погони убил охранника и двух собак, вырезал «филе» и питался им, скитаясь по тайге. Возвращается на юг и живет на нелегальном положении, непрерывно мигрируя по всему Кавказу, организуя теракты, саботаж, развал колхозов. Одновременно сколачивает подпольные контрреволюционные группировки Кавказа в единую партию ОПКБ (Особая партия кавказских братьев). Им ведется подготовка подпольных баз и филиалов ОПКБ в Грузии, Азербайджане, Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестане, Карачаево-Черкесии, Нахичеванской области.

Направление и конечная цель его деятельности: создание панисламистской федеративной Республики Кавказ — протектората Германии…

… Арест Исраилова крайне затруднен горными условиями, наличием многочисленных замаскированных баз на территории Чечено-Ингушетии, Дагестана, Грузии, поддержкой его штаба широкой сетью бандпособников в труднодоступных аулах….

Иными сведениями об Исраилове мы располагаем от бывшего сотрудника «Северокавказского национального комитета» при ведомстве Розенберга, бывшего редактора газеты «Газават» (издавалась для Северокавказских подразделений вермахта, СС и полиции) А. Авторханова. В своей книге «Убийство чечено-ингушского народа» автор пишет, что «… Исраилов родился в 1910 году в селении Нашхой Галанчожского района Чечни. В 1929 году окончил в Ростове-на-Дону среднюю школу и тогда же вступил в ряды ВКП(б). Работая корреспондентом «Крестьянской газеты», Исраилов «под видом защиты общесоветских законов от местных исполнителей умело критиковал эти законы на конкретных примерах и людях. Весной 1931 года был арестован и осужден на 10 лет. Через три года после энергичного вмешательства «Крестьянской газеты» и после того, когда выяснилось, что некоторые из чиновников, которых Исраилов критиковал как «грабителей и взяточников», оказались ими на самом деле, Исраилов был освобожден и даже восстановлен в партии. После своего освобождения уехал в Москву на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока имени Сталина (КУТВ). Этим временем вышли две книги его художественных произведений, написанных в тюрьме». Второй

арест Исраилов заслужил тем, что «совместно с другими чечено-ингушскими работниками подает заявление Советскому правительству, что продолжение нынешнего курса советской политики неминуемо приведет к развязке всеобщего народного восстания, поэтому Исраилов и его друзья требуют смены курса и снятия с постов первого секретаря обкома ВКП(б) Егорова и народного комиссара внутренних дел Раева… Когда же в начале 1939 года Раев и Егоров были арестованы как «враги народа», Исраилова освобождают». Новый секретарь обкома Быков вызвал Исраилова и предложил ему подать заявление о восстановлении в партии. Председатель получил уверение от Исраилова в том, что он подаст заявление на днях.

Исраилов прислал свое заявление в Чечено-Ингушский обком ВКП(б), где окончательно разорвал свои отношения с Советской властью:

«… Я решил встать во главе освободительной войны моего народа. Я слишком хорошо понимаю, что не только одной Чечено-Ингушетии, но даже всему национальному Кавказу трудно будет освободиться от тяжелого ярма красного империализма. Но фанатичная вера в справедливость и законная надежда на помощь свободолюбивых народов Кавказа и всего мира вдохновляют меня на этот подвиг, в ваших глазах дерзкий и бессмысленный, а по моему убеждению, единственно правильный исторический шаг. Храбрые финны доказывают сейчас, что великая рабовладельческая империя бессильна против маленького, но свободолюбивого народа. На Кавказе вы будете иметь вторую Финляндию, а за нами последуют другие угнетенные народы».

Вскоре после этого заявления Исраилов поднял восстание. По утверждению того же национал-исламиста Авторханова в первые дни восстание имело успех и к началу февраля 1940 года в руки повстанцев перешли населенные пункты Галанчож, Саясан, Чаберлой и часть Шатоевского района. Вооружение добывалось за счет разоружения и разгрома милиции и небольших воинских подразделений. Питательной средой для бандитизма служило огромное количество криминального элемента, скопившегося в те дни в Чечне. Основу банд составили дезертиры из РККА и местный криминальный элемент. За вторую половину 1941 года число дезертиров составило 12 тысяч 365 человек, уклонившихся от призыва — 1093, в 1943 году дезертиров уже было 20 249 человек, а уклонившихся от службы — 9838 человек. Итого за три года войны дезертиров насчитывалось 49 362 человек, уклонившихся — 13 389 человек, общая цифра — 62 751 человек. Из одной только Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии дезертировали 850 человек.

После ликвидации Советской власти в большинстве населенных пунктов горной Чечни был созван вооруженный народный съезд в Галанчоже, на котором было провозглашено создание так называемого «Временного народно-революционного правительства Чечено-Ингушетии».

Объективности ради следует отметить, что организация Исраилова-Терлоева к 1941 году приняла в свои ряды 5 тысяч горцев. Было организовано пять повстанческих округов помимо городов Грозного, Гудермеса и Малгобека. Всего в этих округах и городах насчитывалось почти 25 тысяч сторонников ОПКБ. Партия сразу же установила связь с немецким командованием — радиопередатчик работал в лесах Шалинского района. Главными задачами ОПКБ, помимо создания марионеточного государства, было в приоритетном порядке обеспечение дезорганизации советского тыла, выселение или уничтожение всех русских, евреев и немедленное возвращение выселенных кавказцев. Впоследствии партия Исраилова была переименована в НСПКБ — Национал-социалистическую партию кавказских братьев. Одновременно был создан Комитет Чечено-Горской национал-социалистической партии (ЧГНСП).

Партия организовала крупное вооруженное выступление осенью 1941 года в Шатойском районе Чечни. Поводом для выступлений были мобилизационные мероприятия. С трудом подавленное восстание возродилось вновь в июне 1942 года. Активные участники восстания М. Басаев и Г. Джангиреев были арестованы правоохранительными органами.

В феврале 1942 года вновь в Шатое и Итум-Кале было поднято восстание против Советов, во главе которого встал бывший юрист Майрбек Шерипов. Вскоре два очага восстания слились в один, и тогда же был создан объединенный военный штаб повстанцев и реорганизовано повстанческое правительство.

Связь с немцами была установлена после того, как посланцы Исраилова нелегально перешли линию фронта и вручили представителю разведки письмо своего руководителя. С немецкой стороны Исраилова курировала военная разведка в лице Османа Губе (Саиднурова). Этот человек, аварец по национальности, родился в Буйнакском районе Дагестана, служил в Дагестанском полку Кавказской туземной дивизии. В 1919 году присоединился к армии генерала Деникина, в 1921 году эмигрировал из Грузии в Трапезунд, а затем в Стамбул. До 1937 года проживал в Турции под фамилией Губе, в 1938 году был выдворен в Германию, где его приметили абверовцы. В случае успеха немецкого наступления на Кавказе Губе-Саиднурову отводилась роль начальника политической милиции.

Связь с Берлином осуществлялась также через группу десантников, сброшенных люфтваффе над территорией Веденского и Галанчожского районов Чечни. Возглавляли эту группу сам Осман Губе и лейтенант Реккерт. Личный состав десантных групп был интернационален — русские, чеченцы, ингуши, осетины, калмыки.

Полковник Осман Губе был пойман в ночь с 12 января 1943 года в районе села Акки-Юрт. Впоследствии Губе признался, что был поражен тем, как живут чеченцы и ингуши: «Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чеченцы и ингуши при Советской власти жили зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4 месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши, повторяю, ни в чем не нуждаются, что бросалось в глаза мне, вспоминавшему тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обреталась в Турции и Германии горская эмиграция».

На первоначальном этапе действия советских правоохранительных органов против чеченских повстанцев не имели успеха — ведь Исраилов фактически оплел весь Северный Кавказ своей агентурой. Его агент Албогачиев был наркомом внутренних дел Чечено-Ингушской АССР и имел родственников среди членов бандформирований в Назрани. Нарком напрямую сотрудничал с Исраиловым, что подтверждает письмо следующего содержания (с сохранением фонетики и орфографии):

> *Дорогой Терлоев! Привет тебе!*
>
> *Я очень огорчен, что твои горцы раньше положенного времени начали восстание. Я боюсь, что если ты не послушаешь меня, и мы, работники республики будем разоблачены… Смотри, ради аллаха, держи присягу, не назови нас никому.*
>
> *Ты же разоблачился сам. Ты действуй, находясь в глубоком подполье. Не дай себя арестовать. Знай, что тебя будут расстреливать. Связь держи со мной только через моих доверенных пособников.*
>
> *Ты пиши мне письмо враждебного уклона, угрожая мне возможным, а я тоже начну преследовать тебя. Сожгу твой дом, арестую кое-кого из твоих родственников и буду выступать везде и всюду против тебя. Этим мы с тобой должны доказать, что будто мы непримиримые враги и преследуем друг друга.*
>
> *Ты не знаешь тех орджоникидзевских агентов*

гестапо, через которых я тебе говорил, нужно послать все сведения о нашей антисоветской работе. Пиши сведения об итогах настоящего восстания и пришли их мне, я их сразу сумею отослать по адресу в Германию. Ты порви мою записку на глазах моего посланника. Время опасное, я боюсь.

Писал: Орел 10. XI.1941 года

Начальник отдела по борьбе с бандитизмом ЧИ АССР подполковник ГБ А. А. Алиев и другие работники вели переговоры с Исраиловым и представителями немецкой армии об оказании содействия немецким войскам. Так, в начале преступной деятельности Алиева заместитель начальника ОББ НКВД СССР Руденко сообщает по инстанции что: «Аппарат ОББ НКВД ЧИ АССР периферией не руководит. Со стороны Алиева руководство отделом отсутствует. По большинству бандгрупп с лета 1942 года никаких конкретных мероприятий не проводилось. По бандам принимаются кое-какие меры лишь после того, как она совершит ограбление или убийство. Среди агентуры значительный процент двойников, однако никто очисткой агентурно-осведомительной сети не занимается».

От преступного бездействия Алиев перешел вскоре к прямой помощи своим «кавказским братьям» — 17 августа 1942 года банда Маирбека Шерипова фактически разгромила райцентр Шароевского района, а за сутки перед налетом по приказу Алиева из райцентра были выведены опергруппа и войсковое подразделение НКВД, которые предназначались для охраны райцентра. Возглавив опергруппу ОББ по захвату Исраилова-Терлоева, Алиев сознательно упустил главаря повстанцев, преследования не организовал, и операция по поимке была провалена.

Сами боевые действия тех лет не отличались от сводок из Чечни, которые мы и сейчас слышим с экранов телевизоров:

«…6 июня 1942 года около 17 часов в Шатойском р-не группа вооруженных бандитов по дороге в горы залпом обстреляла грузовую автомашину с ехавшими красноармейцами. Из числа ехавших на автомашине 14 человек убито трое, ранено 2. Бандиты скрылись в горах. Принятыми мерами 11 июня эта банда была обнаружена на хуторе Верды Шатойского р-на. В завязавшейся перестрелке убито 3 бандита, ранено 3. Из числа красноармейцев бандитами убито 5 человек и 6 ранено….

… Вооруженный налет под руководством Магомадова Идриса на оперативный отряд НКВД в Хельдихарое, в результате которого убито 2, ранен 1 и несколько бойцов обезоружено…

… Нападение на оперативный отряд в Хельдихарое под руководством Алхастова Иби, сопровождавшееся убийством 22 человек…

… Нападение банды Алхастова Иби на оперативную группу у хутора Докахчу, сопровождавшееся убийством 14 красноармейцев…».

«Повстанцами» грабились магазины и сберкассы, вырезались русские и еврейские семьи, шла охота на небольшие подразделения и одиночных военнослужащих.

Все эти выступления в тылу Красной армии были подавлены ценой больших людских и материальных потерь. Для зачисток применялись войска охраны тыла, бронетанковые части и авиация. Совершенствовались методы борьбы с бандитами. С учетом опыта боевых действий в горной местности, пересеченной местности были созданы маневренные группы из числа военнослужащих войск охраны тыла, внутренних дел и местного актива. Такие группы насчитывали по 10–20 человек, хорошо вооруженных автоматическим оружием, имевших опыт боевых действий в горах. Именно эти горно-егерские подразделения армии и НКВД вели успешную борьбу с бандитами и их пособниками из местного населения.

Помимо проведения чекистско-войсковых операций шла кропотливая работа по ликвидации главарей повстанцев. Понимая, что немецкое наступление на фронте захлебнулось, местное население уже с неохотой оказывало помощь Исраилову и его приспешникам. Сам Исраилов с помощью двойной агентуры вышел на связь с начальником ОББ НКВД СССР Дроздовым. 1 декабря 1944 года Дроздову было передано письмо Исраилова следующего содержания (с сохранением орфографии):

> *«Здравствуйте. Желаю Вам дорогой Дроздов, я написал телеграммы в Москву. Прошу передать их по адресам и через Яндарова прислать мне расписки почтой с копией вашей телеграммы. Дорогой Дроздов, я прошу Вас сделать все возможное и для того, чтобы добиться из Москвы прощения за все мои грехи, ибо не так велики, как рисуются. Прошу прислать мне через Яндарова копировальной бумаги 10–20 листов и писчую тонкую бумагу 100–200 листов, тетрадей 10–20 штук, доклад Сталина от 7 ноября 1944 года, военно-политические журналы и брошюры не менее 10 штук, химических карандашей 10 штук.*
>
> *Дорогой Дроздов, прошу сообщить мне о судьбе Хусейна и Османа, где они, осуждены ли они или нет.*

Дорогой Дроздов, я нуждаюсь в лекарстве против туберкулезной бациллы, пришли наилучшее лекарство.

С приветом.

Писал Хасан Исраилов (Терлоев)»

Как видно из письма, Исраилов делает реверанс в сторону Москвы (по некоторым данным, Исраилов написал письмо к Сталину, каясь в грехах и предлагая свою кандидатуру на пост главы ЧИ АССР), беспокоясь, однако, о друзьях-подельниках, а вернее, о сведениях, которыми они располагали о нем самом.

Впоследствии Исраилов был ранен при перестрелке в селе Ошной, где дом с бандитами был окружен агентурной группой НКВД братьев Умаевых, Байсагуровых, Индербаева. Братья-агенты боялись застрелить при осаде кого-либо из своих родственников-бандитов, вследствие чего другой группе Хучбарова (находившейся в этом районе также по заданию НКВД) удалось унести Исраилова.

Работниками органов госбезопасности были завербованы многочисленные соратники Исраилова, которые до последнего выгодного лично для себя момента сохраняли Исраилова в безопасности и выдали его, как только изменилась обстановка. Впоследствии все они были уничтожены или арестованы. Зачастую близкие родственники, состоявшие членами одного тейпа, находились по разные стороны баррикад.

29 декабря 1944 года начальник отделения ГУББ НКВД СССР капитан госбезопасности Малышев уведомил Москву о том, что «…задание т. Берии выполнено. Исраилов Хасан убит, труп опознан и сфотографирован. Агентура переключена на ликвидацию остатков бандглаварей».

Бандповстанческие выступления были окончательно подавлены лишь после успешного проведения операции «Чечевица» — переселения части бандпособников из горной Чечни. Остатки «повстанческих отрядов» постепенно превратились в мелкие банды, промышлявшие грабежом и убийствами из-за угла.

Стараниями агентуры абвера, «Предприятия «Цеппелин», Истребительного соединения войск СС и других секретных служб рейха были созданы материальная и кадровая базы для организации антисоветского повстанческого движения в советском тылу, особенно в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии. Стараниями диверсионных служб в труднопроходимых местностях были заложены специальные базы с оружием, боеприпасами, продовольствием и различной амуницией. Оседавшие при отступлении немецкой армии отряды

УПА, лесных братьев, белорусской антисоветской партизанки, остаточные группы военнослужащих РОА и вермахта стремились постоянно поддерживать радиосвязь с немецким командованием. При необходимости эти силы концентрировались для проведения диверсионных акций в определенном районе и после их совершения «распылялись». Насыщенность данных формирований опытными немецкими инструкторскими кадрами подтверждают оперативные документы органов Госбезопасности СССР. Наличие разветвленной разведывательно-диверсионной сети позволило немецкому командованию быть в курсе быстро менявшейся оперативной обстановки и проводить диверсии на коммуникациях. В ряде случаев планировалось проведение террористических актов в отношении высшего военно-политического руководства СССР. Так, руководством ОУН — УПА и аналогичных белорусских формирований был разработан план покушения на И. В. Сталина. У немецкой агентуры также имелись возможности для ведения бактериологической войны.

После капитуляции Германии часть немецкой агентуры укрылась в союзнических оккупационных зонах. Впоследствии ее опыт и агентурные связи были востребованы западными спецслужбами, что позволило «переключить» действовавшую в советском тылу диверсионную сеть на выполнение заданий, продиктованных наступлением времен, именуемых «холодной войной».

notes

Примечания

1

Для сопоставления приводится таблица примерного соответствия между эсэсовскими чинами и общеармейскими чинами гитлеровского вермахта: эсэсманн — рядовой; штурмманн — ефрейтор; ротенфюрер — обер-ефрейтор; унтершарфюрер — унтер-офицер; шарфюрер — унтер-фельдфебель; обершарфюрер — фельдфебель; гауптшарфюрер — оберфельдфебель; унтерштурмфюрер — лейтенант; оберштурмфюрер — обер-лейтенант; гауптштурмфюрер — капитан; штурмбаннфюрер — майор; оберштурмбаннфюрер — подполковник; штандартенфюрер (оберфюрер) — полковник; бригадефюрер — генерал-майор; группенфюрер — генерал-лейтенант; обергруппенфюрер — генерал пехоты и других родов войск; рейхсфюрер СС и начальник германской полиции — Гиммлер. — Прим. пер.

2

Darmstadter Echo, 28/VII 1948.

3

Neue Zeit, Berlin, 28/VII 1948.

4

Walter Schellenberg. Memoiren. Koln, 1959, S. 214.

5

Полк. — Прим. пер.

6

Hermann Rauschning. Gesprache mil Hitler. London, 1939, S. 17–18.

7

Речь идет о докторе Франце Хюбере, муже Паулы Геринг.

8

Нацистские штурмовые отряды (аббревиатура от нем. Sturmabteilungen). — Прим. пер.

9

Сокращенный текст стенограммы телефонных переговоров заимствован из документа 2949P, представленного на процессе главных нацистских преступников в Нюрнберге.

10

Otto Skorzeny. Geheimkommando Skorzeny. Hamburg, 1950, S. 13.

11

Под таким наименованием гитлеровцы осуществили в Германии и Австрии 9 ноября 1938 года крупнейшую погромную антисемитскую акцию. — Прим. пер.

12

Otto Skorzeny. Geheimkommando Skorzeny, S. 70–72.

13

Там же, S. 71.

14

Так, по нацистской терминологии, именовались немцы, проживавшие на территории иностранных государств. — Прим. пер.

15

За свои преступления против человечности Баумкёттер в 1947 году был осужден на процессе по делу эсэсовцев из концлагеря Заксенхаузен к пожизненному заключению. В 1956 году он был передан боннским властям и сразу же выпущен ими на свободу.

16

«Смерть» (лат.), см. «Protokoll des Sachsenhausen-Prozesses», Bd. II, S. 101.

17

«Руки вверх!» (итал.)

18

«Волчье логово» («Die Wolfsschanze») — условное наименование ставки Гитлера, находившейся в районе города Растенбург в Восточной Пруссии. — Прим. пер.

Грузовые планеры этого типа, предназначенные для использования в диверсионных целях и заброски агентов, были специально сконструированы и испытаны на экспериментальной базе планеризма в Айнринге. Этим исследовательским институтом руководил профессор, доктор инженерных наук Вальтер Георгии.

Флаг Германской империи. — Прим. пер.

21

Walter Schellenberg. Memoiren, S. 239.

22

Otto Skorzeny. Geheimkommando Skorzeny, S. 86–87.

23

Генерал Рейнхард Гелен впоследствии возглавил разведку ФРГ — Федеральную разведывательную службу (БНД — BND от нем. Bundesnachrichtendienst), именуемую также «организация Гелена». — Прим. пер.

24

Waller Schellenberg. Memoiren, S. 246–247.

Гитлеровский военно-воздушный флот. — Прим. пер.

26

Руководитель фашистской ячейки на предприятии или в жилом доме. — Прим. пер.

27

После войны Вернер фон Браун вместе со своим конструкторским штабом, насчитывавшим 100 человек, работал в США, в г. Хантсвилл, штат Алабама. — См.: Юлиус Мадер. Тайна Хантсвилла. М., 1964.

28

Otto Skorzeny. Geheimkommando Skorzeny, S. 171.

Позднее служил в военном министерстве ФРГ начальником XII отдела, занимающегося авиационной техникой.

30

Ныне Самара.

31

Walter Schellenberg. Memoiren, S. 245. — Прим. авт.

32

Консистория — центральный руководящий орган евангелической церкви. — Прим. пер.

33

Der 20 Juli 1944. In: Beitrage zur Geschichte der deutschen Widerstandsbewegung, Schriften des Sudkuriers. Nr 1, Konstanz, S. 6 (год издания не указан; предположительно 1946-й).

Der 20. Juli 1944. In: Beitrage zur Geschichte der deutschen Widerstandsbewegung, Schriften des Sudkuriers, Nr 1, Konstanz, S. 7.

35

Eugen Gerstenmaier. Hilfe fur Deutschland. Frankfurt (Main), 1946, S. 22.

36

В 1948 году Везенмайер за военные преступления, преступления против человечности и членство в преступных организациях был приговорен в Нюрнберге к 20 годам одиночного заключения, но спустя три года выпущен американскими оккупационными властями из каторжной тюрьмы Ландсберг, в 1963 году был преуспевающим представителем концернов в г. Дармштадте (ФРГ).

37

Адольф Гитлер (настоящая фамилия Шикльгрубер) родился в австрийском городе Браунау и в молодости был неудавшимся художником. — Прим. пер.

38

Geheime Reichssache, Nr. Dr. V. 25/43. Dokument NG-560.

39

Резиденция регента и местонахождение главных правительственных учреждений хортистской Венгрии. — Прим. пер.

40

Эсэсовские офицеры в чине до штандартенфюрера (полковника) носили знаки различия на левой петлице. — Прим. пер.

41

«Нилашисты» — члены фашистской партии «Скрещенные стрелы» («Нилош Керестеш» — венг.), возглавлявшейся Ференцем Салаши, который в результате государственного переворота 15 октября 1944 года пришел к власти в Венгрии, провозгласив себя «вождем нации». — Прим. пер.

42

CIC — «Counter Intelligence Corps» — контрразведка США. — Прим. пер.

43

Оберштурмфюрер СС Гельмут Хайнеке (род. 7 марта 1913 года в Магдебурге) исполнял обязанности гестаповского комиссара в Кобленце, Висбадене и в оккупированной Франции, а затем был назначен начальником полиции безопасности в город Злин. 23 августа 1945 года он под присягой дал следующее показание: «18 апреля 1945 года мы получили приказ принять участие в карательной экспедиции против партизан в соседнем районе Плоштина. В Визовице мы присоединились к части СС под командованием Скорцени».

44

Wilhelm HoШ (он же Walter Hagen). Hitler's Papep Weapon. London, 1955, S. 9-10.

45

Доктор Серватиус владел адвокатской конторой в Кёльне, Гогенцоллернштрассе, 12. Весьма примечательно, что именно сей господин Серватиус в 1960 году по просьбе нацистских кругов взял на себя защиту на суде в Израиле убийцы миллионов евреев оберштурмбаннфюрера СС Адольфа Эйхмана.

46

Насмешливое прозвище фашистских главарей, данное им немецким народом. — Прим. пер.

47

Protokoll des Nurnberger rozesses gegen die Hauptkriegsverbrecher, Band XXI, S. 510.

48

Заукель являлся гаулейтером Тюрингии, и резиденцией его был город Веймар, вблизи которого на горе Эттерсберг находился концентрационный лагерь Бухенвальд. — Прим. пер.

49

Документ SD-66, представленный доктором Гавликом 20 марта 1946 года. «Protokoll des Nurnberger rozesses gegen die Hauptkriegsverbrecher», Band VIII, S. 362.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, т.

VII. М., 1961, с. 416, 420–421.

51

По преданию древних германцев, местонахождение погибших в бою воинов. — Прим. пер.

52

Генерал-майор Донован с 1942 года был начальником американской разведки — «Управления стратегических служб» (сокр. — УСС), руководитель которой Аллен Даллес уже с 1943 года, находясь в Швейцарии, поддерживал тесный контакт с Главным управлением имперской безопасности. Донован вплоть до 1949 года руководил агентурной сетью из Чепел-Хилла в Бэррвилле (США).

53

Otto Skorzeny. Geheimkommando Skorzeny, S. 405.

Quick, Munchen, vom 2. April 1950, S. 452.

55

Не следует путать с Пьером Лавалем — французским премьер-министром правительства Виши, который был казнен как государственный изменник и коллаборационист.

L'Humanite, 15/2 1950.

Franc Tireur, 15/2 1950.

Его издательство «Ганза» было ликвидировано в 1960 году, т. е. именно в том году, когда был разоблачен и арестован убийца миллионов евреев Адольф Эйхман.

59

Аббревиатура от нем.: «Organisation der SS-Angehorigen» (ODESSA). — Прим. пер.

См. Wesermunder Nachrichten, Dorum, vom 19. Oktober 1950.

61

Walter Schellenberg. Memoiren, S. 112, 249, 265, 269.

62

Леон Дегрелль был руководителем бельгийских фашистов. Участник военных действий на Восточном фронте, один из организаторов дивизии СС «Валлония». В 1944 году заочно приговорен к смертной казни за тяжкие преступления и государственную измену.

С 1952 по 1956 год являлся послом ФРГ в Мадриде.

Die Neue Zeitung, Westberlin, vom 5. Oktober 1952.

Stenografischer Bericht, 1. Wahlperiode. Bonn, 1949, S. 547–548.

Der Tagesspiegel, Westberlin, vom 29. Juli 1951.

67

Cyril Jolly. Ich suche meinen Morder. Berlin, 1961. 140.

HIAG — сокращенное название фашистской западногерманской организации «Союз бывших солдат войск СС». — Прим. пер.

Daily Herald, London, 16.11.1953.

Wilhelm Hoettl. Unternehmen Bernhard. Starnberg, 1955.

Neuer Kurier, Wiener Ausgabe, vom 16. Juni 1961.

Nurnberger Nachrichten, vom 21. November 1959.

73

Walter Schellenberg. Memoiren. S. 223.

Walter Schellenberg. Memoiren, S. 224, 156.

Die Tat, Zurich, vom 4. Juli 1960.

См. «Ministerialblatt des Bundesministers fur Verteidigung», Bonn, vom 1. September 1956.

77

Сокращенное наименование гитлеровской партии. — Прим. пер.

См. Der Spiegel, Hamburg, vom 6. Februar 1957, S. 22.

Согласно этому закону все бывшие нацистские чиновники и профессиональные военные подлежат восстановлению в своем прежнем правовом положении. Если же это по каким-либо причинам невозможно сделать, им должны выплачиваться высокие пенсии. — Прим. пер.

Die Welt, vom 31. Mai 1960.

Эта фашистская партия поддерживает тесные связи с боннским ХДС/ХСС. Член ее руководства Гемайель летом 1961 года пригласил нацистского банкира Шахта в Ливан в качестве финансового советника.

82

Хёттль Вильгельм. Секретный фронт. М.: Центрполиграф, 2003, с.387.

83

%14

84

Айнзатцгруппы — оперативные подразделения СД, предназначенные для захвата и уничтожения важных советских учреждений и карательных акций. На оккупированной территории СССР вели массовое уничтожение населения.

85

В некоторых оперативных документах также именуется Зандберг.

86

%12

comments

Комментарии

1

прозвище И. Сталина в окружении Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля; встречается также в переписке между президентом США и премьер-министром Великобритании. — В. Ч.

2

кодовое обозначение высадки войск западных союзников в Северной Франции — В. Ч.

3

принята 01.12.1943 года

принятое наименование линии, рекомендованной в 1919 году Восточным советом Антанты в качестве границы: проходит через Гродно — Брест — Устилуг — восточнее Грубешово, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат; названа по имени тогдашнего министра иностранных дел Великобритании. — В. Ч.

это был двухэтажный коттедж, служивший квартирой для советского посла. — В. Ч.), предоставив отцу главное здание… Большим удобством для отца было также и то, что его комнаты выходили прямо в зал главного посольского здания, где должны были проходить пленарные заседания». (Такая забота была высоко оценена президентом, которому из-за паралича ног было затруднительно передвигаться, и, конечно, по-человечески растрогала его. — В. Ч.

ведомство военной разведки и контрразведки

горная область в Италии, где в заключении содержался Муссолини. — В. Ч.

немецкие самолеты тогда не были в состоянии совершать беспосадочный полет из Германии до иранской территории. — В. Ч.

до 1935 года он назывался Персией. — В. Ч.

сейчас ее называют внешней — В. Ч.

важный пункт на северо-западе Ирана, вблизи границы с Советским Союзом. — В. Ч.

12

освобождение Муссолини